

2024. Vol. 17. Is. 5

ISSN 2619-0990 (Print)
ISSN 2619-1008 (Online)

oriental Studies (Elista)

КАЛМЫЦКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР РОССИЙСКОЙ АКАДЕМИИ НАУК

ᠬᠠᠯᠮᠤᠴᠢ ᠨᠠᠸᠢᠨ ᠤᠨᠴᠢᠨ ᠵᠢᠨ ᠰᠢᠨᠳᠤ ᠸᠠᠨ ᠤᠨᠵᠢᠨ ᠬᠠᠯᠮᠤᠴᠢ ᠨᠠᠸᠢᠨ ᠤᠨᠴᠢᠨ ᠵᠢᠨ ᠰᠢᠨᠳᠤ ᠸᠠᠨ ᠤᠨᠵᠢᠨ

ISSN 2619-0990 (print version)
ISSN 2619-1008 (online version)

Oriental Studies

2024. Т. 17. № 5

ᠮᠣᠨᠤ ᠵᠢᠨᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋ ᠨᠢᠯᠡ ᠮᠣᠨᠮᠣᠩᠯᠠᠭ᠎᠋

Журнал «Oriental Studies» — рецензируемый научный журнал открытого доступа, публикующий результаты комплексных исследований по проблемам востоковедения в области исторических и филологических наук, посвященных истории и культуре восточных народов, которые определяют их уникальный социокультурный облик.

Миссия журнала «Oriental Studies» — содействие развитию отечественного и зарубежного востоковедения; публикация оригинальных и переводных статей, обзоров по востоковедению и рецензий книг, сборников, материалов конференций, а также повышение уровня научных исследований и развитие международного научного сотрудничества в рамках актуальных проблем востоковедения.

Цель журнала заключается в формировании высокого уровня востоковедных научных исследований, опирающихся на современные научные подходы и максимально широкий круг доступных источников и полевых материалов, осмысление событий, явлений и процессов прошлого и современности.

Значительное внимание уделяется разработке различных дискуссионных аспектов истории и культуры тюрко-монгольских народов, их месту в России и в мире, а также сравнительно-историческому анализу взаимодействия и взаимовлияния кочевых культурных сообществ. Редакционная коллегия приветствует междисциплинарные исследования и академическую полемику на страницах журнала, рассматривая его как площадку для презентации различных точек зрения, мировоззренческих концепций, методологических подходов к решению проблем ориенталистики.

В «Oriental Studies» публикуются научные работы по востоковедной тематике: истории, археологии, этнологии и антропологии, источниковедению, языкознанию, фольклористике, литературоведению, а также обзорные статьи ведущих специалистов по основным направлениям журнала. Также печатаются материалы лингвистических, фольклорных, археологических, этнографических экспедиций; вводятся в научный оборот архивные и иные документы; сообщается информация о новых изданиях, научных конгрессах, конференциях, семинарах.

Журнал публикует статьи на русском, монгольском, калмыцком и английском языках.

Разделы журнала:

история (всеобщая история, отечественная история, источниковедение, этнология и антропология, археология);
языкознание; литературоведение и фольклористика

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

Журнал зарегистрирован 02 августа 2019 г. в Федеральной службе по надзору в сфере связи, информационных технологий и массовых коммуникаций (Роскомнадзор)

Регистрационный номер ПИ № ФС77-76487

Выходит 6 раз в год

Учредитель: Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук» (адрес: д. 8, ул. им. И. К. Илишкина,
358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия)

Редакция, издатель, типография:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»

Адрес редакции, издателя и типографии:

д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Республика Калмыкия, Россия

Тел.: +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

The *Oriental Studies* is an open access peer-reviewed scientific journal that publishes results of comprehensive research works dealing with Oriental studies in the fields of historical and philological sciences, including ones investigating history and culture of Eastern peoples and defining their unique sociocultural appearances.

The **mission** of the *Oriental Studies* journal is to facilitate development of domestic and foreign Oriental studies; to publish original and translated articles, reviews on Oriental studies and reviews of books, collections, conference proceedings, as well as to increase the level of scientific research and develop the international scientific cooperation on current problems of Oriental studies.

The **goal** of the journal is to establish a high level of Oriental scientific research that would involve the use of modern scientific approaches and a maximum wide range of available sources and field materials, interpretation of events, phenomena and processes of the past and the present.

Considerable attention is paid to the elaboration of various debatable aspects of history and culture of the Turko-Mongols, their place in Russia and in the world, special focus to be laid on comparative historical analysis of interactions and mutual influences of nomadic communities. The Editorial Board welcomes cross-disciplinary studies and academic polemics on pages of the journal, considering the latter as a platform for the presentation of various viewpoints, worldview concepts, and methodological approaches to the solution of topical issues of Oriental studies.

The *Oriental Studies* publishes scholarly papers that deal with a range of East-related topics, such as history, archaeology, ethnology and anthropology, source studies, linguistics, folklore studies, literary studies, including review articles by leading experts on the primary focus areas of the journal. It also contains materials of linguistic, folklore, archaeological and ethnographic expeditions, sociological surveys and polls; introduces archival documents into scientific discourse; provides information about new publications, scientific congresses, conferences and seminars.

The journal publishes articles in the Russian, Mongolian, Kalmyk and English languages.

Journal Sections:

History (World History, National History, Source Studies, Ethnology and Anthropology, Archaeology);
Linguistics; Literary and Folklore Studies

ISSN 2619-1008 (online version)

ISSN 2619-0990 (print version)

The Journal was registered by the Federal Service for Supervision in the Sphere of Telecom, Information Technologies and Mass Communications (Roskomnadzor) on August 02, 2019.

Registration record III No. ФС77-76487

Published six times a year

Founding Institution: Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
(8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation)

Editorial Board, Publisher — Federal State Budgetary Institution of Science
Kalmyk Scientific Center of the Russian Academy of Sciences
Editorial Board, Founding Institution and Publisher's address:
8, Ilshkin Street, 358000 Elista, Republic of Kalmykia, Russian Federation
Phone No. +7(84722) 3-55-06, +7(84722) 3-55-15
E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com; web-site: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Главный редактор

канд. филол. наук *В. В. Куканова*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Заместитель главного редактора

д-р ист. наук *Э. П. Бакаева*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста)

Редакционная коллегия:

- чл.-кор. РАН *Х. А. Амирханов*, Институт истории, археологии и этнографии ДНЦ РАН (Россия, г. Махачкала);
д-р ист. наук *М. М. Балзер*, Джорджтаунский университет (США, г. Вашингтон);
проф. филологии *А. Баря-Старжинска*, Варшавский университет (Польша, г. Варшава);
канд. филол. наук *А. Т. Баянова* (Россия, г. Элиста);
акад. Академии наук Монголии *Л. Болд*, Институт языка и литературы Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор); д-р ист. наук *Н. Ф. Бугай*, Институт российской истории РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Вэй Цзянь*, Пекинский народный университет (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Л. С. Дампилова*, Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (Россия, г. Улан-Удэ); проф. антропологии *Ц. Дариева*, Центр восточноевропейских и международных исследований (ZOiS) (Германия, г. Берлин); чл.-кор. РАН *А. В. Дыбо*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. Л. Жуковская*, Институт этнологии и антропологии РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *В. Л. Кляус*, Институт мировой литературы РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *М. Е. Колесникова*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р, проф. *Ю. Конагая*, генеральный инспектор Японского Общества содействия науке (Япония, г. Токио);
д-р ист. наук *И. В. Крючков*, Северо-Кавказский федеральный университет (Россия, г. Ставрополь);
д-р филол. наук *И. В. Кульганек*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р филол. наук *О. А. Мудрак*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р филол. наук *Ю. В. Норманская*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
канд. ист. наук *В. В. Овсянников*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р ист. наук *У. Б. Очиров*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста);
д-р ист. наук *И. Ф. Попова*, Институт восточных рукописей РАН (Россия, г. Санкт-Петербург);
д-р геогр. наук *А. В. Псянчин*, Институт истории, языка и литературы УФИЦ РАН (Россия, г. Уфа);
д-р филол. наук *Г. Ц. Пюрбеев*, Институт языкознания РАН (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *А. Г. Ситдилов*, Институт археологии Академии наук Республики Татарстан (Россия, г. Казань);
д-р филол. наук *Е. К. Скрибник*, Мюнхенский университет (Германия, г. Мюнхен);
д-р ист. наук *На. Сухбаатар*, Монгольский государственный университет образования (Монголия, г. Улан-Батор);
проф. *Т. Уяма*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
д-р филол. наук *А. Д. Цендина*, Институт классического Востока и античности НИУ «Высшая школа экономики» (Россия, г. Москва);
д-р ист. наук *Н. В. Цыремпилов*, Назарбаев Университет (Республика Казахстан, г. Нур-Султан);
акад. Академии общественных наук КНР *Чао Геджин*,
Институт национальных литератур Академии общественных наук КНР (КНР, г. Пекин);
д-р филол. наук *Чао Гету*, Университет национальностей КНР (КНР, г. Пекин);
акад. Академии наук Монголии *С. Чулуун*, Институт истории и археологии Академии наук Монголии (Монголия, г. Улан-Батор);
д-р ист. наук *Д. Шорковиц*, Институт социальной антропологии им. Макса Планка (Германия, г. Берлин);
д-р филол. наук *А. Юкиясу*, Центр славянских исследований Университета Хоккайдо (Япония, г. Саппоро);
канд. филол. наук *Г. М. Ярмаркина*, Калмыцкий научный центр РАН (Россия, г. Элиста).

Редактор: *Р. Г. Саряева*

Переводчик: *С. В. Джагрунов*

Дизайн: *Д. В. Татнинов*

Компьютерная верстка: *А. Н. Когданов*

Ответственный секретарь: *И. Б. Манджиева*

Editor-in-Chief

Cand. Sc. (Philol.) *V. Kukanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Deputy Editor-in-Chief

Dr. Sc. (Hist.) *E. Bakaeva*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia).

Editorial Board

- Corr. Member of the RAS *Kh. Amirkhanov*, Institute of History, Archeology and Ethnography, Dagestan Scientific Center of the RAS (Makhachkala, Russia);
Ph. D. (Hist.) *M. Balzer*, Georgetown University (Washington, USA);
Ph. D. Habil. *A. Bareja-Starzynska*, University of Warsaw (Poland, Warsaw);
Cand. Sc. (Philol.) *A. Bayanova*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *L. Bold*, Institute of Language and Literature (Ulaanbaatar, Mongolia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Bugay*, Institute of Russian History of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *Wei Jian*, Renmin University of China (Beijing, China);
Dr. (Anthrop.) *Ts. Darieva*, Centre for East European and International Studies (ZOiS) (Berlin, Germany);
Corr. Member of the RAS *A. Dybo*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Zhukovskaya*, Institute of Ethnology and Anthropology of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *V. Klyaus*, Institute of World Literature of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *M. Kolesnikova*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Prof. *Yu. Konagaya*, Inspector General of Japan Society for the Promotion of Science;
Dr. Sc. (Hist.) *I. Kryuchkov*, North-Caucasus Federal University (Stavropol, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *I. Kulganek*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *O. A. Mudrak*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *Yu. V. Normanskaya*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Cand. Sc. (Hist.) *V. Ovsyannikov*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *U. Ochirov*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *I. Popova*, Institute of Oriental Manuscripts of the RAS (St. Petersburg, Russia);
Dr. Sc. (Geogr.) *A. Psyanchin*, Institute of History, Language and Literature of Ufa Federal Research Center of the RAS (Ufa, Russia); Dr. Sc. (Philol.) *G. Ts. Pyurbeev*, Institute of Linguistics of the RAS (Moscow, Russia);
Dr. Sc. (Hist.) *A. Sitdikov*, Institute of Archeology, Tatarstan Academy of Sciences (Kazan, Russia);
Dr. Sc. (Philol.) *E. Skribnik*, Ludwig Maximilian University of Munich (Munich, Germany);
Dr. Sc. (Hist.) *Na. Sukhbaatar*, Mongolian State University of Education (Ulaanbaatar, Mongolia);
Prof. *T. Uyama*, Slavic-Eurasian Research Center (Japan, Sapporo);
Dr. Sc. (Hist.) *N. Tsyrempilov*, Nazarbayev University (Nur-Sultan, Kazakhstan);
Acad. of the Chinese Academy of Social Sciences *Chao Gejin*, Institute of Ethnic Literature (Beijing, China);
Dr. Sc. (Philol.) *Chao Getu*, Minzu University of China (Beijing, China);
Acad. of the Mongolian Academy of Sciences *S. Chuluun*, Institute of History and Archeology (Ulaanbaatar, Mongolia); Ph. D. Habil. (History) *D. Schorkowitz*, Max Planck Institute for Social Anthropology (Berlin, Germany);
Dr. Sc. (Philol.) *A. D. Tsendina*, National Research University Higher School of Economics (Russia, Moscow);
Cand. Sc. (Philol.) *G. Yarmarkina*, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russia);
Ph. D. (Philol.) *A. Yukiyasu*, Slavic Research Center of Hokkaido University (Japan, Sapporo).

Editor: *R. Saryeva*

Translator: *S. Dzhagrunov*

Design: *Dz. Tatinov*

Page layout: *A. Kogdanov*

Executive Secretary: *I. Mandzhieva*

СОДЕРЖАНИЕ

Всеобщая история	<i>Орлова К. В.</i> Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол	934
Отечественная история	<i>Шиханов Н. А.</i> Реализация политики коллективизации в Приволжском улусе Калмыцкой автономной области в начале 1930-х гг.	943
	<i>Еришов С. Г.</i> Военнослужащие Военно-воздушных сил из Калмыцкой АССР, павшие в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.	954
	<i>Ахмадулин В. А.</i> Центральное духовное управление мусульман РСФСР: от съезда 1923 г. к форуму 1948 г.	974
	<i>Очир-Горяева В. Н.</i> Мобилизация населения Калмыцкой АССР по данным «Алфавитной книги призванных в Красную армию военным комиссариатом Улан-Хольского района».	990
Этнология и антропология	<i>Коломиец О. П.</i> Этноэкономика морского зверобойного промысла: деятельность территориально-соседских общин Чукотского района Чукотского автономного округа	1005
	<i>Железняков А. С., Никифоров С. В.</i> Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации.	1021
	<i>Кадыг-оол Х. К., Монгуш Д. Ш.</i> Роль буддизма в повседневной жизни прихожан Кызыла: предварительное исследование	1037
	<i>Гоголев А. И., Стручкова Н. А., Яковлева К. М., Михайлова С. М., Михайлова С. А.</i> Дуализм в шаманской практике якутов	1053
	<i>Миягашева С. Б.</i> Обряд <i>сэтэр татаха</i> и культ почитания духов воды у монгольских народов.	1066
	<i>Джагрунов С. В., Булуктаев А. А.</i> Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгарты, бузавы.	1076
Источниковедение и историография	<i>Бичеев Б. А.</i> Иерархическая и символическая структура объектов Прибежища.	1096
	<i>Базаров А. А.</i> Чонеское издание Кангьюра: социально-археографический анализ.	1106
	<i>Бедрик А. В., Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Перетяченко А. Ю.</i> «Кавказско-татарский язык» как <i>lingua franca</i> российского переводчика: лингвистические исследования и преподавательская деятельность Т. Н. Макарова.	1115
	<i>Сулейманов А. А., Федорова А. Р., Федоров С. И., Апросимов Д. А.</i> Проблема деградации «вечной мерзлоты» и развитие геокриологической науки в Якутии в XX в.	1127
Языкознание	<i>Ярмаркина Г. М.</i> «С посылыщиком моим словесной приказ есть». Из опыта сравнительного изучения текстов писем хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их синхронических русских переводов XVII–XVIII вв.	1141
Фольклористика	<i>Айыжы Е. В., Донгак А. С., Монгуш А. М.</i> Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев	1151

CONTENTS

General History	<i>Orlova K. V.</i> Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident	934
National History	<i>Shikhanov N. A.</i> Privolzhsky District of Kalmyk Autonomous Oblast, Early 1930s: Implementing Collectivization Policies	943
	<i>Ershov S. G.</i> Air Force Servicemen from Soviet Kalmykia Killed in Battles of the Great Patriotic War (1941–1945)	954
	<i>Akhmadullin V. A.</i> Central Muslim Spiritual Directorate of the RSFSR: From the 1923 Congress to the 1948 Forum	974
	<i>Ochir-Goryaeva V. N.</i> The Alphabetical Book of Red Army Conscripts by Military Commissariat of Ulan-Kholsky District: Analyzing Mobilization Arrangements in the Kalmyk ASSR	990
Ethnology & Anthropology	<i>Kolomiets O. P.</i> Ethnic Economy of Sea Mammal Hunting in Chukotsky District (Chukotka Autonomous Okrug, Russia): Activities of Territorial Neighboring Groups	1005
	<i>Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V.</i> A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations	1021
	<i>Kadyg-ool Kh. K., Mongush D. Sh.</i> The Role of Buddhism in Everyday Life of Congregants of Kyzyl: Preliminary Research	1037
	<i>Gogolev A. I., Struchkova N. A., Yakovleva K. M., Mikhailova S. M., Mikhailova S. A.</i> Dualism in Yakut Shamanic Practices	1053
	<i>Miyagasheva S. B.</i> The Rite of <i>Seter Tatakh</i> and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples	1066
	<i>Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A.</i> Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav	1076
Sources Studies & Historiography	<i>Bicheev B. A.</i> Objects of Refuge: Hierarchical and Symbolic Structure	1096
	<i>Bazarov A. A.</i> The Choné Kangyur: A Socio-Archaeographic Analysis	1106
	<i>Bedrik A. V., Kovtunen I. V., Kudryashov I. A., Peretyatko A. Y.</i> 'Caucasian Tatar' as Lingua Franca for a Russian Translator: Linguistic Studies and Teaching Activities of Timofey N. Makarov	1115
	<i>Suleymanov A. A., Fedorova A. R., Fedorov S. I., Aprosimov D. A.</i> The Problem of Permafrost Degradation and Development of Geocryological Science in Yakutia in the Twentieth Century	1127
Linguistics	<i>Yarmarkina G. M.</i> 'The Messenger to Articulate an Oral Order of Mine': A Comparative Study of Khan Ayuka's Oirat-Language (Clear Script) Correspondence Texts and Their Synchronic Russian Translations	1141
Folklore Studies	<i>Aiyzhy E. V., Dongak A. S., Mongush A. M.</i> The Aldan-Maadyr Rebellion of 1883–1885 in Tuvan Folklore	1151

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 934–942, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол

Кеemia Владимировна Орлова¹

- ¹ Институт востоковедения РАН (д. 12, ул. Рождественка, 107031 Москва, Российская Федерация)
 доктор исторических наук, кандидат филологических наук, главный научный сотрудник
 0000-0003-4951-0063.. E-mail: [orlovnk\[at\]mail.ru](mailto:orlovnk[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Орлова К. В., 2024

Аннотация. *Введение.* В 2024 г. исполняется 85 лет со дня сражения на р. Халхин-Гол. Стремительная война на Халхин-Голе (май-сентябрь 1939 г.) окончилась подписанием 15 сентября 1939 г. Соглашения о перемирии, результатом которого стало прекращение боевых действий уже на следующий день, 16 сентября. Воюющие стороны договорились о прекращении боевых действий, урегулировании территориальных претензий, обмене пленными и погибшими. Сражение на р. Халхин-Голе стало важной вехой в истории страны и народа и ознаменовало новый этап советско-монгольского сотрудничества. Многочисленные проникновения японцев на территорию МНР под разными прикрытиями и предложения совершенно очевидно свидетельствовали о приготовлениях к войне. 11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, поддержала страну. Историческое значение битвы на р. Халхин-Гол до сих пор находится в фокусе внимания ученых из разных стран, в том числе и принимавших непосредственное участие. Данная статья посвящена конфликтам, происходившим на границе МНР и Маньчжоу-Го, т. е. событиям, которые предшествовали нападению японо-маньчжурских войск на территорию Монголии. *Материалы.* Статья основана на опубликованных архивных материалах, сборниках документов, научной литературе. *Результаты и выводы.* Напряженные взаимоотношения между МНР и Японией накануне событий на р. Халхин-Гол в полной мере обнажили всю сложность международной обстановки. Существенное влияние на внешнюю политику МНР оказывала Япония, которая в 1931 г. начала агрессию в Северо-Восточном Китае, а в 1932 г. с созданием государства Маньчжоу-Го оказалась у монгольской границы. Япония в лице Маньчжоу-Го стала представлять реальную угрозу независимости и суверенитету МНР, претендуя на территорию в районе р. Халхин-Гол. С 1934 г. массовые нарушения государственной границы МНР, продолжавшиеся вплоть до начала полномасштабного нападения. Точной линии разграничения спорной территории между МНР и Маньчжоу-Го не было, что и вынудило обе стороны начать переговоры. Однако переговоры 1935 г. и 1937 г. оказались безрезультатными. Победа на р. Халхин-Гол подтвердила политические, экономические и военные узы в двусторонних отношениях СССР и МНР.

Ключевые слова: Монголия, СССР, Халхин-Гол, Япония, 1930-е гг., Маньчжоу-Го, экспедиции, КВЖД, монгольские заставы, «джентльменское» соглашение, Протокол о взаимной помощи между СССР и МНР (1936)

Для цитирования: Орлова К. В. Монгольская Народная Республика и Япония накануне событий на р. Халхин-Гол // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 934–942. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident

Keemya V. Orlova¹

¹ Institute of Oriental Studies of the RAS (12, Rozhdestvenka St., 107031 Moscow, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Cand. Sc. (Philology), Chief Research Associate

 0000-0003-4951-0063. E-mail: orlovnk[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Orlova K. V., 2024

Abstract. Introduction. The year 2024 celebrates the 85th anniversary of the Battles of Khalkhin Gol. The slashing war (May–September 1939) ended with a truce agreement signed on 15 September 1939 and immediately followed by ceasefire. The warring sides agreed on the latter, settlements of territorial claims, POW and KIA exchanges. The events proved another significant milestone in the national history and shaped a new stage in Soviet–Mongolian cooperation. The multiple penetrations of Japanese units deep into Mongolia's territory under various pretexts did attest to those were preparing for war. On 11 September 1939, Japanese troops invaded the Mongolian People's Republic in the Khalkhin Gol area. As a faithful ally the Soviet Union granted its military support to the nation. The historical significance of the incident still attracts attention of scholars from various countries, including from the direct participant ones. **Goals.** The article examines some border conflicts between the MPR and Manchukuo, i.e. the events that had preceded the invasion of Mongolia by Japanese–Manchu troops. **Materials.** The paper examines published archival materials, collected documents, and scholarly writings. **Results and conclusions.** The tense relations between the MPR and Japan on the eve of the hostilities were somewhat a manifestation of the complicated political agenda then witnessed worldwide. Japan did have certain influence on Mongolia's foreign policy, since it had launched aggression across Northeast China in 1931 only to create the state of Manchukuo in 1932 and, thus, find itself bordering the former. So, Japan in the form of Manchukuo started posing an evident threat to the independence and sovereignty of the MPR: it would articulate claims to the Khalkhin Gol area. Since 1934, Mongolia was facing border violations that led to a full-scale military attack. There was no clear borderline between the MPR and Manchukuo across the disputed area, which made both the sides begin negotiations. However, the rounds of 1935 and 1937 ended with null results. The Soviet–Mongolian victory would further strengthen mutual political, economic, and military ties.

Keywords: Mongolia, USSR, Khalkhin Gol, Japan, 1930s, Manchukuo, expeditions, Chinese Eastern Railway, Mongolian border outposts, gentlemen's agreement, USSR–MPR Protocol on Mutual Assistance (1936)

For citation: Orlova K. V. Mongolian People's Republic and Japan in Advance of the Khalkhin Gol Incident. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 934–942. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-934-942

1. Введение

В 2024 г. исполняется 85 лет со дня сражения на р. Халхин-Гол. Стремительная война на Халхин-Голе (май–сентябрь 1939 г.) окончилась подписанием 15 сентября 1939 г. Соглашения о перемирии, результатом которого стало прекращение боевых действий уже на следующий день, 16 сентября. Воюющие стороны договорились о прекращении боевых действий, урегулировании террито-

риальных претензий, обмене пленными и погибшими. Сражение на р. Халхин-Голе стало важной вехой в истории страны и народа и ознаменовало новый этап советско-монгольского сотрудничества. Многочисленные проникновения японцев на территорию МНР под разными прикрытиями и предложениями совершенно очевидно свидетельствовали о приготовлениях к войне. 11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию

МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, поддержал Монголию. Историческое значение битвы на р. Халхин-Гол до сих пор находится в фокусе внимания ученых из разных стран, в том числе и принимавших непосредственное участие в ней. Данная статья посвящена конфликтам, происходившим на границе МНР и Маньчжоу-Го, т. е. событиям, которые предшествовали нападению японо-маньчжурских войск на территорию Монголии. В статье использованы опубликованные сборники документов: «Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.)», «Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946)», «Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.)», научная литература по данной тематике.

2. МНР и Япония в 1920–1930-е гг.

2.1. Экспедиции японцев в Монголию

В сентябре 1925 г., по сообщению Иностранного отдела Объединенного государственного политического управления¹, японское правительство обозначило одной из первоочередных своих задач — «борьбу с коммунистическим правительством в Монголии» и уже занималось «формированием тех военных кадров, на которые должна опереться ... эти военные кадры будут сформированы из монгол (так в документе. — К. О.), бурят, русских и китайцев» [Монголия в документах 2019: 97].

В том же, 1925 г., по распоряжению японского правительства в МНР была отправлена военная комиссия «для обследования русского влияния» [Монголия в документах 2019: 96].

«Русское влияние» беспокоило не только Японию, но и другие страны [Монголия в документах 2019: 97]. Этот факт подтверждается заграничным донесением «Отношения между Внешней Монголией и Советской Россией» от 30 декабря 1925 г., из которого следует: «Внешняя Монголия совершенно подчинена советскому влиянию», и, более

того, «среди некоторых членов Ургинского² правительства ... втайне обеспокоены расширением советского влияния во Внешней Монголии ... и хотели бы изгнать советское влияние» [Монголия в документах 2019: 109]. В сообщении датского посланника в Пекине Г. Кауфмана также указывается: «... представитель Сов. России, его сотрудники и многочисленные русские советники распространяют свое влияние почти на все учреждения монгольского пр[авительст]ва, фактически являются правителями страны. Формально Монголия является автономной страной ...» [Монголия в документах 2019: 101].

В июле 1925 г. в местность Далай-Булак прибыла экспедиция в составе 13 японцев и 15 китайских рабочих, все они были задержаны на пограничном посту и «препровождены в местность Егузер»³, где был расквартирован 19-й Отдельный кавалерийский пограничный эскадрон [Монголия в документах 2019: 97]. В сентябре того же года для выяснения их намерений и цели прибыла комиссия Государственной внутренней охраны⁴ (ГВО) Монголии. В результате выяснилось, что экспедиция прибыла в страну под эгидой общества Южно-Маньчжурской железной дороги (ЮМЖД) во главе с японским подданным, в состав группы входили «командированные ... Главным штабом Военного министерства Японии и штабом дивизии», остальные 10 человек являются «как будто агентами Южно-Маньчжурского общества железной дороги» [Монголия в документах 2019: 97–98]. Целью группы, как показали члены экспедиции на допросах, стали следующие задания (24 пункта): «обследовать местность Монголии и слить имеющиеся у экспедиции географические карты с действительностью; выяснить торгово-промышленное состояние; ... ознакомиться с деятельностью монгольской администрации; собрать сведения о положении милиции, таможенных учреждений,

² В 1924 г. столица Монголии Урга была переименована в г. Улан-Батор.

³ Местность Егузер (иногда встречается написание Югодзырь) — ныне в юго-западной части Сухэбаторского аймака Монголии.

⁴ Государственная внутренняя охрана — спецслужба Монголии, основана в июле 1922 г.

¹ Иностранный отдел ВЧК-ГПУ-ОГПУ-НКВД. ОГПУ — Объединенное государственное политическое управление при Совете народных комиссаров СССР.

министерства финансов; ... выяснить, через какие местности проходит железная дорога, состояние дороги и складов на ней; ... состояние гостиниц, быт крестьянства, хлебопашество и состояние паромства, ... обследовать все богатства Монголии; ... выяснить экономический быт монгольского народа; обследовать состояние транспорта для передвижения грузов; ... как построены фабрики, какая связь фабрик с районами, обладающими природными богатствами, что производят фабрики; ... в каком положении государственные склады, в каком положении торговля и промышленность государства; законы правительства, существующие в стране; обследовать состояние городов в Монголии; ... какое имеется иностранное влияние в Монголии и ее международные отношения; ... в каком положении находятся ваны и гуны (князья) и их влияние на монгольское население» [Монголия в документах 2019: 98–99]. Судя по перечисленным пунктам, группе ставились вполне реальные разведывательные задачи.

10 сентября 1928 г. Государственный департамент США разослал своим зарубежным дипломатическим представительствам секретную депешу о планах Японии создать на территории Маньчжурии и Внутренней Монголии «Независимую Маньчжурскую Республику». Такое государство было создано в 1932 г. — Маньчжоу-Го. Однако замыслы японских властей простирались еще дальше — включить в «новое буферное государство» и Внешнюю Монголию [Монголия в документах 2019: 155–156], что выясняется из донесения военного атташе в СССР (1927–1929) Мититаро Комацубара: «Японии важно как с точки зрения ее будущей политики, так и в стратегическом отношении сделать Внешнюю Монголию независимой ... с тем, чтобы она вошла в состав Маньчжоу-Го» [Монголия в документах 2019: 360]. Также из донесения следует, что Япония в действительности не признала Монголию как «самостоятельное государственное образование»¹ [Монголия в

¹ В октябре 1928 г. японское посольство в Москве предложило своему правительству «признать Внешнюю Монголию» и послать в Ургу «своего представителя ... для того, чтобы не просить СССР о визе» [Монголия в документах 2019:

документах 2019: 96]. Согласно «Соглашению об общих принципах по урегулированию отношений между СССР и Китайской Республикой» от 31 мая 1924 г.², Япония считала ее частью Китайской Республики и использовала прежнее наименование — Внешняя Монголия, хотя в ноябре 1924 г. она была провозглашена народной республикой. Вместе с тем Япония заявляла о «строгом нейтралитете» в ее отношении и не препятствовании «официальной поддержке со стороны СССР» [Монголия в документах 2019: 96].

«Якобы мирные» заявления японской стороны — это было своего рода «попыткой привлечь на свою сторону „Внешнюю Монголию“ посредством признания ее независимости» (цит. по: [Яскина 2002: 203]). Спецотдел ОГПУ со ссылкой на телеграмму японского посла в Москве в МИД Токио в 1928 г. сообщает: «было бы вполне возможно приступить к переговорам с Монголией относительно посылки туда нашего представителя, имея в виду признание монгольского правительства... Япония этим самым имеет в виду воспрепятствовать установлению исключительному влиянию на Монголию со стороны СССР [Монголия в документах 2019: 150–151].

2.2. Советско-японские отношения

Ухудшение ситуации между МНР и Японией осложнялось и в связи с напряженными советско-японскими отношениями. Непростая обстановка складывалась вокруг Китайско-Восточной железной дороги³ [169, 352]. Дипломатические отношения между МНР и Японией установлены в 1972 г.

² В статье 5 данного Соглашения сказано: «Правительство Союза ССР признает, что Внешняя Монголия является составной частью Китайской Республики и уважает там суверенитет Китая» [Соглашение 1925].

³ Согласно Айгунскому договору (1896), подписанному между Российской империей и цинским Китаем, КВЖД была построена (1897–1903 гг.) Россией на свои средства. Для России строительство и эксплуатация железной дороги означали наиболее краткий путь из центральной части страны на Дальний Восток. Для Китая оно имело большое экономическое значение, северо-восток Китая превращался в крупнейший промышленный центр страны. По договору через 36 лет, т. е. в 1939 г., Китаю предоставлялось

(КВЖД): в 1929 г. КВЖД полностью перешла под контроль Маньчжурии, большинство советских предприятий было закрыто, работавшие на КВЖД советские сотрудники уволены, около 200 арестованы, т. е. маньчжурские власти и японцы проявляли чрезвычайную «агрессивность в отношении КВЖД» [*Русско-китайские отношения 2010: 167, 795*].

Советский Союз мгновенно отреагировал и тоже весьма жестко: из Китая были отозваны дипломатические и консульские работники, а в ноябре 1929 г. Особая дальневосточная армия под руководством В. К. Блюхера «перешла границу в районе станции Маньчжурия, разбила военную группировку (200 000 человек). Результатом явилось подписание в Хабаровске советско-китайского протокола (Мукденский) обеими сторонами: восстанавливался status-quo КВЖД, освобождались арестованные советские граждане и возобновлялась работа консульств с обеих сторон [*Русско-китайские отношения 2010: 795*].

В 1932 г. продолжились «нападения на железную дорогу, аресты советских служащих», в апреле 1933 г. в одностороннем порядке руководство Маньчжоу-Го и вовсе закрыло «сообщение между КВЖД и советскими железнодорожными магистралями в пунктах Маньчжурия и Пограничная» [*История Востока 2006: 611*].

В мае 1933 г. правительство СССР предложило маньчжурской стороне выкупить КВЖД [*Русско-китайские отношения 2010: 169, 410, 676*], 23 марта 1935 г. было подписано «Соглашение между СССР и Маньчжоу-Го об уступке Маньчжоу-Го прав СССР в отношении КВЖД» [*Документы 1973: 204–213*].

Единственной страной, на помощь которой Монголия рассчитывала, стал СССР. 27 ноября 1934 г. СССР и МНР заключили

«джентльменское»¹ соглашение, предусматривавшее «взаимную поддержку» при условии «угрозы военного нападения» [*Русско-монгольское военное 2019, I: 346*]. Устная договоренность об оказании помощи и поддержки МНР была поддержана на заседании Политбюро ЦК ВКП(б) 26 ноября 1935 г. Советский Союз таким образом гарантировал безопасность и суверенитет Монголии.

Однако и в 1935–1936 гг. Япония не прекращала продолжавшиеся поползновения проникнуть на территорию МНР. Как следует из архивных материалов сборника «Монголия в документах из архивов ФСБ России», сообщений о недружелюбной деятельности японской стороны в отношении Монголии немало [*Монголия в документах 2019: 150–151, 215, 217, 360–362, 365–368, 371–373, 375–377; и др.*].

По информационному сообщению иностранного отдела Главного управления госбезопасности (ИНО ГУГБ) НКВД СССР, в 1935 г. Япония предоставила финансовые средства для организации «русских военных поселений» (из эмигрантов, 120 человек) на границе с МНР во главе с Василием Казаковым² [*Монголия в документах 2019: 369*]. Каждому поселенцу «по прибытии на место было обещано выдать оружие, лошадей и амуницию», всех обмундировать «в единую форму... где на правом рукаве гимнастерки должен быть пришит герб Маньчжоу-Го» [*Монголия в документах 2019: 369*]. В том же 1935 г. на заставе Сумбэр были задержаны японец и русский рабочий с «топографическими аппаратами» для обследования и картографирования прилегающих к р. Халхин-Гол территорий, обоих задержанных вскоре освободили, однако маньчжурская погранохрана отказалась их принять «без предварительной санкции своего правительства» [*Монголия в документах 2019: 372, 373*].

Но Япония, не ограничиваясь внедриться в страну под разными предлогами, стала

¹ Джентльменское соглашение — устное соглашение без составления документов.

² Василий Казаков (1888–1945) — участник Первой мировой войны, полный Георгиевский кавалер, после октябрьской революции примкнул к атаману Г. М. Семенову.

право выкупить железнодорожную магистраль с возмещением вложенных Россией средств, через 80 лет после окончания строительства КВЖД полностью переходила в собственность Китая. После вторжения Японии в Северо-Восточный Китай (1931) ее дальнейшими шагами стало вытеснение России из региона и, в частности, с КВЖД.

устраивать различного рода провокации. По сообщению полпреда СССР В. Х. Таирова Б. С. Стомонякову и начальнику Разведывательного управления РККА (1935–1937) С. П. Урицкому, 19 декабря 1935 г. с юго-западной стороны оз. Буир-нор появились японо-маньчжурские войска («примерно 10 или 15 грузовиков с воинами») и «открыли огонь по находившимся на заставе Булундэрэсе (Булун-дэрсун) цирикам, ... убили и ранили наших пограничников, некоторых увели с собой, захватив награбленное... Застава в данный момент находится в руках противника» [Российско-монгольское, I 2019: 320, 338].

25 января 1936 г. председатель Малого Хурала А. Амар и премьер-министр П. Гэндэн обратились к правительству СССР и, в частности, указали на «агрессивные и разные провокационные действия» Японии [Российско-монгольское, I 2019: 336].

В том же обращении констатируется: «вплотную подходит момент, когда Япония приступит к войне», «хищнические устремления Японии ... превратят нашу Монголию в главный театр своей империалистической войны, направленной против северо-западных провинций Китая и в особенности против СССР, ... наша страна и наши аратские массы попадут в рабство и жестокое угнетение» [Российско-монгольское, I 2019 : 338].

На следующий день, 26 января 1936 г., в донесении заместителя начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР Н. К. Кручинкина на имя заместителя наркома по иностранным делам СССР Б. С. Стомонякова сообщалось о нападениях японцев на монгольские заставы [Российско-монгольское, I 2019 : 339]. В частности приводятся данные о 490 японских военных («конницы и пехоты на машинах»), готовивших «ряд новых налетов в различных направлениях на территорию МНР» [Российско-монгольское, I 2019: 339].

Результатом нападения на монгольскую заставу Мандавай у оз. Хага-Нор, произошедшее в середине января 1936 г., стали «три машины с ранеными и убитыми» со стороны Маньчжурии, остальные пять ма-

шин «остались в Келемуту», находившуюся в 70 км от станции Маньчжурия [Российско-монгольское, I 2019: 340].

Как следует из донесения начальника Главного управления пограничной и внутренней охраны (ГУПВО) НКВД СССР М. П. Фриновского Б. С. Стомонякову, «23 февраля 1936 г. в районе Ассыр-Сумэ¹, Халхын-Сумэ² «отмечалось усиленное движение машин», а уже 25 февраля, дозор монгольской заставы обнаружил «несколько пачек листовок, призывающих к борьбе с коммунизмом и переходу на сторону Маньчжоу-Го» [Российско-монгольское, I 2019: 345], в районе заставы Монголрыба был задержан лама, «перешедший границу по заданию японцев с разведывательными целями» [Российско-монгольское, I 2019: 345].

В апреле 1936 г. в районе Тамсык-Булак произошел «крупный бой мотобронечастей и боевой авиации с обеих сторон» [Российско-монгольское II, 2019: 13]. Нападения на монгольские заставы Буйр-Нор, Монголрыба, Булын-Дэрсу, Адык-Долон и др. стали происходить регулярно, тактика японо-маньчжоугоских войск сводилась к тому, что они вначале нападали на заставы, затем отводили свои войска, избегая прямых столкновений [Российско-монгольское, II 2019: 16].

В этой угрожающей ситуации важнейшим событием во взаимоотношениях СССР и МНР стало подписание 12 марта 1936 г. Протокола о взаимной помощи между СССР и МНР, стороны обязались «в случае нападения на одну из договаривающихся сторон оказать друг другу всяческую, в том числе и военную помощь» [Российско-монгольское, I 2019: 346].

Продолжавшиеся пограничные конфликты в конечном счете привели обе стороны к проведению Маньчжурской конференции.

¹ Монастырь, расположенный у оз. Буир-нур. В документах встречается также другое название монастыря: Асерсун сумэ, Ассир сумэ. Правильно: Асар сум.

² В середине 1930-х гг. в монастыре располагалась монгольская пограничная застава (40–50 человек), в 1935 г. была захвачена японским военным отрядом [Монголия в документах 2019: 482].

3. Монголо-маньчжурские конференции 1935 г. и 1937 г. по урегулированию пограничных конфликтов

Необходимость переговоров, инициатором которых стала маньчжурская сторона, назрела. Первая встреча состоялась 3 июля 1935 г. на станции Маньчжурия. Вся сложность состояла в том, что «полной и объективной картины о монголо-маньчжурской границе не было», «была лишь пограничная зона без опознавательных знаков» [Лузянин 2000: 171; История Монголии 2007: 140].

С июля по ноябрь 1935 г. проведено несколько раундов переговоров (21 заседание). На июльском заседании (9 июля) монгольская сторона отклонила очередное предложение об установлении дипломатических отношений с Маньчжоу-Го, хотя премьер-министр П. Гэндэн и правительство посчитали, что «установление дружественных отношений не является неприемлемым» [Монголия в документах 2019: 374, 375].

Монгольская сторона предложила создать «смешанную комиссию для демаркации границы на спорных территориях и урегулирования пограничных вопросов» с уточнением вопросов размещения уполномоченных с каждой стороны, их обязанностей и численности [Монголия в документах 2019: 380; Русско-китайские отношения 2010: 450–453].

Маньчжуры согласились с предложением монгольской стороны о создании комиссии, правда, посчитав «делом второстепенным» [Русско-китайские отношения 2010: 452], но предложили расширить их полномочия и обменяться официальными представителями [Монголия в документах 2019: 375–377]. Судя по документам, фактически был предъявлен ультиматум монголам — «правительство Маньчжоу-Го требует (курсив мой. — К. О.) согласия монгольского правительства на посылку в соответствующие пункты МНР для постоянного там проживания его уполномоченных, которые должны поддерживать постоянную связь с Маньчжоу-Го и пользоваться свободой передвижения... В случае отказа МНР удовлетворить эти требования Маньчжоу-Го потребует отвода всех монголь-

ских войск...» [Русско-китайские отношения 2010: 450]. Кроме того, было заявлено «о предоставлении Квантунской армии права послать в МНР своего представителя и построить на территории МНР телеграфную линию для связи» [Русско-китайские отношения 2010: 450].

Монгольское правительство отклонило императивные заявления властей Маньчжоу-Го, посчитав их «прямым оскорблением» и «покушением на суверенность и независимость МНР» [Русско-китайские отношения 2010: 451]. По обмену уполномоченными монголы согласились, но «с ограниченными правами», их резиденции определить рядом с пунктами Ганжур, Тамсак или Халхин-Сумэ [Монголия в документах 2019: 380].

Маньчжурская сторона заверила, что уполномоченные «не будут называться ни послами, ни консулами», и только после их назначения «фактически будут выполнять функции послов» [Русско-китайские отношения 2010: 452]. Однако в действительности это означало через уполномоченных установить дипломатические отношения. Вопрос об установлении дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-Го обсуждался на одном из заседаний ЦК МНРП (1935 г.), на котором обозначились два подхода: один был высказан А. Амаром (председатель Малого Государственного Хурала), П. Гэндэном (премьер-министр), Р. Мэндом (министр торговли и промышленности), Г. Дэмидом (военный министр) и сводился к тому, чтобы «не отвергать сделанного предложения и найти такую формулу, которая позволила бы монголам вернуться к обсуждению этого вопроса в подходящий момент. Взаимное признание может принести пользу Монголии при условии сохранения независимости МНР» [Монголия в документах 2019: 376]. Другая позиция, изложенная Б.-О. Элдэв-Очиром (секретарь ЦК МНРП) и Х. Чойбалсаном (первый заместитель премьер-министра), состояла в том, что они «не верят в то, что в случае вторжения японо-маньчжурских войск в пределы Монголии СССР станет серьезно защищать Монголию» [Монголия в доку-

ментах 2019: 376]. По результатам дискуссии было принято решение, которое удовлетворило обе стороны: «МНР за взаимное признание после разрешения конфликта на Халхин-Сумэ» [Монголия в документах 2019: 375–376]. Однако российская сторона не согласилась на установление дипломатических отношений между МНР и Маньчжоу-Го и сосредоточение исключительно на пограничных конфликтах.

11 июля 1935 г. состоялось очередное заседание комиссии (шестое), однако переговоры зашли «в тупик»: монгольская сторона исчерпала свои аргументы по вопросу о принадлежности спорной территории [Монголия в документах 2019: 377].

Все последующие переговоры до ноября 1935 г. фактически ничем и не закончились. МНР и Маньчжоу-Го, за которыми стояли СССР и Япония, не смогли прийти к компромиссу в разрешении приграничных конфликтов. Как считают авторы коллективной монографии «История Монголии. XX век», «позиция СССР и МНР была продиктована желанием оттянуть вооруженное столкновение, не допустить мирного проникновения Японии (в форме взаимного дипломатического признания МНР и Маньчжоу-Го) в Монголию. Тактика же японских и маньчжоугоских представителей строилась на выдвигании заведомо неприемлемых вариантов урегулирования с расчетом на дальнейшую эскалацию напряженности» [История Монголии 2007: 141–142; Лузянин 2000: 196]. По оценке д-ра ист. наук С. Г. Лузянина, «маньчжурская конференция, фактически навязанная монголам, тактически была выгодна Японии и невыгодна СССР» [Лузянин 2000: 175]. Япония получила бы «стратегический простор и формально-юридические основания для расширения своей экспансии в МНР» [Лузянин 2000: 175].

Монголо-маньчжурские переговоры возобновились в 1937 г., но и они закончились безрезультатно.

11 мая 1939 г. началась полномасштабная война, окончившаяся полным разгромом японских войск 15 сентября.

4. Заключение

Напряженные взаимоотношения между МНР и Японией накануне событий на р. Халхин-Гол в полной мере обнажил всю сложность международной обстановки на дальневосточном направлении. Существенное влияние на внешнюю политику МНР оказывала Япония, которая в 1931 г. начала агрессию в Северо-Восточном Китае, а в 1932 г. с созданием государства Маньчжоу-Го оказалась у монгольской границы. Япония в лице Маньчжоу-Го стала представлять реальную угрозу независимости и суверенитету МНР, предъявляя претензии на часть территории страны в районе р. Халхин-Гол. С 1934 г. массовые нарушения государственной границы МНР, продолжавшиеся вплоть до начала полномасштабного нападения, совершенно очевидно свидетельствовали о подготовке Японии к войне. Пограничные конфликты в конечном счете привели обе стороны к проведению Маньчжурской конференции. Точной линии разграничения спорной территории между МНР и Маньчжоу-Го не было, что и вынудило обе стороны искать пути разрешения сложившейся ситуации. Однако переговоры 1935 г. и 1937 г. оказались безрезультатными.

11 сентября 1939 г. японские войска вторглись на территорию МНР в районе р. Халхин-Гол. СССР, следуя союзническому долгу, направила войска в Монголию. Победа на р. Халхин-Гол подтвердила политические, экономические и военные связи в двусторонних отношениях.

Литература

Документы 1973 — Документы внешней политики СССР. Т. XVIII. 1 января — 31 декабря 1935 г. М.: Политиздат, 1973. 718 с.

References

Borisov Yu. V. et al. (eds.) Documents of Soviet Foreign Policy. Vol. 18: 1 January — 31 December 1935. Moscow: Politizdat, 1973. 718 p. (In Russ.)

- История Востока 2006 — История Востока. Т. V: Восток в новейшее время (1914–1945 гг.). М.: Вост. лит. РАН, 2006. 717 с.
- История Монголии 2007 — История Монголии. XX век / отв. ред. Г. С. Яскина. М.: ИВ РАН, 2007. 448 с.
- Лузянин 2000 — *Лузянин С. Г.* Россия – Монголия – Китай в первой половине XX века. Политические взаимоотношения в 1911–1946 гг. М.: ИДВ РАН, 2000. 266 с.
- Монголия в документах 2019 — Монголия в документах из архивов ФСБ России (1922–1936 гг.) / науч. ред. В. В. Наумкин; отв. ред.: К. В. Орлова, В. В. Грайворонский. М.: ИВ РАН, 2019. 528 с.
- Российско-монгольское сотрудничество, I 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946 гг.): сборник документов: в 2 ч. / отв. ред. В. П. Козлов; науч. ред. Б. В. Базаров. Ч. I. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Граница, 2019. 360 с.
- Российско-монгольское сотрудничество, II 2019 — Российско-монгольское военное сотрудничество (1911–1946 гг.): сборник документов: в 2 ч. / отв. сост. И. И. Кудрявцев, рук. проекта Б. В. Базаров. Ч. II. Изд. 2-е, доп. и испр. М.: Граница, 2019. 328 с.
- Русско-китайские отношения 2010 — Русско-китайские отношения в XX веке. Т. III (сентябрь 1931 – сентябрь 1937 гг.) / отв. ред. С. Л. Тихвинский. М.: Памятники исторической мысли, 2010. 861 с.
- Соглашение 1925 — Соглашение об общих принципах для урегулирования вопросов между СССР и Китайской Республикой, заключенное в Пекине 31 мая 1924 года // Сборник действующих договоров, соглашений и конвенций, заключенных с иностранными государствами. Вып. II: Действующие договоры, соглашения и конвенции, вступившие в силу между 1 января 1924 года и 1 января 1925 года. М.: Литиздат Н.К.И.Д., 1925. С. 17.
- Яскина 2002 — *Яскина Г. С.* Монголия и внешний мир. М.: ИВ РАН, 2002. 370 с.
- Landa R. G. (ed.) History of the East. Vol. 5: The East in the Contemporary World, 1914–1945. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2006. 717 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. (ed.) History of Twentieth-Century Mongolia. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2007. 448 p. (In Russ.)
- Luzyanin S. G. Russia – Mongolia – China, Early-to-Mid Twentieth Century: Political Relations, 1911–1946. Moscow: Institute of the Far East (RAS), 2000. 266 p. (In Russ.)
- Naumkin V. V., Orlova K. V., Graivoronsky V. V. (eds.) Federal Security Service Archives: Mongolia Documented, 1922–1936. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2019. 528 p. (In Russ.)
- Kozlov V. P., Bazarov B. V. (eds.) Russia-Mongolia Military Cooperation, 1911–1946. Collected documents. In 2 pts. Pt. 1. Second edition, suppl. & rev. Moscow: Granitsa, 2019. 360 p. (In Russ.)
- Kudryavtsev I. I. (comp.) Russia-Mongolia Military Cooperation, 1911–1946. Collected documents. In 2 pts. B. Bazarov (project executive). Pt. 2. Second edition, suppl. & rev. Moscow: Granitsa, 2019. 328 p. (In Russ.)
- Tikhvinsky S. L. (ed.) Russia and China: Twentieth-Century Relations. Vol. 2: September 1931 – September 1937. Moscow: Pamyatniki Istoricheskoy Mysli, 2010. 861 p. (In Russ.)
- USSR-ROC Dispute Settlement Agreement of 31 May 1924 (Beijing). In: Collected Current Treaties, Agreements, and Conventions with Nations. Vol. 2: Current Treaties, Agreements, and Conventions to Have Entered into Force from 1 January 1924 to 1 January 1925. Moscow: Litizdat N.K.I.D., 1925. 17 p. (In Russ.)
- Yaskina G. S. Mongolia and the World. Moscow: Institute of Oriental Studies (RAS), 2002. 370 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 943–953, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.9

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-943-953

Реализация политики коллективизации в Приволжском улусе Калмыцкой автономной области

Намсыр Александрович Шиханов¹

- ¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник, аспирант
 0000-0001-7273-7253. E-mail: [nshikhanov\[at\]gmail.com](mailto:nshikhanov[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Шиханов Н. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В данной статье рассмотрена политика массовой коллективизации сельского хозяйства в Калмыкии на примере одного из ее районов — Приволжского улуса. В этом районе развивались три отрасли сельского хозяйства: скотоводства, рыболовства и земледелия. *Цель* исследования — выявить и проанализировать особенности проведения коллективизации на территории Приволжского улуса в начале 1930-х гг. *Материалы и методы.* Исследование базируется на материалах делопроизводственной документации и переписки органов государственной власти и колхозов, экономических и статистических материалах, хранящихся в архивных фондах Р-3, Р-37 и Р-112 Национального архива Республики Калмыкия. Эти документы содержат данные о ходе коллективизации в Приволжском улусе в исследуемый период, а также отражают динамику экономических показателей и социальные процессы того времени. В работе применялись историко-генетический и историко-сравнительный методы исследования. *Результаты.* Советская власть в Приволжском улусе в 1-й половине 1930-х гг. активно проводила политику коллективизации и обоседления среди местного населения. Для ускорения коллективизации была проведена экспроприация имущества у зажиточных слоев населения. В Приволжском улусе лица, которые ранее относились к привилегированным группам, подверглись выселке в специальный кулацкий поселок в Приморском улусе и другие регионы. В улусе была создана колхозная сеть из 9 колхозов, в которых были основаны животноводческие фермы. Увеличился процент вступивших в колхозы (67,6 % в 1932 г.) и соответственно уменьшился процент единоличников (32,4 %). В целом политика коллективизации в Приволжском улусе привела к середине 1930-х гг. к увеличению производства сельскохозяйственной продукции по отдельным позициям.

Ключевые слова: Калмыцкая автономная область, Приволжский улус, калмыки, сельское хозяйство, земледелие, животноводство, коллективизация

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Шиханов Н. А. Реализация политики коллективизации в Приволжском улусе Калмыцкой автономной области // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 943–953. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-943-953

Privolzhsky District of Kalmyk Autonomous Oblast: Implementing Collectivization Policies

Namsyr A. Shikhanov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0000-0001-7273-7253. E-mail: nshikhanov[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Shikhanov N. V., 2024

Abstract. *Introduction.* The article examines some peculiarities of Kalmykia's mass agricultural collectivization through the example of Privolzhsky District characterized by the presence of three sectors — animal husbandry, fishing and crop farming. *Goals.* The study seeks to identify and analyze distinctive features of collectivization arrangements in Privolzhsky District. *Materials and methods.* The paper focuses on records management files and correspondence between government agencies and kolkhozes, economic and statistical accounts housed at Kalmykia's National Archive (coll. P-3, P-37 and P-112). The documents narrate about collectivization efforts undertaken in the district during the period in question, show the actual dynamics of economic indicators, and describe related social processes. The work employs the historical genetic and comparative methods. *Results.* In the early to mid-1930s, the Soviets would intensively pursue collectivization and sedentarization policies across Privolzhsky District. The collectivization acceleration measures included confiscation of property owned by the rich. Once privileged groups of Privolzhsky District would be relocated to a newly established kulak settlement in Primorsky District and other regions of the country. The local kolkhoz network grew to a total of 9 units that focused on animal husbandry. The share of kolkhoz-employed villagers increased (67,6 % in 1932) and, accordingly, that of self-employed ones decreased (32,4 %). At large, the collectivization efforts across the designated district did yield agricultural output growth for selected items by the mid-1930s.

Keywords: Kalmyk Autonomous Oblast, Privolzhsky District, Kalmyks, agriculture, arable farming, animal husbandry, collectivization

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Shikhanov N. A. Privolzhsky District of Kalmyk Autonomous Oblast: Implementing Collectivization Policies. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 943–953. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-943-953

1. Введение

Коллективизация сельского хозяйства в России является одним из ключевых процессов в истории форсированного построения социализма в СССР и модернизации его экономики [Земсков 2022: 14–16; Ивницкий 1994: 49–55; Данилов 1990: 14–24]. Большое значение этот процесс имел в Калмыцкой автономной области. Помимо того, что было осуществлено объединение мелких хозяйств и раскулачивание наибо-

лее богатых единоличников, характерные в целом для страны, в Калмыкии в результате коллективизации произошел слом традиционного уклада жизни и переход от кочевого образа жизни к оседлому. Этот процесс до сих пор вызывает много споров и дискуссий историков [Тихомиров 2024: 83–84; Ильиных 2023: 70–71; Кондрашин 2021: 199–208]. При этом следует заметить, что в отечественной историографии имеются работы по истории коллективизации

в Калмыкии [Бадмаева 2010; Максимов 2020; Оглаев 1970; Оглаев 1987], однако особенности этого процесса по конкретным улусам не рассматривались. Исходя из этого, мы решили исследовать процесс коллективизации сельского хозяйства и раскулачивания на примере одного из улусов Калмыцкой автономной области (далее КАО) — Приволжского. Приволжский улус КАО обладал уникальной структурой сельского хозяйства. Другие улусы были чисто скотоводческими или полеводческими, а Приволжский был и скотоводческий, и рыболовецкий, а полеводство играло здесь подсобную роль.

Целью данной статьи является изучение и анализ коллективизации на территории Приволжского улуса.

2. Материалы и методы

Основной источниковой базой данной статьи послужили архивные документы фондов Р-3 «Центральный Исполнительный Комитет Калмыцкой АССР», Р-37 «Приволжское улусное земельное управление» и Р-112 «Представительство Калмыцкой АССР при Президиуме Всероссийского Центрального Исполнительного Комитета РСФСР» Национального архива Республики Калмыкии, где хранятся копии писем, постановлений, протоколов обследований и перспективные планы развития сельского хозяйства. В этих документах хорошо прослеживается динамика развития изучаемого вопроса, прежде всего в области скотоводства и земледелия. При проведении анализа использовались данные из работ, посвященных развитию сельского хозяйства Калмыцкой автономной области данного периода [Бадмаев 1979; Бакаев 1968; Борисенко, Убушиева 2000; Калмыцкая область 1927; Максимов 2009; Максимов, Лиджиева 2017: 64–66; Манджиев, Ключкин 1979; Очиров 2006; Очиров 2009].

В ходе работы над статьей был применен широкий спектр общенаучных и специальных исторических методов. Необходимость описания состояния динамики сельского хозяйства обусловила использование историко-генетического ме-

тода. Для сопоставления статистических показателей аграрного сектора Приволжского улуса в данный хронологический период был применен историко-сравнительный метод.

3. Приволжский улус: общая характеристика

Первоначально Приволжский улус Калмыцкой автономной области был создан в 1921 г. за счет объединения нескольких улусов: Багацохуровского, Хошеутовского и Калмыцкого Базара. Постановлением ВЦИК от 14 февраля 1923 г. улус был ликвидирован, а старые улусы были восстановлены в административных границах. 30 марта 1930 г. Приволжский улус вновь был образован постановлением Президиума ВЦИК. В данный улус вошли сельские советы упраздненных Багацохуровского, Хошеутовского и Калм-Базаринского улусов:

1. Зюневский, Цаган-Аманский и Эрдниевский сельсоветы Багацохуровского улуса;
2. Актюбеевский, Бергинский, Джакуевский, Ницянский, Шамбайский сельсоветы Хошеутовского улуса;
3. Калмыцко-Базаринский поселковый совет.

Административным центром новообразованного улуса стал Калмыцкий Базар, который был в 1927 г. преобразован в рабочий поселок. Затем в 1934 г. был переименован в Кануковск. По мере развития экономического сектора улуса он приобрел большое хозяйственное значение в регионе [НА РК. Ф. Р-112. Оп. В1. Д. 383. Л. 34]. К 1934 г. здесь находились: крупный рыбозавод «Улан-Хальмг», кирпичный завод «Керамик», типография республиканского значения, бондарная мастерская, курорт «Тинаки» краевого значения [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 383 Л. 34]. Кроме того, в ведении Приволжского улусного исполкома значился ряд республиканских хозяйственных и культурных учреждений и организаций, расположенных как в Кануковске, так и в Астрахани: автопарк, отдел снабжения Калмгосрыбтреста; базы Калмрыбакколхозсоюза, Калмрыболовпортебсоюза, Калмпотребсоюза; автогараж Элистинского автогужтреста, калмыцкий педтехникум,

республиканская школа пропагандистов, коопшкола, рыбтехникум, Архивное управление и ряд других [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 383. Л. 34].

Однако остальная часть Приволжского улуса считалась слабозаселенной, почти половина его территории не была освоена населением и являлась излишками, которое были намечены к изъятию для организации совхозов. Население в 1930 г. было 16,4 тыс. чел., а в 1940 г. — 11 тыс. чел [Очерки 1970: 45]. Сам улус был довольно большим и занимал площадь 13 814 км². Большинство сельсоветов, расположенных в северной и северо-западной частях улуса, находились от улусного центра на расстоянии 150–200 км и были связаны с ним только проселочными степными дорогами, проходящими через полюсу приволжских песков.

В экономическом плане Приволжский улус состоит из 2 зон. Первая зона преимущественно занимала степную часть улуса и относилась к полустепным со значительной площадью солончаков, солонцеватых земель, летучих песков (барханы). Она отличалась недостатком влаги, жарким продолжительным летом, почти полным отсутствием весенних и летних осадков. Весь улус располагался на низменной части калмыцких степей. Земля характеризовалась светло-бурыми и солонцеватыми почвами, большим количеством барханных песков (до 15 %). Эти условия создали тип основного хозяйства Приволжского улуса — кочевого скотоводства. Даже зимой скот выпасался выгонным способом потому, что для стойлового периода не было создано кормовой базы.

Вторая зона очень незначительная — это четыре прогона к реке Волге: Актюбевский, Цаган-Аманский, Шамбайский и Джакуевский сельсоветы. Здесь разливы Волги давали зачастую хорошие и полные луга. Изобилие воды позволяло выращивать интенсивные культуры, фруктовые сады, бахчи, огороды и др. Кроме того, рыбные богатства Волги подталкивали местное население на добывающий рыбный промысел как выгодный в данном районе, сельское хозяйство здесь служило только необходимым подспорьем, даже такие высокотоварные рентабельные культуры, как садоводство,

огородничество и бахчеводство, привлекали очень незначительную группу населения [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 8. Л. 16].

В экономике Приволжского улуса главное место занимало сельское хозяйство, в котором ведущую роль играло животноводство (более 60 %). Данные о нем приведены в табл. 1.

Таблица 1. Общее поголовье скота Приволжского улуса в 1930–1936 гг. [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Л. 16]

[Table 1. Privolzhsky District, 1930–1936. Total livestock numbers]

	1930 г.	1931 г.	1936 г.
КРС	13 894	14 305	13 836
Овцы и козы	38 692	19 903	55 015
Лошади	3 561	4 405	4 195
Верблюды	2 105	2 297	994
Свины	—	—	3 921
Итого	58 252	40 910	77 761

Из табл. 1 видно, что в 1931 г. общее поголовье снизилось почти на треть (29,76 %). При этом отмечается рост поголовья у трех видов скота: поголовье КРС увеличилось на 2,87 %, коневодство — на 19,16 % и верблюдоводство — на 8,36 %. Однако овцеводство понесло огромные потери в количестве 18 789 голов (48,56 %). Такие изменения в цифрах были вызваны укомплектованием стад совхозов, растрачиванием и грабительским убоем скота кулацкими хозяйствами. Если взять 1936 г., то, кроме КРС и верблюдоводства, остальные сектора животноводства увеличили поголовья, а также появилась новая отрасль — свиноводство. Планировалось организовать верблюдоводческий совхоз, но этот проект не удалось реализовать.

Второе место в экономике улуса занимало рыбное хозяйство [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 383. Л. 34]. Полеводство играло подсобную роль [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 383. Л. 34]. В среднем на один поселок приходилось 2 га пригодных для земледелия угодий. Перспектив на развитие земледелия не было ввиду отсутствия пригодных земель, в результате чего обособляемые хозяйства становились, как правило, скотоводческими. Основными культурами для выращивания были рожь, пшеница, ячмень, кукуруза, горчица и бахчевые. Последняя культура была широко распространена в улусе. Кроме

того, в районе начали выращивать техническую культуру — хлопок. Огородные культуры были представлены такими видами, как капуста, картофель, помидоры, огурцы, свекла, бобовые, морковь, репа, лук. Для сенокоса начали специально выращивать такие травы, как могар, суданка и сорго. Обеспеченность лиманными сенокосами незначительна — около 49,7 га на один поселок [НА РК. Ф. Р-112. Оп. 1. Д. 273. Л. 45].

В табл. 2 представлены данные по посевным площадям улуса (633,3 га) по разным культурам в 1930 г. В табл. 3 приводятся планы и их реализация в хозяйствах колхозов и единоличников по разным культурам.

Таблица 2. Общая посевная площадь в Приволжском улусе 1930 г.

[НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Л. 17]

[Table 2. Privolzhsky District, 1930. Total arable land area]

Наименование культур	Кол-во га	В том числе	
		Колхозники	Единоличники
Пшеница	268	173	35
Просо	80,25	45	35,25
Хлопок	78,5	28,5	—
Горчица	27	27	—
Картофель	32	21	11
Бахчи	141	75	66
Огороды	7	7	—
Итого	633,3	246,5	147,25

Хлебоуборочная кампания 1931 г. проводилась на площади 76 936 га, на 16,73 % больше, чем в 1930 г. В Приволжском улусе убрали на площади 1 065 га [НА РК. Ф. Р-3.

Таблица 3. Посевная площадь в Приволжском улусе 1931 г.: планы и реализация

[НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 5. Л. 44]

[Table 3. Privolzhsky District, 1931. Arable land area. Plans and outcomes]

Наименование культур	Колхозы			Единоличники			Всего		
	План	Выполнено	%	План	Выполнено	%	План	Выполнено	%
Пшеница	60	146	243,3	60	51	85	60	197	328,9
Овес	—	13	—	—	—	—	—	13	—
Просо	270	477	176	160	130	81,2	437	607	138,6
Горчица	33	49	148,4	19	—	—	52	49	94,2
Картофель	85	47,5	47,6	60	12	20	145	60,5	41,1
Кукуруза	100	13	13	—	—	—	100	13	13
Бахчи	119	136	114,2	33	24	72,7	152	161	105,5
Хлопок	10	10	100	—	—	—	10	10	100
Огороды	18	22	122,2	—	—	—	40	—	—
Люцерна	40	—	—	—	—	—	40	—	—
Итого	785	906,5	128,5	272	217	79,4	1 007	1 135,5	112,7

Оп. 2. Д. 1660. Л. 131–132]. Отношение к семенному фонду в новых колхозах было плохим, что сказывалось на посевных кампаниях весной и осенью каждого года. Например, Нижне-Волжское краевое земельное управление сообщало Калмыцкому областному земельному управлению и заведующему районного земельного отдела о плохих условиях хранения и определения качества семенного материала [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 5. Л. 207]. В результате плохой охраны имелись случаи хищения семян, к определению качества посевного материала или не приступали совсем, или приступали очень поздно. Исходя из этого, колхозам и совхозам были направлены следующие требования:

1) проверить состояние охраны семенных фондов во всех совхозах и колхозах с закреплением на охране до сева лучших проверенных ударников-рабочих совхозов и колхозников;

2) на лиц, ответственных в совхозах и колхозах за семенные фонды, возложить персональную ответственность за правильность складирования семян по сортам и качеству семян;

3) проверить, везде ли проведена проверка качества семенного материала. В случае установления бездеятельности лиц, назначенных на эту работу, немедленно принять решительные меры по организации проверки качества семян и подготовки их посеву;

4) установить периодическую проверку условий хранения и охраны семенных фондов, деятельности лиц, ответственных в

совхозах и колхозах за образование семфондов [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 5. Л. 207].

4. Политика раскулачивания в Приволжском улусе

В Калмыкии раскулачивание началось еще до создания Приволжского улуса. 16 октября 1929 г. было принято соответствующее постановление облисполкома, согласно которому подлежали высылке с конфискацией скота и имущества лица, принадлежавшие ранее к различным привилегированным группам (бывшие нойоны, зайсанги, попечители), а также крупные скотоводы и овцеводы, «своим общественным и имущественным положением препятствующие проведению мероприятий Советской власти на территории области» [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1210. Л. 343]. Экспроприации подлежали все скотоводческие хозяйства, имевшие более 200 голов скота, и сельскохозяйско-скотоводческие хозяйства, имевшие более 100 голов (в пересчете на крупный)¹. Этим хозяйствам оставляли лишь необходимый минимум скота и сельскохозяйственного инвентаря, потребный для ведения трудового хозяйства, а также предметы домашнего обихода [Оглаев 1970: 104].

Лица, подвергшиеся экспроприации, теряли право на проживание и ведение хозяйственной деятельности на прежнем месте жительства. Они подлежали переселению в пределах улуса либо в другие улусы, а в особых случаях, по специальному решению облисполкома, могли быть выселены за пределы Калмыкии. Например, в соседнем Приморском улусе был специально создан «кулацкий» поселок для этих целей. Работа по конфискации скота и имущества бывших нойонов, зайсангов и скотопромышленников повсеместно сопровождалась организацией новых и укреплением существующих колхозов, которые пополнялись за счет конфискованного скота [Оглаев 1970: 106].

Особая комиссия разработала инструкцию по проведению в жизнь этого постановления, осуществление которого должно было начаться одновременно с опубликованием его в печати. Инструкция предусма-

¹ 1 голова КРС приравнивалась к 4 головам мелкого рогатого скота.

тривала передачу конфискованного скота колхозам и совхозам в виде процентной ссуды со сроком ее погашения в 10 лет, а батракам и беднякам-единоличникам — в виде безвозвратной ссуды [Очерки истории 1970: 166]. Батраки и бедняки скотоводческих хозяйств могли получить по 6 голов крупного рогатого скота на хозяйство, а земледельческих и рыболовецких — по 2 [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1210. Л. 347]. При передаче конфискованного скота нуждающимся инструкция предлагала сосредоточиться на создании крупных колхозов, соответствовавших местным условиям. Каждый колхоз должен был объединять не менее 25 хозяйств, а на каждого члена колхоза планировалось довести количество скота до 15 голов (в пересчете на крупный рогатый скот).

Конкретную работу по определению кулацких хозяйств, объемов их конфискации и районов высылки в Приволжском улусе проводила специально созданная «Политтройка» при Приволжском УК ВКП(б), которая действовала до 1933 г. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 161. Л. 46]. Основной мерой наказания были конфискация имущества в пользу государства и ссылка в специальный «кулацкий» поселок в Приморском улусе. В реальности раскулачиванию подвергались не только богачи с указанным в постановлении количеством скота, но и более бедные единоличники. Например, такие скотоводы, как И. Данилов, В. Лепехин, Н. Эрдниев, О. Корсаков, К. Сангаджиев, которые до революции имели крупное скотоводческое хозяйство (от 40 до 200 голов скота) и сенокосные участки, но к концу 1920-х гг. заметно обеднели и обладали поголовьем до 10–15 голов скота [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Л. 46]. Однако по сравнению с бедняками и батраками, у которых вообще не было скота, эти цифры казались внушительными. Кроме того, указанные лица, пользовавшиеся большим авторитетом как бывшие богачи, якобы выступали против колхозного строительства, проводили агитацию по выходу из колхоза среди бедняков и батраков, которые подрывали многие организационные мероприятия, проводимые советской властью [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 10с. Д. 161. Л. 46]. Именно деятельность таких людей и была объявлена одной из причин не-

удач проведения коллективизации в начале 1930-х гг.

5. Создание и развитие сети колхозов в Приволжском улусе

Колхозное строительство началось в конце 1920-х гг., но первые колхозы были весьма слабыми, некоторые из них распались. Например, животноводческая артель «Алга» просуществовала до 1931 г. [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 11. Л. 9].

К моменту образования Приволжского улуса уже вышла статья И. В. Сталина «Головокружение от успехов» [Сталин 1949: 191], после чего начался значительный отток крестьян из колхозов. Доклад М. Я. Жукова (уполномоченного облисполкома), обследовавшего колхозы Приморского и Приволжского улусов в июне 1930 г., показал, что организационно-хозяйственное состояние колхозов было очень слабым [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1424. Л. 133]. По Приволжскому улусу было обследовано 11 колхозов, в которых было 398 хозяйств (из них 223 батрацких, 114 бедняцких, 30 середняцких, 30 хозяйств принадлежали служащим) [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1424. Л. 134]. Многие колхозы были созданы только за счет конфискованного у кулаков скота, так как бедняки и батраки не имели ничего, чтобы внести в колхоз. Колхозам передано 3 968 голов всех видов, из них убыль составила 727 голов [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1424. Л. 134]. В этих колхозах имел место потребительский подход к конфискованному скоту: колхозники использовали скот в собственных целях, — а также не относились к скоту как к своему, допускали большой падеж. В результате поголовье конфискованного скота в колхозах уменьшилось на 15–20 % [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1424. Л. 134].

В колхозах, где скот был внесен членами колхоза, с ним обращались лучше. Например, в небольшом колхозе «Путь Ленина» Приволжского улуса было всего 15 бедняцких и 5 батрацких хозяйств, в которых имелось 298 голов скота, приплода было получено 180 голов. Погибло всего 4 головы, т. е. 1,4 % [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1424. Л. 133–138].

Успешными хозяйствами были старые колхозы «Шин-Мер»¹ (Джакуевская сельскохозяйственная артель) и «Хамцан»² (Юстинская сельскохозяйственная артель).

В колхозах, которые допустили значительную убыль конфискованного скота, было решено скот не экспроприировать и оставить его в сельскохозяйственной артели [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1427. Л. 139–142].

По данным на 15 сентября 1930 г., в Приволжском улусе было 4 743 хозяйства, из них 900 рыбацких. По контрольным цифрам по коллективизации Калмыцкой автономной области на 1931 г. в улусе было на 1 января 12 колхозов с 426 чел. (12 %), а на 1 октября — 12 колхозов с 640 чел. (18 %). При этом 7 колхозов (всего 420 чел.) были животноводческого направления, а остальные 5 (всего 220 чел.) были хлопководческими [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1407. Л. 196].

Тем не менее важной составляющей деятельности было и полеводство, которое развивалось при активной поддержке властей. В весенней посевной кампании 1932 г. планировалось засеять 1 454 га, в том числе зерновыми культурами — 940 га, бахчевыми — 255 га, огородными — 82 га, картофелем — 100 га, хлопком — 15 га, травами — 10 га, кукурузой — 20 га, свеклой столовой — 4 га и свеклой кормовой — 27 га. По секторам эти планы распределились: а) колхозный — 1 361 га (93,61 %), б) кооперативно-государственный — 63 га (4,34 %), в) единоличный сектор — 30 га (2,05 %).

Для этого требовалось тягловой силы — 539 лошадей и рабочей силы — 641 человек [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 5. Л. 262]. При этом расчет на потребность тягловой силы осуществлялся следующим образом. При работе двухлемешным плугом на легкой почве (план — 1,2 га за день) необходимо было 4 лошади, на тяжелой почве — 6 лошадей. При работе однолемешным плугом на легкой почве (план — 0,8 га за день) требовалось 2 лошади, на тяжелой почве — 3 лошади. Необходимой рабочей силой улус был обеспечен полностью, однако одним из слабых мест являлась крайняя необеспечен-

¹ Пер. с калм.: «Новый путь» [КРС 1977: 358, 673].

² Пер. с калм.: «Общество» [КРС 1977: 574].

ность семенными материалами, за исключением пшеницы, проса, хлопка и песчаного овса. В этих условиях районные власти были вынуждены организовать работу по сбору семян в колхозах, у колхозников, единоличников и в колхозах соседних астраханских районов [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 5. Л. 262].

Рассмотрим данные о числе дворов и выборку по различным категориям населения в Приволжском улусе для выявления доли коллективных хозяйств. По данным табл. 4 видно, что к началу 1932 г. колхозников было меньше, чем единоличников, но их количество уже составляло почти половину сельских работников. Как видно из табл. 5, уже 1 марта 1932 г. этот показатель был увеличен и достиг 67,6 %.

По данным табл. 5 самые низкие проценты по коллективизации были у Цаган-

Аманского и Актюбеевского сельсоветов, причем в остальных сельсоветах — выше 50 %. Самые высокие показатели были у Джакуевского и Бергинского сельсоветов.

В дальнейшем сеть колхозов была усилена за счет появления государственных машинных станций, причем в Приволжском улусе были только машинно-сенокосные станции (далее — МСС), что свидетельствует о преобладании скотоводства в данном районе.

Показатели табл. 6 демонстрируют степень развития колхозной сети в Приволжском улусе в 1934 г. На территории улуса осталось 9 колхозов, из которых 7 образованы в 1929–1931 гг.

Изначально это были преимущественно батрацко-бедняцкие объединения, не превышавшие, как правило, 10–12 хо-

Таблица 4. Число дворов по переписи на 1 февраля 1932 г. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1639а. Л. 5]
[Table 4. Privolzhsky District. Census data. Household numbers as of 1 February 1932]

Сельсовет	Единоличных хозяйств	Колхозных хозяйств	Всего	Рыбацких хозяйств	Не занимающихся хозяйством	Подлежит коллективизации
Актюбеевский	240	511	751	128	60	563
Бергинский	40	342	382	—	18	364
Джакуевский	378	141	519	131	25	363
Калм. Базаринский	633	169	1 533	150	1 045	333
Ницянский	349	212	561	10	21	530
Цаган-Аманский	380	118	498	15	69	414
Шамбайский	160	257	417	9	39	369
Эрдниеваский	233	202	435	—	63	372
Юстинский	271	455	726	—	57	669
Итого	2 684	2 407	5 091	443	1 397	3 977

Таблица 5. Сведения о движении коллективизации по Приволжскому райколхозсоюзу по состоянию на 1 марта 1932 г. [НА РК. Ф. Р-3. Оп. 2. Д. 1639а. Л. 6]
[Table 5. Privolzhsky District. Collectivization progress data as of 1 March 1932]

Наименование сельсоветов	Число хозяйств	В том числе в сельхоз. артелях	В том числе в животноводческих	Всего охвачено коллективизацией	% коллективизации
Актюбеевский	457	206	—	206	45,1
Бергинский	319	190	107	297	93,5
Джакуевский	283	224	34	258	91,2
Калм. Базаринский	333	190	—	190	57
Ницянский	293	127	113	240	82
Цаган-Аманский	368	133	30	163	44,3
Шамбайский	274	172	—	172	62,8
Эрдниеваский	354	202	—	202	57
Юстинский	600	306	183	489	81,5
Итого	3 281	1 750	467	2 217	67,6

Таблица 6. Показатели колхозов Приволжского улуса на 20 февраля 1934 г.

[НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1. Д. 2. Л. 74]

[Table 6. Privolzhsky District. Indicators by collective farms as of 20 February 1934]

Наименование сельсоветов	Название колхозов	Какой МСС обслуживается	Время организации колхоза	Число дворов колхоза	Всего колхозников обоого пола	Всего обобществленных посевов	Какие фермы имеются в колхозах
Актюбевский	им. Карла Маркса	МСС-26	01.06.1932	185	571	415,6	Коневодческая, свиноводческая, молочная и птицеводческая
Бергинский	им. Джалыкова	МСС-9	02.10.1929	182	652	406,5	Коневодческая, верблюдоводческая, мясомолочная и овцеводческая
Джакуевский	им Эльдева	МСС-26	1930	159	406	193,3	Коневодческая, мясомолочная и овцеводческая
Калм. Базаринский	им. Джалыкова	—	1929	57	160	153,6	Молочная
Ницянский	Телль	—	1929	187	662	155,6	Овцеводческая, мясомолочная
Цаган-Аманский	«Трудовой Калмык»	МСС-9	01.02.1930	96	312	317,3	Свиноводческая, мясомолочная
Шамбайский	«Улан Малч»	МСС-26	01.10.1931	177	591	611	Коневодческая, молочная, овцеводческая, свиноводческая, кролиководческая и птицеводческая
Эрдниевский	«Улан Хальмг»	МСС-9	01.09.1931	216	806	303	Мясомолочная, верблюдоводческая
Юстинский	«Хамцан»	МСС-9	01.04.1928	232	652	848,5	Коневодческая, мясомолочная, овцеводческая, верблюдоводческая
Итого				1 492	4 814	3 404,4	

зайств, со слабой материально-производственной базой, почти не имевшие в своем составе специалистов сельского хозяйства (агрономов, ветеринаров, зоотехников, счетных работников и т. д.), а иногда и просто грамотных людей [НА РК. Ф. Р-37. Оп. 1 Л. 18]. К 1934 г. практически каждый колхоз производил мясомолочную продукцию, имелось 9 мясомолочных и молочных специализированных ферм, содержащих большие стада крупного рогатого скота. Кроме того, было 5 коневодческих, 5 овцеводческих, 3 верблюдоводческих, 3 свиноводческих фермы, не считая не характерных для Калмыкии 1920-х гг. птицеводческих и кролиководческих ферм. Это был огромный шаг в развитии животноводства в улусе, учитывая, что в 1930 г. ни одной фермы не существовало.

6. Заключение

Советская власть в Приволжском улусе в 1-й половине 1930-х гг. активно проводила политику коллективизации и обособления среди местного населения. Для ускорения коллективизации была проведена экспроприация имущества у зажиточных слоев населения. В Приволжском улусе лица, которые ранее относились к привилегированным группам, подверглись высылке в специальный кулацкий поселок в Приморском улусе и другие регионы. В улусе была создана колхозная сеть из 9 колхозов, в которых были основаны животноводческие фермы. Увеличился процент вступивших в колхозы (67,6 % в 1932 г.) и соответственно уменьшился процент единоличников (32,4 %). В целом политика коллективизации в Приволжском улусе привела к середине 1930-х гг. к увеличению производства сельскохозяйственной продукции по отдельным позициям.

Источники

НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.

Литература

- Бадмаева 2010 — *Бадмаев С. Б.* Развитие экономики Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 174 с.
- Бадмаева 2010 — *Бадмаева Е. Н.* Нижнее Поволжье: опыт и итоги реализации государственной политики в социально-экономической сфере (1921–1933 гг.). Элиста: Джангар, 2010. 544 с.
- Бакаев 1968 — *Бакаев П. Д.* Пути интенсификации сельского хозяйства Калмыкии. Элиста: Калмиздат, 1968. 100 с.
- Борисенко, Убушиева 2000 — *Борисенко И. В., Убушиева С. И.* Очерки исторической географии Калмыкии: 1917 г. – начало 90-х г. XX в. Элиста: Джангар, 2000. 168 с.
- Данилов 1990 — *Данилов В. П.* Коллективизация сельского хозяйства в СССР // История СССР. 1990. № 5. С. 7–30.
- Земсков 2022 — *Земсков В. Н.* Великий перелом. Подлинные сведения о масштабах сталинских репрессий. М.: Проспект, 2022. 760 с.
- Ивницкий 1994 — *Ивницкий Н. А.* Коллективизация и раскулачивание (начало 30-х годов). М.: Интерпракс, 1994. 272 с.
- Ильиных 2023 — *Ильиных В. А.* Сельское хозяйство СССР в 1930–1932 гг.: динамика, факторы развития // Исторический курьер. 2023. № 4(30). С. 69–79. DOI: 10.31518/2618-9100-2023-4-5
- Калмыцкая область 1927 — Калмыцкая область за X лет революции. Астрахань: Тип. Калмиздата, 1927. 125 с.
- Кондрашин 2021 — *Кондрашин В. В.* «Великий перелом»: как начиналась сталинская коллективизация // Северо-Запад в аграрной истории России. 2021. № 27. С. 199–220.
- КРС 1977 — Калмыцко-русский словарь / под ред. Б. Д. Муниева. М.: Русский язык, 1977. 760 с.
- Максимов 2009 — *Максимов К. Н.* Калмыкия в годы форсированного строительства социализма // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: 3-х тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 363–440.
- Максимов, Лиджиева 2017 — *Максимов К. Н., Лиджиева И. В.* Калмыкия в XX веке. Исторический опыт и его значение. М.: Наука, 2017. 461 с.
- Максимов 2020 — *Максимов К. Н.* Калмыки и Калмыкия в новейшей истории России. М.: Наука, 2020. 781 с.

Sources

National Archive of the Republic of Kalmykia.

References

- Badmaev S. B. Kalmykia's Economic Development. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 174 p. (In Russ.)
- Badmaeva E. N. The Lower Volga, 1921–1933: Experiences and Outcomes of Government Socioeconomic Policies. Elista: Dzhangar, 2010. 544 p. (In Russ.)
- Bakaev P. D. Outlining Some Ways to Intensify Kalmykia's Agriculture. Elista: Kalmizdat, 1968. 100 p. (In Russ.)
- Borisenko I. V., Ubushieva S. I. Essays in Kalmykia's Historical Geography, 1917 – Early 1990s. Elista: Dzhangar, 2000. 168 p. (In Russ.)
- Danilov V. P. Agricultural collectivization in the Soviet Union. *Istoriya SSSR*. 1990. No. 5. Pp. 7–30. (In Russ.)
- Zemskov V. N. The Great Break: Authentic Data on Stalinist Repressions. Moscow: Prospekt, 2022. 760 p. (In Russ.)
- Ivniitsky N. A. Collectivization and Dekulakization, Early 1930s. Moscow: Interpraks, 1994. 272 p. (In Russ.)
- Ilinykh V. A. The USSR agriculture in 1930–1932: Dynamics, factors of development. *Historical Courier*. 2023. No. 4 (30). Pp. 69–79. (In Russ.) DOI: 10.31518/2618-9100-2023-4-5
- Kalmyk Oblast over the Ten Revolutionary Years. Astrakhan: Kalmizdat, 1927. 125 p. (In Russ.)
- Kondrashin V. V. The Great Break: On beginnings of Stalin's collectivization. *Severo-Zapad v agrarnoy istorii Rossii*. 2021. Vol. 27. Pp. 199–220. (In Russ.)
- Muniev B. D. (ed.) Kalmyk-Russian Dictionary. Moscow: Russkiy Yazyk, 1977. 760 p. (In Kalm. and Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia in the years of enforced Socialist construction. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 363–440. (In Russ.)
- Maksimov K. N., Lidzhiyeva I. V. Twentieth-Century Kalmykia: Historical Experiences and Their Significance. Moscow: Nauka, 2017. 461 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmyks and Kalmykia in Contemporary Russian History. Moscow: Nauka, 2020. 781 p. (In Russ.)

- Манджиев, Клюкин 1979 — *Манджиев С. В., Клюкин Н. В.* Калмыцкая АССР. Экономико-географический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1979. 138 с.
- Манджиев S. V., Klyukin N. V. Kalmyk ASSR: An Essay in Economics and Geography. Elista: Kalmykia Book Publ., 1979. 138 p. (In Russ.)
- Оглаев 1987 — *Оглаев Ю. О.* Осуществление ленинского кооперативного плана в Калмыкии (1917–1937 гг.). Элиста: Калм. кн. изд-во, 1987. 159 с.
- Oglaev Yu. O. Implementing Lenin's Cooperation Plan in Kalmykia, 1917–1937. Elista: Kalmykia Book Publ., 1987. 159 p. (In Russ.)
- Оглаев 1970 — *Оглаев Ю. О.* Социалистическая реконструкция сельского хозяйства Калмыкии (октябрь 1929–1932 гг.) // Ученые записки Калмыцкого научно-исследовательского института языка, литературы и истории. Элиста: КНИИЯЛИ, 1970. С. 96–143.
- Oglaev Yu. O. Socialist reconstruction of Kalmykia's agriculture, October 1929–1932. In: Scholarly Notes of KNIYYALI. Elista: Kalmyk Institute of Language, Literature and History, 1970. Pp. 96–143. (In Russ.)
- Очерки истории 1970 — Очерки истории Калмыцкой АССР: в 2 т. Т. 2: Эпоха социализма / гл. ред. Н. В. Устюгов; отв. ред. Д. А. Чугаев. М.: Наука, 1970. 432 с.
- Ustyugov N. V., Chugaev D. A. (eds.) Essays on the History of the Kalmyk ASSR. In 2 vols. Vol. 2: Socialist Era. Moscow: Nauka, 1970. 432 p. (In Russ.)
- Очиров 2006 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в период Гражданской войны (1917–1920 гг.). Элиста: Джангар, 2006. 448 с.
- Ochirov U. B. Kalmykia during the Russian Civil War, 1917–1920. Elista: Dzhangar, 2006. 448 p. (In Russ.)
- Очиров 2009 — *Очиров У. Б.* Калмыкия в 1919 – начале 1920 гг. // История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3-х тт. Т. 2. Элиста: Герел, 2009. С. 237–294.
- Ochirov U. B. Kalmykia in 1919 and early 1920. In: Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Vol. 2. Elista: Gerel, 2009. Pp. 237–294. (In Russ.)
- Сталин 1949 — *Сталин И. В.* Головокружение от успехов. К вопросам колхозного движения // Сталин И. В. Сочинения. Т. 12. М.: Гос. изд-во полит. литературы, 1949. С. 191–199.
- Stalin I. V. Heady with success: More on the kolkhoz movement. In: Stalin I. V. Writings. Vol. 12. Moscow: Gospolitizdat, 1949. Pp. 191–199. (In Russ.)
- Тихомиров 2024 — *Тихомиров Н. В.* «Катастрофический распад колхозов»: дневники студенческой практики ЛО КУНМЗ 1930 г. как источник изучения коллективизации // Вестник гуманитарного образования. 2024. № 2(34). С. 83–94. DOI: 10.25730/VSU.2070.24.026
- Tikhomirov N. V. "The catastrophic collapse of collective farms": Diaries of the student practice of Leningrad Branch of the Communist University of National Minorities of the West in 1930 as a source for studying collectivization. *Herald of Humanitarian Education*. 2024. No. 2 (34). Pp. 83–94. (In Russ.) DOI: 10.25730/VSU.2070.24.026

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 954–973, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-954-973

Военнослужащие Военно-воздушных сил из Калмыцкой АССР, павшие в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.

Сергей Григорьевич Ершов¹

- ¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 младший научный сотрудник, аспирант

 0009-0006-1280-0314. E-mail: [sgershov\[at\]yandex.ru](mailto:sgershov[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ершов С. Г., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена воинам из Калмыцкой АССР, служившим в Военно-воздушных силах Красной армии, погибшим, пропавшим без вести, умершим в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., а также историко-статистическому исследованию их коллективного портрета. *Цель* исследования — анализ базы данных о военнослужащих Военно-воздушных сил из Калмыцкой АССР, павших в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. *Материалы и методы.* При написании статьи использовался комплекс различных общенаучных и специальных методов, в том числе историко-генетический, историко-сравнительный, историко-типологический, историко-системный, а также статистический метод. Материалами для работы послужила делопроизводственная документация воинских частей Красной армии (хранящаяся в базах данных «Мемориал» и «Память народа»), в первую очередь донесения о потерях и журналы боевых действий. *Результаты.* В ходе исследования на основе различных источников была составлена база данных военнослужащих из Калмыцкой АССР, которые служили в Военно-воздушных силах Красной Армии в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. и погибли, пропали без вести либо умерли от ран. Вслед за этим был осуществлен анализ их коллективного портрета по таким категориям, как место и год рождения, место призыва, время и место гибели, место службы, время и количество наградений. *Выводы.* Проведенный анализ свидетельствует о том, что в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. уроженцы Калмыкии достойно служили в составе Военно-воздушных сил Красной Армии, 49 военнослужащих пали на полях сражений, в их числе 40 человек из числа летного состава погибли или пропали без вести — не вернулись после выполнения боевых заданий.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, Красная армия, Калмыцкая АССР, военно-воздушные силы, летчик, историко-статистическое исследование

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Ершов С. Г. Военнослужащие Военно-воздушных сил из Калмыцкой АССР, павшие в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 954–973. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-954-973

Air Force Servicemen from Soviet Kalmykia Killed in Battles of the Great Patriotic War (1941–1945)

Sergey G. Ershov¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Junior Research Associate, Postgraduate Student

 0009-0006-1280-0314. E-mail: sgershov[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Ershov S. G., 2024

Abstract. Introduction. The article deals with Red Army Air Force servicemen from the Kalmyk ASSR recorded as KIAs, MIAs or who died in the warring years of 1941–1945, and provides some historical statistical insights to outline a collective portrait of theirs. *Goals.* The paper seeks to compile a database on air force servicemen from Soviet Kalmykia killed in battles of the Great Patriotic War (1941–1945) and attempts its statistical analysis. *Materials and methods.* The article employs a variety of general scientific and special methods — including the historical genetic, historical comparative, historical typological, historical systemic, and statistical ones — to analyze records management documents of corresponding Red Army units (contained in the Memorial and Pamyat Naroda resources), primarily casualty reports and combat logs. *Results.* The conducted research yields a database of soldiers and officers from the Kalmyk ASSR who served in the Red Army Air Forces during the Great Patriotic War of 1941–1945, and were classified as KIAs, MIAs or DOWs. Furthermore, an analysis of their collective portrait is implemented by such categories as place and year of birth, place of conscription, time and place of death, place of service, time and number of awards. *Conclusions.* The analysis attests to natives of Kalmykia showed themselves as decent members of the Red Army Air Forces during the Great Patriotic War of 1941–1945, and 49 of them fell fighting, including 40 individuals that were registered as KIAs and MIAs since they never returned from operational flights.

Keywords: Great Patriotic War, Red Army, Kalmyk ASSR, air force, pilot, historical and statistical study

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 ‘The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups’.

For citation: Ershov S. G. Air Force Servicemen from Soviet Kalmykia Killed in Battles of the Great Patriotic War (1941–1945). *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 954–973. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-954-973

1. Введение

Военно-воздушные силы (ВВС) Красной армии сыграли важнейшую роль в достижении победы над врагом в годы Великой Отечественной войны. К сожалению, огромное количество защитников неба нашей страны — пилотов, штурманов, стрелков-радистов и др. — погибло. Имена многих забыты, немало авиаторов не вернулись с боевых заданий. Среди них есть и представители Калмыцкой АССР, которые внесли свой вклад в победу над врагом. В отечественной историографии освещались биографии и отдельные эпизоды

участия военнослужащих ВВС из Калмыцкой АССР, павших в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., например, Б. Б. Бадмаева, В. С. Дармаева и некоторых др. [Трембач 1963; Кичиков 1970; Звезды над степью 1975; Агарков 1982; Манджиев 2015; Очиров, Ершов, Гунаев 2018; и др.]. Однако в этих книгах содержатся лишь отрывочные описания некоторых персоналий. К сожалению, имена многих военнослужащих ВВС, родившихся и / или призванных из Калмыкии, до сих пор неизвестны даже профессионалам. Сложилось даже мнение, что жители республики вви-

ду слабой развитости системы профессионально-технического образования в степном регионе редко направлялись в этот род Вооруженных сил СССР [Очир-Горяева 2024: 155]. Это было связано, в основном, с отсутствием необходимых исходных данных для исследования и анализа.

Однако в начале XXI в. ситуация стала меняться. Благодаря деятельности корпорации «ЭЛАР» на электронном портале Центрального архива Министерства обороны Российской Федерации стали формироваться базы данных участников Великой Отечественной войны — военнослужащих Красной армии, удостоенных боевых наград или попавших в категорию безвозвратных потерь [ОБД «Мемориал»; ГИС «Память народа»; ОБД «Подвиг народа»]. Обработка этих полномасштабных банков данных позволила выявить достаточно большую группу военнослужащих ВВС, призванных из Калмыцкой АССР, — 195 чел., из которых погибли в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. — 49 чел.

Данная статья, которая анализирует лишь один из аспектов службы выходцев из Калмыкии в ВВС Красной армии, призвана в определенной мере раскрыть истинное положение дел.

2. Материалы и методы

Исследование о жителях Калмыкии — военнослужащих Военно-воздушных сил Красной армии, погибших, умерших или пропавших без вести в годы Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., было проведено на основе широкого комплекса источников, в первую очередь, делопроизводственных документов Центрального архива Министерства обороны РФ (далее — ЦАМО), размещенных на портале ГИС «Память народа» и в объединенном банке данных «Мемориал»: донесения о безвозвратных потерях личного состава, журналы боевых действий и иные документы [ОБД «Мемориал»; ГИС «Память народа»; ОБД «Подвиг народа»]. Кроме того, использовались материалы Книги Памяти ряда регионов, в первую очередь, Республики Калмыкия — «Память. Санл»

[Память 1995, 1; Память 1995, 2; Память 2005; Память 2010].

В основу исследования были положены принципы научности, историзма и объективности. В ходе исследования активно применялись специально-исторические и статистические методы. Например, необходимость перекрестной сверки сведений о безвозвратных потерях для установления их достоверности потребовала применения историко-сравнительного метода. Анализ безвозвратных потерь по различным категориям обусловил активное использование статистического метода.

3. Составление базы данных

В ходе исследования «Мемориала» и «Памяти народа» были собраны сведения о всех военнослужащих ВВС Красной армии, которые являлись уроженцами Калмыкии (включая призванных из других регионов) и / или были призваны из Калмыкии (включая уроженцев других регионов), и в ходе Великой Отечественной войны погибли, умерли в госпиталях или плену, пропали без вести. Поскольку границы и административно-территориальное устройство Калмыцкой АССР в период войны и после войны менялись, то во избежание разногласий мы зафиксировали границы региона и его административно-территориальное устройство на конкретную дату — 22 июня 1941 г. и ориентируемся на нее.

Некоторые авиаторы, которые не вернулись из боевых вылетов и считались пропавшими без вести, тем не менее сумели обмануть смерть и добраться до своих. Например, к таковым можно отнести воздушного стрелка старшего сержанта Арыша Бамбаевича Джапова, уроженца пос. Гашун-Бургуста. 18 июля 1943 г. он в составе экипажа тяжелого бомбардировщика ТБ-3 325-го авиационного полка дальнего действия (далее — ап дд) 54-й авиационной дивизии дальнего действия (далее — ад дд) был сбит огнем вражеских истребителей. Однако наш земляк сумел покинуть самолет на парашюте и на третьи сутки вернуться на свою территорию, сохранив все документы и личное оружие [Подвиг

народа: Джапов 1943]. В последующем он успешно воевал до конца войны и умер в 1955 г. в Алтайском крае. Из сводной базы исключены те, кто выжил во время войны.

Еще один пример — старший лейтенант Николай Фадеевич Евсеев, летчик 233-го истребительного авиационного полка (далее — иап), уроженец с. Обильное Сарпинского района, встретил Победу в Германии, но в 1947 г. погиб и похоронен в Потсдаме [Мемориал: Евсеев 1947]. Однако это произошло после войны, поэтому в нашем анализе такие персоналии также не учитываются. Исключен из базы и младший лейтенант 49-го минно-торпедного авиационного полка (далее — мтап) Владимир Васильевич Хомутников, так как он родился в 1923 г. в Монголии (когда его отец находился в командировке), а в Красную армию был призван в 1943 г. из Москвы [Мемориал: Хомутников 1945]. В результате в сводной базе данных оказалось 49 чел. Из них 21 — летчики, 19 — воздушные стрелки, 9 чел. служили в наземных частях аэродромного обслуживания и инженерно-аэродромного обеспечения ВВС. Их имена и сведения о них приведены в табл. 1.

4. Анализ базы по году и месту рождения и призыва

Анализ по годам рождения показывает, что более половины — 28 чел. (почти 57 %) — это военнослужащие 1921–1926 г. р., которые на начало войны (1941 г.) были возрастом 20 лет и моложе, из них больше всего (13 чел.) — 1922 г. р. и 8 — 1923 г. р., 1926 г. р. — 1 чел., 1925 г. р. — 2, 1921 г. р. — 4 чел. Остальные 21 чел. — 1894–1920 гг. р., в их числе: 1920 г. р. — 4, 1919 г. р. — 3, 1918 г. р. — 3, 1917 г. р. — 2, 1916 г. р. — 1, 1914 г. р. — 2, 1913 г. р. — 1, 1911 г. р. — 1, 1908 г. р. — 1, 1903 г. р. — 1 и 1894 г. р. — 2 чел. Итоги анализа, проведенного по годам рождения, также коррелируют с выводами аналогичного исследования В. Н. Воробьевой, выполненного на основе Книг Памяти Калмыкии [Воробьева 2022: 692–693]. Абсолютное большинство представителей младших возрастов служили в летных частях, причем воздушные стрелки

были заметно моложе — 1917–1926 гг. р., летчики — несколько постарше (1911–1923 гг. рождения). Летчиков возрастом 20 лет и моложе (количество лет — на начало войны) было 57 % (12 из 21), воздушных стрелков несколько больше — 63 % (12 из 19). Каждый четвертый — 10 из 40 чел. летного состава были 1922 г. р. и практически каждый шестой (7 из 40) — 1923 г. р. Военнослужащие старших возрастов состояли в наземных частях аэродромного обслуживания и обеспечения ВВС [ОБД «Мемориал»].

Из числа летного состава самыми молодыми были воздушный стрелок Ил-2 622-го шап младший сержант Николай Павлович Казанков, 1926 г. р., с боевого задания он не возвратился 16.10.1944; воздушный стрелок Ил-4 1-го минно-торпедного авиаполка ВВС Балтийского флота краснофлотец Иван Мучкаевич Шургучиев, 1925 г. р., не вернулся с боевого задания 26.03.1944; воздушный стрелок Ил-2 76-го гв. штурмового авиаполка младший сержант Деня Мукаденович Эвеев, 1925 г. р., погиб при выполнении боевого задания — сбит зенитной артиллерией противника 05.04.1945; Николаю Казанкову было 18 лет, Ивану Шургучиеву — 19, Деня Эвееву — 20. Остальные молодые летчики и воздушные стрелки (1923 и 1922 гг. р.) не вернулись с боевого задания, когда им практически всем было по 21–23 года.

Старше всех из погибших воздушных стрелков был сержант Алексей Трофимович Лагошин, 1917 г. р., погиб 24.07.1942 — бомбардировщик Ер-2 279-го бап сбит в воздушном бою истребителем противника. Лагошину было 25 лет.

Самыми старшими из летного состава и самыми опытными были кадровые офицеры: летчик истребителя И-16 572-го иап старший лейтенант Василий Сангаджиевич Дармаев, 1914 г. р., погиб 19.05.1942, и старший лейтенант Гавриил Сергеевич Распопов, 1914 г. р., летчик, штурман Ил-4 21-го гв. ап дд, погиб 08.09.1943. Летчикам В. С. Дармаеву было 28 лет, Г. С. Распопову — 29 лет.

Самыми старшими по возрасту (1894 г. р.) из служивших в наземных авиачастях были красноармейцы 80-го отдельного инженерно-аэродромного батальона

Таблица 1. Военнослужащие ВВС Красной армии из Калмыцкой АССР, павшие в боях Великой Отечественной войны 1941–1945 гг.
 [Table 1. Soviet air force servicemen from the Kalmyk ASSR killed in battles of the Great Patriotic War (1941–1945)]

№	Фамилия, имя, отчество	Год рождения	Место рождения	Год призыва	Место призыва	Воинское звание	Должность	Место службы	Категория, дата выбытия	Место выбытия
1	Алехин Андрей Дмитриевич	1916	Калмыцкая АССР, Приютинский район, с. Бислорга	1939	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	сержант	летчик	7 зап 27 забр АДД	погиб 12.09.1942	Оренбургская область, г. Бузулук
2	Алфутов Григорий Михайлович	1922	Ростовская область, Развиленинский район, с. Кр. Поляна	1941	Калмыцкая АССР, Западный РВК	краснофлотец	стрелок	29 авиабаза ВВС ЧФ	пропал без вести 02.07.1942	г. Севастополь
3	Антонов Дмитрий Николаевич	1903	Калмыцкая АССР, Сарпинский район, с. Садовое	1942	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	красноармеец	стрелок	80 оиаб 80 РАБ	убит 29.07.1942	Сталинградская область, с. Дубовка
4	Бадмаев Басан Бембаевич	1920	Орджоникидзевский край, Левокумский район, х. Махсимо-Кумка	1939	Калмыцкая АССР, Западный РВК	лейтенант	воздушный стрелок	61 гв. нбап 272 ад 8 ВА СталФ	пропал без вести 14.02.1943	Ростовская область, Мясников. район х. Недвиговка
5	Бакаев Тимофей Трофимович	1922	Украинская ССР, Сталинская область, с. Тарасовское	1941	Калмыцкая АССР, Западный РВК	младший лейтенант	летчик	162 иап 309 иад 1 ВА ЗапФ	пропал без вести 13.10.1943	Белорусская ССР
6	Белоусов Иван Семенович	1918	Калмыцкая АССР, Троицкий район, с. Вознесенка	1940	Орджоникидзевский край, Терекли-Мектебовский РВК	старший сержант	воздушный стрелок	3 адд 53 адд 5 адд АДД	пропал без вести 13.06.1943	самолет сбит у линии фронта

7	Борисов Дода Степанович	1922	Калмыцкая АССР, Долбанский район, с. Яндыки	1940	Астраханский округ, г. Астрахань, Кировский РВК	младший сержант	воздушный стрелок	8 дбап 22 ад 4 ак ДБА	погиб 06.07.1941	Украинская ССР, г. Днепрпетровск
8	Вартанов Михаил Муратович	1923	Орджоникидзевский край, г. Ворошиловск	1942	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	рядовой	воздушный стрелок	571 шап 224 шад 8 ВА 4 УФ	погиб 05.05.1945	Чехословакия, в районе г. Берн
9	Василенко Николай Иванович	1921	Калмыцкая АССР, г. Элиста	1943	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	младший лейтенант	летчик	36 мтап 5 мтад ВВС СФ	погиб 11.07.1944	Норвегия, г. Киркенес, порт
10	Гирич Петр Иванович	1918	Украинская ССР, Сталинская область, пос. Дружковка	—	кадровый Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	лейтенант	летчик	569 шап 281 шад 14 ВА ВолхФ	пропал без вести 03.09.1942	Ленинградская область, в районе подсобного хозяйства Потомки
11	Дармаев Василий Сангаджиевич	1914	Калмыцкая АССР, Долбанский район, пос. Школьный	1936	Калмыцкая АССР, Долбанский РВК	старший лейтенант	летчик	572 иап 105 иад 8 ВА ЮФ	погиб 19.05.1942	Ростовская область, г. Батайск
12	Диденко Василий Николаевич	1894	Калмыцкая АССР, Сарпинский район, с. Садовое	1942	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	рядовой	сапер	80 оиаб 80 РАБ 16 ВА 1 БФ	умер от болезни 26.04.1944	Белорусская ССР, Гомельская область, с. Бронное
13	Дмитриев Евгений Андреевич	1922	Астраханский округ, г. Астрахань	1940	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	лейтенант	летчик	717 лбап 242 нбад 6 ВА 2 БФ	погиб 14.02.1944	Ленинградская область, д. Антипово
14	Дубаненко Виктор Иванович	1923	Калмыцкая АССР, Малодербетовский район, с. Тундутово	1941	Сталинградская обл., Кировский РВК	лейтенант	летчик	35 шап ВВС КБФ	пропал без вести 11.04.1945	Вост. Пруссия, мыс Хель

15	Жарков Иван Яковлевич	1922	Калмыцкая АССР, Сарпинский район, с. Уманцево	1941	Астраханский округ, Астраханский РВК	младший лейтенант	летчик	25 зап ВВС ЗаФ	погиб 28.11.1944	Грузинская ССР, г. Кутаиси
16	Зазуев Эрдне Бадринович	1922	Калмыцкая АССР, г. Элиста	1941	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	сержант	воздушный стрелок	970 бап 327 бад 5 бак 4 ВА 2 БФ	пропал без вести 17.01.1945	Польша, в районе г. Плоньск
17	Зеленский Владимир Ефремович	1921	Орджоникидзевский край, Петровский район, с. Камбулат	1941	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	младший сержант	воздушный стрелок	995 шап 306 шад 17 ВА ЮЗФ	пропал без вести 21.07.1943	Украинская ССР, Краснополье-2
18	Ионов Иван Яковлевич	1911	Калмыцкая АССР, Приволжский район, пос. Стрелецкий	1941	Калмыцкая АССР, Приволжский РВК	старший лейтенант	летчик	3 иап ВВС ЧФ	пропал без вести 18.05.1942	место выбытия неизвестно
19	Казанков Николай Павлович	1926	Ростовская область, Заветинский район, пос. Никольский	—	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	младший сержант	воздушный стрелок	622 шап 214 шад 15 ВА 2 ПрибФ	пропал без вести 16.10.1944	Латвийская ССР, район Митавы
20	Калабухин Петр Иванович	1921	Ростовская область, Заветинский район, с. Киселевка	1940	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	сержант	воздушный стрелок	10 гв. апдд 3 гв. аддд 3 гв. акдд АДД	пропал без вести 02.07.1942	Румыния, район г. Констанца
21	Ковалев Николай Никитович	1922	Калмыцкая АССР, Приоттинский район, с. Приютное	1941	Калмыцкая АССР, Приоттинский РВК	краснофлотец	стрелок	12 авиабаза ВВС ЧФ	пропал без вести 02.07.1942	г. Севастополь
22	Красов Иван Филиппович	1922	Калмыцкая АССР, Яшалтинский район, с. Яшалта	1941	Калмыцкая АССР, Западный РВК	краснофлотец	стрелок	45 авиабаза ВВС ЧФ	умер в плену 06.04.1943	г. Симферополь

23	Кривцов Алексей Филиппович	1922	Калмыцкая АССР, Троицкий район, с. Вознесенка	1940	Астраханский округ, Кировский РВК	младший лейтенант	воздушный стрелок	99 бап 301 бад 3 бак 16 ВА ЦФ	погиб 08.05.1943	Орловская область, Елецкий район, д. Воронец
24	Кукаев Тюрбя Баваевич	1923	Калмыцкая АССР, Приволжский район, пос. Кануковск	1940	Калмыцкая АССР, Приволжский РВК	старший лейтенант	летчик	615 бап 213 нбад 17 ВА 3 УФ	погиб 14.03.1945	Венгрия, медье Фейер, г. Секешфехервар
25	Лагошин Алексей Трофимович	1917	Ростовская область, Заветинский район	—	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	сержант	воздушный стрелок	279 бап 284 бад 15 ВА БрФ	погиб 24.07.1942	Ростовская область, Белокалитвинский район, х. Ильинка
26	Ласков Иван Николаевич	1923	Калмыцкая АССР, Сарпинский район, пос. Кануково	—	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	красноармеец	тракторист	785 обоа 32 РАБ 16 ВА БФ	убит 09.02.1944	Украинская ССР, Запорожская область, с. Агайман
27	Лебедев Николай Георгиевич	1922	Краснодарский край, г. Краснодар	1941	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	лейтенант	летчик	23 гв. нбап 9 гв. бад 16 ВА 1 БФ	пропал без вести 28.01.1945	Польша
28	Лысенко Семен Никитович	1918	Калмыцкая АССР, Кетченеровский район, с. Кегульта	—	Калмыцкая АССР, Сарпинский РВК	младший сержант	воздушный стрелок	279 бап 284 бад 15 ВА БрФ	погиб 09.07.1942	Липецкая область, г. Елец
29	Манджиев Пюрвя Манганович	1920	Калмыцкая АССР, Троицкий район, пос. Органин	1941	Калмыцкая АССР, Приютинский РВК	краснофлотец	стрелок	12 авиабаза ВВС ЧФ	пропал без вести 11.1941	г. Севастополь
30	Манулов Борис Петрович	1919	Ростовская область, Зимовниковский район, пос. Бурульский	—	Калмыцкая АССР, Малодербетовский РВК	старший сержант	воздушный стрелок	279 бап 284 бад 15 ВА БрФ	пропал без вести 25.08.1942	район аэродромов Курск-Западный – Касторная

31	Медведев Василий Никифорович	1919	Калмыцкая АССР, Малодербетовский район, с. Плодовитое	1938	Калмыцкая АССР, Малодербетовский РВК	младший сержант	воздушный стрелок	207 дбап 42 дбад 3 ак ДБА	погиб 24.06.1941	Белорусская ССР, западнее Пружаны и Кобрин
32	Мендель Иван Васильевич	1919	Калмыцкая АССР, Долбанский район, с. Промысловка	1940	Калмыцкая АССР, Долбанский РВК	младший лейтенант	летчик	597 нбап 242 нбад 6 ВА 2 БФ	умер от ран 21.02.1944	Украинская ССР, Киевская область, д. Тараща
33	Менкеев Аня Гаконвич	1913	Калмыцкая АССР, Кетченеровский район, пос. Годжур	1938	кадровый	лейтенант	летчик	81 дбап 50 дбад 4 ак ДБА	пропал без вести 07.07.1941	Румыния, г. Плоешти
34	Мерзликин Алексей Федорович	1923	Ростовская область, Развиленинский район, с. Кр. Поляна	—	Калмыцкая АССР, Западный РВК	красноармеец	воздушный стрелок	657 шап 196 шад 4 ВА 2 БФ	погиб 24.08.1944	Белорусская ССР, ст. Червоны-Бур
35	Миронов Николай Александрович	1922	Калмыцкая АССР, Лаганский район, пос. Бабинский	1940	кадровый	лейтенант	летчик	15 гв. шап 277 шад 13 ВА ЛФ	погиб 23.02.1943	Ленинградская область, Тосненский район, с. Захожье
36	Обухов Юрий Александрович	1923	Астраханский округ, Икрянинский район, с. Воскресенское	1941	Калмыцкая АССР, Лаганский РВК	младший лейтенант	летчик	812 иап 265 иад 3 иак 8 ВА 4 Уф	умер от ран 09.01.1944	Украинская ССР, Запорожская область, с. Веселое
37	Пугачев Николай Степанович	1918	Калмыцкая АССР, Сарпинский район, с. Уманцево	1940	кадровый	младший лейтенант	летчик	140 сбап 47 сад ВВС ЗапФ	погиб 02.07.1941	Белорусская ССР, Минская область, Червенский район, д. Рудня

38	Располов Гавриил Сергеевич	1914	Калмыцкая АССР, Приютинский район, с. Приютное	1934	кадровый	старший лейтенант	летчик	21 гв. ап дд 7 гв. ад дд 3 гв. акдд АДД	погиб 08.09.1943	Тамбовская область, с. Шехмань
39	Рвачев Алексей Сергеевич	1918	Калмыцкая АССР, г. Элиста	1941	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	сержант	летчик	455 ббап 12 ВА ЗабФ	погиб 23.12.1943	Бурят-Монгольская АССР, Джидинский район
40	Ремизов Николай Дмитриевич	1920	Калмыцкая АССР, Долбанский район, с. Караванное	1939	Калмыцкая АССР, Долбанский РВК	сержант	летчик	73 сад	пропал без вести 01.1943	место выбытия неизвестно
41	Ромахов Николай Георгиевич	1921	Ростовская область, Заветинский район, с. Киселевка	—	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	сержант	воздушный стрелок	861 бап 244 бад 17 ВА ЮЗФ	погиб 17.07.1943	Украинская ССР, Харьковская область
42	Рубцов Николай Иванович	1922	Калмыцкая АССР, Яшалтинский район, с. Яшалта	1939	Калмыцкая АССР, Западный РВК	сержант	летчик	12 окаэ ВВС КБФ	погиб 07.06.1943	Новгородская область, г. Пестово, м. Покров-Молога
43	Сапронов Зиновий Алексеевич	1920	Астраханский округ, Енотаевский район, с. Владимировка	1940	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	сержант	воздушный стрелок	130 ббап 204 бад 1 ВА ЗФ	погиб 09.03.1943	Смоленская область, с. Городище
44	Слюсарев Сергей Сергеевич	1922	Калмыцкая АССР, г. Элиста	—	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	младший сержант	воздушный стрелок	210 шап 230 шад 4 ВА СКФ	погиб 13.04.1943	Краснодарский край, ст. Новотаровская
45	Стольников Павел Трофимович	1923	Сталинградская область, Ворошиловский район, пос. им. Эрмана	1943	Калмыцкая АССР, Элистинский ГВК	младший лейтенант	летчик	23 шап ВВС ЧФ	пропал без вести 05.02.1944	в районе г. Севастополь

46	Харьковский Дмитрий Федорович	1908	Сталинградская область, Камышинский район, с. Ушколаевка	1941	Калмыцкая АССР, Долбанский РВК	рядовой	стрелок	444 бао 34 РАБ 4 ВА	погиб 07.07.1944	Белорусская ССР, Минская область, д. Михайловичи
47	Шевченко Федот Васильевич	1894	Калмыцкая АССР, Яшалтинский район, с. Солёное	1942	Калмыцкая АССР, Западный РВК	красноармеец	стрелок	80 оиаб 80 РАБ 16 ВА ДФ	умер 23.11.1942	Сталинградская область, Фроловский район
48	Шургучиев Иван Мучкаевич	1925	Калмыцкая АССР, Троицкий район, с. Вознесенка	1943	Сараговская обл., Александр. РВК	краснофлотец	воздушный стрелок	1 гв. мтап ВВС КБФ	пропал без вести 26.03.1944	Эстонская ССР, мыза Хара-Лахта
49	Эвеев Деня Мукаденович	1925	Калмыцкая АССР, Улан-Хольский район, пос. Улан-Хол	1943	Калмыцкая АССР Лаганский РВК	младший сержант	воздушный стрелок	76 гв. шап 1 гв. шад 1 ВА 3 БФ	погиб 15.04.1945	Восточная Пруссия, в районе фольварка Брух

Список сокращений к таблице: ад — авиационная дивизия, ак — авиационный корпус, ап — авиационный полк, АДД — авиация дальнего действия, аддд — авиационная дивизия дальнего действия, акдд — авиационный корпус дальнего действия, апдд — авиационный полк дальнего действия, бад — бомбардировочная авиационная дивизия, бап — бомбардировочный авиационный полк, бак — бомбардировочный авиационный корпус, бао — батальон аэродромного обслуживания, ббап — ближнебомбардировочный авиационный полк, ВА — Воздушная армия, ВВС — Военно-воздушные силы, ДБА — дальняя бомбардировочная авиация, дбад — дальняя бомбардировочная авиационная дивизия, дбап — дальний бомбардировочный авиационный полк, забр — запасная авиационная бригада, зап — запанной авиационный полк, иад — истребительная авиационная дивизия, иак — истребительный авиационный корпус, иап — истребительный авиационный полк, лбап — легкбомбардировочный авиационный полк, мтап — минно-торпедный авиационный полк, мтад — минно-торпедная авиационная дивизия, нбад — ночная бомбардировочная авиационная дивизия, нбап — ночной бомбардировочный авиационный полк, оаод — отдельный инженерно-аэродромного обслуживания, оиаб — отдельная корректировочная эскадрилья, РАБ — район аэродромного обслуживания, сад — смешанная авиационная дивизия, сбап — скоростной бомбардировочный авиационный полк, шап — штурмовой авиационный полк, шад — штурмовая авиационная дивизия.

КБФ — Краснознаменный Балтийский флот, СФ — Северный флот, ЦФ — Черноморский флот.

БФ — Белорусский фронт, БрФ — Брянский фронт, ВолхФ — Волховский фронт, ДФ — Донской фронт, ЗабФ — Забайкальский фронт, ЗакФ — Закавказский фронт, ЗапФ — Западный фронт, ЛФ — Ленинградский фронт, ПрибФ — Прибалтийский фронт, СКФ — Северо-Кавказский фронт, СталФ — Сталинградский фронт, УФ — Украинский фронт, ЦФ — Центральный фронт, ЮЗФ — Юго-Западный фронт, ЮФ — Южный фронт.

(далее — оиаб) В. Н. Диденко и Ф. В. Шевченко, самым младшим — тракторист 785-го отдельного батальона аэродромного обслуживания (далее — обао) красноармеец И. Н. Ласков, 1923 г. р., погиб 09.02.1944.

Из 49 исследуемых военнослужащих 32 чел. родились в Калмыкии, остальные 14 — в соседних Астраханской (3 чел.), Ростовской (7 чел.), Сталинградской (1 чел.) областях и Орджоникидзевском крае (3). 1 — уроженец Краснодарского края, 2 родились на Украине.

Из 32 человек, родившихся в Калмыкии, по 5 чел. — уроженцы Сарпинского и Троицкого районов, по 4 — Долбанского района и г. Элисты, по 3 — Приютинского и Яшалтинского районов, по 2 — Кетченеровского, Малодербетовского и Приволжского районов, по 1 чел. родились в Лаганском и Улан-Хольском улусах. При этом четверо (летчики Василенко и Рвачев, воздушные стрелки Зазуев и Слюсарев) были родом из Элисты, трое (воздушные стрелки Белоусов, Кривцов и Шургучиев) — из с. Вознесенки, двое (летчики Жарков и Пугачев) — из с. Уманцево.

Анализ показал, что из 49 человек 39 призваны в РККА военкоматами Калмыцкой АССР; 7 — военными комиссариатами соседних с Калмыкией территорий, в том числе 4 — Астраханской и 1 — Сталинградской областей, 1 — Орджоникидзевского края и 1 — Саратовской области; трое — кадровые офицеры. Из числа мобилизованных из Калмыкии (39 чел.), больше всего призваны Элистинским ГВК (13 чел.), 7 чел. Западным РВК и 7 — Сарпинским РВК. Долбанским РВК призваны 4 чел. и по 2 чел. — Лаганским, Мало-Дербетовским, Приволжским и Приютинским райвоенкоматами.

Анализ по дате мобилизации показывает, что больше всего были призваны в 1941 г. (14 чел.) и 1942 г. (10 чел.), вместе они составили половину из 49 призванных в РККА. Это объясняется, скорее всего, тем, что, зная о неизбежности войны с Германией, руководство страны понимало роль авиации для содействия успеху наземных войск, большую роль летных кадров и их подготовку, поэтому велся подбор кадров в

первую очередь из числа молодых людей, которые готовили себя к службе в армии в кружках и аэроклубах Осоавиахима СССР. К их числу и относились наши земляки, пройдя укороченное обучение в ШМАС¹ и авиаучилищах, они вливались в боевые летные части. Остальные 25 мобилизованных призвались: в 1944 г. — 1 чел., в 1943 г. — 5, в 1942 г. — 4, в 1939 г. — 4, в 1938 г. — 2, в 1936 г. — 1, в 1934 г. — 1 чел. Год призыва не известен у 7 чел.

Право летать они получали, обучаясь в авиашколах — кузницах подготовки военных летчиков. К примеру, Т. Т. Бакаев окончил Сталинградское, Б. Б. Бадмаев и И. В. Мендель — Харьковское, В. С. Дармаев — Чугуевское, Е. А. Дмитриев и Н. Г. Лебедев — Мелитопольское, И. Я. Жарков — Одесское, Н. А. Миронов — Чкаловское, Ю. А. Обухов — Черниговское, Н. С. Пугачев и А. С. Рвачев — Балашовское авиационные училища, В. И. Дубаненко — 3-е военно-морское авиационное училище ВВС в г. Ленинграде, военную авиационную школу окончил Т. Б. Кукаев.

5. Анализ базы по категории и времени потерь

Из 49 выбывших 25 чел. значатся погибшими, в том числе 11 летчиков (из них шестеро были сбиты в боевых вылетах, четверо разбились при катастрофах самолетов на своем аэродроме и один — в учебном полете), 11 воздушных стрелков (из них пятеро были сбиты зенитным огнем противника, шестеро — в воздушных боях), 3 военнослужащих из состава аэродромного обслуживания и обеспечения. Еще 19 чел. значатся пропавшими без вести, в том числе восемь летчиков и восемь воздушных стрелков, не вернувшихся из боевых вылетов, и трое краснофлотцев — стрелки авиабаз Черноморского флота, вероятно, они, как и многие их сослуживцы, оставшись в Севастополе после гибели Приморской армии, попали в плен, и их судьба осталась неизвестной. Еще 5 чел. умерли от ран или болезней: летчики, младшие лейтенанты И. В. Мендель (умер после тяжелого ране-

¹ Школа младших авиационных специалистов.

ния в воздушном бою) и Ю. А. Обухов (умер после тяжелого ранения при аварии самолета); краснофлотец И. Ф. Красов (умер в плену); красноармейцы — стрелки отдельного инженерно-аэродромного батальона умерли от ранения (Ф. В. Шевченко) и болезни (В. Н. Диденко).

60 % из 40 военнослужащих летного состава значатся погибшими и умершими от ран (22 и 2 чел. соответственно), 40 % — пропавшими без вести (16 чел.), эту категорию потерь тоже можно считать погибшими, учитывая, что все они не вернулись с боевого задания, где, по всей вероятности, их самолеты были сбиты в результате обстрела зенитной артиллерии или атак истребительной авиацией противника.

По годам потери распределились следующим образом.

В 1941 г. убыло 5 чел.: 2 летчика, 2 воздушных стрелка, 1 краснофлотец авиабазы. В 1942 г. — 11 чел.: 4 летчика, 3 воздушных стрелка, 4 военнослужащих аэродромного обслуживания и инженерно-аэродромного обеспечения. В 1943 г. — 14 чел.: 6 летчиков, 7 воздушных стрелков, 1 краснофлотец авиабазы. В 1944 г. — 13 чел.: 6 летчиков, 4 воздушных стрелка, 1 военнослужащий аэродромного обслуживания. В 1945 г. — 6 чел.: 3 летчика и 3 воздушных стрелка.

Количество выбывших военнослужащих в 1942–1944 гг. (11, 14 и 13, соответственно) ненамного отличается. Потери — 6 чел. — в 1945 г. произошли практически за четыре месяца.

Потери в 1941 г., одном из самых напряженных для Военно-воздушных сил периодов оборонительных боев в ходе Великой Отечественной войны, составили 5 чел. Они могли быть и большими, но на то время наши земляки, только что призванные в РККА, проходили обучение в авиашколах и еще не были готовы к воздушным схваткам с врагом. В числе павших в 1941 г. как кадровые летчики и воздушные стрелки, уже служившие в боевых частях: Василий Медведев, 1919 г. р., Аня Менкеев, 1913 г. р., Николай Пугачев, 1918 г. р., так и вновь призванный Дода Борисов, 1922 г. р., мобилизованный в 1940 г.

6. Анализ базы по должности, месту службы и гибели

Из военнослужащих летного состава (летчики и воздушные стрелки) 34 чел. служили в частях бомбардировочной и штурмовой авиации, в том числе трое в составе полков дальнего действия, двое — минно-торпедных полков (выполнявшие боевые задачи в основном над морской акваторией, — воздушный стрелок, краснофлотец Шургучиев и летчик, младший лейтенант Василенко), 5 — ночных бомбардировочных полков; 5 — в истребительной авиации; 1 — в корректировочно-разведывательной авиации — летчик, сержант Рубцов, служил в 12 оаэ ВВС КБФ.

Военнослужащие летных частей из Калмыкии служили в составе десяти воздушных армий, в том числе в 1-й ВА — 3 чел., 6-й ВА — 2 чел., 8-й ВА — 4 чел., 12-й ВА — 1 чел., 13-й ВА — 1 чел., 14-й ВА — 1 чел., 15-й ВА — 4 чел., 16-й ВА — 5 чел., 17-й ВА — 3 чел., 4-й ВА — 4 чел.

8 чел. воевало на Белорусском фронте, 1, 2 и 3-м Белорусских фронтах, 3 чел. — на Западном фронте, 1 — Забайкальском, 1 — Закавказском фронте, 4 — Ленинградском, 1 — Волховском, 1 — Прибалтийском, 1 — Донском, 1 — Центральном, 2 — Юго-Западном, 2 — Южном, 1 — Сталинградском, 1 — 3-м Украинском фронтах, 1 — в Западном Особом военном округе, 4 — в соединениях АДД. В составе ВВС флотов служили 9 чел., в том числе Балтийского флота — 3, Черноморского флота — 5, Северного флота — 1 чел.

Наши земляки служили в основном в разных частях и соединениях и, как правило, по 1 чел. Исключение составляет 279-й бап 284-й бад 15 ВА РГК¹, где воевали трое воздушных стрелков: сержант А. Т. Лагошин (погиб 24.07.1942), младший сержант С. Н. Лысенко (погиб 09.07.1942) и старший сержант Б. П. Манупов (пропал без вести 25.08.1942). Трое красноармейцев служили в 80-м оиаб: красноармейцы Д. Н. Антонов, В. Н. Диденко и Ф. В. Шевченко. На 12-й авиационной базе ВВС ЧФ служили двое — краснофлотцы П. М. Манджиев и Н. Н. Ковалев.

¹ РГК — Резерв Главного командования.

Из 49 наших земляков 19 чел. относились к младшему офицерскому составу, 18 — к сержантскому и 12 — рядовому, в их числе все 9, которые служили в подразделениях, обслуживающих аэродромные части, относились к рядовому составу. Среди воздушных стрелков 2 чел. были офицерами, 14 — сержантами, 3 чел. — рядовыми. Из числа летчиков офицерами были 17 чел. и 4 чел. — сержантами. Пятеро были командирами эскадрилий, четверо — штурманами, один — в должности начальника связи эскадрильи (А. Менкеев).

Больше всего военнслужащих из Калмыцкой АССР пали в сражениях с гитлеровскими оккупантами на территории Белорусской ССР — 6 чел., Украинской ССР — 6 чел. и 5 чел. — в Крыму. В Ленинградской и Ростовской областях по 3 чел., в Сталинградской обл. — 2 чел. По 1 чел. погибли при катастрофе самолета на аэродромах в Грузинской АССР и Бурят-Монгольской АССР. По 1 чел. — в Краснодарском крае, в Курской, Липецкой, Новгородской, Оренбургской, Орловской, Смоленской и Тамбовской областях, в Латвии и Эстонии. 10 летчиков и воздушных стрелков погибли или не вернулись на свои аэродромы при выполнении боевых заданий за границей — на европейской территории: в Восточной Пруссии, в Польше, Румынии, Венгрии, Норвегии и Чехословакии.

В первые дни войны погиб воздушный стрелок бомбардировщика ДБ-3 207-го бап Западного Особого Военного округа младший сержант Василий Никифорович Медведев. Полк вступил в приграничные сражения с первого дня войны — 22 июня 1941 г., на задания вылетали практически без прикрытия истребителей. Самолет В. Н. Медведева был сбит истребителем противника 24 июня 1941 г. в Белоруссии [[Мемориал: Медведев 1941](#)]. В этот день 207-й полк производил боевые вылеты на бомбардировку танковых колонн и войск противника на шоссе западнее Пружаны и Кобрин. Потери авиаполка составили 65 чел. Судя по количеству не вернувшихся с боевого задания пилотов, воздушных стрелков-радистов и бомбардиров — сбиты были в этот день больше десятка наших самолетов. В. Н. Медведев

служил в одном полку с капитаном Н. Ф. Гастелло, командиром эскадрильи 207-го бап.

2 июля 1941 г. в Белоруссии, юго-западнее г. Борисов, погиб летчик Николай Пугачев, он сторел в своем бомбардировщике СБ, подбитом противником. 6 июля 1941 г. погиб в воздушном бою в районе г. Днепропетровск воздушный стрелок самолета ДБ-3 Дода Борисов. 7 июля 1941 г. не возвратился с боевого задания в районе г. Плоешти в Румынии летчик, начальник связи эскадрильи бомбардировщиков ДБ-3 Аня Менкеев.

Война уже подходила к завершению, считанные дни и недели оставались до Победы, понимали это и наши воины из Калмыкии, приближая ценою жизней своих победоносный день.

14 марта 1945 г. в Венгрии в районе г. Секешфехервар погиб кавалер двух орденов Красной Звезды — летчик, командир звена Ил-2 Т. Б. Кукаев. 15 апреля 1945 г. погиб в районе фольварка Брух в восточной Пруссии (нынешняя Знаменка в Калининградской области) воздушный стрелок бомбардировщика Ил-2 Д. М. Эвеев, награжденный медалью «За отвагу». Гвардии младший сержант Эвеев Деня Мукабенович захоронен (увековечен) на Мемориальном комплексе на братской могиле советских воинов в г. Приморск Калининградская области [[Эвеев Деня](#)].

11 апреля 1945 г. не возвратился с боевого задания в Восточной Пруссии летчик бомбардировщика ИЛ-2 В. И. Дубаненко. 5 мая 1945 г., буквально за шаг до Победы в районе г. Берн в Чехословакии погиб воздушный стрелок штурмовика Ил-10 М. М. Вартанов.

В предвоенный период наши земляки, призванные в РККА, как и многие молодые летчики, не успевали, а с началом войны, с учетом непредсказуемости судьбы, не всегда решались завести свои семьи. Об этом в какой-то мере свидетельствуют и данные в донесениях о потерях личного состава.

Почти у всех старших по возрасту до 1918 г. р. в сведениях о родственниках указаны жены — у В. Н. Диденко, Ф. В. Шевченко, Д. Ф. Харьковского, И. Я. Ионова они проживали в Калмыкии. Жена И. С. Бело-

усова проживала в Астрахани, Н. С. Пугачева — в Орловской области, Г. С. Распопова — в Читинской области, жена А. Г. Менкеева, Менкеева Валентина Васильевна, жила в Белгороде, переехала жить к родным в этот город в декабре 1943 г. с двухлетним сыном из Новочеркасска, и так как у них, потерявших в воздушном бою в июле 1941 г. мужа и отца летчика А. Г. Менкеева, не все ладилось с назначением пенсии из-за нехватки ряда документов, она в декабре 1944 г. письменно обращалась в Главное управление Кадров НКО с просьбой разрешить этот вопрос [Мемориал: Менкеев (Манкеев) 1941]. У остальных — кто младше 1918 г. р., а их было 34 чел. — указаны родители или близкие родственники. Кроме П. И. Калабухина, судьбу которого запросом через Липецкий горвоенкомат пыталась установить жена А. М. Рассохина, проживавшая в том же городе.

При исследовании практически по каждому военному летному составу найдены и изучены материалы и документы, характеризующие боевую обстановку в день их выбытия, где и когда, и при каких обстоятельствах происходили потери самолетов. К примеру, в донесении о безвозвратных потерях сказано, что самолет И-16 летчика истребителя В. С. Дармаева был подбит при атаке самолета противника и при посадке произошла катастрофа [Мемориал: Дармаев 1942]. Обстоятельства происшествия подробно выяснены: ночью 19.05.1942 в 22:43 с Батайского аэродрома был поднят самолет 572-го истребительного авиаполка с летчиком В. С. Дармаевым для патрулирования в ночной зоне на Н-2000 м, так как одиночные самолеты противника производили бомбардировку целого ряда пунктов вокруг г. Ростова и, согласно донесениям, приближались к Ростову непосредственно. Пробыв 33 минуты в зоне № 4, старший лейтенант В. С. Дармаев пришел на аэродром и пытался произвести посадку, но при посадке не смог выровнять самолет перед приземлением и вошел с углом, ударившись о взлетное поле. На моторе найдены пулевые пробоины: вероятно, преследуя самолет противника старший лейтенант В. С. Дармаев атаковал его, и в результате ответного огня

получил повреждения мотора, а также весьма вероятно, что сам и В. С. Дармаев мог получить ранение, что и привело к гибели [ЦАМО. Ф. 20543. Оп. 1. Д. 5. Л. 1].

Об этой трагедии вспоминал старший техник-лейтенант Павел Васильевич Бантыш, однополчанин В. С. Дармаева: «Весельчак и балагур, любимец полка — Василий Дармаев, раненый сумел посадить самолет, но уже потекли бензобаки. Сгорел заживо на наших глазах» [Бессмертный полк: Дармаев].

Летчик Г. С. Распопов погиб 08.09.1943 при катастрофе на своем аэродроме в результате отказа матчасти: при взлете на боевое задание на высоте 30–40 м мотор вышел из строя, на нем показалось пламя, самолет упал и загорелся. Штурман Распопов погиб [ЦАМО. Ф. 20038. Оп. 1. Д. 5. Л. 69; ЦАМО. Ф. 20038. Оп. 1. Д. 5. Л. 116].

Летчик Е. Д. Дмитриев погиб в ночь на 14.02.1944 при учебных полетах при катастрофе самолета вследствие столкновения в воздухе над полигоном [Мемориал: Дмитриев 1944].

Летчик А. Д. Алехин, как указано в извещении, погиб 12 сентября 1942 г. при исполнении служебных обязанностей, уточнено, что это произошло при катастрофе самолета на своем аэродроме в г. Чкалове, где базировался его полк [Мемориал: Алехин 1942].

28 ноября 1944 г. погиб при катастрофе самолета и летчик И. Я. Жарков, как указано в его учетной карточке [Мемориал, 1: Жарков 1944]. Изученные документы показали, что это произошло на аэродроме в г. Кутаси, где в базирующемся здесь 25-м запасном истребительном авиаполку молодой летчик Иван Жарков проходил переучивание на новый тип самолета Р-39 Airacobra («Аэрокобра», были поставлены в СССР по ленд-лизу) и погиб при катастрофе Р-39 [Мемориал, 2: Жарков 1944]. Надо отметить, что аналогичные тяжелые происшествия были нередки. К примеру, в этом же 25-м зап. ведомстве переподготовку летчиков, случаи катастроф самолета Р-39-«Кобра» с гибелью пилотов происходили 23, 24, 28 ноября, 4 и 25 декабря 1944 г. [Мемориал: Донесения о безвозвратных потерях 1945].

Несколько подробнее изучены обстоятельства выбытия и других военнотруж-

щих летных частей. К примеру, летчик Ил-2 В. И. Дубаненко, уроженец с. Тундутово, о котором упоминалось выше, ушедший на фронт в 1 июля 1941 г., после окончания 3-го военно-морского авиационного училища военно-морских сил в г. Ленинграде, служил в составе 35-й шап. В конце марта 1945 г. полк, базировавшийся на аэродроме Эльбинг, выполнял бомбовые и штурмовые удары по районам Данцига и Кенигсберга, позже — по вражеским кораблям в порту Хель. 11 апреля 1945 г. Виктор Дубаненко погиб в воздушном бою у мыса Хель Восточная Пруссия [Борисенко, Латкин 2017: 85].

Воздушный стрелок-радист самолета «Бостон» элистинец Э. Б. Задуев не возвратился с боевого задания 17 января 1945 г. из района г. Плоньск Мазовецкого воеводства (Польша). В этот день группа в составе 8 самолетов «Бостон» 970-го бап вылетела на бомбардирование живой силы и техники противника в пункте Плоньск. При заходе на цель группа была обстреляна ЗА и атакована 6-ю истребителями противника. Не возвратились с задания 3 самолета. В их числе экипаж — летчик Харитонов, штурман Скрипчинский, стрелок-радист Зазуев, воздушный стрелок Мордасов. Место нахождения и состояние самолета и экипажа неизвестны [ЦАМО. Ф. 20523. Оп. 1. Д. 179. Л. 1].

Воздушный стрелок-радист Пе-2 А. Ф. Кривцов из с. Вознесенки погиб при возвращении с боевого задания 8 мая 1943 г. в Орловской области [Мемориал: Кривцов 1943]. Девятка самолетов Пе-2 бомбардировала в этот день железнодорожную станцию Судость (Брянская область), цель была поражена. При возвращении с боевого задания при развороте на посадку из-за недостатка горючего свалился в штопор и разбился в 5 км восточнее аэродрома самолет № 6-173, сержант Л. Г. Митрофанов, младший лейтенант Ю. В. Кинев и младший лейтенант А. Ф. Кривцов погибли [ЦАМО. Ф. 22236. Оп. 204103с. Д. 4. Л. 1об.].

Самолет Ер-2, в составе экипажа которого был воздушный стрелок-радист А. Т. Лагошин, сбит истребителем противника 24 июля 1942 г. в районе х. Ильинка

Белокалитвинского района Ростовской области [Мемориал: Лагошин 1942]. В этот день в результате воздушного боя в районе Ильинка не вернулись с боевого задания 2 амолета 279-го бап, один из них в составе экипажа: сержант Иванов, младший лейтенант Морозов, сержант Лагошин [ЦАМО. Ф. 20254. Оп. 1. Д. 12. Л. 2].

О событии, произошедшем у села Ильинка 24 июля 1942 г. рассказали местные жители: «Днем со стороны хутора Шарпаевка показался летящий на низкой высоте советский бомбардировщик, за ним тянулся длинный черный шлейф. Пролетев хутор Калиновку, бомбардировщик накренился и с пронзительным ревом понесся вниз. Через мгновение раздался взрыв. На месте взрыва самолета местные жители нашли останки 3-х летчиков. Один из них был родом из Ростовской области. После освобождения Ильинки от немецких оккупантов в хутор приехали его родственники и забрали останки героя на родину». На месте, где разбился самолет, была установлена деревянная тумба, и там же были похоронены летчики. За могилой до 1967 г. ухаживали ребята детского дома, располагавшегося неподалеку. Вместо обветшавшей тумбы кто-то из местных жителей установил деревянный крест и ухаживает за могилой [Иванов 2022]. Жители села помнят и хранят память о них.

7. Выводы

Уроженцы Калмыцкой АССР — военные летчики, штурманы, воздушные стрелки, военнослужащие наземных частей Военно-воздушных сил Красной армии, оставшиеся на полях сражений при выполнении боевых заданий, ценою жизни своей внесли вклад в победу над нацизмом. Анализ их безвозвратных потерь показал, что большинство из них (81,5 %) относится к летному составу, который был подвержен гораздо большей опасности, чем наземный персонал. Боевые вылеты в тыл врага, над полем боя или над акваторией были сопряжены со смертельным риском, который мог завершиться их сбитием, гибелью или попаданием в плен. Почти половина из изучаемых персоналий летного состава (47,5 %) были 1922–1926 гг. р., которым на начало

войны (1941 г.) было 19 лет и меньше. Это свидетельствует о том, что большинство из них являлось так называемыми «авиаторами военного времени», которые в годы войны проходили ускоренную подготовку и не успевали полностью освоить свой самолет. Характерно, что среди погибших авиаторов нет военнослужащих из Калмыкии 1924 г. рождения, и всего трое — 1925–1926 гг. рождения, причем все они были воздушными стрелками, т. е. имели специальность, не требующей значительной подготовки. Анализ по месту рождения показал, что абсолютное большинство из них родились в Калмыкии или приграничных с нею регионах. Анализ по районам рождения не выявил какой-то особенности, а

анализ по местам рождения показал, что каждый седьмой (7 из 49) родились в Элисте или в пригородном с. Вознесенке. Анализ по времени призыва, по месту обучения летного состава не выявил каких-то особенностей. Анализ по времени гибели показал, что они равномерно распределились по периодам войны, даже победный 1945 год не выделяется по средним показателям. Анализ по месту службы или гибели также свидетельствует об относительно равномерном распределении изучаемых персоналий. Наши земляки — воздушные защитники Родины вписали свою славную страницу в историю Военно-воздушных сил страны в годы Великой Отечественной войны.

Источники

- Бессмертный полк: Дармаев — Дармаев Василий Сангаджиевич [электронный ресурс] // «Бессмертный полк». URL: <https://www.moypolk.ru/soldier/darmaev-vasiliy-sangadzhievich> (дата обращения: 10.05.2024).
- Борисенко, Латкин 2017 — *Борисенко И. В., Латкин А. Д.* Коса Хель. 11 апреля 1945 года // *Гангут: сб. ст.* 2017. Вып. 102. С. 67–96.
- ГИС «Память народа» — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 05.09.2023).
- Иванов 2022 — *Иванов А.* Последний вылет [электронный ресурс] // Соцсеть «Одноклассники». 4 мая 2022 г. URL: <https://ok.ru/profile/592079050794/statuses/154537524473898> (дата обращения: 10.05.2024).
- Мемориал: Алехин 1942 — Алехин Андрей Дмитриевич, 1916 г.р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168719124&p=1> (дата обращения: 15.08.2024).
- Мемориал: Дармаев 1942 — Дармаев Василий Кагаджиевич (Сангаджиевич), 1914 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50261382> (дата обращения: 10.09.2024).
- Мемориал: Дмитриев 1944 — Дмитриев Евгений Андреевич, 1922 г.р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56706316> (дата обращения: 25.09.2024).

Sources

- Darmaev Vasily Sangadzhievich. On: Bessmertnyi Polk (Immortal Regiment). Available at: <https://www.moypolk.ru/soldier/darmaev-vasiliy-sangadzhievich> (accessed: 10 May 2024). (In Russ.)
- Borisenko I. V., Latkin A. D. Hel Peninsula, 11 April 1945. *Gangut*. 2017. Vol. 102. Pp. 67–96. (In Russ.)
- Pamyat Naroda (People's Memory) government information system. Ministry of Defense of the Russian Federation. ELAR corporation. Available at: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 5 September 2023). (In Russ.)
- Ivanov A. The last flight. On: Odnoklassniki social networking service. Posted on 4 May 2022. Available at: <https://ok.ru/profile/592079050794/statuses/154537524473898> (accessed: 10 May 2024). (In Russ.)
- Alekhin Andrey Dmitrievich, b.1916. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168719124&p=1> (accessed: 15 August 2024). (In Russ.)
- Darmaev Vasily Kagadzhievich (Sangadzhievich), b. 1914. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=50261382> (accessed: 10 September 2024). (In Russ.)
- Dmitriev Evgeniy Andreevich, b. 1922. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=56706316> (accessed: 25 September 2024). (In Russ.)

- Мемориал: Евсеев 1947 — Евсеев Николай Фадеевич, 1923 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78634588> (дата обращения: 10.09.2024).
- Мемориал, 1: Жарков 1944 — Жарков Иван Яковлевич, 1922 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=37480702&p=1> (дата обращения: 10.09.2024).
- Мемориал, 2: Жарков 1944 — Жарков Иван Яковлевич, 1922 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57286050> (дата обращения: 03.10.2024).
- Мемориал: Донесения о безвозвратных потерях 1945 — Донесение о безвозвратных потерях. 29.01.1945 г. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57286039&p=3> (дата обращения: 10.11.2024).
- Мемориал: Кривцов 1943 — Кривцов Алексей Филиппович, 1922 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168515445> (дата обращения: 03.10.2024).
- Мемориал: Лагошин 1942 — Лагошин Алексей Трофимович, 1917 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52408687> (дата обращения: 10.09.2024).
- Мемориал: Медведев 1941 — Медведев Василий Никифорович, 1919 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168365547> (дата обращения: 25.10.2024).
- Мемориал: Менкеев (Манкеев) 1941 — Менкеев (Манкеев) Аня (Ани) Гакович, 1913 г. р., // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77876439> (дата обращения: 19.08.2024).
- Мемориал: Хомутников 1945 — Хомутников Владимир Васильевич, 1923 г. р. // ОБД «Мемориал». URL: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77719971> (дата обращения: 10.08.2024).
- ОБД «Мемориал» — ОБД «Мемориал» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Мемориал». Военно-мемориальный центр ВС РФ, МО РФ; корпорация «ЭЛАР». URL: <http://www.obd-memorial.ru> (дата обращения: 16.10.2023).
- ОБД «Подвиг народа» — ОБД «Подвиг народа» [электронный ресурс] // Обобщенный банк данных «Подвиг народа в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.». МО РФ: Департамент развития информационных технологий, Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭЛАР». URL: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (дата обращения: 7.08.2023).
- Evseev Nikolay Fadeevich, b. 1923. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=78634588> (accessed: 10 September 2024). (In Russ.)
- Zharkov Ivan Yakovlevich, b. 1922. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=37480702&p=1> (accessed: 10 September 2024). (In Russ.)
- Zharkov Ivan Yakovlevich, b. 1922. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57286050> (accessed: 3 October 2024). (In Russ.)
- Report on Irrecoverable Casualties of 29 January 1945. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=57286039&p=3> (accessed: 10 November 2024). (In Russ.)
- Krivtsov Aleksey Filippovich, b. 1922. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168515445> (accessed: 3 October 2024). (In Russ.)
- Lagoshin Aleksey Trofimovich, b. 1917. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=52408687> (accessed: 10 September 2024). (In Russ.)
- Medvedev Vasilij Nikiforovich, b. 1919. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=1168365547> (accessed: 25 October 2024). (In Russ.)
- Menkeev (Mankeev) Anya (Ani) Gakovich, b. 1913. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77876439> (accessed: 19 August 2024). (In Russ.)
- Khomutnikov Vladimir Vasilyevich, b. 1923. On: OBD Memorial. Available at: <https://obd-memorial.ru/html/info.htm?id=77719971> (accessed: 10 August 2024). (In Russ.)
- OBD Memorial consolidated online database. Ministry of Defense of the Russian Federation. ELAR corporation. Available at: <http://www.obd-memorial.ru> (accessed: 16 October 2023). (In Russ.)
- OBD Podvig Naroda (People's Valor) consolidated online database. Ministry of Defense of the Russian Federation. ELAR corporation. Available at: <http://podvignaroda.ru/?#tab=navHome> (accessed: 7 August 2023). (In Russ.)

- Память 1995, 1 — Память. Санл: в 2 тт. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память 1995, 2 — Память. Санл: в 2 тт. / сост.: С. С. Васькин и др.; редкол.: К. Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл / сост.: А. В. Цюрюмов и др.; редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Подвиг народа: Джапов 1943 — Джапов Арыш Бамбаевич, 1919 г. р. // ОБД «Подвиг народа». URL: <https://podvignaroda.ru/?#id=20831845&tab=navDetailManAward> (дата обращения: 10.05.2024).
- ЦАМО — Центральный архив Министерства обороны РФ.
- Эвеев Деня — гвардии младший сержант Эвеев Деня Мукабенович (Мукаденович, Мукабинович, Мукобинович). 1925 – 15 апреля 1945 [электронный ресурс] // Электронная Книга Памяти Калининградской области. URL: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=120992> (дата обращения: 10.09.2024).
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) The Memory. Sanl. Vol. 3. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 156 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. et al. (comps.) The Memory. Sanl. K. Ilyumzhinov et al. (eds.). Vol. 4. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- Dzhapov Arysh Bambaevich, b. 1919. On: OBD Podvig Naroda. Available at: <https://podvignaroda.ru/?#id=20831845&tab=navDetailManAward> (accessed: 10 May 2024). (In Russ.)
- Central Archive of the Ministry of Defense of the Russian Federation.
- Guards junior sergeant Eveev Denya Mukabeno- vich (Mukadenovich, Mukabinovich, Mukobi- novich). 1925 – 15 April 1945. On: The Online Memorial Book of Kaliningrad Oblast. Avail- able at: <https://www.prussia39.ru/memory/warrior.php?wid=120992> (accessed: 10 September 2024). (In Russ.)

Литература

- Агарков 1982 — Агарков Б. Пути-дороги фрон- товые: сб. очерков: о наших земляках-фрон- товиках. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1982. 89 с.
- Воробьева 2022 — Воробьева В. Н. Количе- ственный анализ сводной базы данных, извлеченных из книг «Память. Санл»: вре- мя, место рождения и призыва // Монголо- ведение. 2022 Т. 14 № 4 С. 684–697. DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697
- Звезды над степью 1975 — Звезды над степью: очерки о Героях Советского Союза / сост. Н. У. Илишкин. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1975. 254 с.
- Кичиков 1970 — Кичиков М. Л. Во имя победы над фашизмом. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1970. 208 с.
- Максимов 2010 — Максимов К. Н. Великая Оте- чественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Манджиев 2015 — Манджиев Н. Ц. Достоин на- граждения. М.: Принт Про, 2015. 498 с.

References

- Agarkov B. Combat Roads and Paths. Collected es- says. Elista: Kalmykia Book Publ., 1982. 89 p. (In Russ.)
- Vorobyova V. N. The Memory. Sanl: A quantitative analysis of the consolidated database by time and place of birth and conscription. *Mongolian Studies*. 2022. Vol. 14. No. 4. Pp. 684–697. (In Russ.) DOI: 10.22162/2500-1523-2022-4-684-697
- Ilishkin N. U. (comp.) Stars over Steppe: Essays on Heroes of the Soviet Union. Elista: Kalmykia Book Publ., 1975. 254 p. (In Russ.)
- Kichikov M. L. In the Name of Victory over Fas- cism. Elista: Kalmykia Book Publ., 1970. 208 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. The Rewardable One. Moscow: Print Pro, 2015. 498 p. (In Russ.)

- Очир-Горяева 2024 — *Очир-Горяева В. Н.* Безвозвратные потери участников Великой Отечественной войны 1941–1945 гг., призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти: историко-статистическое исследование: дисс... канд. ист. наук. Элиста. 2024. 192 с.
- Очиров, Ершов, Гунаев 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.
- Трембач 1963 — *Трембач И. С.* Дорогой подвигов: очерки. Элиста: Калмгосиздат, 1963. 184 с.
- Ochir-Goryaeva V. N. Fatal Casualties among Conscripts from the Kalmyk ASSR in the Great Patriotic War of 1941–1945 according to Memorial Books: A Study in History and Statistics. Cand. Sc. (history) thesis. Elista. 2024. 192 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia — in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Trembach I. S. Roads of Feats. Essays. Elista: Kalmgosizdat, 1963. 184 p. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 974–989, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 297.1

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-974-989

Центральное духовное управление мусульман РСФСР: от съезда 1923 г. к форуму 1948 г.

Вячеслав Абдулович Ахмадуллин¹

- ¹ Финансовый университет при Правительстве Российской Федерации (д. 49/2, пр-т Ленинградский, 125167 Москва, Российская Федерация)

доктор исторических наук, профессор

0000-0003-4441-2384. E-mail: [slavaah\[at\]yandex.ru](mailto:slavaah[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ахмадуллин В. А., 2024

Аннотация. В статье ставится цель объективно проанализировать и показать степень влияния органов власти советского государства на организацию жизни мусульман России. *Задачами* работы является, во-первых, анализ ранее неизвестных специалистам документов. Во-вторых, показ ранее скрытых от научной и религиозной общественности фактов трудного восхождения по ступеням религиозной карьеры муфтия Г. З. Расулева. В-третьих, воссоздание объективной картины взаимодействия органов власти и Центрального духовного управления: Антирелигиозная комиссия при ЦК ВКП(б) — Восточный отдел Объединенного государственного политического управления СССР — Совет Народных Комиссаров СССР / Совет Министров СССР — Совет по делам религиозных культов — уполномоченный Совета по делам религиозных культов в Башкирии — руководство Центрального духовного управления мусульман. *Результаты.* В статье сделан акцент на взаимодействии органов советской власти с духовным управлением мусульман в контексте решения ключевых вопросов: подготовки и проведения форумов различного уровня — совещаний, пленумов, расширенных пленумов и съезда духовного управления. При этом особый акцент сделан на проблеме трансформации Устава духовного управления, изменения территории, на которую распространялась законная деятельность Центрального духовного управления мусульман. В работе показаны главные публичные действующие лица со стороны Совета по делам религиозных культов — его уполномоченный в Башкирии М. Ш. Каримов и от духовного управления мусульман — муфтий Г. З. Расулев. Проанализированные документы дают понимание истинной природы, фундамента государственно-конфессиональных отношений и их перспективы в условиях ужесточения господствующей коммунистической идеологии.

Ключевые слова: Центральное духовное управление мусульман, Духовное управление мусульман Центральной и Европейской части СССР, Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири, Совет по делам религиозных культов

Для цитирования: Ахмадуллин В. А. Центральное духовное управление мусульман РСФСР: от съезда 1923 г. к форуму 1948 г. // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 974–989. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-974-989

Central Muslim Spiritual Directorate of the RSFSR: From the 1923 Congress to the 1948 Forum

Vyacheslav A. Akhmadullin¹

- ¹ Financial University under the Government of the Russian Federation (49/2, Leningradsky Ave., 125167 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0003-4441-2384. E-mail: slavaah[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Akhmadullin V. A., 2024

Abstract. *Goals.* The article attempts an objective analysis, and shows how Soviet authorities would structurally influence the life of Russia's Muslims. To facilitate these, the work shall examine a variety of previously unknown documents, introduce facts once unavailable to scientific and religious communities illustrating some milestones in the dramatically difficult religious career of Mufti G. Rasulev, and reconstruct an authentic scheme of interaction between public authorities and the Central Muslim Spiritual Directorate: Anti-Religious Commission under the Central Committee of the CPSU(B) — Eastern Department of the Consolidated State Political Directorate of the Soviet Union — Council of People's Commissars of the USSR / Council of Ministers of the USSR — Council for the Affairs of Religious Cults — Commissioner of the latter Council to Bashkiria — Executive Board of the Central Muslim Spiritual Directorate. *Results.* The article focuses on the communication between Soviet government agencies and Muslim spiritual executives aimed at settling some key issues pertaining to preparing and holding forums at various levels — meetings, plenums, expanded plenums, and administrative congresses. Meanwhile, special emphasis be placed on how the Charter of the Directorate would transform and reshape the scope of areas to be embraced by legitimate activities of the organization. The work indicates the two main public actors, namely: on behalf of the Council for the Affairs of Religious Cults — its Commissioner to Bashkiria M. Karimov, and on behalf of the CMSD — Mufti G. Rasulev. The analyzed documents secure an understanding of the true nature and foundations of government-religion relations and their prospects in the context of dramatically tightened Communist ideologies.

Keywords: Central Muslim Spiritual Directorate, Muslim Spiritual Directorate of Central and European Soviets, Muslim Spiritual Directorate of European Soviets and Siberia, Council for the Affairs of Religious Cults

For citation: Akhmadullin V. A. Central Muslim Spiritual Directorate of the RSFSR: From the 1923 Congress to the 1948 Forum. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 974–989. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-974-989

1. Введение

Партийно-государственный аппарат СССР, несмотря на официально декларируемое отделение церкви от государства, активно занимался решением многочисленных вопросов в жизни уммы. Очень ярко эта тенденция проявилась в вопросе подготовки и проведения пленумов и съездов духовных управлений мусульман. Архивные документы, рассекреченные за последние годы, показывают множество свидетельств диктата со стороны советского государства: начиная от состава гостей и лиц с решающим голосом на таких мероприятиях и заканчивая цензурой выступлений, подготов-

кой, в том числе редактированием уставных документов и навязыванием воли государства в вопросе выборов руководства Духовного управления (далее — ДУ) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 127, 132об., 153, 274–280, 290–294, 302, 304–306; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 526. Л. 35, 68–69, 104; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 577. Л. 38–38об.].

Заместитель начальника Восточного отдела Объединенного государственного политического управления (далее — ОГПУ) Н. Л. Волленберг и начальник второго отделения Восточного отдела ОГПУ Х. С. Петросьянс в конце 1926 г. представили в Антирелигиозную комиссию при ЦК ВКП(б)

доклад. Они обратили особое внимание на составленный Комиссией съезда Центрального Духовного управления мусульман (далее — ЦДУМ), состоявшегося в 1926 г., документ «Внутренняя структура организации ЦД управления». По мнению Н. Л. Волленберга и Х. С. Петросьянса, этот документ стал инструкцией к Уставу ЦДУМ, утвержденному в 1923 г. По их мнению, указанные в документе методы работы имамов с населением резко усиливали позиции мулл, особенно их влияние на сельских жителей, а также ЦДУМ в целом. Во-первых, акцентирование внимания имамов на том, что прихожане являются членами «одной семьи мухаметанской нации», т. е. разрушалась советская идентификация. Во-вторых, как и в § 19 Устава, имамы и муэдзины автоматически входили в состав управления приходов, что автоматически усиливало их позиции. В-третьих, сделана ссылка на Устав и на Инструкцию ЦДУМ № 1303 от 24 мая 1924 г. В соответствии с ними управления приходов были обязаны составлять списки верующих. Но в инструкции, одобренной съездом 1926 г., было сделано пояснение «Ежегодно составлять список достигших 18-летнего возраста, собирая их в отдельные места по их желанию, записавшимся выдавать удостоверения» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 77]. В-четвертых, имамам давалось право не исполнять религиозные обряды для лиц, не выполняющих решения прихода (это ставило «бунтарей» в положение изгоев. — В. А.). В-пятых, высокую обеспокоенность вызвала попытка подчинить мусульман Средней Азии ЦДУМ [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 67–83].

Безусловно, непопадание в списки верующих, особенно в условиях деревни, грозило большими неприятностями для тех, кто решил отказаться от вековых традиций принадлежности к мусульманской общине.

Укрепление советской власти позволило Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б) вынести 21 мая 1927 г. решение по отзыву Устава ЦДУМ 1923 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353. Л. 39–41].

В соответствии с Уставом ЦДУМ, председатель муфтий Р. Ф. Фахретдинов

(Фахреддинов) несколько раз пытался решить вопрос с проведением съезда, который должен был проводиться через три года. Для этого он обращался к властям и проводил совещания имамов и представителей приходов. Его обращение, например, к Председателю Комиссии по делам культов при Президиуме ВЦИК П. Г. Сидовичу и в НКВД РСФСР от 9 января 1930 г. не дали положительного результата [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 84]. Такой же результат был и по обращению в Президиум ВЦИК от 15 марта 1931 г. [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 85–86об.]. И это несмотря на то, что эти документы вместе с муфтием подписывали мусульмане, известные далеко за пределами СССР: К. Тарджиманов, З. Камалетдинов, М. Макулов (М. Магули) и М. Бобинская (единственная в истории ислама женщина, ставшая кадием¹) [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 85–86об.]. В итоге Комиссия приняла лишь 16 сентября 1931 г. решение, что созыв съезда не своевременен, о чем и доложила ЦК ВКП(б). Как показало время, ЦДУМ смогло провести съезд только 25–28 октября 1948 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 40–75].

Целью исследования является анализ государственно-мусульманских отношений в советском государстве в 1920–1940-е гг. и показ ранее неизвестных фактов деятельности Г. З. Расулева, в том числе патриотической работы, по сплочению мусульман в самые тяжелые для страны годы — в период Великой Отечественной войны.

2. Материалы и методы

Для достижения цели и решения задач исследования привлечен широкий круг источников, ранее не известных специалистам. К ним относятся: протоколы съездов, пленумов и собраний мусульман и органов власти — Антирелигиозной комиссии при ЦК ВКП(б), Совета по делам религиозных культов и т. д. Эти документы хранятся в Государственном архиве Российской Федерации (далее — ГА РФ), Российском государственном архиве социально-политической

¹ Кади (кази, казий, казий) — мусульманский судья, вершащий правосудие на основе шариата.

истории (далее — РГАСПИ), Российском государственном архиве новейшей истории (далее — РГАНИ), Центральном государственном архиве Москвы (далее — ЦГА Москвы) и Национальном архиве Республики Башкортостан (далее — НА РБ). Объектом изучения стали материалы, которые раскрывают государственно-мусульманские отношения в период 1923–1948 гг. В процессе изучения источников применялся метод сравнительно-исторического анализа и метод реконструкции. Опора на эти методы позволила понять скрытые механизмы взаимодействия властей и духовного управления, выявить неизвестные ранее события в рассматриваемый период и интерпретировать их.

3. Государственно-мусульманские отношения в 1936–1948 гг.

3.1. Назначение Г. З. Расулева временно исполняющим обязанности председателя ЦДУМ

О том, как, когда и в результате какого мероприятия председателем ЦДУМ стал Г. З. Расулев¹, говорят документы, хранящиеся в Уфе и Москве. Их изучение показывает несколько важных моментов. Во-первых, дата появления в ЦДУМ нового председателя после смерти Р. Ф. Фахретдинова (умер 12 апреля 1936 г. [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 13]) смещается не на 5 дней, а на 12 лет и 6 с половиной месяцев. Во-вторых, обнаружены некоторые неточности в биографии муфтия Г. З. Расулева, касающиеся занятия им должностей. Например, анализ трех машинописных анкет Г. З. Расулева позволил выделить важные моменты. Так, в документе «АНКЕТА на служителя культа Центрального Духовного Управления мусульман Р.С.Ф.С.Р.» указано:

3. Звание (сан) служителя культа	Временно исполняющий обязанности Председателя Духовного Управления мусульман
----------------------------------	--

¹ Габдрахман (Абдрахман) Зайнуллович Расулев — советский религиозный деятель, муфтий Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (1936–1950), девятый муфтий Центрального духовного управления мусульман России.

Анкета датирована 20 апреля 1936 г., причем эта дата в документе указана два раза. Первый раз сразу после таблицы, в которую занесены сведения, в графе «Дата заполнения анкеты». Второй раз — после графы «Отметка о регистрации» поставлен штамп «Зарегистрировано в Комиссии при Президиуме БЦИК по вопросам культа „ „ ...193.. года. Ответ. секретарь». Чернилами заполнена дата «20 апр.» и в место, где указан год, вставлена цифра «6». Рядом со штампом стоит круглая гербовая печать Центрального исполнительного комитета Башкирской АССР. Позже в первую дату внесено изменение. Поверх машинописного текста «20 апреля» синими чернилами вписано «7 / VIII», а в машинописной датировке «1936» поверх двух последних цифр ручкой сделана запись «41». Но самое важное изменение теми же синими чернилами сделано в графе 3. Пункт «Временно исполняющий обязанности Председателя Духовного Управления мусульман» исправлен. Первые три слова зачеркнуты, а в четвертом слове буква «я» исправлена ручкой на «ь»: «Председатель». Далее текст остался в первоначальном виде: «Духовного Управления мусульман». На соседних листах этого дела находится два идентичных между собой машинописных документа «Анкета на служителя культа Центрального Духовного Управления мусульман Р.С.Ф.С.Р.». Они заполнены 7 августа 1941 г., но без печатей и штампов. В графе «3. Звание (сан) служителя культа» в двух одинаковых анкетах дан ответ: «Председатель Духовного Управления» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 11, 12, 14].

В 6-м пункте в трех анкетах указано, что районом деятельности является «Р.С.Ф.С.Р.». Фактически это было нарушением Устава, который НКВД СССР утвердил 30 ноября 1923 г., так, в самых первых строчках этого документа четко названы границы территории, на которую распространялась юрисдикция этого духовного управления «Устав Духовной организации мусульман Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана)».

В деле, хранящемся в НА РБ, имеются еще несоответствия с другими документами, подготовленными через несколько лет, сегодня они находятся в ГА РФ. Например, в графе «4. Место службы и род занятий с 1914 г. по настоящее время» указано: «С 1914 г. по настоящее время мулла 5 прихода г. Троицка ... 1931 года по настоящее время мухтасиб¹ Челябинской области». Но в русскоязычной машинописной автобиографии муфтия, представленной руководству Совета по делам религиозных культов (СДРК) при Совете министров СССР в 1948 г., указано: «1934–1936 годы мухтасиб Челябинской области» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 11, 12, 14; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 104; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 34; Устав 1923].

В отчете за 1936–1948 гг., зачитанном 26 октября 1948 г. на втором заседании участников съезда управления, муфтий Г. З. Расулев заявил: «В мае месяце 1936 года я, Расулев Габдрахман, приступил к исполнению обязанностей Муфтия и возглавил руководство деятельностью Центрального Духовного Управления Мусульман» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 50, 51, 84]. Но в русскоязычной машинописной копии автобиографии муфтия, представленной в центральный аппарат СДРК в конце 1948 г. уполномоченным СДРК по Башкирской АССР М. Ш. Каримовым, указано: «С 17 апреля 1936 года до настоящего времени я, Зайнуллич Расулев, состою в должности Муфтия-Председателя Духовного управления мусульман» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 104].

Почему указано 17 апреля 1936 г.? Председатель ЦДУМ муфтий Р. Ф. Фахретдинов умер 12 апреля 1936 г. [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 13]. Для выборов нового председателя, в соответствии с Уставом, надо было проводить съезд. Но было принято другое решение. Поэтому 17 апреля

¹ Глава мухтасибата, исламский чиновник, наделенный широкими полномочиями, отвечает за соблюдение мусульманами норм шариата и морали в различных сферах общественной жизни и в быту. Мухтасибат — мусульманская административно-территориальная единица, районное объединение мечетей, в среднем 20–45 мечетей.

1936 г. состоялось 45-е заседание (совещание) ЦДУМ, в котором приняли участие два человека в качестве выборщиков лица, временно исполняющего обязанности председателя ЦДУМ (см. приложение: факс. 1 и перевод). Этими людьми были кадий Махди Магкули и кадий Зияэддин аль-Камали. Они приняли решение призвать мухтасиба Челябинской области Г. З. Расулева к исполнению обязанностей муфтия до созыва очередного съезда управления (см.: Приложение 1 [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 13–13об.]).

Таким образом, они лишь наделили Г. З. Расулева статусом лица, которое временно исполняло обязанности председателя ЦДУМ. Как показывают документы, съезд, в нарушение Устава, отозванного Народным комиссариатом внутренних дел (НКВД) СССР 1927 г., состоялся только 25–28 октября 1948 г. Именно на нем, 28 октября, Г. З. Расулев и был избран Председателем ЦДУМ. Но уже 30 октября на пленуме ЦДУМ было переименовано в Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 113. Д. 353. Л. 39–41; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 37–91; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 535. Л. 85–86; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 527. Л. 19–20, 178–179].

Сопоставление и анализ документов дают возможность увидеть еще ряд важных фактов и противоречий. Например, справка, зарегистрированная 20 апреля 1936 г. в Комиссии при Президиуме Башкирского Центрального исполнительного комитета по вопросам культа. В ней Г. З. Расулев назван в качестве «члена Центрального Духовного Управления мусульман РСФСР — а также временно исполняющего обязанности Председателя вышеназванного управления Расулева Абдрахмана Зайнулловича ... Район деятельности служителя культа Расулева А. З. ограничивается территорией РСФСР» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 15]. Тем самым указана вся территория России в административных границах на 20 апреля 1936 г. Такой подход, с одной стороны, расширял сферу влияния ЦДУМ, так как в Уставе этого управления, хранящем-

ся в РГАНИ и в Российской государственной библиотеке, указано «Устав Духовной организации мусульман Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана)» [Устав 1923]. С другой стороны, сокращал регион ответственности ЦДУМ, четко ограничив только территорией самой РСФСР, так как в § 1, несмотря на заголовок Устава, был регион, не входивший в 1923 г. в состав России: «§ 1. Учреждениями, ведающими духовно-религиозными делами мусульман на территории Татарской, Башкирской, Киргизской и Украинской республик, Чувашской, Вотской и Калмыцкой Автономных областей, а равно и губерний Внутренней России и Сибири, являются...» [РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 70; Устав 1923].

В архивном деле хранится запрос, подписанный 7 августа 1941 г. муфтием Г. З. Расулевым, Председателю Президиума Верховного Совета Башкирской АССР Р. К. Ибрагимову с просьбой выдать «справку о регистрации моей должности как председателя Центрального Духовного Управления мусульман СССР взамен справки, выданной 20-го апреля 1936 года» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 16].

Таким образом, учитывая, что в СССР к этому времени осталось только одно духовное управление — ЦДУМ, муфтий Г. З. Расулев попытался узаконить резкое расширение территории своей деятельности на все пространство СССР. В этом шаге муфтия есть важнейшая составляющая — патриотическая. Председатель ЦДУМ Г. З. Расулев обратился 18 июля и второй раз именно 7 августа, затем 2 сентября 1941 г. к мусульманам СССР с обращениями защитить Родину и ислам от агрессора — Германии. Затем 15 мая 1942 г. состоялось самое знаменитое Обращение Г. З. Расулева и 11 имамов, представлявших мусульманские общины России и Казахстана, в котором они призвали мусульман, не жалея своих сил, сражаться в священной Отечественной войне на фронте и в тылу [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 35. Л. 75–83; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 106. Л. 78–108об.;

РГАСПИ. Ф. 89. Оп. 12. Д. 10. Л. 13–15; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 84].

Учитывая ситуацию (представление документа руководителю столь высокого советского органа власти), муфтий поставил подпись на русском языке. Интересно, что без всяких бюрократических задержек референт по вопросам культа при Президиуме Верховного Совета Башкирской АССР подписал 7 августа 1941 г. справку о том, что Г. З. Расулев является председателем «Духовного управления мусульман РСФСР ... Район деятельности служителя культа Расулева Г. З. ограничивается территорией РСФСР» [НА РБ. Ф. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 16, 17].

Это означает, что Крым и Северный Кавказ власти Башкирии признали регионами ЦДУМ. Но так как 5 декабря 1936 г. из состава РСФСР была выделена Киргизская АССР, получившая 5 декабря 1936 г. новый статус и другое название — Казахская ССР, то эта республика с конца 1936 г. не имела отношения к ЦДУМ.

На съезде ЦДУМ, в отчетном докладе, зачитанном 26 октября 1948 г., его председатель Г. З. Расулев сообщил делегатам, что в речи руководителя советского государства И. В. Сталина в самом начале июля 1941 г. прозвучали ясные призывы к народам СССР. Безусловно, они во многом подтолкнули муфтия сделать в первый год войны как минимум 3 самостоятельных и одно коллективное обращение к мусульманам страны и мира в защиту СССР и ислама [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 84].

3.2. Подготовка нового Устава и съезда духовного управления

В апреле 1946 г. уполномоченный СДРК по Башкирской АССР М. Ш. Каримов доложил председателю Совета по делам религиозных культов (далее — СДРК) И. В. Полянскому о желании председателя ЦДУМ Г. З. Расулева созвать в июне 1946 г. заседание с отчетом перед членами Совета ДУМ из Москвы, Казани и других городов. И. В. Полянский не возражал против этого мероприятия, но указал на необходимость прислать в Москву доклады и принятые резолюции. М. Ш. Каримов добросовестно выполнил указание и прислал такие до-

кументы [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 26, 27, 32–46].

М. Ш. Каримов в отчете о прохождении пленума весьма откровенно докладывал: «По решению Совета по делам Религиозных культов при Совете Министров Союза ССР от 27 апреля 1946 года с 10 по 15 июня с. г. проходил расширенный пленум Центрального Духовного Управления мусульман с участием казыев, мухтасибов и имамов» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 33].

Форум начался с осмотра реликвии — волоса пророка Мухаммада (муфтий Оренбургского магометанского духовного собрания Мухаммадьяр Султанов в начале XX в. возвращался из хаджа через Стамбул. Турецкий султан Абдул-Хамид II в знак большой признательности к мусульманам России подарил ему из своей сокровищницы три волоса из бороды пророка Мухаммада. С тех пор эта реликвия хранится в духовном управлении в Уфе), затем всех 12 участников угостили водой Зам-Зам¹. После была прочитана молитва за процветание СССР и здоровье И. В. Сталина. В ходе работы пленума делегаты обменялись мнениями о путях улучшения работы и имеющихся проблемах. Одним из главнейших блоков стали доклады о патриотическом вкладе мусульманских общин, возглавляемых участниками пленума, в победу над гитлеровцами и их союзниками в годы Великой Отечественной войны [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 32–46, 69, 126].

В докладе муфтий Г. З. Расулев особо отметил патриотизм мусульманских общин, проявленный в годы войны и в послевоенный период. Важное внимание он уделил достижению в области исламского просвещения — тиражом 5 000 экземпляров была издана книга «Ислам-Дине». Он акцентировал внимание присутствующих на той помощи, которую он оказал в 1943–1944 гг. для организации трех новых мусульманских управлений в Ташкенте, Баку и Буйнакске [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 40–41].

Значительное внимание было уделено вопросу участия советских мусульман в

¹ Зам-зам (Замзам, Земзем) — колодец в Мекке под площадью мечети аль-Харам, в 20 м от Каабы.

хадже 1945 г. Г. З. Расулев негативно охарактеризовал места скопления паломников из-за их антисанитарного состояния. В связи с этим муфтий предложил передать их международному комитету мусульман для наведения порядка. В этом ключе он предложил решить и проблему святых мест христиан и иудеев в Палестине. Важное внимание он уделил изменениям в структуре духовного управления за период с 1941 г. по 1946 г. За это время был создан казият, назначены 73 имама и 1 муэдзин. В селах были назначены 63 имама, и 16 человек были утверждены в 14 городах, в том числе по одному в Минске и Кракове. В начале января 1947 г. М. Ш. Каримов доложил в Москву, что в 1946 г. Г. З. Расулев утвердил в Минске двух имамов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 40–44, 117, 124].

Три назначения имели очень важное значение, ведь Минск, а тем более Краков формально, по Уставу не входили в юрисдикцию ЦДУМ. Но эти назначения не вызвали негативной реакции со стороны органов власти, в том числе СДРК.

Участники пленума приняли постановление, которым полностью одобрили деятельность председателя ЦДУМ Г. З. Расулева, поблагодарили советское правительство за организацию поездки в хадж в 1945 г., а также поручили муфтию подготовить обращение с призывом честно трудиться по реализации планов руководства СССР для восстановления экономики [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525 Л. 46].

В отчете М. Ш. Каримова за III квартал 1946 г. откровенно засвидетельствовано, что муфтий Г. З. Расулев за отчетный период несколько раз согласовывал разные мероприятия. Одно их важнейших — согласование нового Устава ЦДУМ, разработанного по рекомендации М. Ш. Каримова. Этот документ с заключением уполномоченного был выслан в СДРК. В заключительном отчете за 1946 г. уполномоченного по Башкирской АССР отмечено, что старый Устав ДУМ устарел и не соответствует действующему законодательству по целому ряду существенных вопросов. Поэтому М. Ш. Каримов рекомендовал муфтию Г. З. Расулеву разработать проект нового

устава. Документ был оперативно подготовлен, затем прошел процедуру одобрения казиев и согласован с СДРК. Поэтому с ноября 1946 г. ЦДУМ стал руководствоваться новым Уставом [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525 Л. 92, 127].

Проблемы с нарушением Устава серьезным образом волновали центральный аппарат СДРК. Поэтому секретным письмом от 25 февраля 1947 г. М. Ш. Каримову было указано поговорить с муфтием по вопросу, который СДРК считал нарушением Устава: М. Тугузбаев состоял на четырех должностях — имам мечети в Уфе, ответственный секретарь ЦДУМ, заведующий финансовым отделом ЦДУМ и председатель ревизионной комиссии ЦДУМ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525 Л. 132об.].

И. В. Полянский подписал 15 марта 1948 г. письмо, в котором рекомендовал М. Ш. Каримову провести деликатно беседу с муфтием по вопросу созыва не расширенного пленума, как хотел Г. З. Расулев, а съезда ЦДУМ. Руководство СДРК высказало желание созвать съезд в 1948 г., так как последний раз он созывался в 1936 г., а их периодичность в соответствии с Уставом составляла 3 года. На форуме предстояло решить ряд вопросов, в том числе провести выборы руководящих органов (в составе ревизионной комиссии остался только ее председатель). В случае согласия муфтий должен был составить детальный план проведения съезда: время и место проведения, количество гостей и делегатов и т. д. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 247–247об.].

В конце мая 1948 г. М. Ш. Каримов доложил И. В. Полянскому о беседах с Г. З. Расулевым в контексте подготовки муфтием плана проведения съезда. В представленных председателем ЦДУМ предложениях были учтены вопросы времени проведения форума, новому составу руководства и т. д. Важнейшей проблемой стало утверждение нового Устава. Муфтий был вполне готов оставить свою должность в случае негативного отношения к нему властей, в том числе центрального аппарата СДРК. Надо отметить, что позиция председателя СДРК несколько смягчилась относительно уровня проведения форума ЦДУМ. И. В. По-

лянский через М. Ш. Каримова предложил Г. З. Расулеву самому решить, будет это расширенный пленум или съезд [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 271–274].

В первой половине 1948 г. М. Ш. Каримов довел до муфтия мнение СДРК о целесообразности созыва не только пленума управления, как просил Г. З. Расулев, а съезда с 25 октября 1948 г. и только после него пленума. Председатель ЦДУМ основательно подготовился к беседе, в ходе которой показал проект повестки дня съезда и последующего за ним пленума, а также подготовительных мероприятий в регионах. В проекте повестки дня съезда были следующие вопросы: доклад муфтия о работе ЦДУМ, содоклад М. Тугузбаева о финансовой деятельности, выборы 9 членов пленума — казиев и 5 членов ревизионной комиссии. На пленуме Г. З. Расулев предложил избрать председателя и президиум ЦДУМ [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 291–294].

От уполномоченного М. Ш. Каримова в центральный аппарат СДРК 11 августа 1948 г. поступило секретное письмо, в котором он докладывал, что повторно беседовал с муфтием для уточнения нормы представительства делегатов, статуса гостей и т. д. Предложенное Г. З. Расулевым количество делегатов от общин различных регионов нарушало действующий Устав, но фактически отражало ситуацию — показывало, где и какие общины замыкаются на ЦДУМ. Председатель ЦДУМ предложил пригласить от 158 мечетей, расположенных в России и подчинявшихся ЦДУМ, 38 делегатов. Но, кроме них, Г. З. Расулев назвал еще 2 делегатов от 8 мечетей Белоруссии и 5 делегатов от 12 мечетей Литвы. Особое внимание было уделено проекту Устава. В новом документе муфтий предложил избирать в члены ЦДУМ не 6 казиев, как в Уставе 1923 г., а 8. Муфтий также просил внести в Устав положение по выборам — пленум управления наделялся правом избирать для текущей работы президиум из членов ЦДУМ, в который должны были войти муфтий и два члена пленума. В середине августа 1948 г. СДРК и оповестил М. Ш. Каримова, что поправки Председателя ЦДУМ поддержаны, а также о том, что

муфтий вышел на Совет министров (далее — СМ) СССР с ходатайством о разрешении съезда [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 275–280].

И. В. Полянский 13 августа 1948 г. сообщил правительству СССР о просьбе муфтия Г. З. Расулева разрешить собрать 25 октября 1948 г. в Уфе очередной съезд духовного управления в количестве 45 человек. К ходатайству прикладывалась программа проведения мероприятия. К рассмотрению намечались 4 вопроса: доклад о проделанной работе; утверждение Устава; выборы нового состава управления; выборы ревизионной комиссии, в том числе выборы нового состава управления и членов ревизионной комиссии. Все вопросы съезда были обоснованы: состав ревизионной комиссии и руководства духовного управления после последних выборов распался, поэтому часть членов были кооптированы. Констатировалось, что Устав, утвержденный НКВД РСФСР 30 ноября 1923 г. и дополненный на пленуме в июне 1946 г., не отражает исторических реалий. И. В. Полянский также доложил, что последний съезд прошел в 1936 г. К докладу председатель СДРК приложил и проект распоряжения СМ СССР о разрешении созыва съезда этого духовного управления в Уфе 25 октября 1948 г. В итоге 11 сентября 1948 г. СМ СССР издал распоряжение № 12974рс, которым разрешалось проведение съезда в Уфе 25 октября 1948 г. И. В. Полянский отправил 14 октября в СМ СССР, В. М. Молотову и К. Е. Ворошилову доклад, в котором сообщал об этом решении и предложил командировать на форум служащего Совета с приветственной речью, пронизанной положительными моментами о роли и месте мусульман в советском обществе [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 177, 178, 198, 199–200, 206, 207–208, 209, 210–211].

Незадолго до съезда ЦДУМ по Башкирской АССР составил план работы на II полугодие 1948 г. В нем было намечено установление надлежащего наблюдения за деятельностью ЦДУМ «особенно с подготовкой и проведением ДУМ, съезда представителей духовенства и верующих мирян» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 301–302]. В кон-

це сентября 1948 г. заместитель Председателя СДРК довел до уполномоченного по Башкирской АССР информацию о позиции относительно проведения съезда ЦДУМ и выезде из Москвы сотрудника СДРК для помощи в организации съезда и официального присутствия на нем [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 304–306].

Как показывает анализ документов съезда и пленума, а также поступивших перед ними указаний СДРК, муфтият все выполнил достаточно точно, съезд прошел по намеченному сценарию.

СМ СССР распоряжением № 12974рс от 11 сентября 1948 г. разрешил проведение съезда, что вызвало усиленную работу и центрального аппарата СДРК [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 198–200, 206–211].

Заместитель председателя СДРК Ю. В. Садовский 20 сентября 1948 г. подписал письмо с указаниями М. Ш. Каримову о предстоящем съезде мусульман ЦДУМ. Затем 22 сентября он подписал 30 писем для уполномоченных других регионов. СДРК в категорической форме высказался против приезда в качестве делегатов съезда мусульман из Украины, Белоруссии и Литвы. Было указано, что позже СДРК назовет одну фамилию из Украинской ССР, двух из Башкирской АССР и одного из Литовской ССР, которые муфтий должен будет пригласить в качестве гостей. Кроме того, СДРК рекомендовал пригласить двух гостей от Духовного управления мусульман Средней Азии и Казахстана и по одному от Духовного управления мусульман Закавказья и Духовного управления мусульман Северного Кавказа. Совет настаивал на том, чтобы муфтий срочно прислал в СДРК полный текст нового проекта Устава. В нем требовалось показать: состав управления — 7 членов и 2 кандидата; президиум управления — председатель, его заместитель и ученый секретарь; ревкомиссия — 3 члена и 2 кандидата; все мухтасибаты в четких границах и полный список их задач. Новацией стала должность ответственного разъездного инструктора. Особый акцент был сделан на новом названии организации — Духовное управление мусульман Центральной и Европейской части СССР (ЦЕДУМ). СДРК потребовал от

уполномоченных приложить все усилия для проведения съезда в соответствии с разработанным сценарием: проверенные и отредактированные выступления делегатов и т. д. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 55. Л. 54–57; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 304–306].

Изучение этих писем позволяет сделать вывод, что советские чиновники активно вмешивались в дела религиозных организаций, тем самым нарушая законы СССР.

По указанию СДРК и по согласованию с партийно-государственными структурами Башкирской АССР, Г. З. Расулев созвал 24 сентября 1948 г. в Уфе инструктивное совещание с 10 мухтасибами по порядку выборов делегатов на съезд. Муфтий представил уполномоченному СДРК и мухтасибам проект повестки дня и планируемый им состав нового руководства управления. О всех деталях подготовки съезда М. Ш. Каримов регулярно информировал Председателя СМ Башкирской АССР Р. Н. Уразбаева [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 526. Л. 36–37].

За III квартал 1948 г. муфтий пять раз встречался с уполномоченным СДРК. Они обсуждали состав делегатов, сценарий съезда, новые штаты управления, его название и Устав. В результате список делегатов был уточнен и выслан в СДРК. М. Ш. Каримов 30 сентября 1948 г. отправил в Москву и проект Устава, к которому у Г. З. Расулева были серьезные нарекания. М. Ш. Каримов в 1948 г. подписал секретное письмо И. В. Полянскому, в котором доложил, что, по мнению Председателя ЦДУМ, новое название управления лишает его перспективы работы на всероссийском пространстве [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 24, 29, 35–37].

Безусловно, такая позиция вызывает недоумение. Она была чревата значительными негативными последствиями. Ведь 20–23 июня 1944 г. в Дагестане родилось новое управление мусульман, юрисдикция которого распространялась на весь Северный Кавказ. Более того, на съезде в Уфе почетным гостем был заместитель председателя Духовного управления мусульман Северного Кавказа М. Г. Курбанов [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218; ГА РФ.

Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 551. Л. 111–114; ГА РФ. Оп. 4. Д. 448. Л. 8об., 10; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 92–94; РГАНИ. Д. 32. Л. 48; РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 125. Д. 261. Л. 47–50].

Во время одной из встреч муфтий предложил уполномоченному СДРК организовать трансляцию по радио его доклада на съезде. М. Ш. Каримов возразил, сославшись на несколько причин: из-за длительности доклада необходимо будет прервать другие передачи, в том числе и правительственные; стоимость трансляции будет очень высока из-за отсутствия в мечети необходимого оборудования. Приведенные доводы для председателя ЦДУМ были убедительными [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 38].

Накануне открытия съезда ЦДУМ, 11 октября 1948 г., И. В. Полянский дал указание уполномоченному М. Ш. Каримову побеседовать с Г. З. Расулевым и рекомендовать муфтию пригласить на съезд указанных СДРК четырех гостей — руководителей мусульман Белоруссии и Литвы: имама мечети города Клецк Барановичской области, Мустафу Иосифовича Александровича, имама мечети деревни Муравщица Ивьевского района Молодечненской области Мустафу Александровича Шабановича, имама мечети города Алитусе Алитусского уезда Литовской ССР Адама Давыдовича Халецкаса и председателя Всеимусульманского комитета в Литве Сулеймана Ясинского. Ввиду скорого созыва съезда СДРК предложил муфтию Расулеву отправить им не письмо, а телеграмму. Таким образом от мусульман Украины не были приглашены ни делегаты, ни гости [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 17–18].

Но даже при такой тщательной работе партийно-государственному аппарату не удалось избежать неожиданностей. Мухтасиб Новосибирской области Х. Халидуллин в тайне от Г. З. Расулева провел в гостинице «Башкирия», где жили почти все участники съезда, совещание с мухтасибами для недопущения выбора последнего на пост Председателя Духовного управления мусульман. В случае выбора Г. З. Расулева он хотел перейти под управления Среднеазиатского духовного управления мусульман (далее — САДУМ). Тем не менее съезд и пленум

прошли по плану председателя ЦДУМ, одобренного партийно-государственным аппаратом, в том числе СДРК [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 37–38].

Съезд управления проходил 25–28 октября 1948 г. в Уфе в мечети I прихода (ул. Тукаевская, д. 52). Съезд получил 20 приветственных телеграмм из различных городов СССР. В повестке дня было три вопроса: отчетный доклад муфтия о работе в 1936–1948 гг.; утверждение нового Устава; выборы муфтия, казыев и ревизионной комиссии. В день открытия съезда депутаты отправили приветственную телеграмму И. В. Сталину и троекратно произнесли в его честь «Так-бир». Они выразили благодарность советской власти и лично И. В. Сталину за свободу совести в СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 40–41].

Особо съезд отметил патриотическую деятельность ЦДУМ в годы Великой Отечественной войны. На съезде выступили 18 делегатов. Имам из Казани К. Салихов негативно оценил работу Г. З. Расулева: «за 12 лет деятельности муфтием сделано очень мало, и нет никакого сдвига в работе Духовного Управления. Плохо обстоит с подготовкой кадров. Не подготовленные имамы не могут выступить с проповедью перед верующими мусульманами, что Духовное Управление не разработало тем проповедей и не дало местам руководящих указаний по этому вопросу» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 42]. Мухтасиб Челябинской области И. Д. Рахматуллин, высоко оценив работу муфтия, в качестве недостатка отметил отсутствие курсов переподготовки имамов и подготовки кадров. Все остальные выступившие очень высоко оценили деятельность муфтия. В итоге единогласно, путем открытого голосования, Г. З. Расулев был избран председателем духовного управления. В ходе выборов казьями — членами управления были избраны 6 человек: Х. Ф. Насрутдинов (Москва), Я. С. Юсупов (Пенза), К. К. Кадыров (Казань), З. М. Рахманкулов (Чкалов), Б. В. Тугузбаев (Уфа) и Х. Х. Халидуллин (Новосибирск), кандидатами в члены стали Г. З. Расулев (Астрахань, родной брат муфтия) и И. Хамзин (Куйбышев). В состав ревизионной комиссии вошли: И. Д.

Рахматуллин (Троицк Челябинской обл.), Х. Р. Латыпов (Ульяновск), Х. Габдулханов (дер. Куян Молотовской обл.) и два стали кандидатами в члены — Г. Хасанов (Пушкинский район Московской обл.) и Ш. Кадьргулов (дер. Тимасово, Баймакский район Башкирской АССР) [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 526. Л. 37–91; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 527. Л. 19–20, 178–179; ГА РФ. Ф. Р-6991. Д. 535. Л. 85–86].

Большой интерес вызывает информация, доведенная муфтием Г. З. Расулевым до участников съезда в ходе прений 27 октября 1948 г.: «При царизме Духовное Управление Устава не имело, и муфтий работал под руководством губернатора. После Октябрьской революции был выработан и утвержден Устав в 1926 году, но впоследствии он был аннулирован, в 1943 г. был выработан новый Устав, но не был пред'явлен для регистрации. Представляемый настоящему Съезду на утверждение новый Устав, выработан мною при этом консультировался с юристами» [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 62].

Исходя из анализа документов, можно утверждать: в информации муфтия есть некоторая недосказанность. «Устав Духовной организации мусульман Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана)» был утвержден НКВД 30 ноября 1923 г. Изученные «Материалы о съезде мусульманства в УФЕ (25/Х – 4/ХІ)» 1926 г. показали, что на этом форуме Устав не был принят, но съезд утвердил документ «Внутренняя структура организации ЦД управления» [РГАСПИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 19–83; РГАНИ. Ф. 3. Оп. 60. Д. 18. Л. 74–83].

При этом председатель ДУМ не стал говорить про Устав, который был одобрен казьями в 1946 г. [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 525. Л. 92, 127].

Перед закрытием съезда выступившие делегаты отметили, что лишь в СССР имеет место содружество всех национальностей и все они пользуются одинаковыми правами. Участники пожелали долгой жизни руководителям СССР «во главе с великим Иосифом Виссарионовичем Сталиным, и свое пожелание они подтвердили троекратным

провозглашением „токбир“». По поручению съезда Г. З. Расулев подготовил для мусульман всего мира обращение, показывающее, насколько свободно живут советские мусульмане. И. В. Полянский сначала был против такого пропагандистского шага, считая, что съезд не имеет особого значения для внешней политики СССР. Но очень скоро он предложил руководству СССР реализовать этот замысел, что и было сделано через СМИ СССР [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218–219; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 61. Л. 2–3; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 46–47, 50–51, 78–80; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 964. Л. 3–4, 95–98].

Относительно количества депутатов в документах разногласий нет — их было 35. Но по количеству гостей данные противоречивые. Муфтий 24 сентября 1948 г. говорил мухтасибам про 10 гостей. Про это количество И. В. Полянский доложил 10 ноября 1948 г. Правительству СССР. Но в секретном докладе о прошедшем съезде М. Ш. Каримов сообщил руководству СДРК, что гостей было 16 и еще 5 человек пригласил муфтий [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 54. Л. 218; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 36–37].

После завершения съезда, 30 октября 1948 г., состоялся I пленум нового состава духовного управления. Он сделал три важных шага: переименовал ЦДУМ в Духовное управление мусульман Европейской части СССР и Сибири (ДУМЕС); принял новый Устав; избрал Президиум ДУМЕС. В него вошли Г. З. Расулев, М. Тугузбаев, З. Рахмангулов¹. В новом Уставе права управления урезались, что четко соответствовало генеральной линии партии на вытеснение религии из жизни общества. Духовное управление мусульман европейской части СССР и Сибири (далее — ДУМЕС) переключался на учет общин и мечетей, кадровые вопросы, толкование основ ислама [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 75–77]. При этом все эти вопросы все жестче контролировались различными органами власти, в том числе и СДРК.

¹ Здесь и далее в случаях, когда не указано отчество, причина в том, что сведения о нем отсутствуют в архивных документах.

14 декабря 1948 г. член Совета Н. Тагиев провел беседу с Председателем ДУМЕС в Ташкенте, куда муфтий приехал на съезд САДУМ. В ходе беседы они обсудили дальнейшее функционирование ДУМЕС в контексте решений последнего съезда управления [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 966. Л. 221–223].

В апреле 1949 г. И. В. Полянский отправил в ЦК ВКП(б) совершенно секретный доклад, в котором сообщал, что ДУМЕС провело свой съезд с разрешения руководства СССР в октябре 1948 г. [РГАСПИ. Ф. 17. Оп. 132. Д. 111. Л. 61].

Этот документ, предназначенный для узкого круга лиц, предельно четко показывает степень религиозной свободы в советском государстве.

В конце I квартала 1949 г. был зарегистрирован новый состав мутаваллиата (исполнительный орган мечети, попечительский совет, состоящий из ее прихожан и ведающий деятельностью мечети) Московской мечети, бывший ранее Председателем мутаваллиата З. Алимов стал его членом. Два старых члена мутаваллиата И. Туктаров и З. Хабибуллин стали членами ревизионной комиссии. Я. Желандинов стал новым Председателем мутаваллиата [ЦГА Москвы. Ф. Р-3004. Оп. 1. Д. 14. Л. 21].

Во второй половине мая 1953 г. служащий центрального аппарата, член СДРК Л. А. Приходько доложил руководству, что с 1949 г. съезды духовных управлений мусульман не проводились, а все важные вопросы решались путем созыва пленумов с приглашением на них членов духовного управления и ограниченного круга мусульманских деятелей [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 91. Л. 263].

Результаты, полученные от проведенного съезда и пленума Духовного управления мусульман европейской части СССР и Сибири (далее — ДУМЕС), совпали с ожиданиями партийно-государственного аппарата и соответствовали тем усилиям, которые он приложил к этому. Во многом это стало возможным из-за того, что чиновники до последнего момента проводили соответствующую работу с участниками мероприятий. Так, сотрудник центрального аппарата СДРК Н. Х. Тагиев провел беседу с

приглашенным на съезд руководителем Духовного управления мусульман Закавказья шейх-уль-исламом Ализаде. Уполномоченный по Башкирии многократно и тщательно согласовывал все документы и проводил встречи с соответствующими лицами для проведения форума без накладок и неожиданностей. Такие встречи были и накануне съезда [ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 526. Л. 29; ГА РФ. Ф. Р-6991. Оп. 3. Д. 966. Л. 216].

4. Заключение

Проанализированные документы позволяют сделать несколько важных выводов. Во-первых, в связи с отзывом Устава 21 мая 1927 г. решением Комиссии по проведению декрета об отделении церкви от государства при ЦК ВКП(б), ЦДУМ РСФСР де-юре не существовало, несмотря на продолжившуюся работу его сотрудников. Во-вторых, 45-е заседание ЦДУМ РСФСР 17 апреля 1936 г., в составе двух человек, ни по статусу, ни по количеству не может быть названо съездом. В-третьих, проведенное на этом совещании избрание дало ЦДУМ не председателя, а исполняющего его обязанности. В-четвертых, на заседании съезда ЦДУМ, состоявшемся 28 октября 1948 г., Г. З. Расу-

лев был избран председателем. В-пятых, и это самое важное, Г. З. Расулев был глубоко верующим мусульманином и патриотом, возглавившим значительное количество мусульман СССР в их патриотическом порыве, именно он сумел, в том числе и через опору на государственные ресурсы, в том числе СМИ, довести до единоверцев цель и задачи вооруженной и трудовой борьбы за сохранение ислама, государственной независимости и целостности СССР. В-шестых, де-юре ЦДУМ РСФСР не существовало на протяжении более чем 21 года — с 21 мая 1927 г. — с дня отзыва Устава и по 25 октября 1948 г. — первого дня съезда. В-седьмых, СДРК транслировал волю руководства страны относительно даты созыва съезда ЦДУМ, при этом сам СДРК тщательно подбирал состав участников и планировал результаты работы съезда, для чего отработывалось большое число документов.

Несомненно, результаты тщательных архивных поисков приведут исследователей к новым открытиям в деятельности Г. З. Расулева на различных этапах его служения мусульманским народам СССР, в частности, и в целом — советскому государству.

Источники

ГА РФ — Государственный архив Российской Федерации.
 НА РБ — Национальный архив Республики Башкортостан.
 РГАНИ — Российский государственный архив новейшей истории.
 РГАСПИ — Российский государственный архив социально политической истории
 ЦГА Москвы — Центральный государственный архив Москвы.

Литература

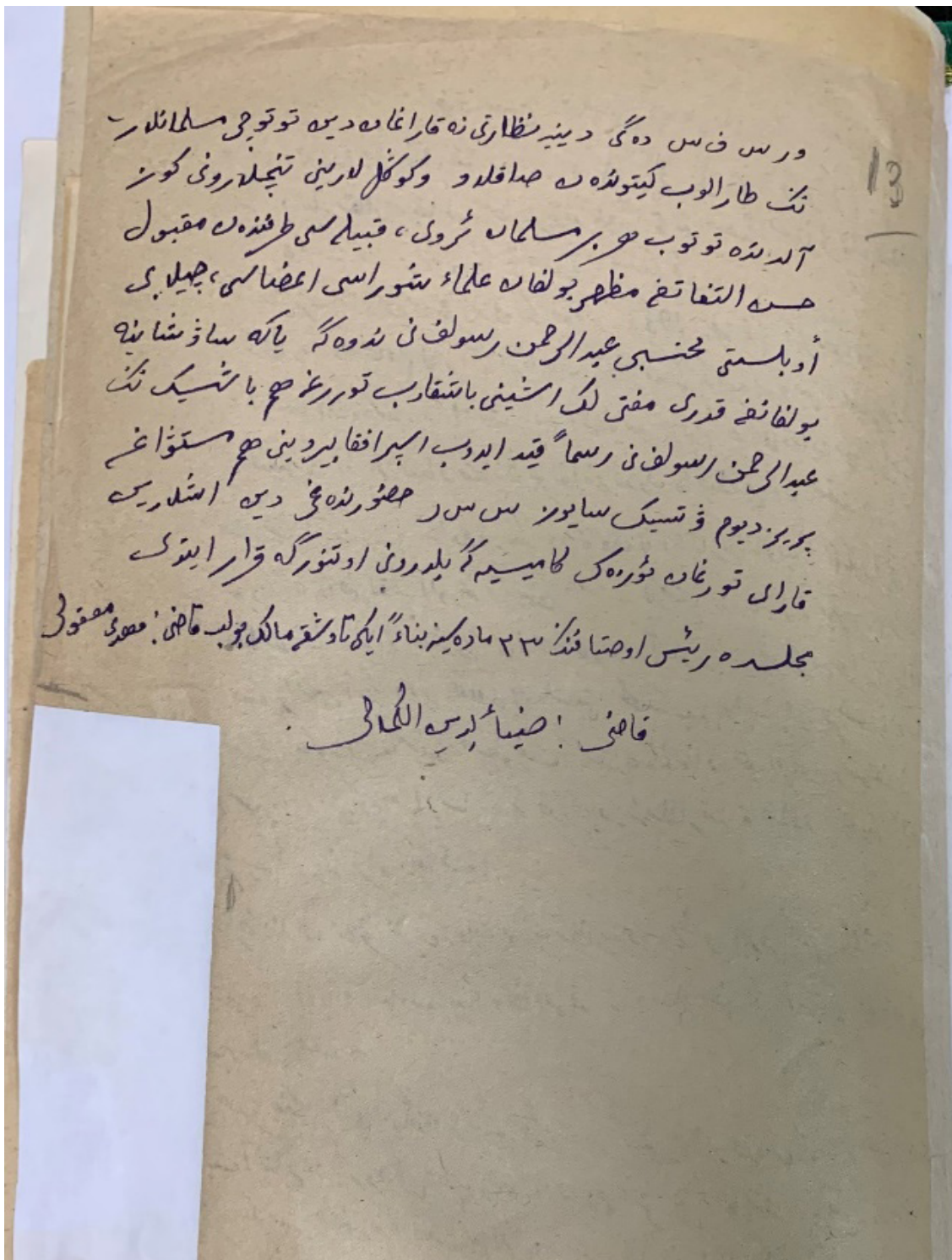
Устав 1923 — Устав Духовной организации мусульман Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (за исключением Крыма, Кавказа и Туркестана). М.: Тип. «Красный Восток», 1923. 8 с.

Sources

State Archive of the Russian Federation.
 National Archive of the Republic of Bashkortostan.
 Russian State Archive of Contemporary History.
 Russian State Archive of Sociopolitical History.
 Central State Archive of Moscow.

References

Charter of Muslim Spiritual Association of the Russian Socialist Federative Soviet Republic (with the Exceptions of the Crimea, Caucasus and Turkestan). Moscow: Krasnyi Vostok, 1923. 8 p. (In Russ.)

Факс. 1. Протокол 45-го заседания ЦДУМ, состоявшегося 17 апреля 1936 г., по избранию Г. З. Расулева временно исполняющим обязанности председателя духовного управления [НА РБ. Р-394. Оп. 9. Д. 42. Л. 13–13об.]

[Fig. 1. Forty fifth meeting of Central Muslim Spiritual Directorate held on 17 April 1936 to appoint G. Rasulev acting Chairman. Minutes. Photo]

فوق ہشتینی مجلس

13

مذکورہ دینہ نظارتہ قرار ۱۹۳۶ء بمطابق ۱۷ اپریل ۱۹۳۶ء
 دینہ نظارتی مجلسینہ حاضر بولدیار قاضی مہدی معقولی قاضی ضیاء الدین الکملی
 مجلس دہ رئیس قاضی مہدی معقولی

مفتی رضاء الدین بہ خیر الدین نے اکتوبر ۱۹۳۶ء - ۱۲ اپریل ۱۹۳۷ء وفات بولوی
 نظارت دہ خادم لہ رتک آریاوی و اسٹنٹ کوب بولوی اعتبار غہ ثالوب
 اسلام مذہب سندرہ علماء ستوراسی اعضا س بولوب صایلا نفاہ عبدالرحمن رسولانی
 (سببوز) یا کہ سادہ شایبہ بولفانہ قدری قاضی لطف آلو حقنہ .

مفتی حضرت تنک وفاتی، خادم لارنگ آریاوی اعتبار غہ ثالوب ۱۹۲۶ء بمطابق
 مذہب دہ قاضی لطف آلو غہ احتیاج توسنہ اوشبو مذہب (اسبوز) طرفندہ
 صایلا نفاہ علماء ستوراسی اعضا لارنگ آلو غہ دیو لکن قرار غہ بناء علماء
 ستوراسی اعضا سی جیلای اوبلستی محاسبی بولوب ہیج بر جھنہ ہ حاضر گ
 قدری حکومت قاضیہ مسئولیت آسنڈہ قالمغان عبدالرحمن رسولانی -
 (اسبوز) یا کہ سادہ شایبہ ک قدری دینہ نظارتہ قاضی لطف کابتر اوقات
 متوب آلو غہ قرار ابتدک .

مفتی رضاء الدین بہ خیر الدین وفات بولوب نظارت دہ رئیس ایہ رکنی قالماد غنڈہ
 (سببوز) یا کہ سادہ شایبہ بولفانہ قدری و قتل مفتی لک اسٹنی اوتابوی -
 تعین لاد حقنہ .

مفتی حضرت تنک وفاتی ہوکنڈہ رئیس لک ایہ رکنی بولماد غنڈہ کچر چہ مفتی اکنڈہ
 وصیت ایتلک یاروبولم دہ ہو وصیت اسلام شریعتی قاضیہ باطل بولماد غنڈہ
 رکن حکومت چھورنڈہ قید ایہ لکن دینہ نظارتی اوصطافی تنک کابتر مادہ کینہ
 مع مذہب قرار لارنگ خلاف بولوی اعتبار غہ ثالوب، حال حاضر دہ تورکی جمہوریت دہ

Перевод протокола
45-го заседания ЦДУМ, состоявшегося
17 апреля 1936 г., по избранию
Г. З. Расулева временно исполняющим
обязанности
председателя духовного управления

Сорок пятое заседание ЦДУМ

Решение Центрального духовного
управления от 17 апреля 1936 г.

На собрании Центрального духовного
управления присутствовали кадии (судьи)
Махди Магкули и Зияэддин аль-Камали.
Председатель собрания судья Махди Маг-
кули.

Слушали:

1. О кончине муфтия Ризаэтдина бин
Фахретдина 12 апреля 1936 года.

2. О принятии в должность кадия Абду-
рахмана Расулева, избранного на мусуль-
манском съезде членом Ученого совета
Центрального духовного управления.

Решение:

В связи с кончиной муфтия, сокращени-
ем штата сотрудников, а также принимая во
внимание решение мусульманского съезда
1926 года о том, что в случае необходимо-
сти разрешается занять пост кадия одному
из избранных членов Ученого совета Цен-
трального духовного управления.

В этой связи член Ученого совета, мух-
тасиб Челябинской области Абдурахман
Расулев, не находящийся под следствием
государственных органов, до проведения
съезда, командировается для исполнения
должности кадия Центрального духовного
управления.

Слушали:

До проведения съезда о назначении вре-
менно исполняющего функции муфтия по
причине кончины муфтия Ризаэтдина бин
Фахретдина.

После смерти муфтия нет достойной
кандидатуры для занятия поста председа-
теля (муфтия). Хотя имеется письменное
завещание муфтия на этот счет, однако за-
вещание неправомерно с точки зрения ис-
ламского права и противоречит статье 6
Устава ЦДУМ, зарегистрированного по со-
гласованию с центральным правительством.
Принимая во внимание, что сейчас другая
республика, и для сохранения единства му-
сульман, относящихся к ЦДУМ в РСФСР,
их душевного равновесия и спокойствия
каждое племя и род принимает это решение
о временном утверждении члена Ученого
совета, мухтасиба Челябинской области Аб-
дурахмана Расулева, до проведения съезда,
исполняющим обязанности муфтия и пред-
ставлении в БашЦИК и в Президиум ВЦИК
СССР справки о его официальной регистра-
ции и информировании Центральной ко-
миссии по делам религий в Москве.

Председатель собрания согласно статьи
23 Устава ЦДУМ подтверждает голосование
двумя голосами. Подписали: Махди Магку-
ли и кадий Зияэддин аль-Камали¹

¹ § 6. Центральное Духовное Управление из-
бирается съездом представителей духовенства и
приходов сроком на три года в составе предсе-
дателя, именуемого Муфтием, и шести членов,
называемых Казыями. Оно имеет постоянное
местопребывание в г. Уфе в отведенном для него
доме по Тукаевской ул., № 50.

§ 23. Все вопросы духовные организации ре-
шают большинством голосов, причем при разде-
лении голосов пополам голос председателя дает
перевес.

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 990–1004, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(47).084.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-990-1004

Мобилизация населения Калмыцкой АССР по данным «Алфавитной книги призванных в Красную армию военным комиссариатом Улан-Хольского района»

Валентина Николаевна Очир-Горяева¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
младший научный сотрудник

 0000-0003-1527-7021. E-mail: [valenti9708\[at\]gmail.com](mailto:valenti9708[at]gmail.com)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Очир-Горяева В. Н., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена статистическому анализу сводной базы данных, извлеченных из алфавитной книги призванных в Красную армию военным комиссариатом по Улан-Хольскому улусу (району) Калмыцкой АССР. *Целью* настоящей статьи является статистический анализ сводной базы данных военнотружущих, призванных в Красную армию по данным алфавитной книги военного комиссариата Улан-Хольского района. *Материалы и методы.* Источником данного исследования послужили материалы военного комиссариата Республики Калмыкии по Улан-Хольскому району, опубликованные в ГИС «Память народа». В работе применялся широкий спектр общенаучных и специально-исторических методов, включая квантитативный и статистический методы. *Результаты.* Книга военного комиссариата содержит информацию о 1 565 жителях Улан-Хольского и Лаганского районов. В процессе анализа выяснилось, что в книге имеются повторы, ошибки и неточности в сведениях. Тем не менее составленная и исправленная база данных охватывает значительное количество военнотружущих, обработка которых дает возможность для более глубокого изучения участия наших земляков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Ключевые слова: Великая Отечественная война, база данных, Красная армия, Калмыцкая АССР, призыв, статистический анализ

Благодарность: Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Юго-восточный пояс России: исследование политической и культурной истории социальных общностей и групп» (номер госрегистрации: 122022700134-6).

Для цитирования: Очир-Горяева В. Н. Мобилизация населения Калмыцкой АССР по данным «Алфавитной книги призванных в Красную армию военным комиссариатом Улан-Хольского района» // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 990–1004. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-990-1004

The Alphabetical Book of Red Army Conscripts by Military Commissariat of Ulan-Kholsky District: Analyzing Mobilization Arrangements in the Kalmyk ASSR

Valentina N. Ochir-Goryaeva¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-1527-7021. E-mail: valenti9708[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Ochir-Goryaeva V. N., 2024

Abstract. *Introduction.* The article provides statistical insights into a consolidated database compiled from the Alphabetical Book of Red Army Conscripts by Military Commissariat of Ulan-Kholsky District (Kalmyk ASSR). *Goals.* The article attempts a statistical analysis of the identified consolidated database for deeper understanding of the actual historical conditions and contexts. *Materials and methods.* The study focuses on materials of Soviet Kalmykia's Military Commissariat to the former Ulan-Kholsky District available on the Pamyat Naroda ('People's Memory') government information system. The work employs a wide range of general and special historical research methods, including the quantitative and statistical ones. *Results.* The local military commissariat's book contains data on a total of 1,565 residents of Ulan-Kholsky and Lagansky districts. The conducted analysis has revealed quite a variety of repetitions, errors, and inaccuracies. Nevertheless, the compiled and corrected database covers a significant number of servicemen, and further processing of the latter secures extended studies into the participation of our fellow countrymen in the Great Patriotic War of 1941–1945.

Keywords: Great Patriotic War, database, Red Army, Kalmyk ASSR, conscription, statistical analysis
Acknowledgments. The reported study was funded by government subsidy, project no. 122022700134-6 'The Southeastern Belt of Russia: Exploring Political and Cultural History of Social Communities and Groups'.

For citation: Ochir-Goryaeva V. N. The Alphabetical Book of Red Army Conscripts by Military Commissariat of Ulan-Kholsky District: Analyzing Mobilization Arrangements in the Kalmyk ASSR. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 990–1004. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-990-1004

1. Введение

С первых дней Великой Отечественной войны жители Калмыцкой АССР показали удивительную сплоченность и готовность к борьбе с врагом. Люди всех возрастов спешили в военкоматы и государственные учреждения республики, не дожидаясь официальных распоряжений. В короткие сроки началась организованная мобилизация военнообязанных, призывников и добровольцев. Это было проявлением высокого патриотизма и чувства ответственности перед Родиной.

Важным этапом в изучении процесса мобилизации в годы Великой Отечественной войны стала оцифровка и публикация архивных материалов. Благодаря прове-

денной специалистами большой работе исследователи получили доступ к ранее недоступным документам, что позволило им более глубоко исследовать события тех лет.

Одним из ключевых ресурсов стал портал «Память народа», созданный Министерством обороны Российской Федерации. В нем были собраны различные документы, связанные с Великой Отечественной войной [ГИС «Память народа»]. Это дало возможность исследователям изучать историю военных действий, а также узнавать о судьбах участников войны.

Среди множества документов, доступных на портале, особое место занимают книги военных комиссариатов. Эти ценные

источники информации раскрывают нам факты о призыве граждан на военную службу, их распределении по воинским частям и участии в боевых действиях.

Одним из таких документов, обнаруженных на портале «Память народа», является «Алфавитная книга призванных в Красную армию военного комиссариата Республики Калмыкия по Улан-Хольскому улусу (району)» [Память народа: Андрианов 1944]. Поскольку на портале документ загружен без обложки и сразу начинается со списка призванных, мы будем ссылаться на первого человека в списке — Андрианова Виктора Алексеевича. По этой же причине мы дали книге собственное название.

Для получения более полной картины была создана база данных, основанная на сведениях из этой книги. Сводная база данных позволила провести статистический анализ призванных военнослужащих, что дало возможность более глубоко изучить их личности и судьбы.

Цель исследования — статистический анализ сводной базы данных военнослужащих, призванных в Красную армию, по данным «Алфавитной книги военного комиссариата Улан-Хольского района Калмыцкой АССР». Открытие доступа к архивным документам дало исследователям новые возможности для изучения этой темы.

В начале XXI в. особое место в исследовании истории участия жителей Калмыкии в Великой Отечественной войне занимают труды К. Н. Максимова. Он ввел в научный оборот множество документов, которые были выявлены в Центральном архиве Министерства обороны РФ и Национальном архиве Республики Калмыкия. Благодаря ранее не публиковавшимся сводкам Генерального штаба, содержащим информацию о количестве призванных из Калмыцкой АССР, стало возможным установить численность безвозвратных и санитарных потерь как в целом за период Великой Отечественной войны, так и по каждому году в отдельности [Максимов 2010: 344].

У. Б. Очиров также проводил исследования по истории мобилизации в Калмыцкой АССР [Очиров 2001: 45–65]. В 2020 г. им совместно с автором данной статьи опубли-

кована работа, посвященная статистическому анализу аннотированного списка калмыков-широклаговцев [Очиров, Воробьева 2020]. Это был первый опыт применения клиометрических методов для обработки массовых источников по истории Калмыкии.

2. Материалы и методы

Источником данного исследования стали материалы военного комиссариата Республики Калмыкия по Улан-Хольскому району, опубликованные в ГИС «Память народа» [ГИС «Память народа»]. В процессе исследования нами был задействован широкий спектр общенаучных методов, таких как типологизация, анализ и синтез, сравнение и аналогия. Эти методы позволили нам систематизировать полученные данные, выделить ключевые аспекты изучаемого объекта и сформулировать обоснованные выводы.

Следует отметить, что сведения сводной базы данных военнослужащих, призванных в Красную армию, по данным «Алфавитной книги военного комиссариата Улан-Хольского района Калмыцкой АССР» частично совпадают со сведениями сводной базой данных безвозвратных потерь, призванных из Калмыцкой АССР по данным Книг памяти Калмыкии [Память, 1 1995; Память, 2 1995; Память 2005, Память 2010; Башанкаев, Папуев 2008; Манджиев 2011; Бюрчиев 2014; Артезиан 2015; Книга памяти 2015; Памяти живые родники 2015; Солдаты 2015; Книга памяти 2017; Книга памяти 2018; Книга памяти 2019; Книга памяти 2020; Бессмертный полк 2021]. Например, в 1-м томе республиканской книги «Память. Санл» упоминается Джанджаев Нурка, уроженец Лаганского района Калмыцкой АССР, который был призван на военную службу Лаганским РВК и пропал без вести в 1942 г. [Память 1995, 1: 66]. Однако в «Алфавитной книге военного комиссариата по Улан-Хольскому району» содержится более подробная информация о Джанджаеве Нурке Дорджи-Горяевиче, родившемся в 1905 г., уроженце Лаганского района, который был призван 13 декабря 1943 г. и направлен на службу в г. Сталинград [Память народа: Джанджаев 1944]. Эти данные могут дополнить сведе-

ния, представленные в сводной базе данных безвозвратных потерь призванных из Калмыцкой АССР, по данным Книг памяти Калмыкии.

В работе применяются специальные исторические методы, включая историко-системный, историко-сравнительный и историко-типологический. Они позволили рассмотреть объект исследования в контексте исторической эпохи, выявить его уникальные особенности и провести сравнительный анализ между ними. В исследовании также использовались количественный и статистический методы.

3. Создание и анализ сводной базы данных

В книге военного комиссариата по Улан-Хольскому району, которая была составлена в 1944 г., содержатся ценные сведения о военнослужащих, призванных в ряды Красной армии. В данном источнике указаны сведения о годе и месте проживания, времени и месте призыва, а также о том, куда были направлены призванные для прохождения военной службы.

Эти данные дают представление о том, кто принимал участие в боевых действиях, откуда они были родом и какие особенности были в их воинской службе. Сведения из книги улусного (районного) военного комисса-

риата были перенесены в базу данных, после чего был проведен статистический анализ. В общей сложности база данных содержит информацию о 1 565 жителях Улан-Хольского и Лаганского районов. Следует отметить, что в Улан-Хольском районе не было своего военкомата. Все военнослужащие, подлежавшие мобилизации, были призваны через военкомат соседнего Лаганского района [Очиров и др. 2018: 11].

Как уже упоминалось ранее, база данных включает информацию о 1 565 военнослужащих. К сожалению, в алфавитной книге, составленной в разное время, можно найти неточности. Они были допущены как во время составления документа, так и при копировании информации на портал. Немало ошибок мы обнаружили в работе сотрудников, которые уже вносили данные из этих документов военного времени на сайт в 2010-х гг. В процессе анализа был выявлен 31 повтор персоналий. Это проявляется в полном или частичном совпадении года рождения и места проживания, даты и места призыва, а также места направления в соединения. Например, Бандоим Яков Держович, родившийся в 1898 г., уроженец Лаганского сельского совета, был призван 21 декабря 1942 г. Лаганским районным военным комиссариатом (далее — РВК) и направлен в 197 артиллерийский запасной стрелковый полк (далее — азсп) [Па-

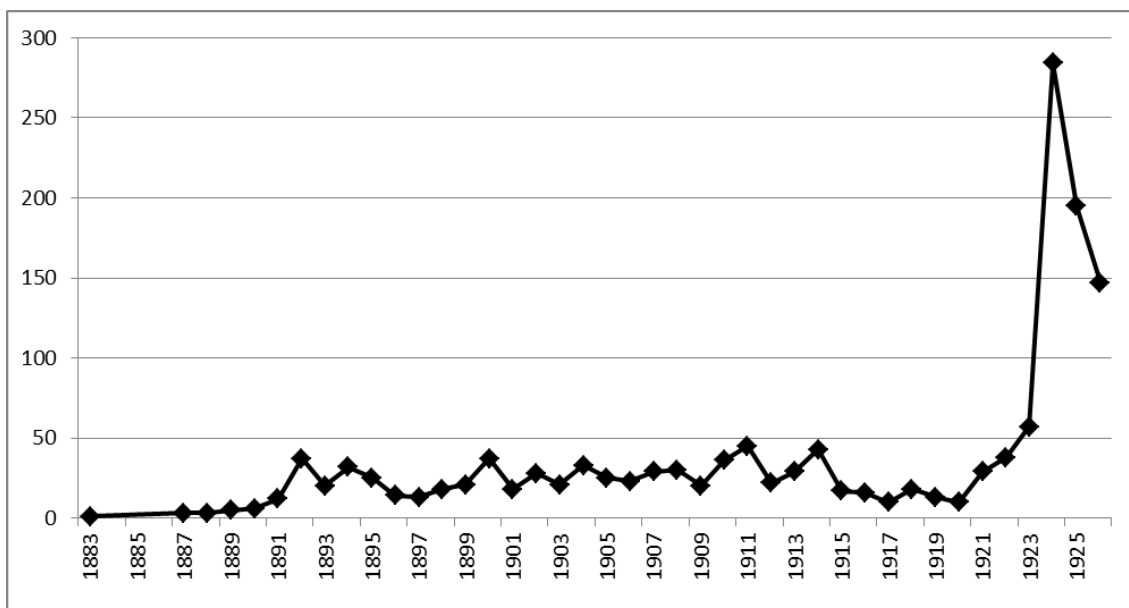

Рис. 1. Распределение военнослужащих из сводной базы данных по году рождения
[Fig. 1. Consolidated database. Conscripts by year of birth]

мять народа: Бандоим 1944]. На следующей странице книги военкомата указан Бандыем Яков Держович того же года рождения, уроженец Лаганского сельского совета, призванный 23 декабря 1942 г. Лаганским РВК и отправленный в тот же 197 аэсп [Память народа: Бандыем 1944]. Очевидно, что речь идет об одном и том же человеке.

Другой пример — Эльтяев Николай Мытаевич, родившийся в 1924 г., уроженец Бергутинского сельского совета, был призван 19 августа 1942 г. Лаганским РВК и направлен в 45-ю стрелковую бригаду (далее — сбр) [Память народа: Эльтяев 1944a]. Однако на странице 165 книги военкомата он указан как Эльтяев Николай Мотаевич 1924 г. р., уроженец Бергутинского сельского совета, призванный 19 августа того же года Лаганским РВК и направленный в ту же бригаду [Память народа: Эльтяев 1944b]. Чтобы избежать искажения информации, 31 повтор был исключен из дальнейшего анализа.

Кроме того, стоит отметить, что составители сводной информации нередко ошибались в написании имен собственных. Например, в оригинальном документе указано имя Цандыков Б-хала М.-Магив [Память народа: Цандыков 1944], однако на самом деле его звали Цандыков Бадма-Халга Менкена-сунович [Широклаг 2000: 249]. Как видно, составитель документа допустил ошибку в написании имени, что привело к неверному отображению. Если мы будем искать этого человека в поиске по искаженному имени, то это затруднит его идентификацию.

Еще один пример — Сюдинов Уерен-Убуш Сангаджиевич, упомянутый в книге на странице 123 [Память народа: Сюдинов 1944]. Однако здесь имеется ошибка в имени: его звали Сюдинов Церен-Убуш Сангаджиевич. Составитель, не знакомый с калмыцкими именами и топонимами, записал его неверно.

Таким образом, составители документов иногда ошибались в написании личных имен, что искажало информацию. Однако большая часть ошибок допускается не составителями документов, а сотрудниками, которые вносят данные с этих документов на сайт. Это затрудняет идентификацию людей и их отображение на портале, что может создать проблемы для близких, которые пытаются их найти.

После всех необходимых исключений в нашей базе данных осталось 1 557 военнослужащих, призванных Лаганским РВК.

4. Анализ сводной базы данных по году рождения

Для начала мы решили проанализировать сведения по дате рождения. В процессе анализа выяснилось, что у 51 человека год рождения не известен, а у одного военнослужащего эту информацию идентифицировать не удалось.

Как видно из рис. 1, данные по возрасту распределены относительно равномерно до 1922 г. р. Однако, начиная с 1923 г. р., наблюдается резкий рост количества призванных, который достигает пика по 1924 г. С 1 января 1942 г. в Калмыкии началась новая волна мобилизации, охватившая призывников 1922–1924 гг. р. [Максимов 2015: 168–169]. Кроме того, после оккупации части территории Калмыцкой АССР в 1942 г. отмечается высокий уровень призыва. Это было связано с необходимостью восполнить потери на фронте и обеспечить боеспособность армии.

Один военнослужащий, родившийся в 1883 г. и призванный на службу в ноябре 1942 г., мог быть добровольцем, поскольку в то время его возраст не был призывным.

За годы войны в Красную армию были призваны 43 возрастные категории военнообязанных, родившихся в период с 1883 г. по 1926 г. Из них 65,6 % составили призывники 1911–1926 гг. рождения. Наибольшее количество — 284 человека (19,1 %) было призвано из числа молодых людей, родившихся в 1924 г.

5. Анализ сводной базы данных уроженцев Лаганского и Улан-Хольского районов по месту жительства

Следующим мы провели анализ по месту жительства военнослужащих. Как уже было отмечено ранее, все они были призваны Лаганским РВК, так как в Улан-Хольском районе не было своего военкомата. Важно отметить, что в книге военного комиссариата по Улан-Хольскому району содержатся данные не только о жителях этого района, но и о представителях различных сел и поселений Ла-

ганского района. Следует подчеркнуть, что у 77 человек информация о месте проживания отсутствует полностью или частично. Поэтому мы сосредоточим внимание на оставшихся 94,9 % военнослужащих. В базе данных собраны сведения о жителях двух районов

республики — Лаганского и Улан-Хольского. Поэтому мы отдельно рассмотрим сельские советы этих районов и сравним их мужское население, опираясь на данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 500. Л. 141] (см. табл. 1).

Таблица 1. Распределение уроженцев Лаганского района, по сельским советам
[Table 1. Lagansky District. Conscripts by selsoviet (rural council)]

Название района	Число призванных, чел.	Количество мужского населения по переписи 1939 г.
Лаганский район	922 (100 %)	9 469 (100 %)
Авгинский сельский совет	63 (6,8 %)	968 (10,2 %)
Бергутинский сельский совет	101 (10,9 %)	748 (7,8 %)
Кануковский сельский совет	95 (10,3 %)	1 024 (10,8 %)
Красинский сельский совет	62 (6,7 %)	982 (10,3 %)
Лаганский поселковый совет	477 (51,7 %)	4 319 (45,6 %)
Оленичевский сельский совет	32 (3,4 %)	406 (4,2 %)
Рыжковский сельский совет	59 (6,3 %)	704 (7,4 %)
Шинебагутовский сельский совет	33 (3,5 %)	318 (3,3 %)

Как видно из табл. 1, более 60 % призывников были из Лаганского района. Следует отметить, что в таблице представлены данные по всем сельским советам Лаганского района на 1939 год [Республика Калмыкия 2019: 251]. Безусловно, наибольшее количество жителей было из Лаганского поселкового совета — более 51 %. Кроме того, по данным переписи 1939 г., количество мужского населения в Лаганском поселковом совете также было самым большим [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 500. Л. 141] (см. табл. 1) Среди призванных выделяются Бергутинский и Кануковский сельсоветы, в которых проживало 10,9 % и 10,3 % призванных воинов соответственно. Примечательно, что в Кануковском сельсовете численность мужского населения по результатам Всесо-

юзной переписи 1939 г. была второй после Лаганского поселкового совета.

6. Анализ распределение жителей Улан-Хольского района по сельсоветам в сравнении с мужским населением

Следующим мы рассмотрели распределение жителей Улан-Хольского района по сельсоветам в сравнении с мужским населением этого района. Для этого мы использовали данные Всесоюзной переписи населения 1939 г. [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 500. Л. 149] (см. табл. 2).

Стоит отметить, что из 10 сельских советов, указанных в переписи 1939 г., в таблице представлены 9 [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 500. Л. 149]. Важно подчеркнуть, что военнослужащие в сводной базе данных

Таблица 2. Распределение уроженцев Улан-Хольского района, по сельским советам
[Table 2. Ulan-Kholsky District. Conscripts by selsoviet (rural council)]

Название района	Число призванных, чел.	Количество мужского населения по переписи 1939 г.
Улан-Хольский район	535 (100 %)	7 680 (100 %)
Белоозерский сельский совет	91 (17 %)	665 (8,6 %)
Джилыгинский сельский совет	52 (9,7 %)	761 (9,9 %)
Улантугский сельский совет	17 (3,1 %)	453 (5,8 %)
Северный сельский совет	74 (13,8 %)	1 284 (16,7 %)
Центральный сельский совет	101 (18,8 %)	925 (12 %)
Хамхултинский сельский совет	36 (6,7 %)	895 (11,6 %)
Хапчинский сельский совет	58 (10,8 %)	950 (12,3 %)
Хоринский сельский совет	32 (5,9 %)	873 (11,3 %)
Цекертинский сельский совет	74 (13,8 %)	874 (11,3 %)

распределились между сельсоветами практически равномерно, без заметных скачков или перегибов. Наибольшее количество призванных было из Центрального (18,8 %), Белоозерского (17 %), Северного и Цекертинского сельсоветов (по 13,8 %). Однако, если сравнить с данными Всесоюзной переписи населения 1939 г., то можно увидеть, что наибольшее количество мужчин проживало в Северном, Хапчинском и Центральном сельсоветах. Это свидетельствует о значительных расхождениях между информацией из разных источников [НА РК. Ф. Р-131. Оп. 1. Д. 500. Л. 149]. Мы задались вопросом: почему в книге военкомата по Улан-Хольскому району большинство записей о призванных относятся к жите-

лям Лаганского района? Возможно, призыв проходил в поселке Улан-Хол? Однако воспоминания М. Х. Самбаева, записанные в 1966 г., который после призыва проходил кавалерийскую подготовку в г. Лагани, подтверждают, что и призыв, и обучение проходили именно в г. Лагани [НА КалмНЦ РАН. Ф. 4. Оп. 4. Д. 45. Л. 2].

7. Анализ сводной базы данных по дате призыва

Следующий анализ мы провели по дате призыва военнослужащих. Следует отметить, что время призыва совпадает с датами направления призывников в воинские части. Однако есть два случая, когда дату призыва установить не удалось (см табл. 3).

Таблица 3. Распределение военнослужащих из сводной базы данных по дате призыва [Table 3. Consolidated database. Conscripts by date of mobilization]

Время (год) призыва	Число призванных, чел	Число призванных, %
1940	2	0,1 %
1941	2	0,1 %
1942	625	40,7 %
1943	865	56,3 %
1944	38	2,4 %
Итого	1 532	100 %

Как видно из табл. 3, в 1940 г. призванных практически не было. Возможно, это было связано с тем, что в 1940 г. проводилась ограниченная мобилизация: активные боевые действия начались после того, как нацистская Германия напала на нашу страну без объявления войны 22 июня 1941 г. Вероятно, мобилизационные мероприятия были связаны с планами на случай войны, но они не требовали массового призыва. Данные по 1941 г. вызывают вопросы, поскольку это был начальный период войны, когда проходила активная мобилизация, требовавшая большого количества ресурсов для фронта. Исходя из этого, мы приходим к выводу, что данные по призыву в 1941 г. в книге военного комиссариата представлены не в полном объеме.

Наибольшее количество людей было призвано в 1942–1943 гг. — 97,2 %. Это можно объяснить тем, что в то время шла активная фаза Великой Отечественной войны, которая требовала значительных ресурсов. Призыв большого числа людей был

необходим для поддержки фронта. Также стоит отметить роль депортации калмыцкого народа, которая привела к резкому уменьшению численности коренного населения. Это могло повлиять на общее количество потенциальных призывников.

8. Годовая динамика призыва из сводной базы данных

Сводная база данных, созданная по книге военкомата, позволяет детализировать призыв по месяцам и периодам войны. Информация о годовой динамике потерь представлена на рис. 2.

Диаграмма показывает, что пик призыва пришелся на период с 1942 г. по 1943 г. Количество призванных достигло апогея в августе 1942 г., когда Красная армия испытывала острую нехватку в живой силе, возникла необходимость в привлечении новых бойцов [Максимов 2010: 71–72; Очиров 2013: 54]. В это время развернулись такие масштабные сражения, как Сталинградская битва и битва за Кавказ. Соединения, сражавшиеся

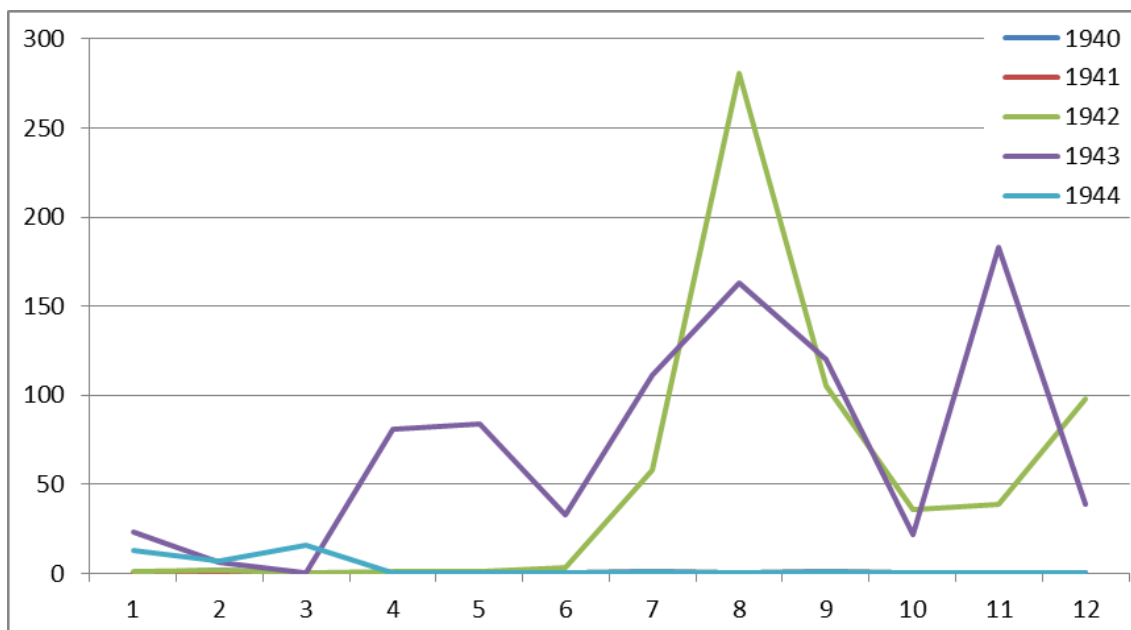

Рис. 2. Годовая динамика призыва военнослужащих из сводной базы данных в период с 1940–1944 гг.
[Fig.2. Consolidated database. Yearly mobilization charts, 1940–1944]

на этих рубежах, остро нуждались в пополнении, особенно тяжелое положение было у 44-й армии, в которую входила 110-я Отдельная Калмыцкая кавалерийская дивизия [Януш 2005: 5]. Учитывая близкое расположение Калмыцкой АССР к зоне боевых действий, призыв был особенно активным.

В целом можно отметить тенденцию к увеличению количества призванных в армию в годы войны. Однако в 1944 г. наблюдается резкое снижение числа призванных — до 38 человек. В этот период произошла депортация калмыцкого народа, а сама автономия была упразднена. Ее территория была передана приграничным регионам. Возможно также, что снижение числа призванных связано с победоносным наступлением советских войск и постепенным завершением войны. Такой низкий процент можно объяснить и тем, что в конце 1943 г. в Калмыцкой АССР были исчерпаны ресурсы.

В период Великой Отечественной войны во многих других регионах страны велась военно-организационная работа. Однако в Калмыцкой АССР она имела свои особенности, связанные с прифронтовым и фронтовым положением республики. В отличие от многих других регионов, здесь значительное внимание уделялось укреплению ближайшего тыла действующей армии.

9. Анализ сводной базы данных по месту направления в объединения

Следующий анализ был проведен по месту направления в объединения военных округов и фронтов военнослужащих, призванных Лаганским РВК (см. табл. 4). Следует отметить, что у 673 воинов не удалось установить, в какие именно формирования они были направлены.

Приволжский военный округ был создан в мае 1918 г. К началу Великой Отечественной войны в его состав входили территории Куйбышевской, Оренбургской, Саратовской и Пензенской областей, а также Татарской АССР и АССР Немцев Поволжья [Великая Отечественная 1985: 581]. Управление округа располагалось в Куйбышеве, а с ноября 1941 г. по октябрь 1943 г. — в Саратове. Одной из основных задач Приволжского военного округа была подготовка и отправка воинских формирований в приграничные военные округа. Некоторые военнослужащие отправлялись служить в части, где не хватало специалистов, необходимых для выполнения их обязанностей в Сталинградском военном округе. Например, в стрелковых и артиллерийских частях могли отсутствовать связисты, специалисты по противовоздушной обороне или танкисты. Поэтому их сразу направляли в соседние округа, где такие

Таблица 4. Распределение военнослужащих из сводной базы данных по месту направления в объединения военных округов и фронтов

[Table 4. Consolidated database. Conscripts by destination military command or battle front]

Название объединения	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Всего
Приволжский ВО	9	352	1	362
Сталинградский ВО 1-го формирования	254	7	–	261
Сталинградский ВО 2-го форм.	–	152	–	152
Северная группа войск Закавказского фронта	53	–	–	53
Южно-Уральский ВО	22	–	–	22
Северо-Кавказский ВО 3-го форм.	9	–	–	9
Резерв СВГК	2	–	–	2
Всего	349	511	1	861

части уже были. Возможно, именно по этой причине в состав этого округа в 1943 г. было направлено более 68 % призывников из Калмыцкой АССР.

Сталинградский военный округ 1-го формирования был создан в ноябре 1941 г. и имел более узкую специализацию. В его задачи входила оборона и обеспечение безопасности в районе Сталинграда. Округ охватывал территории Сталинградской области (за исключением трех районов), Ростовской области, Западно-Казахстанской области Казахской ССР, а также часть Астраханского административного округа и Калмыцкой АССР [Великая Отечественная 1985: 686]. Управление округа находилось в городе Сталинграде.

В связи с угрозой нападения немецких войск на город Сталинградский военный округ сыграл ключевую роль в его обороне во время битвы за Сталинград. Как видно из табл. 4, этот округ обладал наибольшей численностью призывников, направленных туда после призыва в 1942 г. Поскольку в его состав входила Калмыцкая АССР, присутствие 72 % призывников из Калмыкии было вполне оправданным.

В июле 1943 г. был вновь образован Сталинградский военный округ 2-го формирования. В его состав вошли территории Сталинградской области, северной части Ростовской области, Калмыцкой АССР, Астраханского административного округа, а также Харьковской и Ворошиловградской¹

¹ Ворошиловградская область образована 3 июня 1938 г. на части территории Донецкой области Украинской ССР. Переименована в Луганскую область 5 марта 1958 г., в 1970 г. вновь стала Ворошиловградской областью, 19 июня 1991 г. возвращено прежнее название — Луган-

областей Украинской ССР по мере освобождения от врага. Управление округа также осталось в Сталинграде. По количеству направленных в 1943 г. военнослужащих Сталинградский военный округ 2-го формирования уступал только Приволжскому военному округу — около 30 %.

Взаимосвязь между Приволжским и Сталинградским военными округами заключалась в том, что они совместно планировали и координировали действия по обеспечению безопасности региона. Приволжский военный округ отправлял воинские формирования в Сталинградский военный округ для усиления обороны города. Они обменивались информацией о положении на фронте и разрабатывали стратегии для отражения атак противника.

Северная группа войск Закавказского фронта была образована 10 августа 1942 г. [Великая Отечественная 1985: 641]. В его состав вошли 9-я, 37-я, 44-я и вновь формируемая 58-я армии [Януш 2021: 17]. Все воины, направленные в это объединение, являлись военнослужащими 110-й Отдельной Калмыцкой кавалерийской дивизии, которая в этот период участвовала в оборонительном этапе битвы за Кавказ [Безугольный 2013: 14–16].

Южно-Уральский военный округ был сформирован 26 ноября 1941 г. Он включал территории Чкаловской области, Западно-Казахстанской, Актюбинской и Гурьевской областей Казахской ССР, а также Башкирской АССР. Штаб округа располагался в городе Чкалов [Великая Отечественная 1985: 822]. Главной задачей округа была подготовка новых соединений и маршево-

го пополнения для действующей армии. Из Лаганского РВК в состав этого округа было направлено 22 военнослужащих.

Северо-Кавказский военный округ был создан в мае 1918 г., однако впоследствии его дважды упразднили. Третье формирование Северо-Кавказского военного округа было образовано в мае 1921 г. К началу Великой Отечественной войны он охватывал территории Краснодарского и Орджоникидзевского краев, Ростовской и Сталинградской областей, а также Астраханского административного округа [Великая Отечественная 1985: 643]. В его состав также входили Дагестанская, Кабардино-Балкарская, Северо-Осетинская, Чечено-Ингушская и Калмыцкая АССР, которая находилась в составе округа вплоть до 26 ноября 1941 г. [Очиров и др. 2018: 12]. Управление находилось в Ростове-на-Дону. В 1942 г. количество военнослужащих, направленных из Калмыцкой АССР в этот округ, было сравнительно небольшим: всего 9 человек.

Северо-Кавказский военный округ 4-го формирования был создан 2 июля 1943 г. В октябре того же года в его состав вошла Калмыцкая АССР. По данным военного комиссариата Улан-Хольского улуса, в этот период призывники в данный округ не направлялись. Это может свидетельствовать о том, что в книге содержатся неполные данные. Вероятно, военкомат предоставил

только те сведения, которые у него были на тот момент, и не все из них сохранились.

10. Анализ по месту направления в соединения военнослужащих

Следующий анализ был проведен по месту направления в соединения военнослужащих из сводной базы данных.

Анализ данных о призыве по соединениям показал, что большинство новобранцев направлялись в военно-пересыльные пункты и запасные стрелковые бригады для формирования новых частей и подготовки пополнения для армии. Призывники из Лаганского РВК, как правило, отправлялись в военно-пересыльные пункты в г. Астрахань и г. Сталинград. Среди запасных стрелковых бригад больше всего новобранцев было распределено в 19, 15 и 45-ю зсбр. 19-я зсбр во время Великой Отечественной войны входила в состав Приволжского военного округа и располагалась на станции Татищево в Куйбышевской области [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 56. Л. 1–36]. Как уже упоминалось ранее, в 1943 г. наибольшее количество военнослужащих было направлено именно в Приволжский военный округ. Поэтому неудивительно, что среди запасных соединений именно 19-я зсбр имела наибольшую численность военных. Стоит отметить, что призыв в эту бригаду проходил в период с апреля по август 1943 г.

15-я запасная стрелковая бригада также отличалась большим количеством при-

Таблица 5. Распределение военнослужащих из сводной базы данных по месту направления в соединения
[Table 5. Consolidated database. Conscripts by destination combat unit]

Название соединения	1941 г.	1942 г.	1943 г.	1944 г.	Количество
Военно-пересыльные пункты	1	278	12	–	291
19 зсбр	–	–	212	1	213
15 зсбр	–	10	144	–	154
45 зсбр	–	135	7	–	142
6 зкбр	–	–	140	–	140
110 кд	–	54	–	–	54
25 зсбр	–	–	21	–	21
4 забр	–	9	–	–	9
Итого	1	486	536	1	1 024

Примечание: зсбр — запасная стрелковая бригада; зкбр — запасная кавалерийская бригада; забр — запасная артиллерийская бригада.

званных, что не удивительно, учитывая ее дислокацию в городе Сталинграде, куда направлялось большинство новобранцев из Калмыкии [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 56. Л. 1–36]. Направление в 15-ю зсбр осуществлялось в период с августа 1942-го по ноябрь 1943 г., т. е. в течение почти полутора лет.

Большое количество воинов в 110-й кавалерийской дивизии объясняется тем, что первоначально туда направлялись призывники из северных и восточных улусов: Сарпинского, Кетченеровского, Малодербетовского, Юстинского, Приволжского, Улан-Хольского и Лаганского. В 111-ю кавалерийскую дивизию отправлялись призывники из западных и центральных улусов: Западного, Яшалтинского, Приютненского, Троицкого, Черноземельского, Долбанского и Элистинского [Очиров и др. 2013: 25]. Кроме того, дивизия в основном формировалась из жителей Калмыкии.

Наличие 21 военнотружашаго в 25-й зсбр вызывает вопросы, поскольку данная бригада дислоцировалась в городе Ташкенте [РГВА. Ф. 40442. Оп. 1а. Д. 56. Л. 1–36]. Все военнотружашае были направлены в это соединение 18 января 1943 г. К сожалению, нам не удалось восстановить информацию о вышестоящем объединении.

11. Заключение

Статистический анализ сводной базы данных, основанной на сведениях из алфавитной книги призванных в Красную армию военным комиссариатом Улан-Хольского района, показал, что данный источник, составленный в разное время, содержит ошибки и неточности, допущенные составителями документа. В книге встречается множество повторяющихся записей, в которых полностью или частично совпадают год рождения и место проживания, дата и место

призыва, а также место направления в воинские соединения.

Анализ по году рождения выявил, что большинство призванных в Красную армию были молодыми людьми, родившимися с 1924 г. по 1925 г. Анализ по месту проживания показал, что в книге военного комиссариата содержатся данные не только о жителях Улан-Хольского района, но и о представителях различных сел и поселений Лаганского района, уроженцы которого составляют большинство призванных. Результаты анализа по дате призыва выявил, что призыв 1941 г. практически не отражен в источнике, что является значительным недостатком. Среди известных данных наибольшее количество новобранцев было призвано в 1943 г. Распределение по объединениям показало, что наибольшее количество призванных было направлено в Приволжский военный округ для прохождения обучения и подготовки к отправке на фронт. Анализ по соединениям выявил, что большинство новобранцев были отправлены в военно-пересыльные пункты города Астрахани и Сталинграда, а также в 19-ю запасную стрелковую бригаду Приволжского военного округа. Несмотря на некоторые недостатки книги, анализ материалов военного комиссариата по Улан-Хольскому району позволил уточнить судьбы многих воинов. Были собраны дополнительные сведения о них, реконструировано их дальнейшее место службы, а также проведен анализ по известным категориям данных.

Таким образом, составленная и исправленная база данных охватывает значительное количество военнотружашаих, обработка данных которых дает возможность для более глубокого изучения участия наших земляков в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.

Источники

- Артезиан 2015 — Артезиан. Мы помним и гордимся / сост. И. Н. Басангов. Элиста: Джангар, 2015. 168 с.
- Башанкаев, Папуев 2008 — *Башанкаев В., Папуев В.* Целинный район. Элиста: Джангар, 2008. 248 с.

Sources

- Basangov I. N. (comp.) *Artezian: Remaining Aware and Proud*. Elista: Dzhangar, 2015. 168 p. (In Russ.)
- Bashankayev V., Papuev V. *Tselinny District*. Elista: Dzhangar, 2008. 248 p. (In Russ.)

- Бессмертный полк 2021 — Бессмертный полк Приютненского района РК / сост. Н. В. Куникина, И. П. Морозова. Ч. 1. Ставрополь: Сервисшкола, 2021. 296 с.
- Бюрчиев 2014 — Бюрчиев З. Б. Книга Памяти «Солдаты и труженики Эрдниевского». Элиста: Джангар, 2014. 192 с.
- ГИС «Память народа» — ГИС «Память народа» [электронный ресурс] // Государственная информационная система «Память народа». Управление по увековечению памяти погибших при защите Отечества; корпорация «ЭлАр». URL: <https://pamyat-naroda.ru> (дата обращения: 21.09.2024).
- Книга 2015 — Книга Памяти. 1941–1945. 2-е изд., испр. и доп. / сост. Т. Б. Инжиева и др. Элиста: Джангар, 2015. 460 с.
- Книга памяти 2017 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. I. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtualnaya-vystavka/kniga-pamyati.-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (дата обращения: 15.09.2024).
- Книга памяти 2018 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. II. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (дата обращения: 15.09.2024).
- Книга памяти 2019 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. III. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. URL: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (дата обращения: 15.09.2024).
- Книга памяти 2020 — Книга памяти. Фронтовики Малодербетовского района. Т. IV. [электронный ресурс] // Администрация Малодербетовского РМО РК. Виртуальная выставка архивных документов. 26.05.2020. URL: <http://malderadm.ru/arkhivom-administracii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (дата обращения: 15.09.2024).
- НА КалмНЦ РАН — Научный архив Калмыцкого научного центра РАН.
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Kunikina N. V., Morozova I. P. (comps.) The Immortal Regiment of Priyutnensky District. Pt. 1. Stavropol: Servisshkola, 2021. 296 p. (In Russ.)
- Byurchiev Z. B. The Memorial Book: Soldiers and Laborers of Erdnievsky. Elista: Dzhangar, 2014. 192 p. (In Russ.)
- Pamyat Naroda (People's Memory) government information system. Ministry of Defense of the Russian Federation. ELAR corporation. Available at: <https://pamyat-naroda.ru> (accessed: 21 September 2024). (In Russ.)
- Inzhieva T. B. et al. (comps.) The Memorial Book: 1941–1945. Second edition, rev. & suppl. Elista: Dzhangar, 2015. 460 p. (In Russ.)
- The Memorial Book: War Veterans of Maloderbetovskiy District. Vol. 1. On: Administrative Office of Maloderbetovskiy District (Republic of Kalmykia, Russian Federation). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/tinybrowser/files/virtualnaya-vystavka/kniga-pamyati.-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona.-pervyy-tom.pdf> (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: War Veterans of Maloderbetovskiy District. Vol. 2. On: Administrative Office of Maloderbetovskiy District (Republic of Kalmykia, Russian Federation). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-vtoroy-tom.html> (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: War Veterans of Maloderbetovskiy District. Vol. 3. On: Administrative Office of Maloderbetovskiy District (Republic of Kalmykia, Russian Federation). Online exhibition of archival documents. Available at: <http://malderadm.ru/kniga-pamyati-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iii.html> (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- The Memorial Book: War Veterans of Maloderbetovskiy District. Vol. 4. On: Administrative Office of Maloderbetovskiy District (Republic of Kalmykia, Russian Federation). Online exhibition of archival documents. Posted on 26 May 2020. Available at: <http://malderadm.ru/arkhivom-administracii-k-75-letiyu-pobedy-v-velikoy-otechestvennoy-voyny-1941-1945-gg-podgotovlen-buklet-frontoviki-maloderbetovskogo-rayona-tom-iv.html> (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- Kalmyk Scientific Center (RAS), Scientific Archive.
- National Archive of the Republic of Kalmykia.

- Памяти живые 2015 — Памяти живые родники (Приютненский район Республики Калмыкия в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.) / сост. Н. В. Куникина, О. В. Чернышова. Элиста: Джангар, 2015. 304 с.
- Память, 1 1995 — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С.С. Васькин и др.; редкол.: К.Н. Максимов (пред.) и др. Т. I. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 416 с.
- Память, 2 1995 — Память. Санл: в 2 т. / сост.: С.С. Васькин и др.; редкол.: К.Н. Максимов (пред.) и др. Т. II. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1995. 442 с.
- Память 2005 — Память. Санл / редкол.: К. Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. III. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2005. 156 с.
- Память 2010 — Память. Санл / сост.: А. В. Цюрюмов и др.; редкол.: К.Н. Илюмжинов (пред.) и др. Т. IV. Элиста: Герел, 2010. 492 с.
- Память народа: Андрианов 1944 — Андрианов Виктор Александрович 1925 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679155/ (дата обращения: 21.09.2024).
- Память народа: Бандоим 1944 — Бандоим Яков Держович, 1898 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679349/ (дата обращения: 21.09.2024).
- Память народа: Бандыем 1944 — Бандыем Яков Держович, 1898 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679375/ (дата обращения: 21.09.2024).
- Память народа: Джанджаев 1944 — Джанджаев-Нурка Дорджи-Горяевич, 1905 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679703/ (дата обращения: 15.09.2024).
- Память народа: Сюдинов 1944 — Сюдинов Уерен-Убуш Сангаджиевич, 1923 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680482/ (дата обращения: 18.09.2024).
- Память народа: Цандыков 1944 — Цандыков Б-хала М.-Магив. 1926 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680685/ (дата обращения: 09.09.2024).
- Память народа: Эльтяев 1944а — Эльтяев Николай Мотаевич, 1924 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680792/ (дата обращения: 15.09.2024).
- Kunikina N. V., Chernyshova O. V. (comps.) The Living Springs of Memory: Priyutnensky District of Kalmykia in the Great Patriotic War of 1941–1945. Elista: Dzhangar, 2015. 304 p. (In Russ.)
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 416 p. (In Russ.)
- Vaskin S. S. et al. (comps.) The Memory. Sanl. In 2 vols. K. Maksimov et al. (eds.). Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1995. 442 p. (In Russ.)
- Ilyumzhinov K. N. et al. (eds.) The Memory. Sanl. Vol. 3. Elista: Kalmykia Book Publ., 2005. 156 p. (In Russ.)
- Tsyuryumov A. V. et al. (comps.) The Memory. Sanl. K. Ilyumzhinov et al. (eds.). Vol. 4. Elista: Gerel, 2010. 492 p. (In Russ.)
- Andrianov Viktor Aleksandrovich, b. 1925. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679155/ (accessed: 21 September 2024). (In Russ.)
- Bandoim Yakov Derzhovich, b. 1898. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679349/ (accessed: 21 September 2024). (In Russ.)
- Bandyem Yakov Derzhovich, b. 1898. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679375/ (accessed: 21 September 2024). (In Russ.)
- Dzhandzhaev Nurka Dordzhi-Goryaevich, b. 1905. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43679703/ (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- Syudinov Ueren-Ubush Sangadzhiyevich, b. 1923. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680482/ (accessed: 18 September 2024). (In Russ.)
- Tsandykov B-khala M.-Magiv., b. 1926. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680685/ (accessed: 9 September 2024). (In Russ.)
- Eltyaev Nikolay Motaevich, b. 1924. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680792/ (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)

- Память народа: Эльтяев 1944б — Эльтяев Николай Мотаевич, 1924 г. р. // ГИС «Память народа». URL: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680794/ (дата обращения: 15.09.2024).
- РГВА — Российский государственный военный архив.
- Республика Калмыкия 2019 — Республика Калмыкия. Административно-территориальное деление. 1918–2017: справочник / сост.: А. О. Тапкина [и др.]; редкол.: К. Н. Максимов (отв. ред.) [и др.]. Элиста: КалМНЦ РАН, 2019. 908 с.
- Солдаты 2015 — Солдаты Великой войны: Списки, биографические справки, фото участников и ветеранов Великой Отечественной войны 1941–1945 гг. Черноземельского района Республики Калмыкия. Элиста: РИА «Калмыкия», 2015. 120 с.
- Широклаг 2000 — Широклаг. Широкстрой: Списки калмыков-военнослужащих рядового и сержантского состава, отозванных с фронтов в 1944–1945 гг. Т. III. Кн. 1 / сост.: А. Б. Байрова, Т. Ч. Бембеева, С. Э. Лиджи-Горяева, Р. В. Неяченко. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2000. 294 с.
- Eltyaev Nikolay Motaevich, b. 1924. On: Pamyat Naroda. Available at: https://pamyat-naroda.ru/heroes/rvk-chelovek_voenkomat43680794/ (accessed: 15 September 2024). (In Russ.)
- Russian State Military Archive.
- Tapkina A. O. et al. (comps.) Republic of Kalmykia, 1918–2017: Administrative and Territorial Divisions. K. Maksimov et al. (eds.). Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2019. 908 p. (In Russ.)
- Soldiers of the Great Victory, 1941–1945: Name Lists, Biographical Notes, Photographs of War Veterans from Chernozemelsky District of Kalmykia. Elista: RIA Kalmykia, 2015. 120 p. (In Russ.)
- Bairova A. B., Bembeeva T. Ch., Lidzhi-Goryaeva S. E., Neyachenko R. V. (comps.) Shiroklag. Shirokstroy [Shirokovskaya Forced Labor Camp]: Lists of Repressed Ethnic Kalmyk Red Army Soldiers and Non-Commissioned Officers, 1944–1945. Vol. 3. Book 1. Elista: Kalmykia Book Publ., 2000. 294 p. (In Russ.)

Литература

References

- Безугольный 2013 — *Безугольный А. Ю.* «Войска Северной группы какого-либо значительного успеха не достигли...» Попытка Ставки ВГК скоординировать контрнаступление советских войск под Сталинградом с наступлением на Северном Кавказе в ноябре–декабре 1942 года // Военно-исторический журнал. 2013. № 12. С. 14–16.
- Великая Отечественная 1985 — Великая Отечественная война 1941–1945: энциклопедия / гл. ред. М. М. Козлов; редкол.: Ю. Я. Барбаш, П. А. Жилин, В. И. Канатов и др. М.: Сов. энциклопедия, 1985. 832 с.
- Максимов 2010 — *Максимов К. Н.* Великая Отечественная война: Калмыкия и калмыки. М.: Наука, 2010. 406 с.
- Максимов 2015 — *Максимов К. Н.* Калмыкия и калмыки на защите Отечества (первая половина XX века). Элиста: Джангар, 2015. 348 с.
- Манджиев 2011 — *Манджиев Н. Ц.* Воины из Чилгира. 2-е изд., испр. и доп. Элиста: Джангар, 2011. 80 с.
- Очиров 2001 — *Очиров У. Б.* Военная мобилизация в Калмыцкой АССР // Великая Отечественная война: события, люди, история: сб. науч. ст. / отв. ред. К. Н. Максимов. Элиста: Джангар, 2001. С. 45–64.
- Bezugolny A. Yu. «The Northern Group's troops haven't achieved any significant success...»: How the Supreme Command tried to coordinate the Soviet counter-offensive near Stalingrad with the offensive in the North Caucasus in November-December 1942. *Military Historical Journal*. 2013. No. 12. Pp. 14–16. (In Russ.)
- Kozlov M. M. et al. (eds.) The Great Patriotic War of 1941–1945: An Encyclopedia. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1985. 832 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Great Patriotic War: Kalmykia and Kalmyks. Moscow: Nauka, 2010. 406 p. (In Russ.)
- Maksimov K. N. Kalmykia and Kalmyks in the Defense of Motherland: Early to Mid-Twentieth Century. Elista: Dzhangar, 2015. 348 p. (In Russ.)
- Mandzhiev N. Ts. Soldiers from Chilgir. Second edition, rev. & suppl. Elista: Dzhangar, 2011. 80 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B. Mobilization in the Kalmyk ASSR. In: Maksimov K. N. (ed.) The Great Patriotic War: Events, Personalities, History. Collected scholarly papers. Elista: Dzhangar, 2001. Pp. 45–64. (In Russ.)

- Очиров 2013 — *Очиров У. Б.* Военные мобилизации в Калмыцкой АССР в 1941–1943 гг. // Коренной перелом в Великой Отечественной войне: к 70-летию освобождения Дона и Северного Кавказа: материалы Международной научной конференции (г. Ростов-на-Дону, 6–7 июня 2013 г.). Ростов н/Д: ЮНЦ РАН, 2013. С. 53–60.
- Очиров и др. 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гунаев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНЦ РАН, 2018. 501 с.
- Очиров, Воробьева 2020 — Очиров У. Б., Воробьева В. Н. Калмыки-военнослужащие Красной Армии в Широкалге: статистическое исследование // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 2. С. 330–357. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330-357
- Очиров и др. 2023 — *Очиров У. Б. Заярный С. А. Бадышева Л. П.* Ваш подвиг в сердце мы храним... Элиста: КалмНЦ РАН, 2023. 320 с.
- Януш 2005 — *Януш С. В.* Битва за Кавказ, ее роль и значение в Великой Отечественной войне // *Известия высших учебных заведений. Северо-Кавказский регион. Общественные науки*. 2005. № 2 (130). С. 3–8.
- Януш 2021 — *Януш С. В.* О начальном этапе Битвы за Кавказ в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов // *Идет война народная, Священная война! Сборник материалов межвузовской научно-практической конференции, посвященной 80-летию начала Великой Отечественной войны 1941–1945 годов* (г. Краснодар, 16–17 июня 2021 г.). Краснодар: КВВАУЛ им. А. К. Серова, 2021. С. 14–20.
- Ochirov U. B. Military mobilizations in the Kalmyk ASSR, 1941–1943. In: Matishov G. G. (ed.) *The Turning Point in the Great Patriotic War. Jubilee conference proceedings* (Rostov-on-Don, 6–7 June 2013). Rostov-on-Don: Southern Scientific Center (RAS), 2013. Pp. 53–60. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Ochirov U. B., Vorobyova V. N. Kalmyk Red Army soldiers in Shirokovsky Forced Labor Camp: A statistical survey. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 2. Pp. 330–357. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-48-2-330-357
- Ochirov U. B. Zayarny S. A. Badysheva L. P. You Feats Stay Deep in Our Hearts... Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2023. 320 p. (In Russ.)
- Yanush S. V. The Battle of the Caucasus, its role and significance in the Great Patriotic War. *Bulletin of Higher Educational Institutions. North Caucasus Region. Social Science*. 2005. No. 2 (130). Pp. 3–8. (In Russ.)
- Yanush S. V. About the initial stage of the Battle for the Caucasus in the Great Patriotic War of 1941–1945. In: *This Be the People's War, a Sacred War! Jubilee conference proceedings* (Krasnodar, 16–17 June 2021). Krasnodar: Serov Krasnodar Air Force Academy, 2021. Pp. 14–20. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1005–1020, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 639.24

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1005-1020

Этноэкономика морского зверобойного промысла: деятельность территориально-соседских общин Чукотского района Чукотского автономного округа

Оксана Петровна Коломиец¹

¹ Северо-Восточный комплексный научно-исследовательский институт им. Н. А. Шило ДВО РАН (д. 15, ул. Энергетиков, 689000 Анадырь, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, ведущий научный сотрудник

 0000-0003-0027-7539. E-mail: [okkolo\[at\]mail.ru](mailto:okkolo[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Коломиец О. П., 2024

Аннотация. *Введение.* Рассматриваются особенности современной экономической деятельности в одном из видов традиционного природопользования коренных малочисленных народов Чукотки — морском зверобойном промысле. В 90-х гг. XX в. охота на морских млекопитающих на Восточной Чукотке была фактически возрождена силами жителей прибрежных сел и развивается в настоящее время благодаря функционированию общинам коренных малочисленных народов Чукотки. *Цель* статьи — охарактеризовать функционирование двух территориально-соседских общин Чукотского района Чукотского автономного округа — «Дауркин» и «Лорино» и провести их сравнительный анализ. *Материалы и методы.* Источниками исследования стали интервью с морскими охотниками и жителями сел Лаврентия и Лорино, собранные в 2022–2024 гг.; документы Администрации муниципального образования «Чукотский район», отчеты Департамента сельского хозяйства Чукотского автономного округа о результатах деятельности территориально-соседских общин, статистические материалы, опубликованные документы. В исследовании использованы качественные методы (включенное наблюдение, интервьюирование, сравнительный анализ). *Выводы.* Для сельских жителей территориально-соседские общины — это прежде всего возможность трудоустройства, стабильного заработка, для некоторых групп населения — круглогодичное обеспечение мясом морского зверя. Экономический потенциал сельских общин ограничен узостью рынков сбыта (продукция общины предназначена для внутреннего потребления коренного населения), законодательными запретами на коммерческую продажу продукции промысла (например, на мясо животных, занесенных в Красную книгу). Успешная деятельность описанных территориально-соседских общин обусловлена рядом факторов: финансовой и организационной поддержкой региональных властей; лидерскими качествами председателей; некоторой креативностью, выраженной в поисках новых прибыльных видов деятельности; сопряженность современного морского зверобойного промысла с исторически сложившимся типом природопользования в Чукотском районе Чукотского автономного округа.

Ключевые слова: Чукотский автономный округ, Чукотский район, коренные жители, морской зверобойный промысел, территориально-соседские общины, сельское население, традиционное хозяйство, этноэкономика

Благодарность. Работа выполнена при частичной поддержке научно-образовательного центра «Север: территория устойчивого развития» (технологический проект № 9 «Технологическое обеспечение социальной стабильности полиэтнических сообществ на Северо-Востоке Рос-

сии», подпроект «Коренные малочисленные народы Северо-Востока Российской Федерации в условиях глобальных вызовов XXI века: ГИС-технологии в оценке потенциала устойчивости системы жизнеобеспечения и этнических культур»).

Для цитирования: Коломиец О. П. Этноэкономика морского зверобойного промысла: деятельность территориально-соседских общин Чукотского района Чукотского автономного округа // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1005–1020. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1005-1020

Ethnic Economy of Sea Mammal Hunting in Chukotsky District (Chukotka Autonomous Okrug, Russia): Activities of Territorial Neighboring Groups

Oksana P. Kolomiets¹

- ¹ Shilo North-East Interdisciplinary Scientific Research Institute, Far Eastern Branch of the RAS (15, Energetikov St, 689000 Anadyr, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Leading Research Associate

 0000-0003-0027-7539. E-mail: okkolo[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Kolomiets O. P., 2024

Abstract. *Introduction.* The article considers some features of present-day economic activity in the form of one traditional subsistence pattern characteristic of Chukotka's indigenous peoples — sea mammal hunting. In the 1990s, the latter was virtually revived by residents of coastal villages in Eastern Chukotka and is currently developing through the efforts undertaken by members of so-called 'Chukotka's indigenous minor ethnic communities'. *Goals.* The article seeks to characterize and conduct a comparative analysis into the functioning of two such territorial neighboring groups from Chukotsky District of Chukotka Autonomous Okrug — Daurkin and Lorino. *Materials and methods.* The study focuses on interviews with sea mammal hunters and residents of Lavrentiya and Lorino recorded in 2022–2024, official papers of Chukotsky District, reports by the Department of Agriculture of Chukotka Autonomous Okrug on activities of territorial neighboring groups, statistical materials, published documents. The work employs qualitative research methods, such as participant observation, interviewing, and comparative analysis. *Conclusions.* For some rural residents such territorial neighboring groups secure employment opportunities and stable incomes, while for others — a year-round supply with sea mammal meat (and products). The economic potential of rural communities is limited by scarce market outlets (the obtained products are intended for domestic consumption by indigenous population) and legislative prohibitions on commercial trade in some hunting products (e.g., meat of endangered animals). The successful activity of the examined territorial neighboring groups arises from a variety of factors, namely: financial and organizational support from regional authorities, leadership qualities of their chairmen, some creativity manifested in the search for new profitable activities, certain parallels between contemporary sea mammal hunting practices and historically established traditional subsistence paradigms in Chukotsky District of Chukotka Autonomous Okrug.

Keywords: Chukotka Autonomous Okrug, Chukotsky District, indigenous peoples, sea mammal hunting, territorial neighboring groups, rural population, traditional economy, ethnic economy

Acknowledgements. The reported study was co-funded by Research and Education Center 'North: The Territory of Sustainable Development' (technological project no. 9 'Technological Support for Social Stability of Multiethnic Communities in Russia's Northeast'; subproject 'Indigenous Peoples of Russia's Northeast in the Context of Global Twenty-First Century Challenges: GIS Technologies to Assess Sustainability Potentials of the Life Support System and Ethnic Cultures').

For citation: Kolomiets O. P. Ethnic Economy of Sea Mammal Hunting in Chukotsky District (Chukotka Autonomous Okrug, Russia): Activities of Territorial Neighboring Groups. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1005–1020. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1005-1020

1. Введение

В 90-х гг. XX в. традиционная охота на морских млекопитающих на Восточной Чукотке была фактически возрождена силами жителей прибрежных сел и развивается в настоящее время благодаря общинам коренных малочисленных народов Чукотки (КМНЧ). В настоящее время морские охотники Чукотки обеспечивают мясом кита и других морских млекопитающих свыше девяти тысяч коренных жителей региона [Выполнение показателей 2024]. Распределение мяса и жира китов разрешено между жителями береговых поселков, допускается обмен на оленину с оленеводами. Продажа продукции китового промысла возможна только в виде сувениров ручной работы из китовой кости и уса [Приказ 2014]. Добыча ведется как отдельными охотниками — представителями КМНЧ, так и силами общин коренных народов. Общины морзвербоев играют значимую роль для прибрежных сел, обеспечивая население традиционной пищей и продукцией промысла. Цель статьи — охарактеризовать функционирование двух территориально-соседских общин (ТСО) Чукотского района Чукотского автономного округа (ЧАО) — «Дауркин» и «Лорино» и провести их сравнительный анализ.

В научной литературе, посвященной экономическим практикам коренных народов Севера (КМНС), значительное место уделяется вопросам функционирования общин КМНС [Мартынова 2019; Пивнева 2019; Прибыль 2021]. Отдельные статьи посвящены проблемам реализации прав КМНС на традиционное рыболовство и традиционную хозяйственную деятельность [Доржеева, Слепцова 2023]. Специальных работ, посвященных современной деятельности общин Чукотки, нет. Однако в разные годы опубликованы материалы, освещающие особенности хозяйственной деятельности коренного населения региона и, в частности, развития морской промысловой культуры [Смоляк 1957; Сергеев 2005; Лебедев 2006; Букина, Колеватова 2007; Основы 2007; Наши льды 2013; Российская Ар-

ктика 2016; Яценко 2016; Коломиец 2019; Анк'к'альгыт 2020; Яценко 2020; Коломиец, Нувано 2024; Хаховская 2023].

2. Материалы и методы

Источниками исследования стали интервью с морскими охотниками и жителями сел Лаврентия и Лорино, собранные в 2022–2024 гг., собранные в г. Анадыре и в Чукотском районе ЧАО; документы Администрации муниципального образования «Чукотский район», отчеты Департамента сельского хозяйства ЧАО о результатах деятельности ТСО; статистические материалы; опубликованные документы. В исследовании использованы качественные методы (включенное наблюдение, интервьюирование, сравнительный анализ).

3. Общая характеристика общинного морского зверобойного промысла в Чукотском районе ЧАО

Общины — одна из перспективных организационно-экономических форм деятельности коренного населения. На Чукотке в результате изменений в федеральном законе «О рыболовстве», предоставлявших право на традиционное рыболовство только представителям коренных народов и их общинам, муниципальные сельхозпредприятия (МП СХП) потеряли право на получение квот на добычу морских животных, включенных в Красную книгу [Федеральный закон 2004]. Поэтому в прибрежных селах на базе бывших МП СХП были созданы общины для того, чтобы получить квоты на добычу китов, а также других морских видов животных и обеспечить традиционное питание жителям сел.

В настоящее время на Чукотке действует 55 общин коренных малочисленных народов — семейно-родовые (СРО) и территориально-соседские общины (ТСО) [Реестр 2024]. Благодаря общинной организации труда население имеет возможность осуществлять традиционный образ жизни (тундровое и таежное оленеводство, морзвербойный промысел, рыболовство, сбор дико-

росов и пр.), обеспечить себя официальной работой и стабильным заработком.

Первые ТСО в регионе были образованы в октябре 2009 г. В настоящее время на Чукотке 10 территориально-соседских общин занимаются морским зверобойным промыслом. Из них 8 получают региональную субсидию на развитие деятельности (на 2023 г.). В Чукотском районе морским зверобойным промыслом и рыболовством занимаются 4 общины [Отчет 2023].

ТСО КМНЧ «Нуныамо», зарегистрированная в 2018 г., находится в с. Лаврентия. Основные виды деятельности: охота, отлов и отстрел диких животных, включая предоставление услуг в этих областях; сбор и заготовка дикорастущих плодов, ягод; рыболовство морское; рыболовство пресноводное; переработка и консервирование мяса. Община не получает государственных субсидий. Председатель совета общины — Владимир Александрович Миронов [ТСО КМНЧ «Нуныамо» 2024]. В общине работает 1 чел. В 2022 г. для ТСО «Нуныамо» выделили квоту на добычу двух серых китов, в 2023 г. — на одного [Отчет 2023: 1a].

ТСО КМНЧ «Лаврентия» зарегистрирована в 2009 г., находится в с. Лаврентия. Основные виды деятельности общины идентичны ТСО «Нуныамо». Община не получает государственных субсидий. Председатель совета общины — Мира Анатольевна Ваньгунь [ТСО КМНЧ «Лаврентия» 2024]. В общине работает 1 чел. В 2022 г. для ТСО «Лаврентия» выделили квоту на добычу трех серых китов, в 2023 г. — на одного [Отчет 2023: 1].

ТСО «Дауркин» зарегистрирована в 2009 г., находится в с. Лаврентия, Уэлен, Нешкан, Энурмино и Инчоун. Основные виды деятельности общины идентичны ТСО «Нуныамо» и «Лаврентия». Община получает государственную субсидию. Председатель совета общины — Таёном Станислав Викторович [ТСО КМНЧ «Дауркин» 2024]. В общине работают 83 охотника. В 2022 г. и в 2023 г. для ТСО «Дауркин» выделили квоту по 50 серых китов [Отчет 2023: 1].

ТСО «Лорино» зарегистрирована в 2009 г. и находится в с. Лорино. Основные

виды деятельности общины идентичны ТСО «Нуныамо», «Лаврентия», «Дауркин». Община получает государственную субсидию. Председатель совета общины — Алексей Анатольевич Оттой [ТСО КМНЧ «Лорино» 2024]. В общине работают 40 охотников. В 2022 г. для ТСО «Лорино» выделили квоту на добычу 49 серых китов, в 2023 г. — на 55 [Отчет 2023: 1].

ТСО «Ивинилъын» (Морской охотник), зарегистрирована в 2020 г. в с. Лорино, в настоящее время находится на стадии ликвидации. В ней работало 12 охотников [ТСО «Ивинилъын» 2024].

На 1 января 2024 г. морским зверобойным промыслом занимаются 18 бригад в составе общин: в ТСО «Лорино» — 5 бригад, в ТСО «Дауркин» — 13 бригад (из них в с. Лаврентия 1 бригада, в с. Уэлен — 3 бригады, в с. Инчоун — 3 бригады, в с. Энурмино — 4 бригады, в с. Нешкан — 2 бригады) [Отчет 2023: 1].

Ежегодно департамент сельского хозяйства и продовольствия ЧАО принимает заявки от общин на следующий промысловый год. Квоты формируются с учетом планов добычи самих охотников и результативности промысла в предыдущем сезоне.

Чукотский рыбохозяйственный совет также ежегодно распределяет квоты на серых и гренландских китов. В 2023 г. лимиты получили 10 общин коренных народов Чукотки. Из квоты, выделяемой Международной китобойной комиссией на аборигенный промысел, ТСО «Лорино» выделили самую большую квоту — 55 серых (из 135) и 1 гренландский (из 5) китов. По итогам промыслового сезона 2023 г. в регионе добыли 131 кита (130 серых и 1 гренландский), лучшими территориально-соседскими общинами стали ТСО «Лорино» (добыли 56 китов) и ТСО «Дауркин» (50 китов) [Лоринские китобои 2024].

Начинать добычу морские охотники могут только после того, как Северо-Восточное межрегиональное управление Росприроднадзора выдает охотничьи билеты общинам.

По условиям заключенных соглашений общинам устанавливается показатель ре-

зультативности. Этот показатель включает в себя объем добычи, в том числе китов и разных морских млекопитающих (акибы, крылатки, ларги, лахтака, моржа, белухи, серого и гренландского кита). При распределении объемов учитываются те показатели, которые установлены соглашением. В табл. 1 представлены планы и результаты добычи ТСО по добыче морских млекопитающих на 2022 г. и 2023 г.

У общин есть проблемы с обеспечением оружием, например для охоты на серого и гренландского китов. Датинганы (китобойные гарпунные ружья) пришли в негодность, а их аналоги так и не сделаны, хотя на Чукотку приезжали специалисты-оружейники для изучения этого вопроса. Ежегодно возникают трудности с получением разрешений на ношение оружия. Из-за ужесточения законодательства общины не могут иметь оружейные комнаты, нарезное оружие передано в пользование охотникам, имеющим необходимые разрешительные документы. Чтобы их получить, охотники должны пройти обучение в Хабаровске или Магадане. Расходы на обучение и получение лицензий на оружие несет работодатель, которому их компенсируют из окружного бюджета.

Охотники за годы промысла испытывают разные конструкции лодок и четко знают преимущества и недостатки традиционных

плавсредств и современных моделей разных производителей. В научной литературе подробно описаны нюансы их использования в морском промысле [Основы 2007: 227–260].

В 2023 г. на развитие морзверобойного промысла было направлено 427 млн руб., что на 19,5 % больше, чем в 2022 г. [Отчет 2023: 2].

Считается, что у морзверобоев хорошая заработная плата, поэтому люди держатся за эту работу. Например, в ТСО «Лорино» 2021 г. охотники в среднем получали 46 800 руб., в 2022 г. — 48 200 руб., По итогам 2023 г. средняя заработная плата лоринских охотников — 69 668 руб., АУП — 58 392 руб., работников — 51 276 руб. Губернатором ЧАО инициировано повышение заработной платы морским охотникам с 1 января 2024 г. Средняя зарплата морзверобоев Чукотки в 2023 г. составляла 57 581 руб., в 2024 г. достигнет 70 658 руб. [Оплата труда 2024].

4. Территориально-соседская община «Лорино»

ТСО «Лорино» — одна из наиболее успешных общин Чукотки. Она является удачным примером развития традиционного промысла в современных условиях. ТСО действует с 2009 г. По словам общинников, все они работали в совхозе и оттуда пришли в ТСО — таким образом сформировался ко-

Таблица 1. Планы и фактическое выполнение объемов добычи морских млекопитающих ТСО КМНЧ «Дауркин» и «Лорино» за 2022–2023 гг.

[Table 1. Daurkin and Lorino territorial neighboring groups. Sea mammal hunting. Plans and actual performance. 2022–2023]

Промысловое животное	ТСО КМНЧ «Дауркин»				ТСО КМНЧ «Лорино»			
	2022 г., голов		2023 г., голов		2022 г., голов		2023 г., голов	
	Факт	План	Факт	План	Факт	План	Факт	План
Акиба	902	902	896	896	609	609	268	268
Крылатка	0	0	0	0	5	5	5	5
Ларга	10	10	10	10	100	100	100	100
Лахтак	500	500	494	494	228	228	142	142
Морж	537	537	547	580	167	167	128	128
Белуха:	10	10	9	9	1	3	0	3
Серый кит	47	50	50	50	49	49	55	55
Кит гренландский	0	0	0	0	0	0	1	1
Итого:	2 006	2 009	2 006	2 039	1 159	1 161	699	702

Источник: [Отчет 2023].

стяк из 40 чел. Некоторые люди не верили в успех ТСО: «Год-два поработают и все заглохнет» [ПМА 2022: Инф. 1]. Вопреки всем сомнениям, община дает работу и стабильный заработок сельчанам [ПМА 2022: Инф. 1].

Кроме непосредственного промысла морских млекопитающих, ТСО занимается сопутствующими видами деятельности: заготовкой и обработкой нерпичьих, лахтачьих, моржовых шкур; заготовкой и продажей моржовой кости; изготовлением традиционных кожаных байдар; переработкой мяса, кожи и сала морзверя. Ежегодно ТСО отчитывается перед Департаментом сельского хозяйства и продовольствия ЧАО о результатах деятельности и использовании продукции морского зверобойного промысла (табл. 2).

ТСО распоряжается следующими производственными и инфраструктурными объектами: причалом, мини-заводом по переработке продукции промысла, косторезной мастерской, пошивочной мастерской, столярным цехом, гаражом. В хозяйстве ТСО имеются маленький трактор, снегоходы, квадроцикл. Часть техники выработала свой ресурс и требует обновления. Но даже такое оснащение есть не во всех ТСО округа. Например, в прошлом году была договоренность между ТСО «Лорино» и ТСО «Янракиннот», о проведении совместной охоты на гренландского кита. Охота не состоялась из-за отсутствия в Янракинноте тяжелой техники, с помощью которой можно гарантированно вытащить «греландца» [ПМА 2024: Инф. 1].

У лоринцев самая большая квота на добычу морского зверя на Чукотке: «Оттуда мы и больше получаем, нежели другие маленькие общины. И прибыль от реализации продукции морзверобойного промысла ощутима. И в конце года, когда мы подводим итоги, люди получают премии» [ПМА 2022: Инф. 1].

При общине «Лорино» действует косторезная мастерская, что позволило значительно увеличить доходы работников. Общины, с одной стороны, получая государственную поддержку в виде субсидий, с другой стороны, зарабатывая собственные средства, имеют возможность тратить их на

дальнейшее развитие. Принимая во внимание положительный опыт ТСО «Лорино», именно для этой общины в первую очередь приобрели скороморозильный плиточный аппарат стоимостью 3 млн руб.

Еще в 2018 г. ТСО «Лорино» на средства госпрограммы по поддержке морского зверобойного промысла в Чукотском автономном округе приобрела оборудование для цеха по переработке жира морских животных. Стоимость проекта составила около 5,5 млн руб. В собственность общины передано два модуля для переработки жира морзверя на 700 и 200 л, укомплектованные необходимым для работы оборудованием, инвентарем и расходными материалами. Полученный жир может быть востребован в парфюмерной и фармацевтической промышленности [Прибыль 2021: 46–47]. В 2023 г. для ТСО «Лорино» был смонтирован новый мини-завод по глубокой переработке шкур, жира и мяса морских млекопитающих.

Председатель ТСО А. А. Оттой на совещании с руководителями и специалистами отраслей северного оленеводства и морского зверобойного промысла ЧАО рассказал, что 2023 г. община отработала с прибылью в 4 млн 98 тыс. руб. По словам председателя, это чистая прибыль, которую общинники заработали за счет реализации продукции морского зверобойного промысла. Это клык моржа, зубы моржа, изделия косторезной мастерской и изделия пошивочной мастерской. Хотя пошивочная мастерская стартовала недавно, за пять месяцев 2023 г. прибыль от мастерской составила 176 тыс. рублей. А. А. Оттой считает, что в 2024 г. эта сумма удвоится, или даже утроится [ПМА 2024: Инф. 1].

5. Территориально-соседская община «Дауркин»

ТСО «Дауркин» — самая многочисленная территориально-соседская община КМНЧ на Чукотке с пятью филиалами, в ней работают 83 охотника. Организация получила свое название от полуострова Дауркин, она объединяет морских охотников всех сел Чукотского района, кроме Лорино: Нешкан, Энурмино, Инчоун, Уэлен и Лаврентия. С 2019 г. председатель ТСО —

Таблица 2. Использование продукции морского зверобойного промысла ТСО КМНЧ «Лорино» за январь-декабрь 2023 г.

[Table 2. Lorino territorial neighboring group. Use of sea mammal hunting products. January-December 2023]

Использование / наименование продукции	Мясо морзверя, ц	Мясо кита, ц	Сало морского зверя, ц	Сало кита, ц	Клык моржа, шт.	Зуб моржа, шт.	Os penis моржа, шт.	Шкуры, кг			
								Акиба	Ларга	Крылатка	Лактак
Поступление	2 249,79	1 739,15	1 579,34	1 391,32	276	728	145	268	100	0	142
от зверобойного промысла	2 249,79	1 739,15	1 579,34	1 391,32	260	728	145	268	100	—	142
из переработки	—	—	—	—	16	—	—	—	—	—	—
Реализация	455,13	1 739,15	259,59	1 391,32	496	311	11	54	20	0	21
передано населению бесплатно	—	1739,15	—	1 391,32	—	—	—	—	—	—	—
реализовано населению	2,88	—	—	—	—	140	1	4	10	—	5
реализовано сторонним организациям	19,04	—	0,20	—	356	—	—	10	—	—	5
Выручка, руб.	471 888	—	16000	—	4 001 828	20 000	15 000	26 000	57 000	—	55 000
Передано в переработку в организации	404,38	—	254,02	—	140	171	10	20	5	—	1
Израсходовано на корм собакам	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Израсходовано на при-манку	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Израсходовано на корм пушным зверям	28,83	—	5,37	—	—	—	—	—	—	—	—
Утилизировано	—	—	—	—	—	—	—	20	5	—	10

Источник: [Отчет 2023].

Станислав Викторович Таёном, один из самых молодых лидеров морских охотников. Помимо председателя ТСО, в каждом селе работает управляющий филиалом общины.

По мнению председателя ТСО, условия охоты на севере полуострова разительно отличаются от охоты в Лорино или Новом Чаплино: «Южане» охотятся круглогодично, «северянам» навигацию открывают в конце июня. На Севере северный ветер срывает охоту, а вот на юге это ветер-помощник — лоринские китобой всегда с добычей. На севере — от Нешкана до Уэлена — всего один месяц активной охоты и благополучной навигации — июль. Еще одна отличительная особенность в добыче моржа: Сиреники и Лорино, к примеру, добывают моржа на льду, а на северных широтах Энурмино их предпочитают колоть на лежбище на берегу по осени [Ященко 2021].

В таблицах 4 и 5 представлены результаты деятельности и использования продукции морского зверобойного промысла ТСО (табл. 3).

Управлять разветвленной сетью ТСО «Дауркин» — весьма сложная задача. Главная проблема — нехватка техники в селах, ограниченные возможности по ее ремонту из-за недостатка комплектующих и деталей. В селе Энурмино вспоминали, как председатель ТСО с одним из охотников (Стасом Енкау), помимо своей основной работы — охоты, починили всю технику в селе. Энурминская община снабжает стариков льдом из реки для питьевой воды [ПМА 2024: Инф. 2].

На заработанные деньги ТСО «Дауркин» самостоятельно закупила дорогостоящую технику: «Мы просили Департамент купить нам тракторы. Нам сказали: денег нет. И мы купили два трактора сами. Они очень нужны были, особенно в Нешкан» [ПМА: 2024: Инф. 3].

За счет средств госпрограммы в 2018 г. ТСО «Дауркин» получила девять новых лодок для морских охотников. За счет грантовых средств некоммерческого фонда «Купол» и собственных ресурсов ТСО «Дауркин» приобрела цех по ремонту плавсредств, холодильные камеры для хранения продукции емкостью 5 т, два бульдозера на базе трактора ДТ-45 [Прибыль 2021: 46–47].

Для того чтобы увеличить прибыль общины, при ТСО в с. Лаврентия была открыта косторезная мастерская. Филиалы общин имеют возможность тратить заработанные деньги на свои нужды. Так, несколько лет назад лахтачи ремни на ярмарку «Эракор» делали охотники Энурмино. Вырученные деньги идут именно в тот филиал, который изготовил ту или иную продукцию, а не на все ТСО. Охотники могут взять деньги или же заказать председателю на эти деньги купить бензин и запчасти для филиала [ПМА 2024: Инф. 3].

6. Сопутствующие виды деятельности общин

Благодаря деятельности ТСО в Чукотском районе развивается ездовое собаководство (40 каюров, 491 ездовая собака). Чаще всего именно охотники-промысловики до сих пор держат упряжки. В настоящее время в селах Чукотского района функционируют 43 собачьих упряжки: 11 — в Лорино, 12 — в Инчоуне, 6 — в Нешкане, 1 — в Лаврентия, 10 — в Энурмино, 3 — в Уэлене. Основной рацион собак — моржовое и китовое мясо, а также рыба, нерпа и лахтак. Именно ТСО обеспечивают мясным кормом животных. Упряжки используют для охоты на мелких ластоногих, для езды на рыбалку, для участия в ежегодной гонке на собачьих упряжках «Надежда». Лоринцы, рассказывая о ездовом собаководстве, говорят, что количество упряжек сократилось вдвое, что молодежь неохотно занимается собаками, хотя у детей интерес есть. Именно дети участвуют в гонках, набираются опыта у родителей и дедушек, если в семьях есть упряжки [ПМА 2022: Инф. 2].

Клеточное звероводство на Чукотке возникло во второй половине XX в. в рамках коллективных хозяйств во многом из-за необходимости поддержки сельской экономики и поиска способов применения отходов от морского промысла. В постсоветский период данная отрасль в отсутствие государственной поддержки оказалась убыточной. В 2014 г. с целью реанимации зверофермы было создано крестьянско-фермерское хозяйство ИП Отгой А. А. Главная задача КФХ — это поддержание и возрождение отрасли, ранее приносившей немалую прибыль и обеспечивающей занятость населе-

Таблица 3. Использование продукции морского зверобойного промысла ТСО КМНЧ «Дауркин» за январь-декабрь 2023 г.

[Table 4. Daurkin territorial neighboring group. Use of sea mammal hunting products.

January-December 2023]

Использование / наименование продукции	Мясо морзверя, ц	Мясо кита, ц	Сало морского зверя, ц	Сало кита, ц	Клык моржа, шт.	Зуб моржа, шт.	Os penis моржа, шт.	Шкуры, кг			
								Акиба	Ларга	Крылатка	Лахтак
Поступление	1 253,67	2 460,11	686,60	1 312,06	1028	2373	255	780	10	0	488
от зверобойного промысла	1 253,67	2 460,11	686,60	1 312,06	1028	2373	255	780	10	—	488
из переработки	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Реализация	1 649,93	2 450,52	789,99	1 296,99	706	7713	102	731	10	0	508
передано населению бесплатно	1 086,42	2 450,52	691,55	1 294,64	—	—	—	108	4	—	19
реализовано населению	397,53	—	25,56	—	—	—	—	—	—	—	—
реализовано сторонним организациям	3,63	—	4,12	—	706	7713	102	24	5	—	140
Выручка, руб.	98 932	—	72 359	—	13 282 400	891 840	210 860	37 000	75 000	—	325 000
Передано в переработку в организации	—	—	—	—	—	—	—	384	—	—	332
Израсходовано на корм собакам	162,35	—	68,76	2,35	—	—	—	30	—	—	—
Израсходовано на при-манку	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Израсходовано на корм пушным зверям	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—	—
Утилизировано	—	—	—	—	—	—	—	185	—	—	17

Источник: [Отчет 2023].

ния (в «лучшие годы» в звероводстве в Лорино было занято до 20 чел.). В настоящее время на звероферме всего 52 песца. Планируется обновление поголовья, что сделает вновь востребованной продукцию ТСО в виде корма животным.

Охотники традиционно обмениваются своей продукцией с оленеводами, но этот обмен не достаточен. Остро стоит вопрос с обеспечением морских охотников меховой одеждой. Именно для решения этой проблемы при ТСО «Лорино» в 2023 г. была открыта мехпошивочная мастерская. В 2023 г. ТСО заключили договор с оленеводческим хозяйством в с. Амгуэма для обмена продукции морзверобойного промысла. Для тундровиков готовят лахтачьи ремни, шкуры лахтака. А оленеводы со своей стороны везут оленье шкуры для пошива промысловой одежды. По словам председателя ТСО «Лорино», находиться в тундре без меховой одежды опасно: «Я не буду отправлять бураны в тундру в такой одежде, в которую сейчас одеты. Потому что они поедут, ну двое суток они проживут. А потом она отсыреет, одежда не меховая, и они погибнут. Поэтому, когда „Заполярье“ просит, я с трудом отправляю [людей]. И сейчас пошивочная мастерская начнет шить меходежду для тех людей, которые готовы оказать помощь в охране стад „Заполярье“, в первую очередь мы их оденем, а потом охотников» [ПМА 2024: инф. 1].

Члены общин самостоятельно занимаются ремонтом техники, столярными и прочими работами, что позволяет ТСО быть «многоплановыми» и «многозадачными», выполнять среди прочего и общественные работы, что повышает доверие односельчан и авторитет у представителей муниципальных и региональных властей. ТСО заключают договоры, соглашения с администрациями сельских поселений, оказывают содействие в спасательных работах.

А. А. Отгой вынашивает идею возрождения лоринского оленеводства при поддержке ТСО «Лорино». Сейчас в составе МУП СХП «Заполярье» в Лорино 2 оленеводческие бригады, в которых выпасается 2 298 оленей. В настоящее время хозяйство не в состоянии обеспечить сельских жите-

лей качественной олениной, ресурсов предприятия хватает лишь на снабжение мясом детского сада и школы.

Благодаря сопутствующей деятельности ТСО мастера косторезного и декоративно-прикладного искусства, скорняки и другие специалисты имеют возможность приобрести сырье из первых рук. Для общин продажа сырья и собственных товаров — одна из важных частей доходов. Согласно прайс-листу ТСО КМНЧ «Лорино», клык моржа до 1 кг стоит 6 000 руб., от 1 кг до 2 кг — от 8 000 до 10 000 руб., от 2 до 3 кг — 15 000 руб.; клык моржа оптом — 8 000 руб., пенис моржа — 5 000 руб., зубы моржа за 1 кг — 5 000 руб., ухо кита за 1 т — 2 500 руб., шкура акибы — 2 000 руб., шкура ларги — 2 000 руб., шкура лахтака — 5 000 руб., ремень лахтачий (10 м) — 2 000 руб. [Прайс-лист 2022].

У представителей общин есть идея о создании магазина или торговой площадки в г. Анадыре для того, чтобы горожане-представители коренных народов Чукотки получили возможность приобретать традиционные продукты питания и другие товары, производимые территориально-соседскими общинами: «Мы пытаемся, мы пытались и в прошлом, и в этом году как-то сделать, чтобы наша продукция, востребованная продукция, была в Анадыре. Потому что я приезжаю, ребята приезжают в Анадырь, и первый вопрос: „Ты привез итгилгын — кожу китовую, мясо китовое?“. В Анадыре же очень много стариков живет. И они были бы счастливы кушать свое, конечно» [ПМА 2022: Инф. 1].

7. Мнение жителей о деятельности общин и перспективах промысла

Многочисленные интервью с жителями прибрежных сел показывают в целом положительное отношение населения к деятельности общин и их лидеров. Современная экономика сел выстраивается вокруг ТСО.

«Основную работу делает голова — председатель. И надо выбирать человека, который активный, который знает цели, к которым надо идти. Если цели нет, то будет только название. Много людей, которые хорошо говорят, на этом все заканчивается.

Помните, в советское время, когда все объединяли? В совхозе работали и с Нунымо, и с Дежнёва, и с Провиденского района. Их дети перешли к нам, а потом с других районов, даже с оленеводства идут к нам» [ПМА 2022: Инф. 1].

«У Оттоя самое организованное ТСО, а в Янракынноте не придут даже на планерку. Один, два, три человека придут и все, там самое слабое ТСО по Провиденскому району. Хотя у них там хорошее ТСО в Чаплино, хорошие показатели. Индивидуалы все, наверное, единоличники. Может, лидера нет сильного» [ПМА 2022: Инф. 3].

«Вот Жени (Евгений Сивсив, управляющий филиалом ТСО в Инчоуне) нету. Я была убита тем, что вот Женя Сивсив умер. Мне когда сказали, это вообще, он же был здоров, вел здоровый образ жизни. И вот, считай, Инчоун на нем держался. Вот эта школа молодого охотника — его же инициатива была. И он всегда в чате показывал, ему было чем похвастаться, причем на радость, положительный результат, там его уважали. Какие у них там были гонки! Сами проводили свои праздники, и там же с подачи Сивсива деньги на подарки они собирали, он такой был принципиальный, говорил: „Продаешь, торгуешь? Давай деньги на призы“» [ПМА 2022: Инф. 4].

«Даже лаврентьевские к нам приезжают. Мы говорим: „У вас же там «Дауркин» есть?“ — „Они нам не дают мясо!“. Здесь если пошел, никогда не откажут. У нас на добычу больше выделяют, потому что село у нас самое большое, национальное. А в Лаврентия там мало, и поэтому они стараются только себе забрать эти туши. Все, что добывают здесь, все это распределяется. Население сами берут, сами разделяют, а охотники уже заканчивают полностью разделку. Главное им вскрыть, а дальше население, сколько хочешь, столько и бери. Внутренности, ливер, печень, все что есть. Все разбирается. Любой желающий может. Замораживают, зверям дают, собакам берут, потому что у нас много ездовых собак. Упряжки же у охотников. Стариков тоже всех обеспечивают» [ПМА 2022: Инф. 5].

8. Заключение

В настоящее время территориально-соседские общины Чукотского района ЧАО успешно решают задачи по обеспечению коренного населения рабочими местами, стабильной заработной платой, пищевой продукцией, сырьем для традиционных промыслов.

Экономический потенциал сельских общин ограничен узостью рынков сбыта (продукция общины предназначена для внутреннего потребления коренного населения), законодательными запретами на коммерческую продажу продукции промысла (например, на мясо «краснокнижных» животных). При этом имеются возможности для развития производственной инфраструктуры ТСО внутри сельских поселений.

В описанных общинах принципиально различаются организационные стратегии. ТСО «Лорино» ориентирована на поддержку одного села; структура общины постоянно усложняется, прирастая новыми видами деятельности (косторезная мастерская, мехпошивочная мастерская, столярный цех, завод по переработке мяса морзверя); община является ядром социально-экономической жизни сельского сообщества. ТСО «Дауркин» имеет более сложную организационно-управленческий аппарат (5 филиалов в селах, «головная» контора, председатель, управляющие филиалами); деятельность сосредоточена в основном на морском зверобойном промысле; менее развита производственная инфраструктура (в сравнении с ТСО «Лорино»). Для роста экономической прибыли от традиционного природопользования и увеличения собственных доходов общин необходимо дальнейшее внедрение глубокой переработки продукции во всех ТСО и новых технологий организации труда.

Анализ деятельности двух крупнейших общин Чукотки — ТСО «Лорино» и ТСО «Дауркин» — показал, что их успешная работа обусловлена рядом факторов: стабильной финансовой и организационной поддержкой региональных властей; лидерскими качествами и авторитетом председателей; некоторой креативностью, выраженной в поисках новых прибыльных видов де-

тельности; сопряженность современного морского зверобойного промысла с истори-

чески сложившимся типом природопользования в Чукотском районе ЧАО.

Полевые материалы автора

- ПМА 2022: Инф. 1 — информант О., житель с. Лорино.
- ПМА 2022: Инф. 2 — информант В., житель с. Лорино.
- ПМА 2022: Инф. 3 — информант К., житель с. Лорино
- ПМА 2022: Инф. 4 — информант Г., род. в с. Инчоун, проживает в с. Лаврентия.
- ПМА 2022: Инф. 5 — информант Р., житель с. Лорино.
- ПМА 2024: Инф. 1 — информант О., житель с. Лорино.
- ПМА 2024: Инф. 2 — информант Я., житель г. Анадыря.
- ПМА 2024: Инф. 3 — информант Т., род. в с. Энурмино, проживает в с. Лаврентия.

Author's Field Data

- Informant 1-2022: O., resident of Lorino (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2022. (In Russ.)
- Informant 2-2022: V., resident of Lorino (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2022. (In Russ.)
- Informant 3-2022: K., resident of Lorino (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2022. (In Russ.)
- Informant 4-2022: G, native of Inchoun, resident of Lavrentiya (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2022. (In Russ.)
- Informant 5-2022: R., resident of Lorino (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2022. (In Russ.)
- Informant 1-2024: O., resident of Lorino (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2024. (In Russ.)
- Informant 2-2024: Ya., resident of Anadyr (Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2024. (In Russ.)
- Informant 3-2024: T., native of Enurmino, resident of Lavrentiya (Chukotsky District, Chukotka Autonomous Okrug, Russia). Rec. in 2024. (In Russ.)

Источники

- Выполнение показателей 2024 — Выполнение показателей в 2023 г., динамика промысла и производства мясной продукции, полученной от промысла морских млекопитающих на территории Чукотского автономного округа. Анадырь: Департамент сельского хозяйства и продовольствия ЧАО, 2024. 1 с. (распечатка для участников совещания).
- Оплата труда 2024 — Оплата труда морских охотников с 1 января 2024 г. Материалы Совещания-семинара с руководителями, специалистами и работниками отраслей северного оленеводства и морского зверобойного промысла ЧАО в период с 22–28 января 2024 г. Анадырь: Департамент сельского хозяйства и продовольствия ЧАО, 2024. 1 с. (распечатка для участников совещания).
- Отчет 2023 — Отчет о выполнении планов по добыче морских млекопитающих ТСО КМНС и ТСО КМНЧ Чукотского автономного округа за январь–декабрь 2023 г. Анадырь: Департамент сельского хозяйства и продовольствия ЧАО, 2024. 2 с. (распечатка для участников совещания).

Sources

- Sea Mammal Hunting in 2023: Performance, Dynamics, and Meat Output in Chukotsky Autonomous Okrug (Russia). Meeting memo. Anadyr: Department of Agriculture and Food, 2024. 1 p. (In Russ.)
- Wages of Sea Mammal Hunters since 1 January 2024. Seminar proceedings (Anadyr, 22–28 January 2024). Meeting memo. Anadyr: Department of Agriculture and Food, 2024. 1 p. (In Russ.)
- Sea Mammal Hunting by Indigenous Minor Ethnic Communities in Chukotsky Autonomous Okrug: Output Report, January–December 2023. Meeting memo. Anadyr: Department of Agriculture and Food, 2024. 2 p. (In Russ.)

- Приказ 2014 — Приказ Департамента сельского хозяйства и продовольствия Чукотского автономного округа «Об утверждении ведомственной целевой программы «Развитие морского зверобойного промысла» № 6-од от 16.01.2014 [электронный ресурс] // Правительство Чукотского автономного округа. URL: <https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/depsehohz/activity/gos-pod-apk/vedomstvennaya-tselevaya-programma-razvitie-morskogo-zveroboynogo-promysla/> (дата обращения: 01.11.2024).
- Приказ 2022 — Приказ ТСО КМНЧ «Лорино» за 2022 г. Лорино, Чукотский район ЧАО, 2022. 1 с.
- Реестр 2024 — Реестр некоммерческих организаций. Минюст России [электронный ресурс] // Министерство юстиции РФ. URL: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/> (дата обращения: 01.07.2024).
- ТСО КМНЧ «Дауркин» 2024 — ТСО КМНЧ «Дауркин» [электронный ресурс] // Информационная система СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/chukotski-avtonomny-okrug-chukotski-raion/obshchina-daurkin-inn-8707001557-ogrn-1098700000123-6906d9a60c5b226ae0531b9aa8c04bb6> (дата обращения: 10.06.2024).
- ТСО КМНЧ «Ивинильын» 2024 — ТСО КМНЧ «Ивинильын» (Морской охотник) [электронный ресурс] // Сервис B2B.house. Организации. URL: https://b2b.house/company/TSO-KMNCH-IVINIL'YN-MORSKOJ-OXOTNIK_7503a87b-d99b-4e86-9e1f-51182d92ede4/ (дата обращения: 10.06.2024).
- ТСО КМНЧ «Лаврентия» 2024 — ТСО КМНЧ «Лаврентия» [электронный ресурс] // РБК-компания (РосБизнесКонсалтинг (РБК.ру)). URL: <https://companies.rbc.ru/id/1098700000190-territorialno-sosedskaya-obschina-korennyih-malochislennyih-narodov-chukotki-lavrentiya/> (дата обращения: 10.06.2024).
- ТСО КМНЧ «Лорино» 2024 — ТСО КМНЧ «Лорино» [электронный ресурс] // Сервис «RusProfile». Сводка. URL: <https://www.rusprofile.ru/id/4234623> (дата обращения: 10.06.2024).
- ТСО КМНЧ «Нунямо» 2024 — ТСО КМНЧ «Нунямо» [электронный ресурс] // Информационная система СПАРК. URL: <https://spark-interfax.ru/chukotski-avtonomny-okrug-chukotski-raion/obshchina-nunyamo-inn-8707001934-ogrn-1188709000556-78b5b56408c8c0f8e0531f9aa8c0b5b2> (дата обращения: 10.06.2024).
- Decree by the Department of Agriculture and Food (Chukotka Autonomous Okrug) Appointing the Departmental Special-Purpose Program on Development of Sea Mammal Hunting no. 6-od of 16 January 2014. On: Government of Chukotka Autonomous Okrug (website). Available at: <https://xn--80atapud1a.xn--p1ai/depsehohz/activity/gos-pod-apk/vedomstvennaya-tselevaya-programma-razvitie-morskogo-zveroboynogo-promysla/> (accessed: 1 November 2024). (In Russ.)
- Lorino Indigenous Minor Ethnic Community: 2022 Price List. Lorino, 2022. 1 p. (In Russ.)
- Register of Non-Commercial Organizations. On: Ministry of Justice of the Russian Federation (website). Available at: <https://minjust.gov.ru/ru/pages/reestr-nekommercheskih-organizacij/> (accessed: 1 July 2024). (In Russ.)
- Daurkin Indigenous Minor Ethnic Community. On: SPARK. Available at: <https://spark-interfax.ru/chukotski-avtonomny-okrug-chukotski-raion/obshchina-daurkin-inn-8707001557-ogrn-1098700000123-6906d9a60c5b226ae0531b9aa8c04bb6> (accessed: 10 June 2024). (In Russ.)
- Ivinilyn ('Sea Mammal Hunter') Indigenous Minor Ethnic Community. On: B2B.HOUSE. Organizations. Available at: https://b2b.house/company/TSO-KMNCH-IVINIL'YN-MORSKOJ-OXOTNIK_7503a87b-d99b-4e86-9e1f-51182d92ede4/ (accessed: 10 June 2024). (In Russ.)
- Lavrentiya Indigenous Minor Ethnic Community. On: RBC Companies. Available at: <https://companies.rbc.ru/id/1098700000190-territorialno-sosedskaya-obschina-korennyih-malochislennyih-narodov-chukotki-lavrentiya/> (accessed: 10 June 2024). (In Russ.)
- Lorino Indigenous Minor Ethnic Community. On: Rusprofile. Available at: <https://www.rusprofile.ru/id/4234623> (accessed: 10 June 2024). (In Russ.)
- Nunyamo Indigenous Minor Ethnic Community. On: SPARK. Available at: <https://spark-interfax.ru/chukotski-avtonomny-okrug-chukotski-raion/obshchina-nunyamo-inn-8707001934-ogrn-1188709000556-78b5b56408c8c0f8e0531f9aa8c0b5b2> (accessed: 10 June 2024). (In Russ.)

Федеральный закон 2004 — Федеральный закон от 20.12.2004 N 166-ФЗ (ред. от 29.05.2024) «О рыболовстве и сохранении водных биологических ресурсов» [электронный ресурс] // Справочная правовая система «КонсультантПлюс». URL: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (дата обращения: 01.10.2024).

Federal Law of 20 December 2004 no. 166-ФЗ (as amended on 29 May 2024) on Fishing and Preservation of Aquatic Biological Resources. On: Consultant Plus law assistant system. Available at: https://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_50799/ (accessed: 1 October 2024). (In Russ.)

Литература

Анк'к'альыт 2020 — Анк'к'альыт — люди моря. История морского зверобойного промысла Чукотки / ред. А. А. Носков. Анадырь: Дума Чукотского Автономного округа, 2020. 631 с.

Букина, Колеватова 2007 — Букина Л. А., Колеватова А. И. Традиционное питание местного населения на Чукотке (п. Лорино) // Современные проблемы природопользования, охотоведения и звероводства: Мат-лы Международ. науч.-практ. конф., посвящ. 85-летию ВНИИОЗ (г. Киров, 22–25 мая 2007 г.). Киров: ГНУ ВНИИОЗ, 2007. С. 59–61.

Доржиева, Слепцова 2023 — Доржиева В. В., Слепцова О. Ю. Региональное законодательство в сфере традиционного рыболовства в постсоветской России: основные тенденции развития // Теория и практика общественного развития. 2023. № 4 (182). С. 115–121. DOI: 10.24158/tpor.2023.4.15

Коломиец 2019 — Коломиец О. П. К истории развития морского зверобойного промысла Чукотки // Вестник Омского университета. Серия: Исторические науки. 2019. № 3 (23). С. 223–231. DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.223-231

Коломиец, Нувано 2024 — Коломиец О. П., Нувано В. Н. Оленеводство народов Чукотки в конце XX – первой четверти XXI в. // Вестник археологии, антропологии и этнографии. 2024. № 1 (64). С. 169–178. DOI: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-15

Лебедев 2006 — Лебедев В. В. Некоторые вопросы современного состояния хозяйства, культуры и быта коренного населения Лоринского сельского совета Чукотского автономного округа 1983 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1981–1984 годы / ред. З. П. Соколова, Е. А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, 2006. С. 243–261.

References

Noskov A. A. (ed.) Ankkalyt — People of the Sea: A History of Sea Mammal Hunting in the Chukotka. Anadyr: Duma of Chukotka Autonomous Okrug, 2020. 631 p. (In Russ.)

Bukina L. A., Kolevatova A. I. Traditional foods (and diets) of Chukotka's indigenous population: The village of Lorino. In: Shiryayev V. V. (ed.) Current Problems of Natural Resource, Hunting and Fur-Farming Management. Conference proceedings (Kirov, 22–25 May 2007). Kirov: National Research Institute of Hunting and Fur-Farming, 2007. Pp. 59–61. (In Russ.)

Dorzheeva V. V., Sleptsova O. Yu. Regional legislation in the field of traditional fishing in post-Soviet Russia: Main development trends. *Theory and Practice of Social Development*. 2023. No. 4 (182). Pp. 115–121. (In Russ.) DOI: 10.24158/tpor.2023.4.15

Kolomiets O. P. To history of development of sea hunting of Chukotka. *Herald of Omsk University. Series "Historical Studies"*. 2019. No. 3 (23). Pp. 223–231. (In Russ.) DOI: 10.25513/2312-1300.2019.3.223-231

Kolomiets O. P., Nuvano V. N. Reindeer herding of Chukotka ethnicities in the end of the 20th — first quarter of 21st century. *Vestnik Arheologii, Antropologii i Etnografii*. 2024. No. 1 (64). Pp. 169–178. (In Russ.) DOI: 10.20874/2071-0437-2024-64-1-15

Lebedev V. V. Native residents of Lorino, Chukotka Autonomous Okrug (1983): Some present-day issues of economy, culture and household life. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) *The Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1981–1984*. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2006. Pp. 243–261. (In Russ.)

- Лоринские китобои 2024 — Лоринские китобои стали лучшими на Чукотке [электронный ресурс] // ИА «Чукотка». Новости. Сельское хозяйство. 15.01.2024. URL: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/lorinskie_kitoboi_stali_luchshimi_na_chukotke/#:~:text=%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5,%2C%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D0%B5%D1%82%20%D0%98%D0%90%20%22%D0%A7%D1%83%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%22 (дата обращения: 25.01.2024).
- Лорино-based whale hunters proclaimed best ones in Chukotka. On: Chukotka news agency. News feed. Agriculture. Posted on 15 January 2024. Available at: https://prochukotku.ru/news/selskoe_khozyaystvo/lorinskie_kitoboi_stali_luchshimi_na_chukotke/#:~:text=%D0%98%D1%82%D0%BE%D0%B3%D0%B8%202023%20%D0%B3%D0%BE%D0%B4%D0%B0%20%D0%BF%D0%BE%D0%B4%D0%B2%D0%B5%D0%BB%D0%B8%20%D0%BC%D0%BE%D1%80%D1%81%D0%BA%D0%B8%D0%B5,%2C%20%D1%81%D0%BE%D0%BE%D0%B1%D1%89%D0%B0%D0%B5%D1%82%20%D0%98%D0%90%20%22%D0%A7%D1%83%D0%BA%D0%BE%D1%82%D0%BA%D0%B0%22 (accessed: 25 January 2024). (In Russ.)
- Мартынова 2019 — *Мартынова Е. П.* Аборигенное предпринимательство в Северном Приобье // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 72–85. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/72-85
- Martynova E. P. Aboriginal entrepreneurship in the Northern Ob region. *Herald of Anthropology*. 2019. No. 2 (46). Pp. 72–85. (In Russ.) DOI: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/72-85
- Наши льды 2013 — Наши льды, снега и ветры. Народные и научные знания о ледовых ландшафтах и климате Восточной Чукотки / науч. ред. Л. С. Богословская, И. И. Крупник. М.: Институт Наследия, 2013. 360 с.
- Bogoslovskaya L. S., Krupnik I. I. (comps.) Our Ice, Snow and Winds: Folk and Scientific Knowledge on Ice Landscapes and Climate of East Chukotka. Moscow: Russian Heritage Institute, 2013. 360 p. (In Russ.)
- Основы 2007 — Основы морского зверобойного промысла: науч.-метод. пособ. / науч. ред. Л. С. Богословская. М.: Институт Наследия, 2007. 480 с.
- Bogoslovskaya L., Slugin I., Zagrebin I., Krupnik I. Fundamentals of Sea Hunting: An Instructional Guide. Moscow: Russian Heritage Institute, 2007. 480 p. (In Russ.)
- Пивнева 2019 — *Пивнева Е. А.* «Сколько весит рыбий хвост?»: этничность и бюрократия в традиционном рыболовстве на Обском Севере // Вестник антропологии. 2019. № 2 (46). С. 86–102. DOI: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/86-102
- Pivneva E. A. «How much does a fish tail weigh?»: Ethnicity and bureaucracy in traditional fishing in the Ob North. *Herald of Anthropology*. 2019. No. 2 (46). Pp. 86–102. (In Russ.) DOI: 10.33876/2311-0546/2019-46-2/86-102
- Прибыль 2021 — Прибыль не ради прибыли? Экономические практики коренных народов Севера России в условиях рынка / отв. ред. Е. А. Пивнева. М.; СПб.: Нестор-История. 2021. 404 с.
- Pivneva E. A. (ed.) Not-for-Profit Businesses: Economic Practices of Russia's Northern Peoples in the Market Economy Era. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2021. 404 p. (In Russ.)
- Российская Арктика 2016 — Российская Арктика: коренные народы и промышленное освоение / отв. ред. В. А. Тишков. М.; СПб.: Нестор-История, 2016. 272 с.
- Tishkov V. A. (ed.) Russia's Arctic Zone: Indigenous Peoples and Hunting Development. Moscow, St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2016. 272 p. (In Russ.)
- Сергеев 2005 — *Сергеев Д. А.* О современном положении эскимосского населения Чукотского и Providensky районов Чукотского национального округа 1960 г. // Этнологическая экспертиза: Народы Севера России. 1959–1962 годы / ред.: З. П. Соколова, Е. А. Пивнева. М.: ИЭА РАН, 2005. С. 181–198.
- Sergeev D. A. Native Eskimos of Chukotsky and Providensky districts, Chukotsky National Okrug (1960): Analyzing present-day conditions. In: Sokolova Z. P., Pivneva E. A. (eds.) The Ethnological Expertise: Peoples of Russia's North, 1959–1962. Moscow: Institute of Ethnology and Anthropology (RAS), 2005. Pp. 181–198. (In Russ.)

- Смоляк 1957 — *Смоляк А. В.* Материалы к характеристике социалистической культуры и быта коренного населения Чукотского района // Сибирский этнографический сборник: Т. 2 / отв. ред.: Л. П. Потапов, М. Г. Левин (Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. Новая серия. Т. XXXV). М.; Л.: АН СССР, 1957. С. 3–37.
- Хаховская 2023 — *Хаховская Л. Н.* Морской зверобойный промысел Чукотки в советское время: этнографический аспект // Гуманитарные исследования в Восточной Сибири и на Дальнем Востоке. 2023. № 2(64). С. 42–54. DOI: 10.24866/1997-2857/2023-2/42-54
- Ященко 2020 — *Ященко О. Е.* «Наконец-то я дома»: возвращение в родной Аккани // Прикладная этнология Чукотки: народные знания, музеи, культурное наследие (К 125-летию поездки Н. Л. Гондатти на Чукотский полуостров в 1895 году) / отв. ред. О. П. Коломиец, И. И. Крупник. М.: PressPass, 2020. С. 74–96.
- Ященко 2016 — *Ященко О. Е.* «Смотри и учись»: молодые чукотские и эскимосские морские охотники сел Лорино и Сиреники 2010 г. // Лицом к морю. Памяти Людмилы Богословской / отв. ред. И. И. Крупник. М.: Тип. «Август Борг», 2016. С. 191–213.
- Ященко 2021 — *Ященко О. П.* Таёном Станислав. Лаврентия [электронный ресурс] // Алеут. От истоков до наших дней. URL: <https://aleut.club/gordost-chukotki/oxotniki-21-veka/tayonom-stanislav.-lavrentiya> (дата обращения: 01.06.2024).
- Smolyak A. V. Natives of Chukotsky District: Materials to characterize their Socialist culture and everyday life. In: Potapov L. P., Levin M. G. (eds.) *The Siberian Ethnographic Collection*. In 5 vols. Vol. 2 (Proceedings of the Miklouho-Maclay Institute of Ethnography. New Series 35). Moscow, Leningrad: USSR Academy of Sciences, 1957. Pp. 3–37. (In Russ.)
- Khakhovskaya L. N. Marine mammal hunting in Soviet Chukotka: Ethnographic aspect. *Humanitarian Research in the Eastern Siberia and the Far East*. 2023. No. 2 (64). Pp. 42–54. (In Russ.) DOI: 10.24866/1997-2857/2023-2/42-54
- Yashchenko O. E. ‘I’m home, finally’: Returning to Akkani. In: Kolomiets O. P., Krupnik I. I. (eds.) *Applied Ethnology of Chukotka: Folk Knowledge, Museums, Cultural Heritage (Celebrating the 125th Anniversary of N. Gondatti’s Expedition to the Chukotka in 1895)*. Moscow: PressPass, 2020. Pp. 74–96. (In Russ.)
- Yashchenko O. E. ‘Watch to learn’: Young Chukchi and Eskimo sea hunters from Lorino and Sireniki, 2010. In: Krupnik I. I. (comp., ed.) *Facing the Sea: In Memoriam Lyudmila Bogoslovskaya*. Moscow: Avgust Borg, 2016. Pp. 191–213. (In Russ.)
- Yashchenko O. P. Stanislav Tayonom. Lavrentiya. On: Aleut. From Beginnings to Present Days. Available at: <https://aleut.club/gordost-chukotki/oxotniki-21-veka/tayonom-stanislav.-lavrentiya> (accessed: 1 June 2024). (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1021–1036, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 322: 327

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации

Александр Сергеевич Железняков¹, Святослав Вадимович Никифоров²

1 Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, корп. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация) доктор политических наук, главный научный сотрудник, руководитель центра
 0000-0002-6477-6161. E-mail: [zhelezniakovas\[at\]yahoo.com](mailto:zhelezniakovas[at]yahoo.com)

2 Институт социологии Федерального научно-исследовательского социологического центра РАН (д. 24/35, корп. 5, ул. Кржижановского, 117218 Москва, Российская Федерация) кандидат педагогических наук, кандидат юридических наук, старший научный сотрудник
 0000-0003-3842-4848. E-mail: [ursus-arktos\[at\]yandex.ru](mailto:ursus-arktos[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Железняков А. С., Никифоров С. В., 2024

Аннотация. *Введение.* Буддийские регионы России, исторически принадлежащие как к русской, так и монгольской цивилизации, выступают привлекательным объектом для цивилизационного анализа во всем множестве отраслей социальных наук, однако комплексных исследований, объединенных общей метанаучной концепцией, систематизирующей имеющуюся эмпирическую и теоретическую информацию, все еще не так много, несмотря на все возрастающую роль цивилизационных процессов в условиях формирования и развития полицентричного миропорядка государств-цивилизаций. *Цель и задачи исследования:* проведение комплексного исследования, задачами которого являются выявление роли буддийского фактора в развитии межцивилизационных отношений России на примере трех общих форпостов русской и монгольской цивилизации: Бурятии, Тувы и Калмыкии. В статье исследуется значимость буддийского фактора в социокультурном и политическом пространстве Республики Бурятия и частично Забайкальского края (Забайкалья), Республики Тува (Тыва) и Калмыкии. *Материалы и методы.* Теоретико-методологический аппарат исследования основывается на новом научном направлении — цивилизационной политологии, рассматривающей цивилизационные и политические процессы в рамках стереоскопической картины мира, обособляющей политическое и цивилизационное пространства, а также предполагающей междисциплинарный инструментарий научного исследования и метанаучный уровень его теоретического осмысления. Для достижения поставленной цели предполагается использовать разнообразные материалы: исторические и современные политико-правовые акты странового и регионального уровня, сообщения СМИ, высказывания политиков, общественных и духовных деятелей, данные социологических опросов, а также специализированные научные исследования, анализирующие указанные выше источники. *Результаты* исследования позволяют утверждать, что роль религиозного и, в частности, буддийского фактора значительна в политических и цивилизационных процессах в общих форпостах российской и монгольской цивилизаций, существующих на территории Российской Федерации. При этом он является одним из нескольких субстратов цивилизационной идентичности, наряду с этнической, культурной, конфессиональной и язы-

ковой, а также факторами вмещающего ландшафта и общностью исторической судьбы. *Выводы.* Несмотря на значимость цивилизационного фактора для указанных регионов, в рамках текущей национальной политики приоритет отдается концепции политической нации, а не государства-цивилизации, что не позволяет в должной мере учесть конфессиональное и этнокультурное разнообразие форпостов и раскрыть их потенциал в интересах развития как самих регионов, так и России в целом.

Ключевые слова: влияние буддизма на политические и цивилизационные процессы, государство-цивилизация, форпосты русской и монгольской цивилизации, Бурятия, Забайкалье, Тува, Калмыкия

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Традиционный буддизм, постсекулярность и современные общественно-политические процессы в России и Монголии» (№ 24-48-03022, <https://rscf.ru/project/24-48-03022/>).

Для цитирования: Железняков А. С., Никифоров С. В. Роль буддизма в развитии общих форпостов русской и монгольской цивилизации // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1021–1036. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations

Alexander S. Zheleznyakov¹, Svyatoslav V. Nikiforov²

- 1 Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Fac. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
Dr. Sc. (Political Science), Chief Research Associate, Head of Department

 0000-0002-6477-6161. E-mail: zhelezniakovs[at]yahoo.com

- 2 Institute of Sociology of the Federal Center of Theoretical and Applied Sociology of the RAS (Fac. 5, 24/35, Krzhizhanovsky St., 117218 Moscow, Russian Federation)
Cand. Sc. (Pedagogy), Cand. Sc. (Law), Senior Research Associate

 0000-0003-3842-4848. E-mail: ursus-arktos[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V., 2024

Abstract. Introduction. Russia's Buddhist regions historically belonging to both the Russian and Mongolian civilizations are an attractive object for civilizational analysis in a variety of social sciences. Nonetheless, despite the ever-increasing role of civilizational processes in the context of the emerging and developing polycentric world order of civilization-states, scarce are studies united by a complex metascientific concept that would systematize the available empirical and theoretical information. *Goals.* Thus, the article attempts such research and seeks to identify the role of the Buddhist factor in the development of cross-civilizational relations in Russia through the examples of three common outposts of Russian and Mongolian civilizations — Buryatia, Tuva, and Kalmykia. The paper examines the significance of the Buddhist factor in sociocultural and political spheres of Buryatia and partly Transbaikalia, Tuva (Tyva), and Kalmykia. *Materials and methods.* The theoretical and methodological apparatus of the research rests on a new scientific approach — civilizational political science which considers civilizational and political processes within a stereoscopic worldview that separates political and civilizational spaces, and implies the use of an interdisciplinary research toolkit and a metascientific level of its theoretical understanding. To facilitate these, the work shall use a variety of materials, such as past and present political and legal acts from national and regional levels, media reports, statements by politicians, public and spiritual figures, data from sociological surveys, as well as special scientific investigations analyzing the mentioned sources. *Results.* The study suggests that the role of the religious factor — and, in particular, that of Buddhism — is significant in political and civilizational processes across the common outposts of the Russian and Mongolian civilizations throughout the territory of the Russian Federation. Meanwhile, it serves as a substrate of civilizational identity, along with ethnic, cultural, confessional, linguistic ones, and factors of surrounding landscapes and commonality of historical destiny. *Conclusions.* Despite the importance of the civilizational factor for the examined regions, current national policies give priority to the concept of 'political nation' rather than that of 'civilization-state', which reduces somewhat due consideration of the confessional and ethnocultural diversity across the outposts, and hampers the fulfillment of their potentials in favor of development at both regional and national levels.

Keywords: influence of Buddhism on political and civilizational processes, state-civilization, outposts of Russian and Mongolian civilizations, Buryatia, Transbaikalia, Tuva, Kalmykia

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-48-03022 ‘Traditional Buddhism, Postsecularity and Contemporary Sociopolitical Processes in Russia and Mongolia’. Available at: <https://rscf.ru/project/24-48-03022>.

For citation: Zheleznyakov A. S., Nikiforov S. V. A Role of Buddhism in the Shaping of Common Outposts for Russian and Mongolian Civilizations. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1021–1036. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1021-1036

1. Введение

«Россия — государство(страна)-цивилизация» — данное положение закреплено в Концепции внешней политики России, принятой в 2023 г. [Концепция 2023], все чаще встречается в отечественном политическом [Путин 2024] и научном дискурсе [Багдасарян 2022; Журавлева и др. 2023; Желифонов 2024; Ильичева и др. 2024], как в вопросах анализа внутривосточных процессов, так и международных отношений. Вместе с тем цивилизационное пространство со своим центром и периферией само по себе не соотносится напрямую с государственными границами и политико-правовым пространством Российской Федерации в том числе. Цивилизационные пространства выходят за пределы границ государств, поскольку представители всех цивилизаций вследствие исторического развития широко расселились по всему миру, переплетаясь друг с другом в своеобразный «ковёр» межцивилизационного взаимодействия. Узловые пространства межцивилизационного взаимодействия с точки зрения цивилизационной политологии рассматриваются в качестве общих форпостов цивилизаций. И именно на их примерах видно, как в пестром наборе субстратов цивилизационной идентичности проявляется пространство нескольких цивилизаций одновременно.

В начале исследования дадим общую характеристику изучаемым форпостам российской и монгольской цивилизации. Можно отметить, что существование большого числа межцивилизационных форпостов представляется некоторой особенностью нашего протяженного государства. Так, Санкт-Петербург, как «окно в Европу», прорубленное Петром I, долгое время являлся и,

по сути, является сейчас общим форпостом русской и западной цивилизаций. Подобные общие форпосты на территории и за пределами России (и особенно, в трансграничных регионах) имеются у русской цивилизации с другими цивилизациями, в том числе и с монгольской цивилизацией. Из территорий зарубежных стран можно отдельно выделить исторический регион Маньчжурии, представлявшей собой сложившийся еще с доиндусовых времен на протяжении многих столетий общий форпост монгольской и китайской цивилизаций (русская цивилизация влилась в этот форпост позже — в конце XIX – начале XX вв.).

При анализе, например, условно выделяемого Байкальского региона исследователи отмечают особо пестрый характер социума, переплетение множества идентичностей самых разных уровней, в том числе и тех, которые проявляются посредством цивилизационных субстратов (этническая, культурная, конфессиональная, языковая), факторов общности исторической судьбы и вмещающего ландшафта... [Антонов, Очирова 2016: 254–256]. Конечно, жители рассматриваемых регионов объединены также и политической российской идентичностью, однако исследователи указывают, что она на деле нередко отходит на второй план, сосуществуя с региональным самосознанием [Антонов, Очирова 2016: 255–256].

В. И. Антонов и О. А. Очирова делают акцент на том, что российские граждане сегодня являются носителями множественной идентичности. На это влияют факторы их традиционных мест проживания, где могут возникать идентичности, обусловленные особой локальной или региональной спецификой, а также этнической, языковой, куль-

турной и конфессиональной принадлежностями. Среди этих особых идентичностей исследователи упоминают кланово-родовую, территориально-блоковую, этноконфессиональную, национальную, а также идентичности, характерные для особых территориальных общностей (например, байкальская), и общероссийскую [Антонов, Очирова 2016: 255]. Помимо этого, они вводят термин «особые уровни измерения», в рамках которых выделяют идентичности, специфичные для конкретных этнокультурных групп: связанную с субэтничностью идентичность «буряты-казаки», возникшую в силу общности исторической судьбы, этнокультурной, религиозной и языковой близости с монголами, бурят-монгольскую идентичность (фактически и отражающей цивилизационный уровень) и обусловленную географическим фактором идентичность «азиаты» [Антонов, Очирова 2016: 255–256].

Сосуществование разных идентичностей в межцивилизационных форпостах представляется значимым не только ввиду позиционирования принадлежности этих конкретных общих форпостов к северному (тибетскому) буддизму как к конфессиональной составляющей идентичности монгольской (кочевой евразийской) цивилизации, но и для выдвижения тезиса о необходимости развития именно цивилизационной российской идентичности как объединяющей идентичности народов России, государства-цивилизации.

В отличие от идентичности политической, существующей во многом обособленно от этнокультурной и конфессиональной, идентичность цивилизационная основывается на их синтетической совокупности, а значит, может служить более естественной скрепой социокультурной общности в обширном многонациональном государстве в рамках строительства национальной политики. Вместе с тем ввиду сосуществования нескольких цивилизационных идентичностей в форпостах межцивилизационного взаимодействия на территории Российской Федерации становится закономерным вопрос о возможности позиционирования нашей державы в качестве страны, распо-

ложенной на территории полицивилизационного пространства — пространства, в котором не только находится ядро русской цивилизации и установлена точка отсчета пространства Русского мира, но также сосуществуют узлы межцивилизационного взаимодействия, а значит, и крупные общности носителей одновременно с российской и других цивилизационных идентичностей.

На наш взгляд, в рамках осуществления национальной государственной политики не следует отказываться от богатого опыта России в межцивилизационном взаимодействии. Подобные форпосты следует рассматривать как точки соприкосновения политически очерченного ядра российской цивилизации с периферией «внешних цивилизаций» как своего рода «ворот» России во внешний мир. Нецелесообразным представляются попытки использования политических механизмов для осуществления «цивилизационной ассимиляции» так же, как и игнорирование цивилизационного многообразия в трансграничных регионах. Полицивилизационность данных форпостов — неизбежность, но в то же время возможность, способ восполнения и расширения субстратов российской цивилизации. Она может стать одним из столпов как внутривелизационного строительства устойчивого социокультурного российского общества, так и точкой опоры для строительства нового цивилизационного порядка, укрепления в нем роли нашей державы как государства-цивилизации. Примечательно в этой связи отметить, что в современных реалиях такую роль межцивилизационные форпосты уже начинают играть. Достаточно упомянуть, что Казань (Татарстан) стала новым центром государственной и публичной дипломатии, местом для проведения форумов БРИКС [Герейханова 2024], Игр будущего, де-факто создающих альтернативные институты мировой политики и спорта [Две реальности 2024].

В этой связи нельзя не согласиться с тезисом о том, что для успешного превращения в основополагающую и плотно скрепляющую российскую общность, способную обеспечить крепкий мир внутри нашего социума, обезопасив его от между-

циональных, межэтнических, межконфессиональных конфликтов, российская общенациональная идентичность должна успешно включить в себя богатый исторический опыт формирования сложных и многоуровневых идентичностей этнополитических пространств отдельных регионов [Антонов 2021: 86–87].

Однако в условиях реализации концепции строительства политической нации, в должной мере не учитывающей сложную историю этноконфессионального и межкультурного взаимодействия как на региональном, так и на глобальном (цивилизационном) уровнях, эта цель представляется труднодостижимой. В то же время при взгляде на проблему российской идентичности как цивилизационную и при смене вектора с идентичности политической на идентичность цивилизационную решение данной задачи представляется возможным. Подтверждением этому как раз и может служить тот опыт межкультурного взаимодействия, который имеется у рассматриваемых регионов-форпостов.

Эксперты традиционно особо подчеркивают ведущую роль христианства и тибетского (северного) буддизма и их взаимодействия в Байкальском регионе [Арзуманов 2009: 244]. Она во многом определяет основу этноконфессиональной структуры субъектов Юго-Востока Российской Федерации, многие ключевые направления цивилизационных процессов внутри них, а также на протяжении нескольких веков значительно влияет на формирование внешнеполитического вектора политики России в Азии [Арзуманов 2009: 244].

Схожие тезисы при еще большей конфессиональной мозаичности характерны и для Каспийского региона, где наряду с буддизмом и христианством также значительную роль играет и ислам. При этом, как отмечают некоторые исследователи, нередко этноконфессиональный фактор в должной мере не учитывался при сопровождении национальной политики России со стороны СМИ, что оказывало влияние на ход политических процессов в регионах, поскольку его подхватывают оппозиционные светским

и духовным властям региональные силы, апеллирующие к этническому самосознанию граждан [Арзуманов 2009: 245]. В частности такого рода риторика применялась для противодействия объединению субъектов Российской Федерации [Арзуманов 2009: 245].

Подобные процессы имели место быть в преддверии референдума по объединению Иркутской области и Усть-Ордынского Бурятского автономного округа (2006 г.), в деятельности Конгресса бурятского народа в 1990-е гг., продвигавшего идею восстановления Бурят-Монгольской республики в границах 1927 г., которую также впоследствии позиционировали в качестве альтернативы объединению Иркутской области [Арзуманов 2009: 245].

В целом в исследуемых регионах религиозный фактор, особенно в форме буддизма в синкретизме с шаманизмом, стал основой политико-правового и социокультурного оформления идеи культурного возрождения. И со стороны оппозиции, и со стороны региональных и духовных властей он позиционировался именно так. В этой связи интересным примером представляется Республика Бурятия, в которой в 1997 г. был принят закон, провозглашавший четыре традиционные религии Республики: буддизм, православие, старообрядчество и шаманизм [Волкова 2021: 39–40]. Однако показательно, что уже спустя три года, данные формулировки были изменены и в последующих редакциях указанного нормативно-правового акта от упоминания конкретных конфессий, в том числе и указания их в качестве традиционных, законодатели отказались [Закон Республики Бурятия 1997].

2. Бурятия и Забайкальский край (Забайкалье)

Рассмотрим роль религиозного фактора в развитии цивилизационных и политических процессов в Бурятии чуть более подробно, обратившись к ретроспективному анализу для понимания роли буддийского фактора в цивилизационном и политическом пространствах Бурятии на длительном историческом отрезке. Верным предполагается утверждение о том, что процесс вхож-

дения бурят в состав российского государства протекал как на межцивилизационном, так и межличностном уровне, и что имела место быть своего рода комплиментарность между двумя крупными этническими группами [Урбанаева 2013: 42]. Однако нам представляется более точным обозначить сферы происходящих процессов как в рамках цивилизационного измерения — межконфессиональное (взаимодействие православия с тенгрианством, шаманизмом и тибетским буддизмом), межэтническое и межкультурное взаимодействие бурят и русских переселенцев, так и отдельно политико-правовой аспект интеграции бурятского общества в многонациональную семью Российской империи, который разворачивался прежде всего в рамках пространства политического.

Вне всяких сомнений, и межцивилизационные процессы повлияли на принятие конкретных политико-правовых шагов со стороны представителей двух народов, и последующие политические решения во многом способствовали сложившемуся исторически характеру межцивилизационного взаимодействия русских и бурят, однако в рамках стереоскопической картины мира, применяемой в цивилизационной политологии, все же данные процессы будет логичным разграничить. Интересно влияние буддизма и на сакрализацию власти российских государей, и, как следствие, гармоничное развитие межцивилизационного взаимодействия представителей русской и монгольской цивилизаций. Например, легенда о том, что сулдэ Чингисхана осталось в России, «стало одной из причин, почему российские императоры почитались бурятами как воплощение Белой Тары» [Урбанаева 2013: 41], (одна из восьми бодхисаттв, почитаемых буддистами просветленных душ). Примечательно, что, согласно исторической легенде, провозглашать российских правителей воплощением Белой Тары бурятские ламы стали еще со времен Елизаветы Петровны, затем эта традиция прервалась в советское время и неожиданным образом возобновилась уже в XXI в., когда новым воплощением бодхисаттвы был объявлен Д. А. Медведев, занимавший на тот момент пост Президента Российской Федерации

[Медведев стал 2009]. Интересным представляется также и тот факт, что, согласно историческим свидетельствам, по мере развития данного взаимодействия русские переселенцы были склонны осваивать бурятский язык, вступать в смешанные браки, перенимать традиции быта и даже местные верования — как буддизм, так и шаманизм [Урбанаева 2013: 41].

Примечательно, что на рубеже XIX и XX вв. среди лиц, принимавших решения в Российской империи, а также ученых-исследователей во многом присутствовало понимание бурят как представителей отдельной цивилизации (монгольской, тибетской) или как минимум народа, испытывающего сильное влияние зарубежного духовного лидера [Урбанаева 2013: 45–48]. Буддизм, как и идеология панмонголизма, в определенный момент времени, тем не менее, стал новым геополитическим вектором развития России, как царской, так и советской. Свою роль он сыграл и в период Гражданской войны. И белые, и красные военачальники и политики стремились расположить к себе буддистов. Однако ни широкое буддийское духовенство, ни его лидеры в итоге не стремились окончательно занять одну или другую сторону. Балагатское движение, пытавшееся создать свое теократическое государство, и вовсе, например, противопоставило себя как белым, так и красным [Петров 2023: 116].

Так же, как и Коминтерн, буддийские институты «мягкой силы» оказались в значительной степени связаны с влиянием иностранных государств, а результаты данной линии публичной дипломатии недостаточно плодотворными, что обусловило на фоне разрастающейся внутренней политической борьбы в советском руководстве и прямого сотрудничества с зарубежными структурами отдельных представителей институтов «мягкой силы» мировой революции (как Коминтерна, так и лам непосредственно) начало массовых репрессий, которые затронули духовенство, в том числе и буддийских лам [Занданова, Паламарчук 2016: 93–97], что определило на долгое время сокращение роли влияния буддийского фактора на развитие цивилизационных процессов в Буря-

тии и других регионах СССР и даже других социалистических стран.

Тем не менее в период Великой Отечественной войны представители буддийского духовенства проявили патриотическую позицию. Летом 1944 г. ими было выпущено воззвание к буддистам на бурятском языке с призывом помочь советской Родине и Красной Армии. Всего ими было собрано 0,5 млн рублей, причем ламы Х. Галсанов и Ч. Тасорунов за персональные взносы в Фонд обороны дважды получили благодарственные телеграммы от И. В. Сталина. После войны в 1946 г. на совещании буддийских деятелей СССР было принято Положение о буддийском духовенстве СССР, фактически закрепившее правовой статус буддийской сангхи в рамках советской политико-правовой системы и ограничившее деятельность лам исключительно вопросами религиозного толка, а также формально ликвидировавшее институт «перерожденчества» [Абаева 2019: 230–231].

Несмотря на формальный запрет политической деятельности, с середины 1950-х гг. бурятские ламы начинают вновь участвовать в конфессиональных мероприятиях за рубежом, фактически становятся вновь инструментом «мягкой силы» СССР в сфере межконфессионального и внутриконфессионального диалога, в том числе в рамках буддийского движения за мир, что было продиктовано необходимостью Советскому Союзу заручиться поддержкой азиатских государств, в которых массово был распространен буддизм, на международной арене, в том числе и в противовес аналогичным действиям со стороны США (и впоследствии КНР). Одним из видных деятелей буддийского движения за мир стал XIX Пандито-Хамбо-лама (Жамбал Доржи Гомбоев), стоявший у истоков Азиатской буддийской конференции за мир, мощнейшего инструмента публичной дипломатии СССР и Монголии [Нимбуев 2022: 248–251].

Необходимо отметить, что и в постсоциалистический период международные связи бурятских буддистов не только сохранились, но и продолжили крепнуть. В немалой степени этому способствовал и тот факт, что зарубежные ламы обладают

большой легитимностью в глазах многих буддистов Бурятии и иных регионов-форпостов монгольской цивилизации в России, причем речь идет не только о лидере буддистов Далай-ламе, но и о священнослужителях гораздо более низких рангов. Многих из них приглашает, например, из Тибета или Монголии в Бурятию и другие буддийские регионы Буддийская традиционная сангха России (БТСР) [Михалев 2014: 100]. Причина этого отношения во многом кроется в существующей в северном буддизме своеобразной религиозной иерархии территорий Внутренней Азии, в которой они ассоциируются с различным бодхисаттвами. Согласно данной классификации, Монголия выступает в роли защитника буддийской веры, а потому ее ламы обладают достаточно высоким авторитетом, что находит применение также и в качестве фактора монгольской мягкой силы [Михалев 2014: 100].

Рассматривая этнокультурную специфику взаимодействия различных групп населения на современном этапе истории Республики Бурятия, по итогам массового опроса населения, проведенного в 2018–2019 гг. по проблеме межнациональных отношений, В. Г. Жалсанова отмечает, что при анализе эмпирических данных закономерностей, связывающих представления о межнациональных отношениях в России и, в частности, в Бурятии с принадлежностью респондентов к тому или иному этносу, не было выявлено [Жалсанова 2020: 21]. При этом в качестве одного из консолидирующих факторов исследователем выделяется в достаточно пестром по конфессиональному составу субъекте «отсутствие религиозного антагонизма» [Жалсанова 2020: 21]. При этом религиозный фактор рассматривается в статье совместно с этнокультурным, который, в свою очередь, дополняется общностью исторической судьбы (фактически исследователем затрагивается большинство субстратов цивилизационной идентичности) [Жалсанова 2020: 21–22].

Но неверным будет принизить роль буддийского фактора в происходящих в Республике Бурятия политических процессах и попытках влияния политических акторов на ход процессов цивилизационных. Специа-

листами отмечается активная деятельность БТССР в процессе конструирования буддийского возрождения Бурятии как особого регионального проекта, нацеленного на преодоление раздробленности буддийской общины и тесно связанного с цивилизационными процессами за счет апелляции также к культурной и этнической идентичности бурят [Бадмацыренов, Родионов 2020: 63, 69–70], причем центральное место в данной концепции занимает условно выделяемая «сакральная география» — политико-общественная деятельность, направленная на формирование единого пространства и системы связей между верующими и религиозными институтами [Бадмацыренов, Родионов 2020: 74–82]. При этом БТССР принимает активное участие в социальной жизни Бурятии, этнокультурных и этнополитических процессах, что превратило ее в достаточно влиятельную общественную и, в некотором смысле, политическую силу, но вместе с тем и создало почву к возникновению иных, противопоставляющих себя данному курсу конфессиональных и общественных инициатив и групп [Бадмацыренов, Родионов 2020: 65–66]. Причинами и следствиями этих процессов стал тот факт, что, кроме самой крупной организации — Буддийской традиционной сангхи России, в регионе действует множество иных буддийских организаций, и связанных с отдельными течениями буддизма, и существующих как вокруг дацанов (монастырей), так и в виртуальном интернет-пространстве.

Как отмечают Т. Б. Бадмацыренов и В. А. Родионов, проведенные в последние десять лет эмпирические социологические исследования выявили явный рост религиозности среди буддийского населения Бурятии. Например, были отмечены различия в воспроизводстве религиозности среди разных этнических групп населения: русские реже, чем буряты относят себя к религиозно верующим (47,8 % и 72 %) [Бадмацыренов, Родионов 2020: 66–67]. По результатам исследования 2017 г., проведенного в Бурятском государственном университете им. Д. Банзарова, учеными была также подтверждена взаимосвязь между этнической идентичностью и представлениями

респондентов о своей религиозности (со значительным отрывом свою религиозность декларировали именно буряты (почти 86 % опрошенных)) [Бадмацыренов, Родионов 2020: 66–67]. Также исследователи отмечают, что Пандито-Хамбо-лама Д. Б. Аюшеев в рамках политики «возрождения» выстраивает целостное пространство буддийского сообщества, затрагивающего одновременное этническое, конфессиональное, политическое и де-факто историческое измерения бурятского социума, что обуславливается стремлением побороть последствия разрыва религиозной традиции, произошедшего в XX в. [Бадмацыренов, Родионов 2020: 82].

Иначе говоря, политика БТССР направлена на укрепление не только конфессионального единства буддистов Бурятии, но и цивилизационной идентичности жителей Республики, в том числе и прежде всего этнических бурят. С учетом выбранного вектора можно смело утверждать, что этот процесс способствует укреплению монгольской (кочевой евразийской) цивилизационной идентичности, что обуславливает активную роль региона в выстраивании отношений по линии публичной дипломатии с другими буддийскими регионами страны и мира, прежде всего с Монголией и Тибетом, в значительной мере реализуя потенциал цивилизационного форпоста.

Вместе с тем можно сделать вывод о том, что существует определенная диспропорция в отношении аналогичной деятельности со стороны крупных общественных, религиозных и государственных организаций, могущих способствовать развитию российской цивилизационной идентичности. Вероятно, потому, что она в текущее время замещена идеей политической нации, что в действительности не устраняет сложившийся дисбаланс в межкультурном взаимодействии в Бурятии.

3. Тува

Тува была территорией, которая принадлежала то одним, то другим кочевым империям: за этот край боролись тюрки, кыргызы, уйгуры, ойраты, монголы и маньчжуры. Долгое время Тува была частью Монгольской, а затем и Цинской империй (вплоть до

начала XX в.). Ввиду череды революционных событий, охвативших Китай, тувинские князья добились фактической независимости от Цинской империи в 1911–1912 гг., и многие из них обратились с просьбой принять свои земли в состав Российской империи. Просьба была удовлетворена в 1914 г., когда Урянхайский край вошел в состав России в качестве протектората, что способствовало защите Тувы от внешних посягательств де-юре до 1924 г., хотя народная революция, охватившая Туву так же, как и советскую Россию, привела к образованию де-факто независимого государства несколькими годами ранее. Танну-Тува также сохраняла свою государственность и даже закрепляла свой суверенитет над спорными (с МНР) землями, во многом ввиду покровительства советской России, и окончательно вошла в состав российского государства (СССР) уже в 1944 г. [Монгуш 2015: 74]. С того времени можно считать, что она стала одним из межцивилизационных форпостов одновременно монгольской (кочевой евразийской) цивилизации и цивилизации российской.

Нередко в исследованиях Тува рассматривается в качестве одного из ярких примеров «трансграничного региона», ряд характерных признаков которого может быть применим и к форпосту межцивилизационного взаимодействия [Михалев 2022: 188–195]. Одной из таких черт выступает единая религиозная идентичность для приграничного региона или форпоста и одной из «ядровых» цивилизаций. Таковую роль за тибетским буддизмом закрепляют и для Тувы, наряду с другими исследуемыми регионами России, в том числе подчеркивая его влияние на культурное богатство регионов в виде буддийской медицины, особой традиции в изобразительном искусстве и архитектуре, этических нормах и философских концепциях, что в исторической перспективе сформировало один из столпов идентичности его этносов [Михалев 2022: 190–191].

В политико-правовой сфере тоже есть параллели с другими регионами. Так, в Законе Республики Тыва № 253 «О свободе совести» 1995 г. провозглашается, что к тра-

диционным конфессиям в Туве относятся шаманизм, буддизм и православие [Закон Республики Тыва 1995]. Однако в отличие от аналогичного закона Республики Бурятия это положение не исчезло из последующих редакций закона. Также в 1998 г. в Республике была принята Концепция национальной политики. В ней закреплялись положения о международных и внешнеэкономических связях, поддержке контактов с иностранными организациями (прежде всего конфессиональными), которые были достаточно важны для образования лам за границей и приглашения зарубежных священнослужителей в Туву [Тарбастаева 2020: 14], в чем существовала потребность ввиду произошедшего разрыва в религиозной традиции в XX в.

Отдельно можно упомянуть государственные программы Республики Тыва «Реализация государственной национальной политики Российской Федерации в Республике» разных лет, которые затрагивали вопросы консолидации усилий региональных, местных, духовных властей и общественных организаций «для сохранения межнационального согласия, гармонизации межнациональных отношений» [Тарбастаева 2020: 15], т. е. фактически — для укрепления цивилизационной идентичности жителей республики. При этом, если в первой такой Программе (2013–2016 гг.) религиозные организации фактически выступали в этих процессах наравне со светскими властями, то затем их формальные полномочия стали в значительной степени сокращаться, знаменуя их превращение из субъектов, в объекты политики [Тарбастаева 2020: 15–17]. В Программе 2018–2020 гг. также уже не было и положений, посвященных международному сотрудничеству. (Скорее всего, ввиду напряженности в отношениях между правительством КНР и Далай-ламой). В целом акцент в ней сместился на противодействие развития конфликтогенным и экстремистским тенденциям в обществе. На протяжении многих лет в Туве сохраняется демонстративно уважительное отношение лидеров республики к священнослужителям традиционных конфессий, заложенное еще в конце XX и начале XXI в., когда они стали пока-

зательно и регулярно посещать буддийские и православные храмы, налаживать диалог государства с представителями традиционных конфессий, во многом интуитивном стремлении найти новую идеологическую и ценностную основу, необходимую для развития региона взамен утраченной коммунистической [Монгуш 2007: 31].

Интересные тенденции в сфере политической культурной традиции можно отнести также за счет влияния цивилизационного фактора. К ним некоторые исследователи причисляют персонализацию политики в лице харизматичного лидера и непосредственно патриархально-подданнический тип политической культуры, возникший в результате синтеза политических традиций различных народов, проживающих в регионе на протяжении длительного исторического времени, причем данное смещение политических культур в практическом плане показывает себя достаточно эффективным инструментом обеспечения стабильности в социуме и способствует развитию изучаемого субъекта [Матвеева, Сат 2022: 106].

Тем самым в отношении Тувы экспертами фактически отмечается значительное влияние сразу нескольких цивилизаций, что позволяет сделать вывод о гипотетически чуть более равномерном взаимном влиянии монгольской (кочевой евразийской) и российской цивилизации друг на друга, в сравнении с Республикой Бурятия, однако, несомненно, существует потребность в проведении большего числа исследований по данному вопросу.

4. Калмыкия

Как уже было упомянуто выше, ключевой особенностью российского Прикаспия в сравнении с рассмотренными выше регионами является широкая представленность, помимо христианства и буддизма, еще одной мировой религии — ислама. При этом в самой Калмыкии наиболее распространенной конфессией также остается тибетский буддизм. В целом религиозный фактор, скорее, играет в данном субъекте России интегративную роль. Калмыкия, в оценках экспертов, считается не сильно конфликтным регионом, например, в сравнении с

соседним Дагестаном [Топчиев 2014: 334–345]. Вместе с тем отмечается определенное внутриконфессиональное противостояние между ламами тибетского и местного происхождения на высоких эшелонах духовной власти в республике, которое традиционно долгое время считалось преимущественно непубличным [Топчиев 2014: 334–345].

В целом гармоничной обстановки преимущественного межконфессионального мира и диалога в республике удалось достичь за счет характерного и для Бурятии, и для Тувы взаимодействия светских и духовных властей, чему в немалой степени и способствовал исторический опыт существования калмыков в степях евразийских кочевых империй. Особо исследователями в этой связи подчеркивается многовековая традиция терпимости и взаимодействия в одном географическом пространстве мировых религий: буддизма, христианства и ислама. Также упоминается и о взаимопроникновении культур, протекающем на фоне межкультурного взаимодействия [Поканинова 2010: 67]. Говоря об историческом опыте, можно отметить, что буддизм при этом сыграл ключевую роль в качестве скрепы западных монголов в период XIII–XVI вв., заложив основы такой плодотворной политики взаимодействия духовной и светской власти. Юридическим проявлением этого стало принятие в знак продолжения традиции, возвысившей Юань, Алтан-ханом акта (постановления), известного как «Учение о десяти добродетелях буддизма», провозгласившего буддизм государственной религией [Бакаева 1994: 12]. Для ойратов, а затем и калмыков религиозная общность стала одним из основных субстратов цивилизационной идентичности и способствовала ее сохранению на протяжении длительного исторического времени [Китинов 2019: 183].

Е. Б. Поканинова отмечает, что в основе успешных политических решений светского руководства республики лежит следование «Махапаринирванасутре», в которой были сформулированы ключевые критерии, соблюдение которых необходимо для процветания государства и которым на практике стремились соответствовать республиканские власти [Поканинова 2010: 68]. В при-

мер им приводится частое обращение к общественности путем организации опросов и принятия важных для республики решений на референдумах со стороны К. Н. Илюмжинова [Поканинова 2010: 72], заявившего, что «...только решив проблемы духовного плана, можно решить проблемы экономики и социальной сферы» [Илюмжинов 2002: 38]. Так же, как и в Бурятии и в Туве, в Калмыкии существует своя программа народного, де-факто цивилизационного, возрождения, однако ее специфика в сравнении с другими изучаемыми регионами проявляется через социальную поддержку населения — религиозные организации выступают инициаторами социальных проектов, принимают активное участие в благотворительных мероприятиях, собирают средства для поддержки особо нуждающихся в ней групп населения. В политико-правовом поле их деятельность была оформлена отдельными законами «Об образовании», «О языках народов в Республике Калмыкия», «Об охране здоровья», «Об инвалидах», «О культуре» и др. [Поканинова 2010: 72]. Частыми явлениями в общественной жизни Калмыкии стали также и мероприятия, на которых присутствуют представители как буддийского, так и православного и мусульманского духовенства, что позволяет сделать продуктивный межконфессиональный диалог обыденным и, вероятно, тем самым активизировать взаимодействие разных цивилизаций на территории их общего форпоста.

В этой связи интересным представляется анализ О. К. Шиманской концепции ревитализации прикаспийской цивилизации, изложенной Б. У. Китиновым. О. К. Шиманская, оценив позитивную роль буддизма в развитии Каспийского региона и Центральной Азии, отдельных регионов России и соседних нам государств, его потенциал как мощного инструмента развития межцивилизационного диалога, все же критикует концепцию за идею замещения буддийской идентичностью прочие идентичности народов России и других государств, в которых буддизм играет значимую роль (например, Индии и Китая) [Шиманская 2019: 136–137]. Немаловажными представляются

и размышления обоих ученых относительно идентичности калмыков. Подчеркивая конфессиональную, культурную и, наконец, цивилизационную близость с другими, преимущественно буддийскими, народами Евразии, ученые задаются вопросом о том, являются ли калмыки одновременно и представителями российской цивилизации или, возможно, вовсе отдельной цивилизации, складывавшейся в Каспийской регионе [Шиманская 2019: 137].

На наш взгляд, в действительности, стоит рассматривать Каспийский регион, в том числе и Калмыкию, как пространство межцивилизационных форпостов, в котором переплетаются друг с другом самые разные цивилизации. Фактор тибетского буддизма в данном ключе будет являться одним из маркеров монгольской (кочевой евразийской) цивилизации, наряду с православием — одним из факторов, характеризующих русскую цивилизацию. Кроме того, необходимо учитывать, что этническая, культурная, языковая идентичности вместе с опытом исторической судьбы и вмещающим ландшафтом также являются важными субстратами цивилизационной идентичности и не могут быть оставлены «за кадром».

5. Заключение

На примере проведенного анализа роли буддизма в политических и цивилизационных процессах в регионах Бурятии и Забайкалья, Тувы и Калмыкии можно утверждать, что выдвинутая нами гипотеза подтвердилась. В данных регионах религиозная идентичность образует вместе с этнокультурной идентичностью, вмещающим ландшафтом и историческим прошлым базис для цивилизационной, или точнее, цивилизационных идентичностей в узлах взаимодействия российской и монгольской цивилизации, на территориях их общих форпостов. У них есть как сходные черты, например, продуктивный опыт взаимодействия светских и духовных властей, так и уникальные черты развития политических и цивилизационных процессов (преобладание одной или другой цивилизационной идентичности, разные формы осуществления религиозной и этнокультурной политики, при общих началах,

а также особые истории своего формирования в качестве форпостов российско-монгольского межцивилизационного взаимодействия).

И хотя в рамках большей части исследования нами рассматривались аспекты, подчеркивающие уникальность данных форпостов, прежде всего, как носителей монгольской (евразийской кочевой) цивилизации, наряду с российской, пожалуй, необходимо осветить еще один аспект, который, в свою очередь, подчеркнет и принадлежность этих форпостов к цивилизации российской, или даже русской, наряду с монгольской. Это отношение буддийских религиозных организаций исследуемых регионов к Специальной военной операции России на Украине (СВО) и конкретные шаги, которые были предприняты духовными лидерами регионов по поддержке российской цивилизации перед лицом экзистенциального вызова.

Являясь самой крупной буддийской организацией России, БТСР оказывает также и наиболее значительную поддержку нашей армии. В сентябре 2022 г. ее глава XXIV Пандито-Хамбо-лама Д. Б. Аюшеев в обращении к российским буддистам выразил официальную поддержку СВО, подчеркнув значимый вклад бойцов-буддистов в победу России, который они вносят на поле боя при исполнении долга защиты Родины [Третьяков 2024: 312]. Буддийские ламы регулярно присутствуют в зоне проведения специальной военной операции, а на территории крупных буддийских монастырей организуются на постоянной основе сборы гуманитарной помощи, которая затем направляется в зону проведения Спецоперации [Третьяков 2024: 313].

Буддийское духовенство Калмыкии выражает поддержку военнослужащим своими непосредственными делами: организует сбор гуманитарной помощи, участвует в реабилитационных проектах. Центральное

духовное управление буддистов совместно с представителями администрации Республики Калмыкия оказывает социальную помощь военнослужащим, организует пребывание лам в зоне проведения Спецоперации и доставки гуманитарной помощи, принимает активное участие в федеральных мероприятиях по данным вопросам [Третьяков 2024: 313].

В Туве ламы также помогают российским бойцам посредством строительства реабилитационных центров для участников СВО, сбора гуманитарной помощи, оказания моральной и духовной поддержки военнослужащим как в своем регионе, так и в зоне Специальной военной операции [Лама Тувы 2023]. Поддержка буддийским духовенством сражения за будущее российской цивилизации в значительной степени отображает тот факт, что указанные регионы являются ее представителями в той же мере, если не более, сколь и цивилизации монгольской (евразийской кочевой цивилизации).

Исходя из результатов нашего исследования, можно сделать вывод о необходимости развития цивилизационного направления национальной политики Российской Федерации, возможности перехода от господства парадигмы политической нации к цивилизационной идентичности государства-цивилизации, в рамках которого форпосты межцивилизационного взаимодействия будут не только являться скрепами межцивилизационного мира внутри России, но и служить опорой строительства нового многополярного (полицентричного) миропорядка в ее международных отношениях. Буддийский фактор в данных процессах может стать одним из ключевых направлений цивилизационного развития России и вновь утвердиться в качестве одного из элементов «мягкой силы» нашей державы.

Литература

Абаева 2019 — *Абаева Л. Л.* Духовенство и миряне в процессах восстановления/возрождения буддийских монастырей Бурят-монголии в послевоенный период // *Власть*. 2019. № 4. С. 229–233 DOI: 10.31171/vlastv27i4.6634

References

Abaeva L. L. Clergy and laymen in processes of restoration/revival of Buddhist monasteries in Buryat-Mongolia during the post-war period. *Vlast'*. 2019. No. 4. Pp. 229–233. DOI: 10.31171/vlast.v27i4.6634.

- Антонов 2021 — Антонов В. И. Российская идентичность как фактор национальной безопасности: к постановке проблемы (на примере Бурятии, Калмыкии, бурятских округов Иркутской области и Забайкальского края) // Инновационные аспекты развития науки и техники. 2021. № 11. С. 85–88.
- Антонов, Очирова 2016 — Антонов В. И., Очирова О. А. Российская идентичность как фактор национальной безопасности в фокусе современных миграционных процессов: региональные особенности и противоречия // Обеспечение национальной безопасности России в современном мире: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. (г. Иркутск, 26–27 мая 2016 г.). Иркутск: БГУ, 2016. С. 253–260.
- Арзуманов 2009 — Арзуманов И. А. Культур-конфессиональный фактор в процессах консолидации социополитического пространства Байкальской Сибири // Известия Иркутского государственного университета. Серия: Политология. Религиоведение. 2009. № 1. С. 244–250.
- Багдасарян 2022 — Багдасарян В. Э. Концепция государства-цивилизации: проблемы методологии и политической реализации // Среднерусский вестник общественных наук. 2022. Т. 17. № 6. С. 15–29.
- Бадмацыренов, Родионов 2020 — Бадмацыренов Т. Б., Родионов В. А. Буддийское возрождение и конструирование буддийского сообщества в современной Бурятии // Государство, религия, церковь в России и за рубежом. 2020. № 1(38). С. 62–85. DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85
- Бакаева 1994 — Бакаева Э. П. Буддизм в Калмыкии. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1994. 128 с.
- Волкова 2021 — Волкова М. Д. Шаманы, чиновники и их космологии: местные религиозные организации Бурятии и Иркутской области // Антропологический форум. 2021. № 51. С. 39–71.
- Герейханова 2024 — Герейханова А. Кульминация российской вахты БРИКС: Ушаков рассказал о программе и повестке саммита в Казани [электронный ресурс] // Российская газета (Фед. выпуск). 2024. № 230(9472). 10.10.2024. URL: <https://rg.ru/2024/10/10/v-kremle-rasskazali-o-programme-sammitya-briks-v-kazani.html> (дата обращения: 11.10.2024).
- Две реальности 2024 — Две реальности: в Казани прошла церемония открытия Игр Будущего [электронный ресурс] // РБК-Татарстан. 22 февраля 2024 г. URL: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/02/2024/65d66a4e9a79478edc2c5f52> (дата обращения: 14.10.2024).
- Antonov V. I. Russian identity as a factor of national security: On the statement of the problem (On the example of Buryatia, Kalmykia, Buryatsky districts of the Irkutsk Region and Zabaikalsky Krai). *Innovatsionnye aspekty razvitiya nauki i tekhniki*. 2021. No. 11. Pp. 85–88. (In Russ.)
- Antonov V. I., Ochirova O. A. Russian identity as national security factor in the context of present-day migration processes: Regional peculiarities and controversies. In: *Ensuring National Security in the Contemporary World. Conference proceedings* (Irkutsk, 26–27 May 2016). Irkutsk: Baikal State University, 2016. Pp. 253–260. (In Russ.)
- Arzumanov I. A. Culture-confessional factor in the consolidation processes of sociopolitical space of the Baikal Siberia. *The Bulletin of Irkutsk State University. Series Political Science and Religion Studies*. 2009. No. 1 (3). Pp. 244–250. (In Russ.)
- Bagdasaryan V. E. The concept of state-civilization: Problems of methodology and political implementation. *Central Russian Journal of Social Sciences*. 2022. Vol. 17. No. 6. Pp. 15–29. (In Russ.) DOI: 10.22394/2071-2367-2022-17-6-15-29
- Badmatsyrenov T., Rodionov V. Buddhist revival and Buddhist community construction in contemporary Buryatia. *State, Religion and Church in Russia and Worldwide*. 2020. No. 1 (38). Pp. 62–85. (In Russ.) DOI: 10.22394/2073-7203-2020-38-1-62-85
- Bakaeva E. P. Buddhism in Kalmykia. Elista: Kalmykia Book Publ., 1994. 128 p. (In Russ.)
- Volkova M. D. Shamans, bureaucrats, and their cosmologies: Local religious organizations in Buryatia and the Irkutsk Region. *Antropologicheskij forum (Forum for Anthropology and Culture)*. 2021. No. 51. Pp. 39–71. (In Russ.) DOI: 10.31250/1815-8870-2021-17-51-39-71
- Gereykhanova A. Culmination of Russia's shift on BRICS: Ushakov tells about Summit program and agenda in Kazan. On: *Rossiyskaya Gazeta* (website). 2024. No. 230 (9472). Posted on 10 October 2024. Available at: <https://rg.ru/2024/10/10/v-kremle-rasskazali-o-programme-sammitya-briks-v-kazani.html> (accessed: 11 October 2024). (In Russ.)
- Two realities: Games of the Future opened in Kazan. On: *RBC-Tatarstan*. Posted on 22 February 2024. Available at: <https://rt.rbc.ru/tatarstan/22/02/2024/65d66a4e9a79478edc2c5f52> (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)

- Жалсанова 2020 — Жалсанова В. Г. Межнациональные отношения в Республике Бурятия в современный период (по материалам социологического исследования) // Теория и практика общественного развития. 2020. № 3(145). С. 18–22. DOI: 10.24158/tipor.2020.3.2
- Желифонов 2024 — Желифонов М. П. Формирование государства-цивилизации «Россия» // *Universum: общественные науки*. 2024. № 5 (108). С. 4–10.
- Журавлева и др. 2023 — Журавлева Л. А., Зарубина Е. В., Ручкин А. В., Симачкова Н. Н., Чупина И. П. Государство-цивилизация: понятие, сущность, структура // Образование и право. 2023. № 9. С. 80–88
- Закон Республики Бурятия 1997 — Закон Республики Бурятия от 23 декабря 1997 г. N 610-I «О религиозной деятельности на территории Республики Бурятия» (с изменениями и дополнениями) [электронный ресурс] // Справочно-правовая система «Гарант». URL: <https://base.garant.ru/29550105/> (дата обращения: 13.10.2024).
- Закон Республики Тыва 1995 — Закон Республики Тыва от 1 апреля 1995 года N 253 «О свободе совести и религиозных организациях» [электронный ресурс] // Электронный фонд правовых и нормативно-технических документов. URL: <https://docs.cntd.ru/document/802048821> (дата обращения: 10.10.2024).
- Занданова, Паламарчук 2016 — Занданова Л. В., Паламарчук А. В. Борьба с ламаизмом в восточной Сибири в 1930-е годы: документы свидетельствуют // Гуманитарный вектор. Серия: История, политология. 2016. Т. 11. № 4. С. 93–98.
- Ильичева и др. 2024 — Ильичева Л. Е., Лапин А. В., Ильичева М. В. Умеренный консерватизм как идеология российского государства-цивилизации // Власть. 2024. Т. 32. № 2. С. 24–42.
- Илюмжинов 2002 — Илюмжинов К. Н. Калмыкия в политическом и экономическом пространстве России (1996–2002). Элиста: Джангар, 2002. 136 с.
- Китинов 2019 — Китинов Б. У. Цивилизационные основы политического процесса. М.: РУДН, 2019. 368 с.
- Концепция 2023 — Концепция внешней политики Российской Федерации (утверждена Президентом Российской Федерации В. В. Путиным 31 марта 2023 г.) [электронный ресурс] // Министерство иностранных дел РФ. 31.03.2023. URL: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (дата обращения: 13.08.2024).
- Zhalsanova V. G. Inter-ethnic relations in the Republic of Buryatia in the modern period (The results of a sociological study). *Theory and Practice of Social Development*. 2020. No. 3 (145). Pp. 18–22. (In Russ.) DOI: 10.24158/tipor.2020.3.2
- Zhelifonov M. P. Formation of the state-civilization «Russia». 3. *Universum: obshchestvennye nauki*. 2024. No. 5 (108). Pp. 4–10. (In Russ.)
- Zhuravleva L. A., Zarubina E. V., Ruchkin A. V., Simachkova N. N., Chupina I. P. State-civilization: Concept, essence, structure. *Education and Law*. 2023. No. 9. Pp. 80–88. (In Russ.) DOI: 10.24412/2076-1503-2023-9-80-88
- Law of the Republic of Buryatia of 23 December 1997 no. 610-I on Religious Activities in the Territory of the Republic of Buryatia (rev. & suppl.) On: GARANT legal reference system. Available at: <https://base.garant.ru/29550105/> (accessed: 13 October 2024). (In Russ.)
- Law of the Republic of Tuva of 1 April 1995 no. 253 on Freedom of Thought and on Religious Organizations. On: Kodeks Consortium. Available at: <https://docs.cntd.ru/document/802048821> (accessed: 10 October 2024). (In Russ.)
- Zandanova L. V., Palamarchuk A. V. The struggle against Lamaism in Eastern Siberia in the 1930s: Documents testify. *Humanitarian Vector*. 2016. Vol. 11. No. 4. Pp. 93–98. (In Russ.) DOI: 10.21209/2307-1842-2016-11-4-93-98
- Ilyicheva L. E., Lapin A. V., Ilyicheva M. V. Moderate conservatism as the ideology of the Russian state-civilization. *Vlast*. 2024. Vol. 32. No. 2. Pp. 24–42. (In Russ.) DOI: 10.24412/2071-5358-2024-2-24-42
- Ilyumzhinov K. N. Kalmykia in Russia's Political and Economic Environments, 1996–2002. Elista: Dzhangar, 2002. 136 p. (In Russ.)
- Kitinov B. U. Political Process and Its Civilization-Foundations. Moscow: RUDN University, 2019. 368 p. (In Russ.)
- The Concept of the Foreign Policy of the Russian Federation (approved by President Vladimir V. Putin on 31 March 2023). On: Ministry of Foreign Affairs of the Russian Federation (official website). Posted on 31 March 2023. Available at: <https://www.mid.ru/ru/detail-material-page/1860586/> (accessed: 13 August 2024). (In Russ.)

- Лама Тувы 2023 — Лама Тувы: хотим построить реабилитационный центр для участников СВО [электронный ресурс] // РИА НОВОСТИ. Религия. 12.12.2023. URL: https://ria.ru/20231212/natsyk_dorzhu-1915188166.html (дата обращения: 14.10.2024).
- Матвеева, Сат 2022 — *Матвеева Е. В., Сат А. В.* Феномен политической культуры национальных республик как синтез традиционного и современного // Вестник Московского государственного института культуры и искусств. 2022. № 4 (108). С. 102–106
- Медведев стал 2009 — Медведев стал Белой Тарой [электронный ресурс] // Газета.Ru. 24 августа 2009 г. URL: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (дата обращения: 11.10.2024).
- Михалев 2014 — *Михалев А. В.* «Мягкая сила» современной Монголии и приграничные регионы России // Россия и современный мир. 2014. № 1 (82). С. 93–101.
- Михалев 2022 — *Михалев М. С.* Этнический потенциал республики Тува в сценариях государственной политики // Новые исследования Тувы. 2022. № 2. С. 188–197.
- Монгуш 2007 — *Монгуш М. В.* Традиционные и нетрадиционные конфессии в Туве: история и современность // Восток (Oriens). 2007. № 1. С. 16–32.
- Монгуш 2015 — *Монгуш Ч. Б.* Правовое обеспечение режима российского покровительства в Туве в XX столетии // Вопросы современной юриспруденции. 2015. № 5–6 (47). С. 71–74
- Нимбуев 2022 — *Нимбуев Г. Ч.* Международная деятельность Пандито Хамбо-Ламы Ж.-Ж. Гомбоева как проявление народной дипломатии // Власть. 2022. Т. 30. № 6. С. 247–252.
- Очиров и др. 2018 — *Очиров У. Б., Ершов С. Г., Гуняев Е. А.* Уроженцы Калмыкии — участники Сталинградской битвы. Элиста: КалмНИЦ РАН, 2018. 501 с.
- Петров 2023 — *Петров И. В.* Буддистский религиозный фактор и военно-политические силы в гражданской войне в Забайкалье в 1917–1923 гг. // Ученые записки Санкт-Петербургского имени В. Б. Бобкова филиала Российской таможенной академии. 2023. № 3 (87). С. 113–117.
- Поканинова 2010 — *Поканинова Е. Б.* Межрелигиозные и государственно-конфессиональные отношения в республике Калмыкия: история и современность // Социология власти. 2010. № 5. С. 66–74.
- Lama of Tuva: Intending to construct rehabilitation center for SVO participants. On: RIA Novosti. Religion. Posted on 12 December 2023. Available at: https://ria.ru/20231212/natsyk_dorzhu-1915188166.html (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)
- Matveeva E. V., Sat A. V. The phenomenon of political culture of national republics as a synthesis of traditional and modern. *The Bulletin of Moscow State University of Culture and Arts*. 2022. No. 4 (108). Pp. 102–107. (In Russ.)
- Medvedev becomes White Tara. On: Gazeta.Ru. Posted on 24 August 2009. Available at: https://www.gazeta.ru/politics/2009/08/24_kz_3239833.shtml (accessed: 11 October 2024). (In Russ.)
- Mikhalev A. V. «Soft power» of today's Mongolia and the border regions of Russia. *Russia and the Contemporary World*. 2014. No. 1 (82). Pp. 93–101. (In Russ.)
- Mikhalev M. S. Ethnic resources of Tuva in national policy scenarios. *New Research of Tuva*. 2022. No. 2. Pp. 188–197. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2022.2.13
- Mongush M. V. Traditional and non-traditional faiths in Tuva: Past and present. *Vostok (Oriens)*. 2007. No. 1. Pp. 16–32. (In Russ.)
- Mongush Ch. B. Legal support regime Russian patronage in Tuva in the twentieth century. *Voprosy sovremennoy yurisprudentsii*. 2015. No. 5–6 (47). Pp. 71–74. (In Russ.)
- Nimbuев G. Ch. International activities of Pandito Khambo-Lama Zh. D. Gomboev as a manifestation of people's diplomacy. *Vlast'*. 2022. Vol. 30. No. 6. Pp. 247–252. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9385
- Ochirov U. B., Ershov S. G., Gunaev E. A. Natives of Kalmykia in the Battle of Stalingrad. Elista: Kalmyk Scientific Center (RAS), 2018. 501 p. (In Russ.)
- Petrov I. V. Buddhist religious factor and military and political forces in the Civil War in Transbaikalia in 1917–1923. *Scientific Letters of Russian Customs Academy St. Petersburg Branch Named after Vladimir Bobkov*. 2023. No. 3 (87). Pp. 113–117. (In Russ.)
- Pokaninova E. B. Inter-religious and state-confessional relations in the Republic of Kalmykia: Past and present. *Sociology of Power*. 2010. No. 5. Pp. 66–74. (In Russ.)

- Путин 2024 — Путин В. В. Участникам Международной научно-практической конференции «Горный Алтай — прародина тюрков. К истории зарождения тюркской цивилизации» (Приветствие Президента РФ В. В. Путина) [электронный ресурс] // Сайт Президента РФ. 8 октября 2024 г. URL: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (дата обращения: 14.10.2024).
- Путин V. V. Gornyi Altay — Proto-Turkic Homeland: To conference attendees. On: President of the Russian Federation (official website). Posted on 8 October 2024. Available at: <http://www.kremlin.ru/events/president/letters/75282> (accessed: 14 October 2024). (In Russ.)
- Тарбастаева 2020 — Тарбастаева И. С. Роль религии в национальной политике республики Тува: анализ государственных программ (2013–2020 гг.) // Вестник Бурятского государственного университета. 2020. № 3. С. 11–20.
- Tarbastaeva I. S. Role of religion in national policy of the Republic of Tyva: The analysis of government programs (2013–2020). *Buryat State University Bulletin*. 2020. No. 3. Pp. 11–20. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2020-3-11-20
- Топчиев 2014 — Топчиев М. С. Основные векторы конфессиональных отношений российского Прикаспия // Политематический сетевой электронный научный журнал Кубанского государственного аграрного университета. 2014. № 102. С. 334–345.
- Topchiev M. S. Main vectors of the confessional relations of the Russian Prikaspy. *Scientific Journal of KubSAU*. 2014. No. 102. Pp. 334–345. (In Russ.)
- Третьяков 2024 — Третьяков А. В. Государственно-религиозные отношения в кризисных ситуациях: поддержка специальной военной операции российскими религиозными организациями // Вопросы теологии. 2024. Т. 6. № 2. С. 301–316.
- Tretiakov A. V. State-religious relations in crisis situations: The support by Russian religious organizations for a special military operation. *Issues of Theology*. 2024. Vol. 6. No. 2. Pp. 301–316. (In Russ.) DOI: 10.21638/spbu28.2024.208
- Урбанаева 2013 — Урбанаева И. С. Буддийская коннотация национального вопроса бурят в ретроспективе межцивилизационных взаимодействий // Евразийство и мир. 2013. № 1. С. 39–56.
- Urbanaeva I. S. Buddhist connotations of Buryat's ethnicity issues in an intercivilization cooperation retrospective review. *The Journal of Eurasia and World*. 2013. No. 1. Pp. 39–56. (In Russ.)
- Шиманская 2019 — Шиманская О. К. Вокруг Каспия: политический процесс в диалоге цивилизаций // Научно-аналитический вестник Института Европы РАН. 2019. № 5. С. 133–138.
- Shimanskaya O. K. Around the Caspian: A political process in the dialogue of civilizations. *Scientific and Analytical Herald of the Institute of Europe RAS*. 2019. No. 5. Pp. 133–138. (In Russ.) DOI: 10.15211/vestnikieran52019133138

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1037–1052, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

UDC / УДК 316.74:2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1037-1052

The Role of Buddhism in Everyday Life of Congregants of Kyzyl: Preliminary Research

Khulerben K. Kadyg-ool¹, Dolaana Sh. Mongush²

- ¹ Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Cand. Sc. (Philosophy), Associate Professor

 0000-0002-9162-4470. E-mail: [hoolerben\[at\]yandex.ru](mailto:hoolerben[at]yandex.ru)

- ² Tuvan State University (36, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0001-5428-9151. E-mail: [m.dolaana.sh\[at\]inbox.ru](mailto:m.dolaana.sh[at]inbox.ru)

© KalmSC RAS, 2024

© Kadyg-ool Kh. K., Mongush D. Sh., 2024

Abstract. *Introduction.* The article addresses the issue of ‘ordinary’ religiosity of believers in Kyzyl, namely the role of Buddhism as a religion in their everyday life. The conducted ethnographic research (individual in-depth interviews with the laity and clergy of Tuva’s Buddhist temples) results in a generalized analysis and interpretation of the degree of religiosity of Tuva’s Buddhist population, outlines the role of Buddhism in their daily lives, and attempts a generalized culturological assessment of how that religiosity gets manifested in their day-to-day routine. The study highlights the dynamic interaction between religion and everyday life in Tuva. *Goals.* So, the paper seeks to establish the role of Buddhism in Tuvan believers’ daily life and specify its peculiarities, reveal important factors of ‘ordinary’ religiosity of Buddhist congregants in Kyzyl. *Methods and materials.* The work employs some ethnographic methods and those of qualitative data analysis, the main research method being a qualitative one — that of individual in-depth interviews. The latter make it possible to investigate the field in question as deeply, accurately and thoroughly as possible, to obtain reliable and relevant research material. It is noteworthy that the interviews included the use of the free-list method, which yielded individual data on each respondent’s Buddhist knowledge. *Conclusions.* The preliminary research reveals the formation of a new type of religiosity in Tuva distinguished by certain regional characteristics. This definitely requires a more sophisticated approach to religious studies that should comprise interdisciplinary components. The insufficient competence of older generations in religious matters gives rise to a vacuum that contributes to the emergence of somewhat ‘personal religions’. At the current level of religious development, Tuvans probably need an understandable and convenient religious system, which, in turn, may become an obstacle to deeper interest in Buddhism as a philosophy. Religious studies in the region are still relevant and require further attention.

Keywords: religion, religiosity, Buddhism, the Republic of Tuva, Tuvans, congregants, parishioners, Buddhist monastery, temple, monk, religious situation in Tuva, religious study

Acknowledgements. The reported study was granted by Buddhist Education and Research Foundation, project name ‘Existential Aspects of Buddhism in Everyday Life of Tuva’s People’ (grant agreement no. 17 of 17 June 2024). Authors extend gratitude to Prof. Benjamin G. Purzycki (Aarhus University, Denmark) for his support and assistance in viewing and editing the manuscript.

For citation: Kadyg-ool Kh. K., Mongush D. Sh. The Role of Buddhism in Everyday Life of Congregants of Kyzyl: Preliminary Research. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1037–1052. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1037-1052

Роль буддизма в повседневной жизни прихожан Кызыла: предварительное исследование

Хулербен Кок-оолович Кадыг-оол¹, Долаана Шолбан-ооловна Монгуш²

1 Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, Кызыл 667000, Российская Федерация)
кандидат философских наук, доцент
 0000-0002-9162-4470. E-mail: hoolerben[at]yandex.ru

2 Тувинский государственный университет (д. 36, ул. Ленина, Кызыл 667000, Российская Федерация)
старший преподаватель
 0000-0001-5428-9151. E-mail: m.dolaana.sh[at]inbox.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Кадыг-оол Х. К., Монгуш Д. Ш., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема «бытовой» религиозности верующих Кызыла, а именно роль буддизма как религии в их повседневной жизни. Проведенное этнографическое исследование (индивидуальные глубинные интервью с мирянами и священнослужителями буддийских храмов Тувы) дает обобщенный анализ и интерпретацию степени религиозности буддийского населения Тувы, выявляет роль буддизма в их повседневной жизни, а также предпринимается попытка дать обобщенную культурологическую оценку проявления этой религиозности в их повседневной жизни. В исследовании подчеркивается динамическое взаимодействие религии и повседневной жизни в Туве. *Цель* исследования. В статье ставится задача установить роль буддизма в повседневной жизни верующих тувинцев и выделить ее особенности, выявить важные факторы «бытовой» религиозности прихожан буддийских храмов Кызыла. *Методы и материалы.* В работе использованы этнографические методы и методы качественного анализа данных, основным методом исследования является качественный метод — индивидуальные глубинные интервью. Последние позволяют максимально глубоко, точно и всесторонне исследовать изучаемую область, получить достоверный и релевантный исследовательский материал. Примечательно, что в ходе интервью использовался также метод свободного списка, который позволил получить индивидуальные данные о буддийских знаниях каждого респондента. *Выводы.* Предварительное исследование выявило формирование в Туве нового типа религиозности, отличающегося определенными региональными особенностями. Это, безусловно, требует более сложного подхода к религиоведению, включающего междисциплинарные компоненты. Недостаточная компетентность старших поколений в религиозных вопросах порождает вакуум, способствующий появлению в некотором роде «личных религий». На современном уровне религиозного развития тувинцам, вероятно, необходима понятная и удобная религиозная система, что, в свою очередь, может стать препятствием для более глубокого интереса к буддизму как философии. Религиоведение в регионе по-прежнему актуально и требует дальнейшего внимания.

Ключевые слова: религия, религиозность, буддизм, Республика Тыва, тувинцы, прихожане, буддийский монастырь, храм, монах, религиозная ситуация в Туве, религиоведение

Благодарности. Исследование было осуществлено при поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям, проект «Экзистенциальные аспекты буддизма в повседневности жителей Тувы» (соглашение о предоставлении гранта № 17 от 17 июня 2024 г.). Авторы выражают благодарность профессору Бенджамину Г. Пуржицкому (Университет Орхуса, Дания) за его поддержку и помощь в просмотре и редактировании рукописи.

Для цитирования: Кадыг-оол Х. К., Монгуш Д. Ш. Роль буддизма в повседневной жизни прихожан Кызыла: предварительное исследование // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1037–1052. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1037-1052

1. Introduction

The religious situation in Tuva is dynamic and progressive [Dashkovskiy et al. 2021: 21]. Thus, studies on present-day religiosity in Tuva, in our opinion, could never be superfluous. Moreover, we estimate the scope and variety of religious research as insufficient, particularly involving in-depth methods. The article aims to uncover several important factors of 'ordinary' religiosity of Buddhist congregants of Kyzyl (Republic of Tuva, Russian Federation). In other words, the research sets a goal of finding out what the impact of Buddhism in day-to-day life of monastery visitors is.

For instance, there is an appreciable variety of studies concerning Buddhism and various aspects of everyday life in different regions of Russia (see [Ulanov 2010; Petrov 2006; Dmitrieva 2021; Bazarov 2012; Tarbastaeva 2019; Garri 2020; Serebryakova, Ayakova 2021; Badmatsyrenov et al. 2020; Erendzhenova 2024] and others).

The religious situation in Tuva in many aspects has been the subject to a large number of studies. The history of Buddhism and other religions' development in Tuva was discovered by O. Khomushku, M. Mongush, U. Bicheldey [Khomushku 1998; Mongush 2001; Bicheldey 2020] and others. Various studies of the present state of religiosity in Tuva and particularly of Tuvan Buddhism are presented in a variety of publications [Lamazhaa 2019; Lamazhaa 2021; Lamazhaa et al. 2020; Dashkovskiy et al. 2021; Tretyakov 2023]. We would like to point out the monograph of O. Khomushku [Khomushku 2024] attempting a uniting and most topical analysis of historical and up-to-date religious situations in Tuva.

The predecessor and most impacting works for our research are the series of studies conducted by Prof. Purzycki [Purzycki 2010; Purzycki 2011; Purzycki, Holland 2019; Purzycki, Bendixen 2020].

2. Study Methods

The study of religion's impact on people's everyday life is a part to sociology of religion, which is a huge field of research, both repre-

sented by classical works (e.g., [Comte 1880; Durkheim 1912; Weber 1992]) and topical ones. Numerous studies articulate that the status of religion in modern society has drastically changed, particularly, the role of Christian church [Luckmann 2001: 389] and other traditional religious systems [Hecht, Biondo 2010].

The methodological core of the research is the concept of the 'invisible' religion [Luckmann 1967]. Another important epistemic guide is to study 'how religion is experienced by living human beings in their actual lives' [Ammerman 2007: VI]. For that reason, we are mostly focused on individuals that are not religious experts, i.e. neither think nor write about religious ideas [Ammerman 2007: 5].

From this point of view, it was evident for us to employ the method of in-depth interviews, so that our respondents could describe their religiosity in their own words [Knott et al. 2022: 1]. The sample size and study design at whole was determined by the financial and temporal boundaries of the grant¹. On the other hand, we decided to limit the number of the interviews when it became evident that the surveyed respond approximately in the same manner [Knott et al. 2022: 2].

The number of respondents is 22, and they are grouped into age classes as follows²:

Table 1. Grouping the samples
[Таблица 1. Распределение образцов
(информантов)]

Intervals	Frequency
[18,31)	5
[31,44)	7
[44,57)	6
[57,70)	2
[70,83)	2

The average age of our respondents is 43. Standard deviation³ is 9,5. So, typical respond-

¹ See the description in the 'Acknowledgements' section of the article.

² The number of classes was found by the Sturges formula: $1 + 3,3 \times \lg n$, i.e. $1 + 3,3 \times \lg 22 = 5,42 \approx 5$. The length of every interval: $(80-18) / 5 = 12,4 \approx 13$ (it is recommended to round up this number in any case). So, the first interval is [18, 31) and so on. The last one is [70, 83].

³ Dispersion is 89,6 (found by the following

ents of our survey were aged from 33,5 to 52,5. Minimal age was 18, maximal one — 80. Seventeen respondents are female, and five ones — male [AFD 2024].

The other three respondents are representatives of the Buddhist clergy. The information about them is specified in the following parts of the article.

The questionnaire contained 16 questions for non-experts and 11 — for monks, both were in Russian and Tuvan (translated by the authors as they are both native Tuvan speakers). The interviews with the congregants lasted from 8 to 30 minutes. Those with the lamas took an average of 23 minutes. All those surveyed were given small souvenirs as a token of our appreciation.

It is noteworthy that within our in-depth interviews we also used the free-list method by J. Smith and S. Borgatti [Smith, Borgatti 1997]. It was particularly helpful to find out the most ‘popular’ Buddhist deities according to the respondents’ opinions (see Diagram 1).

3. Materials

The survey was held by the authors on 25–27 August 2024. It would start at about 11 a.m. in three main Buddhist temples of Kyzyl: Thubten Shedrub Ling, Tsechenling and Damba Braibuling. The first one (opened in April 2023) is considered to be the largest Buddhist monastery (by its floor space) in the Russian Federation [Mashukov 2023]. The second one had been the central temple of the Republic of Tuva for quite a long period of time since it was opened in 1999. Damba Braibuling is an interesting example of the temple that was founded by a family of descendants of religious figures which also enjoys great popularity among the local inhabitants (see Fig. 1).

We would like to present some notable observations based on the research. On 25 August (Sunday), there were not many people in Damba Braibuling. It was a time of prayer service. Congregants were often coming out of the temple during the service to make or answer phone calls, some of them departed much earlier be-

fore the end of the ritual. By its end a total of 14 individuals left. Thubten Shedrub Ling was the hardest place to get any interviews. Our assumption is as follows: it is a new place and might still be viewed rather as a museum or art object, and is not fully recognized as religious adobe yet. Our opinion is implicitly acknowledged by the respondents: for spiritual needs one of them (born 1960) visits another monastery; another believer (born 1991) says she visits Tsechenling by force of habit and thinks that even its walls are ‘saturated with the power of sutras and prayers’ [AFD 2024]. On the other hand, the cashier of the monastery museum (in Thubten Shedrub Ling) informed us that there were a number of people (not that many — by her words) who would come to the monastery every day, i.e. they could be considered as the ‘true’ congregants [AFD 2024].

4. Results

4.1. Temple attendance

Initially, we would like to stress several important facts. The letter of the Uryankhai Affairs Commissar V. Grigoryev to Irkutsk Governor General (26 November 1916) said that the number of Tuvans was approximately sixty thousand people, while there were about ten thousand monks [NA RT. Coll. 112. Cat. 1. File 36. Pp. 6–7 back, 29–33 back]. Buddhism had an outstanding impact on traditional Tuvan culture in many social aspects — beside religious and philosophical ones: education, medicine, art and other [Khomushku 2024: 43–44].

These circumstances cardinally changed by the late 1920s and early 1930s. Thus, on 5 June 1928, the Minor Khuraldan passed an act ‘On Separating Religion and State’ [NA RT. Coll. P-92. Cat. 1. File 29. P. 14–14 back]. By this, religious clergymen fell under the jurisdiction of Tuvan Government. In a few years, the status of Buddhism and monks got much tougher. Monasteries and lamas became the subjects of progressive taxes and lost the right of free land-use [NA RT. Coll. P-1. Cat. 1. File 761. P. 4]. In 1931, the Political Bureau of the Central Committee of Tuvan Arat Revolution Party decided to seize the property of ‘feudal-theocratic elements’ that were defined as ‘the most vicious enemies’ of workfolk and poor ‘arats’ [NA RT. Coll. P-1. Cat. 1. File 920.

formula: $(\sum(x_i - \bar{x})^2 \cdot n_i) / n$, where x_i is the middle of each interval, \bar{x} is the arithmetic mean, n_i is frequency). Thus, standard deviation is $\sigma = \sqrt{89,6} = 9,47 \approx 9,5$.

Fig. 1. Temple of Damba Braibuling Religious Organization. Kyzyl, 2024. Photo by Kh. Kadyg-ool
[Фото 1. Храм буддийской организации Дамба Брайбулинг. Кызыл, 2024 г. Фото Х. Кадыг-оол]

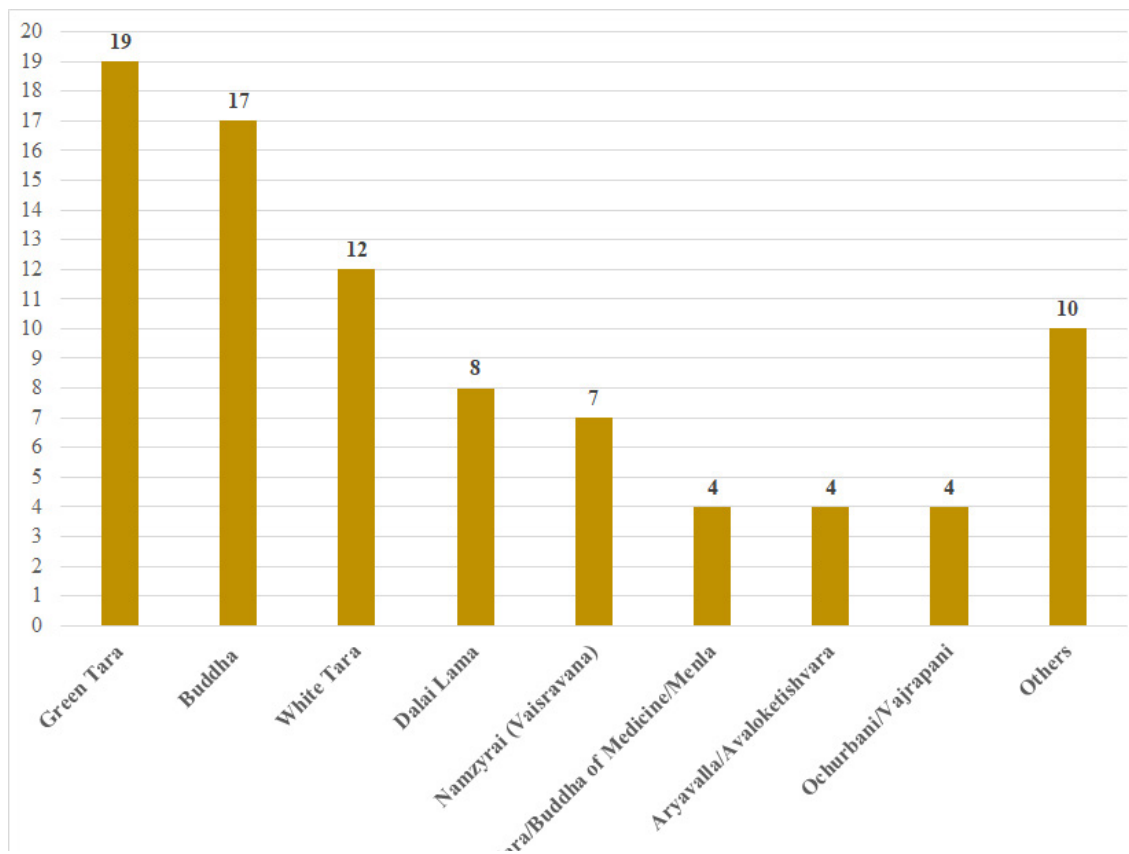

Diagram 1. Most 'popular' Buddhist deities (according to the congregates' opinions)

[Диаграмма 1. Самые «популярные» буддийские божества (по мнению опрошенных прихожан)]

P. 8]. This short period of time was also darkened by the repressions [Khomushku 2024: 73]. For instance, in 1932 there were no lamas left in Upper-Chadaana Monastery, the central temple of Tuva at that time (in comparison to 350 monks of Upper and Lower Chadaana temples in 1929) [NA RT. Coll. P-1. Cat. 1. File 1397. Pp. 22–26].

The Great Patriotic War was followed by some gradual easing for Buddhist monks. In 1949, up to 9 lamas started working in temple-yurts near Chadaana [NA RT. *Shyn.* 1959, July 18. No. 142]. Some kind of religious renaissance in Tuva started in the late 1980s. On 11 September 1989, a Buddhist religious organization was registered in Kyzyl [NA RT. Coll. P-37. Cat. 1. File 1010. P. 51]. In 1992, the Republican Council of Ministers decided to build a temple in the capital of Tuva [NA RT. Coll. P-784. Cat. 1. File 42. Pp. 14–15]. And the same year Buddhist witnessed a founding congress that elected Kazak Sandak the first Supreme Lama of the contemporary era [NA RT. *Shyn.* 1992, May 19. No. 94]. In September

1997, the First All-Tuvan Founding Congress was held. The latter's most important results included the revival of Kamby-Lama social institution and the election of new Kamby-Lama — Aganak Khertek [Khomushku 2024: 103]. Thus, in common, the end of the past century was an important period of spiritual and religious uplift.

So, it would be reasonable to suggest that the present-day Tuvans are on the 'next stage' by religious means, and that congregants should be more 'advanced', i. e. having relatively deep understanding and knowledge of the religious and philosophical aspects of Buddhism.

The answers informing when respondents started attending temples were grouped in the following sections.

1. The representatives of senior generations usually mentioned the beginning of the 1990s (some specified the end of the 1990s), the period of the Buddhist restoration in Tuva. One of them (born 1946) called Dalai-Lama's visit in 1992 as the starting point of her religiosity, another one (born 1960) said he just followed

others who had started attending temples. One more respondent (born 1957) mentioned that there was no temple in the villages, so she could not visit any monastery in childhood.

2. The younger interviewees would usually respond like ‘since I was a kid’ or ‘from my childhood’. Mostly, the surveyed ones would tell about their parents who used to bring their children to the temple. One unique situation is as follows: the person (born 1996) lived nearby the Tsechenling, and in her teen years she started volunteering there. Another young respondent (born 1999) had a chance to visit Ustuu-Khuree in Chadaana with parents when she was a child.

3. Other age groups or reasons. Two male respondents (born 1972 and 1993) called marriage as the reason for becoming more religious. Others consider it was due to their moving to Kyzyl from places with no temples. Two respondents (born 1988 and 1990) mentioned the start of their study in Tuvan State University in Kyzyl, the region’s capital town, where most Buddhist monasteries of Tuva are located. And there was one more answer — ‘after becoming a mother’ (born 1979).

The next question was ‘*How often do you visit the temple?*’ The answers led us to a conclusion that our respondents in general are not attending the monasteries systematically. For instance, some of the surveyed ones would tell they ‘come here at any chance’, but when asked to specify the exact cases — they struggled to answer. Least visiting temple respondents were the youngest ones (born 2005 and 2006): once or twice a year. As they explain, it usually happens in the beginning of an academic year and before the national holiday of *Shagaa*¹. Most people mentioned different situations when there was a need to visit a temple. For instance, one of the respondents (born 1979) stated that she is a very rare guest to the monastery, the reason for coming this time: her son graduated from high school and had to leave for Novosibirsk in a few days to start his university studies. Thus, mother wanted to ‘ask for help and luck, attend the prayer service to make his way ‘white’ [AFD 2024]. Those who could formulate the frequency of their monastery visits said

¹ *Shagaa* — Tuvan version of Lunar New Year celebrations.

it happens twice a month (born 1957 and 1991), once a month (born 1971). The respondent who does not permanently live in Kyzyl complained that the habitants of her village (Samagaltai — *kozhuun*² center) rarely visit the temple, as a result it often occurs to be closed. One interviewee (born 1988) pointed out that there was a period when she used to visit the temple quite often, it was the time when her parents were seriously ill [AFD 2024].

The next several questions were aimed at attempting to reveal the essence of personal existential religious experience. All the surveyed individuals answered positively to the question if visiting the temple had an effect on their inner strength and pointed out: they usually felt blessed. More specific effects are relaxation, appropriation of inner peace, and tranquility. Some particular answers were as follows: ‘since I’m mother, I ask for my children’ (born 1977); ‘not really, what is more important than just coming to the temple — inner relations with higher powers’ (born 1979) [AFD 2024].

All the congregants agreed that visiting a temple could protect them from future life obstacles. The difference is only in the grade of assurance, still none of them responded negatively.

The last questions of this kind were as follows: ‘Could you, please, tell us, how you pray? Could you, please, share with us, if it is possible, what prayers you say? What you feel during the prayer?’

The respondents demonstrated quite an interesting variety of answers. Most ‘secular’ versions were as follows: ‘I think of my problems that I have today’ (born 1944); ‘I use my own words during the prayer, don’t know any mantras’ (born 2006); ‘Usually my prayers consist of my own words, but my wife knows many mantras’ (born 1972) [AFD 2024].

A little bit more ‘canonical’ respondents told us they use both improvised prayers (as mentioned above persons said: using ‘my own words’) and special mantras. As for the latter, most popular ones quite expectedly include ‘Om Mani Padme Hum’ and ‘Om Tare Tuttare Ture Swaha’, i. e. mantras of Avaloketishvara

² *Kozhuun* is the administrative territorial unit of the Republic of Tuva. There are 17 *kozhuuns* in total.

Fig. 2. Statue of Green Tara in Thubten Shedrub Ling Temple. Kyzyl, 2024. Photo by Kh. Kadyg-ool
[*Фото 2. Статуя Зеленой Тары в храме Тубтен Шедруб Линг. КЫЗЫЛ, 2024 г. Фото Х. Кадыг-оол*]

and Green Tara (see Fig. 2), respectively. One of the interviewees mentioned as mantra the traditional Tuvan prayer — ‘*orshee, Burgan, orshee!*’¹ (born 1999) [AFD 2024].

‘Advanced’ congregants read different deities’ mantras beside the mentioned ones: White Tara; Namzyrai (Tuvan name for Vaisravana, the ‘God’ of material wealth).

Some of the respondents informed that they repeat mantras 108 times a day and wake up early for that or use rosaries.

The respondents also varied in their descriptions of what they feel during the prayers or prayer services. Many of the surveyed ones mentioned that they close their eyes and hold their hands in special mudras². A few people stressed that they used no mudras during the prayers. Several answers include as follows: ‘during the prayer I feel the relation with the highest powers, lumpy throat, sometimes I suddenly get a strong headache’ (born 1957); ‘I feel hope, strength and peace’ (born 1981); ‘If it is a prayer in the temple and I stand in front of the God — in this case I hold my hands in a prayer gesture. I feel flickering and sincere’ (born 1979). There was one answer when the interviewee said that it was very private information (born 2002).

The respondents also pointed out that there could be various reasons for people to visit the temple, but the main motivation is linked with the need for help in overcoming the problems and protection. For instance, several respondents mentioned the current conflict in Ukraine. Three of the respondents were in a more philosophical mood, stating that people come to the sacred place for peace, getting answers to their questions and happiness.

From this point of view, it was interesting to compare the mentioned above answers with the information from lamas. They listed the most frequent questions of parishioners as follows: personal horoscope for the year; advice on where to study; well-being of the family; success in career or business; the health of close people; prosperity and abundance. Monks also specified that many relatives of the

soldiers participating in the Ukraine conflict regularly come to the daily pray services. Our experts also informed us that the most enthusiastic congregants are people aged 50–55 and more [AFD 2024].

4.2. Rituals

Rituals are an important part of the religiosity, particularly in traditional religious beliefs of Tuvans. For this work we use the following definition:

A religious ritual is any repetitive and patterned behavior that is prescribed by or tied to a religious institution, belief, or custom, often with the intention of communicating with a deity or supernatural power [George, Park 2013: 1648].

There is a well-known thesis that the specialty of religious development in Tuva is characterized by syncretism, and it is one of its most important features [Khomushku 2024: 31–35]. Accepting this thesis, we would also like to make an assumption that contemporary religious situation in Tuva should be considered from a more complex point of view. For instance, one of the authors (Kh. Kadyg-ool) in 2014 was a participant of a shamanistic ritual. It was held by a middle-aged shamaness. Noteworthy detail: before the main ritual there was a taromancy session, and what is even more unusual, the mentioned woman described the concept of Tarot cards as ancient, scientific-based knowledge. Another inquisitive ritual took place in 2017. It was also held by a shaman, male, about 35 years old, and was devoted to *Shagaa*. Before the ceremony he lashed out at Buddhism, compared monks to ordinary graduates of secular universities, they (monks) were accused of not having any divine power. Thus, in his opinion, they had no right to hold any sacred rituals³. Despite his criticism the shaman had an image of the Eight Auspicious Signs on the back part of his ritual gown.

The respondents were asked several questions concerning rituals: wedding, funeral and ceremonial attributes at their living places.

³ It should be noted, that this kind of rhetoric is noticeable in Tuvan segment of social network and messengers. For instance, this kind of posts are quite usual for the community “Töögü” (Tuv. History) in “Vkontakte” social network. Community link: https://m.vk.com/toogu_tuva.

¹ ‘Orshee’ means — ‘have mercy on me’, ‘Burgan’ — ‘God’.

² Mudra — a symbolic or ritual gesture or pose in Hinduism, Jainism and Buddhism.

Weddings are most remarkable events in the life of traditional nomadic Tuvans. Non-married people were viewed as weird (both males and females) and sometimes even were not allowed to enter the yurt [Subbotin 2016: 162]. Eight respondents acknowledged that newlyweds should visit the temple at the wedding day. Others consider it is not necessary. What is more, the latter are convinced that nowadays visiting a temple on a wedding day has become just an ordinary action and the temple is considered as a vivid photo shooting location.

Respondents shared their opinions on funerals as follows. First of all, close relatives should go to the temple to ask for the sepulture day. Also, they mentioned the ritual of ‘opening’ the last sutra — *aldyn sava* (golden vase or bowl), that should be done in the monastery. Three respondents told that monks must help the souls of the dead reach the other world. Six interviewees used the notion — ‘the last path’. Seven respondents mentioned reincarnation (in different expressions). Five respondents were ‘not sure’ or ‘didn’t know’ [AFD 2024].

We asked respondents to list any deities they can remember. The results are shown in the diagram.

There was another question on deities, intentionally incorrect and provocative one, but interesting for the answers. The respondents admitted Green Tara and Buddha as the most ‘powerful’ (8 and 5 times, respectively) [AFD 2024]. We also need to point that more than half of the surveyed individuals found the question incorrect and inappropriate in terms of discussing the topic of deities. Parishioners’ sympathy for the deities is well-known to the monks, as during the expert interviews they mentioned the same ones: Buddha Shakyamuni and Green Tara [AFD 2024].

Twelve interviewees answered they had no altar in their living places. One of them informed that there was a small statue of Buddha ‘just among other decorations on a shelf in the living room’ [AFD 2024]. Others who did own an altar at their homes described it as consisting of images of Buddha, Green Tara and HH Dalai-Lama on the wall (see Fig. 3). They also mentioned statuettes, sutras and ceremonial items as well. Most unusual answer was that one of the respondents has a *photograph*

(emphasis added) of an altar (not of a concrete deity). The photo was a gift from a Mongolian lama. There is also the image of Maitreya on that picture, and as the respondent informed, the lama from Mongolia revealed the way how to worship that deity. Our conclusion on this notable issue is that this photo-altar as a religious phenomenon could be interpreted in postmodern sense. We consider this fact as one of the most important features of our research.

Three respondents informed that they never invited lama to their living place. One of them added that she used to invite shamans several times (born 1979). The others, who had invited monks into their houses, list the following reasons: *Shagaa*, to ‘clean’ the house and the road, set a protection, read ‘Altan Gerel’ (*Aldyn Kherel* in Tuvan) sutra. This is confirmed by our experts. Also, monks called *dagylga*¹ as one of the most popular rituals where ordinary believers usually invite lamas to.

Eight respondents said they had no Buddhist amulets. Others mentioned special red cords on the wrist. One interviewee said that his red cord decayed and was lost, so she did not get another one, because it was the sign that ‘danger was away’ [AFD 2024]. Others mentioned rosaries (prayer beads) and various types of bracelets. One of the respondents told about the golden figure of the Buddha on his neck (born 1993) and sutra in his truck (for cargo carriage business). He annually brings it to the temple for a special ritual to make it ‘alive’.

Lamas informed us, that there were really few ‘advanced’ Buddhists among the parishioners, i.e. ones able to meditate, know and study sacred texts, have personal gurus, strictly follow vows, go on pilgrimages. There are a number of congregants that regularly help with cleaning and other routine works in temples [AFD 2024].

5. Discussion and conclusions

The significant result of our preliminary research, in our opinion, is an indication of profound process of non-traditional, in some sense ‘next-level’ or even ‘postmodern’ religiosity (or

¹ *Dagylga* is the ritual of offering to the spirits of ancestors and master-spirits of different places. Family groups have sacred places for this ritual: river, *arzhaan* (mineral spring), shaman-tree and others.

Fig. 3. Altar in a private apartment. Kyzyl, 2024. Photo by D. Mongush
[Фото 3. Алтарь в частной квартире. Кызыл, 2024 г. Фото Д. Монгуш]

‘quasi’-religiosity) shaping with regional features. Factors, considered in this article, in our opinion, could represent a call for the formulated above thesis about the need for more complex religious studies in Tuva — it should definitely become an object of interdisciplinary research.

Many respondents’ answers in the previous section could be an argument for another thesis: parishioners lack deep knowledge of Buddhism in common, this fact is also confirmed by the lamas. As we conclude next, this situation (kind of religious ‘vacuum’) could be one of the reasons for the mentioned above non-traditional religiosity processes development in Tuva. We think that it is important to collect unique ‘individual religions’ of separate persons as much as possible. Of course, it does not imply any judgments from some ‘correct’ Buddhist (or any other traditional religions’) point of view.

Another potentially interesting field of research from this point of view is the influence of mass-media and mass-culture at whole on religiosity (or spirituality in common) of the Tuvan youth.

Полевые материалы автора

Настоящее исследование было проведено при финансовой поддержке Фонда содействия буддийскому образованию и исследованиям, проект «Экзистенциальные аспекты буддизма в повседневности жителей Тувы» (соглашение о предоставлении гранта № 17 от 17 июня 2024 г.). Интервью были проведены 25–27 августа 2024 г. в трех главных буддийских храмах Кызыла: Тубтен Шедруб Линг — самый большой буддийский храм в России, Цеченлинг — центральный буддийский храм Кызыла, Дамба Брайбулинг — небольшой храм местной буддийской организации. Респонденты: 22 верующих-мирянина и 3 монаха (интервью последних рассматриваются как экспертные заключения). Все материалы записаны, аудиозаписи и соответствующие стенограммы хранятся на персональных компьютерах авторов.

Источники

НА РТ — Национальный архив Республики Тува.

At the present level of religious development, Tuvan believers are probably in need of convenient and pretty clear religious ‘mechanics’, similar to magical thinking in some sense [Risen 2016]. We suppose this fact is implicitly acknowledged by the ‘popularity’ of Green Tara¹ (see Fig. 2). Several respondents shared their opinions (while answering on provocative question about who was the most powerful Buddhist deity) on divine powers of the mentioned deity as follows: ‘She is my protector’ (born 1971), ‘I know and believe that Green Tara helps instantly’ (born 1981), ‘I know Green Tara grants wishes in a moment’ (born 1999), ‘probably it is Green Tara, I pray more often to Her, because She helps quickly’ (born 1988) [AFD 2024]. If our assumption is mostly correct, this probably could be a serious obstacle for the formation of deeper interest in Buddhism as religion and philosophy among Tuvans. As we stressed in the introductory part to this article, religious studies in our region could never be superfluous, so there is still much to accomplish.

Author’s Field Data

AFD 2024 — The reported study was granted by Buddhist Education and Research Foundation, project name ‘Existential Aspects of Buddhism in Everyday Life of Tuva’s People’ (grant agreement no. 17 of 17 June 2024). Interviews were held on 25–27 August 2024. The work would start at about 11 a.m. in the three main Buddhist temples of Kyzyl: Thubten Shedrub Ling – the biggest Buddhist Temple in Russia, Tsechenling – Central Buddhist Temple in Kyzyl and Damba Braibuling – local Buddhist organization, minor temple. The respondents include a total of 22 believers and 3 monks, the latter’s interviews supposed to contain expert opinions. All the materials were recorded, audio recordings and corresponding transcripts stored on the authors’ personal computers.

Sources

NA RT — National Archive of the Republic of Tuva.

¹ Of course, we only imply people’s attitude to the mentioned deity.

Литература

- Бадмацыренов и др. 2020 — *Бадмацыренов Т. Б., Хандаров Ф. В., Бадараев Д. Д.* Российский буддизм и социальные медиа: тувинские буддийские онлайн-сообщества ВКонтакте // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 120–134. DOI: 10.25178/nit.2020.4.9
- Базаров 2012 — *Базаров Б. В.* Буддизм и вызовы третьего тысячелетия // Буддизм в общественно-политических процессах Бурятии и стран Центральной Азии: сб. ст. / отв. ред. Л. Е. Янгутов. Улан-Удэ: Бур. гос. ун-т, 2012. С. 4–6.
- Бичелдей 2020 — *Бичелдей У. П.* Буддийская традиция в Туве: некоторые вопросы истории, современное состояние и перспективы развития // Буддизм Ваджраяны в России: Актуальная история и социокультурная аналитика: Мат-лы VI Междунар. науч.-практ. конф. (г. Санкт-Петербург, 19–22 октября 2018 г.) / отв. ред. А. М. Алексеев-Апраксин, сост. В. М. Дронова. СПб.: Алмазный путь, 2020. С. 201–209.
- Гарри 2020 — *Гарри И. Р.* Буддизм и политика во Внутренней Азии // *Oriental Studies*. 2020. Т. 13. № 1. С. 8–16. DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16
- Дашковский и др. 2021 — *Дашковский П. К., Шершнева Е. А., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.* Религиозная ситуация в Республике Тыва (по результатам социологического исследования) // Новые исследования Тувы. 2021. № 2. С. 18–34. DOI: 10.25178/nit.2021.2.2
- Дмитриева 2021 — *Дмитриева В. И.* Традиционные религиозные проявления в японской повседневности // Евразийский журнал региональных и политических исследований. 2021. № 1(21). С. 71–76. DOI: 10.24411/2587-8077-2021-10111
- Ламажаа 2019 — *Ламажаа Ч. К.* Геокультурные образы буддийского мира тувинцев: исторический контекст и современность // Новые исследования Тувы. 2019. № 3. С. 27–40. DOI: 10.25178/nit.2019.3.3
- Ламажаа 2021 — *Ламажаа Ч. К.* Тува как лимитрофная зона: язык, религия и идентификация населения // Новые исследования Тувы. 2021. № 3. С. 178–194. DOI: 10.25178/nit.2021.3.14
- Ламажаа и др. 2020 — *Ламажаа Ч. К., Бичелдей У. П., Монгуш А. В.* Тувинское буддийское паломничество: от традиции к вере // Новые исследования Тувы. 2020. № 4. С. 135–155. DOI: 10.25178/nit.2020.4.10

References

- Badmatsyrenov et al. 2020 — *Badmatsyrenov T. B., Khandarov F. V., Badaraev D. D.* Russian Buddhism and social media: Tuvan Buddhist online-communities on V Kontakte. *New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 120–134. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.9
- Bazarov 2012 — *Bazarov B. V.* Buddhism and challenges of the third millennium. In: Yangutov L. E. (ed.) *Buddhism in Sociopolitical Processes of Buryatia and Central Asian States*. Collected papers. Ulan-Ude: Banzarov Buryat State University, 2012. Pp. 4–6. (In Russ.)
- Bicheldey 2020 — *Bicheldey U. P.* Buddhist tradition in Tyva: Some historical issues, modern state, and perspectives of development. In: Dronova V. M. (comp.) *Vajrayana Buddhism in Russia: Topical Issues of History and Sociocultural Analytics*. Conference proceedings (St. Petersburg, 19–22 October 2018). A. Alekseev-Apraksin (ed.). St. Petersburg: Almaznyi Put, 2020. Pp. 201–209. (In Russ.)
- Garri 2020 — *Garri I. R.* Buddhism and politics in Inner Asia. *Oriental Studies*. 2020. Vol. 13. No. 1. Pp. 8–16. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2020-47-1-8-16
- Dashkovskiy et al. 2021 — *Dashkovskiy P. K., Shershneva E. A., Bicheldey U. P., Mongush A. V.* Religious situation in the Republic of Tuva (Based on the results of a sociological study). *New Research of Tuva*. 2021. No. 2. Pp. 18–34. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.2.2
- Dmitrieva 2021 — *Dmitrieva V. I.* Traditional religious manifestations in Japanese everyday life. *Eurasian Journal of Region and Political Research*. 2021. No. 1 (21). Pp. 71–76. (In Russ.) DOI: 10.24411/2587-8077-2021-10111
- Lamazhaa 2019 — *Lamazhaa Ch. K.* Geocultural images of the Tuvan Buddhist world: historical context and modernity. *New Research of Tuva*. 2019. No. 3. Pp. 27–40. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2019.3.3
- Lamazhaa 2021 — *Lamazhaa Ch. K.* Tuva as a limitrophe zone: Language, religion and people's identity. *New Research of Tuva*. 2021. No. 3. Pp. 178–194. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2021.3.14
- Lamazhaa et al. 2020 — *Lamazhaa Ch. K., Bicheldey U. P., Mongush A. V.* Tuvan Buddhist pilgrimage: From tradition to the faith. *New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 135–155. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.10

- Машуков 2023 — *Машуков Д.* В Туве открыли самый большой буддийский монастырь России [электронный ресурс] // Российская газета. 28.04.2023. URL: <https://rg.ru/2023/04/28/reg-sibfo/v-tuve-otkryli-samyj-bolshoj-buddijskij-monastyr-rossii.html> (дата обращения: 25.10.2024).
- Монгуш 2001 — *Монгуш М. В.* История буддизма в Туве (вторая половина VI века – конец XX века). Новосибирск: Наука, 2001. 200 с.
- Петров 2006 — *Петров Н.* Буддизм — помощник в повседневной жизни // *Азия и Африка сегодня*. 2006. № 7(588). С. 77–78.
- Серебрякова, Аякова 2021 — *Серебрякова Ю. А., Аякова Ж. А.* Буддизм в мировоззрении и национальном характере бурят // *Вестник Бурятского государственного университета*. 2021. № 4. С. 32–40. DOI: 10.18101/1994-0866-2021-4-32-40
- Субботин 2016 — *Субботин С. В.* Тувинская семья и ее функции. Традиции и инновации // *Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН*. 2016. Т. 9. № 6(28). С. 159–171. DOI: 10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171
- Тарбастаева 2019 — *Тарбастаева И. С.* Социальный институт буддизма в современной России: Бурятия, Калмыкия, Тува // *Сибирский философский журнал*. 2019. Т. 17. № 4. С. 144–156. DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156
- Третьяков 2023 — *Третьяков И. С.* Буддизм в национальной культуре Республики Тува // *Религия, культура, язык в России и за рубежом: сб. тезисов выступлений по мат-лам междунар. науч.-практ. конф. (г. Нижний Новгород, 15 сентября 2023 г.) / под ред. В. М. Строгачева*. Т. 1. Н. Новгород: Нижегородская духовная семинария, 2023. С. 145–148.
- Уланов 2010 — *Уланов М. С.* Буддизм в социокультурном пространстве России (социально-философский анализ): дисс. ... филос. наук. Ростов н/Д, 2010. 369 с.
- Хомушку 1998 — *Хомушку О. М.* Религия в истории культуры тувинцев. М.: Наука, 1998. 177 с.
- Хомушку 2024 — *Хомушку О. М.* *Религия в Туве: история и современность*. Новосибирск: Наука, 2024. 176 с.
- Эрендженова 2024 — *Эрендженова Ю. Ю.* Миротворческий потенциал тантрического буддизма в российском социокультурном пространстве // *Новые исследования Тувы*. 2024. № 1. С. 265–275. DOI: 10.25178/nit.2024.1.17
- Mashukov 2023 — *Mashukov D.* Russia's largest Buddhist monastery opened in Tuva. On: Rossiyskaya Gazeta. Posted on 28 April 2023. Available at: <https://rg.ru/2023/04/28/reg-sibfo/v-tuve-otkryli-samyj-bolshoj-buddijskij-monastyr-rossii.html> (accessed: 25 October 2024). (In Russ.)
- Mongush 2001 — *Mongush M. V.* History of Buddhism in Tuva, Mid-Sixth to Late Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 2001. 200 p. (In Russ.)
- Petrov 2006 — *Petrov N.* Buddhism as an aid in everyday life. *Asia & Africa Today*. 2006. No. 7 (588). Pp. 77–78. (In Russ.)
- Serebryakova, Ayakova 2021 — *Serebryakova Yu. A., Ayakova Zh. A.* Buddhism in the worldview and national character of the Buryats. *Buryat State University Bulletin*. 2021. No. 4. Pp. 32–40. (In Russ.) DOI: 10.18101/1994-0866-2021-4-32-40
- Subbotin 2016 — *Subbotin S. V.* The Tuvan family and its functions. Traditions and innovations. *Oriental Studies*. 2016. Vol. 9. No. 6 (28). Pp. 159–171. (In Russ.) DOI: 10.22162/2075-7794-2016-28-6-159-171
- Tarbastaeva 2019 — *Tarbastaeva I. S.* Modern models of Buddhism as a social institution in Buryatia, Kalmykia and Tuva. *Siberian Journal of Philosophy*. 2019. Vol. 17. No. 4. Pp. 144–156. (In Russ.) DOI: 10.25205/2541-7517-2019-17-4-144-156
- Tretyakov 2023 — *Tretyakov I. S.* Buddhism in Tuva's national culture. In: Strogetsky V. M. (ed.) Religion, Culture, Language in Russia and Abroad. Conference proceedings (Nizhny Novgorod, 15 September 2023). Vol. 1. Nizhny Novgorod: Nizhny Novgorod Theological Seminary, 2023. Pp. 145–148. (In Russ.)
- Ulanov 2010 — *Ulanov M. S.* Buddhism in Russia's Sociocultural Environment: A Sociophilosophical Analysis. Dr. Sc. (philosophy) thesis. Rostov-on-Don, 2010. 369 p. (In Russ.)
- Khomushku 1998 — *Khomushku O. M.* Religion Tuvan Cultural History. Moscow: Nauka, 1998. 177 p. (In Russ.)
- Khomushku 2024 — *Khomushku O. M.* Religion in Tuva: Past and Present. Novosibirsk: Nauka, 2024. 176 p. (In Russ.)
- Erendzhenova 2024 — *Erendzhenova Yu. Yu.* Peacemaking potential of Tantric Buddhism in the Russian sociocultural space. *New Research of Tuva*. 2024. No. 1. Pp. 265–275. (In Russ.) DOI: 10.25178/nit.2024.1.17

- Ammerman 2007 — *Ammerman N.* (ed.) *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 243 p.
- Comte 1880 — *Comte A.* *Système de politique positive*. Paris: Dunod, 1880. 746 p.
- Durkheim 1912 — *Durkheim E.* *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique d'Australie*. Paris: F. Alcan, 1912. 647 p.
- George, Park 2013 — *George L. S., Park C. L.* Religious ritual // *Encyclopedia of Behavioral Medicine* / ed. by M. D. Gellman, J. R. Turner. New York: Springer, 2013. Pp. 1648–1650. DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_1592
- Hecht, Biondo 2010 — *Hecht R. D., Biondo V. F.* (eds.) *Religion and Everyday Life and Culture*. In 3 vols. Vol. 3: *Religion in the Practice of Private Life*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. 360 p.
- Knott et al. 2022 — *Knott E., Rao A. H., Summers K. and Teeger Ch.* Interviews in the social sciences // *Nature Reviews Methods Primers*. 2022. Vol. 2. Article 73. DOI: 10.1038/s43586-022-00150-6
- Luckmann 1967 — *Luckmann T.* *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. New York; London, Macmillan Publ., 1967. 128 p.
- Luckmann 2001 — *Luckmann T.* Moralizing sermons, then and now // *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*. Ed. by R. K. Fenn. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. Pp. 388–403.
- Purzycki 2011 — *Purzycki B. G.* Tyvan cher eezi and the socioecological constraints of supernatural agents' minds // *Religion, Brain & Behavior*. 2011. No. 1. Pp. 31–45. DOI: 10.1080/2153599X.2010.550723
- Purzycki, Bendixen 2020 — *Purzycki B. G., Bendixen T.* Examining values, virtues, and tradition in the Republic of Tuva with free-list and demographic data // *New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 6–18. DOI: 10.25178/nit.2020.4.1
- Purzycki, Holland 2019 — *Purzycki B. G., Holland E. C.* Buddha as a god: An empirical assessment // *Method & Theory in the Study of Religion*. 2019. No. 31. Pp. 347–375. DOI: 10.1163/15700682-12341453
- Purzycki 2010 — *Purzycki B. G.* Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva // *Sibirica*. 2010. No. 9. Pp. 21–47. DOI: 10.3167/sib.2010.090202
- Ammerman 2007 — Ammerman N. (ed.) *Everyday Religion: Observing Modern Religious Lives*. Oxford: Oxford University Press, 2007. 243 p. (In Eng.)
- Comte 1880 — *Comte A.* *Système de politique positive*. Paris: Dunod, 1880. 746 p. (In Fr.)
- Durkheim 1912 — *Durkheim E.* *Les Formes élémentaires de la vie religieuse: le système totémique d'Australie*. Paris: F. Alcan, 1912. 647 p. (In Fr.)
- George, Park 2013 — *George L. S., Park C. L.* Religious ritual. In: Gellman M. D., Turner J. R. (eds.) *Encyclopedia of Behavioral Medicine*. New York: Springer, 2013. Pp. 1648–1650. (In Eng.) DOI: 10.1007/978-1-4419-1005-9_1592
- Hecht, Biondo 2010 — Hecht R. D., Biondo V. F. (eds.) *Religion and Everyday Life and Culture*. In 3 vols. Vol. 3: *Religion in the Practice of Private Life*. Santa Barbara: ABC-CLIO, 2010. 360 p. (In Eng.)
- Knott et al. 2022 — *Knott E., Rao A. H., Summers K., Teeger Ch.* Interviews in the social sciences. *Nature Reviews Methods Primers*. 2022. Vol. 2. Article no. 73. DOI: 10.1038/s43586-022-00150-6. Available at: <https://www.nature.com/articles/s43586-022-00150-6> (accessed: 22 November 2024) (In Eng.)
- Luckmann 1967 — *Luckmann T.* *The Invisible Religion: The Problem of Religion in Modern Society*. New York, London: Macmillan Publ., 1967. 128 p. (In Eng.)
- Luckmann 2001 — *Luckmann T.* Moralizing sermons, then and now. In: Fenn R. K. (ed.) *The Blackwell Companion to Sociology of Religion*. Oxford: Blackwell Publishing, 2001. Pp. 388–403. (In Eng.)
- Purzycki 2010 — *Purzycki B. G.* Spirit masters, ritual cairns, and the adaptive religious system in Tyva. *Sibirica*. 2010. No. 9. Pp. 21–47. (In Eng.) DOI: 10.3167/sib.2010.090202
- Purzycki 2011 — *Purzycki B. G.* Tyvan cher eezi and the socioecological constraints of supernatural agents' minds. *Religion, Brain & Behavior*. 2011. No. 1. Pp. 31–45. (In Eng.) DOI: 10.1080/2153599X.2010.550723
- Purzycki, Bendixen 2020 — *Purzycki B. G., Bendixen T.* Examining values, virtues, and tradition in the Republic of Tuva with free-list and demographic data. *New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 6–18. (In Eng.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.1
- Purzycki, Bendixen 2020 — *Purzycki B. G., Bendixen T.* Examining values, virtues, and tradition in the Republic of Tuva with free-list and demographic data. *New Research of Tuva*. 2020. No. 4. Pp. 6–18. (In Eng.) DOI: 10.25178/nit.2020.4.1

- Risen 2016 — *Risen J. L.* Believing what we do not believe: Acquiescence to superstitious beliefs and other powerful intuitions // *Psychological Review*. 2016. Vol. 123. No. 2. Pp. 182–207.
- Smith, Borgatti 1997 — *Smith J. J., Borgatti S. P.* Salience counts and so does accuracy: Correcting and updating a measure for free-list item salience // *Journal of Linguistic Anthropology*. 1997. No. 7. Pp. 208–209. DOI: 10.1525/jlin.1997.7.2.208
- Weber 1992 — *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London, New York: Routledge, 1992. 293 p.
- Smith, Borgatti 1997 — *Smith J. J., Borgatti S. P.* Salience counts and so does accuracy: Correcting and updating a measure for free-list item salience. *Journal of Linguistic Anthropology*. 1997. No. 7. Pp. 208–209. (In Eng.) DOI: 10.1525/jlin.1997.7.2.208
- Purzycki, Holland 2019 — *Purzycki B. G., Holland E. C.* Buddha as a god: An empirical assessment. *Method & Theory in the Study of Religion*. 2019. No. 31. Pp. 347–375. (In Eng.) DOI: 10.1163/15700682-12341453
- Purzycki, Holland 2019 — *Purzycki B. G., Holland E. C.* Buddha as a god: An empirical assessment. *Method & Theory in the Study of Religion*. 2019. No. 31. Pp. 347–375. (In Eng.) DOI: 10.1163/15700682-12341453
- Weber 1992 — *Weber M.* The Protestant Ethic and the Spirit of Capitalism. London, New York: Routledge, 1992. 293 p. (In Eng.)
- Smith, Borgatti 1997 — *Smith J. J., Borgatti S. P.* Salience counts and so does accuracy: Correcting and updating a measure for free-list item salience. *Journal of Linguistic Anthropology*. 1997. No. 7. Pp. 208–209. (In Eng.) DOI: 10.1525/jlin.1997.7.2.208

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1053–1065, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 930.85

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1053-1065

Дуализм в шаманской практике якутов

*Анатолий Игнатьевич Гоголев¹, Наталья Анатольевна Стручкова²,
Капитолина Максимовна Яковлева³, Саргылана Михайловна Михайлова^{4,5},
Саина Андреевна Михайлова⁶*

- 1 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-9694-7826. E-mail: foiea_if[at]s-vfu.ru
- 2 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, декан
 0000-0003-2611-1406. E-mail: na.struchkova[at]s-vfu.ru
- 3 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, доцент, декан
 0000-0002-5381-8960. E-mail: kara1985[at]list.ru
- 4 Арктический государственный институт культуры и искусств (д. 4, ул. Орджоникидзе, 677000 Якутск, Российская Федерация)
преподаватель
- 5 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
аспирант
 0009-0006-9730-3762. E-mail: s.mhlva[at]mail.ru
- 6 Северо-Восточный федеральный университет им. М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677000 Якутск, Российская Федерация)
магистрант
 0000-0002-8485-8631. E-mail: smkhlv[at]mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Гоголев А. И., Стручкова Н. А., Яковлева К. М., Михайлова С. М., Михайлова С. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Якутский шаманизм представляет собой важный аспект традиционной культуры якутов, а также является основной частью традиционных верований. Авторы анализируют различные подходы к пониманию шаманизма, включая эволюционистскую теорию, конструктивистский подход и концепцию «изобретения традиции». Отмечается, что якутский шаманизм имеет ярко выраженные дуалистические черты, отражающие деление мифологического мышления на добро и зло, а также сопоставление божественных и злых существ. Целью исследования является изучение проявлений дуализма в шаманской практике у якутов.

Материалы и методы. Исследование основано на теоретическом подходе Г. В. Ксенофонтова, который анализирует дуализм якутского шаманизма, связывая его с переходом от культа быка к культу коня и классовыми процессами. Г. В. Ксенофонтов делит религию на «верхний» этаж (белые шаманы) и «нижний» этаж (черные шаманы), акцентируя внимание на исчезновении первых с принятием христианства и сохранении вторых в народной культуре. Авторами приводятся полевые материалы, собранные в рамках этнографических экспедиций в районах Республики Саха (Якутия) в 2022–2024 гг. *Результаты.* В данной работе рассмотрены две ключевые научные парадигмы, определяющие исследование шаманизма: эссенциализм и конструктивизм. Важное внимание уделено дуалистической концепции, которая проявляется в делении шаманизма на «черное» и «белое». Дано описание этих двух типов шаманов, их функций и обрядов, а также их место в якутской культуре. Авторами исследовано влияние христианства на традиционное шаманство, отмечено, что с приходом христианских священников роль шаманов как культовых служителей изменилась, что привело к утрате некоторых аспектов «светлого» шаманизма, связанных с поклонением предкам и божествам. Обращение к практике праздника *ысыах* позволяет увидеть, как эта дуалистическая структура проявляется в обрядовой культуре, где сосуществуют символы плодородия и разрушительных сил. Авторы акцентируют внимание на методах лечебной практики, используемых шаманами, и их характеристиках, что подчеркивает наличие дуализма в религиозных представлениях и шаманских практиках народа саха. *Выводы.* В статье авторы выявили проявления дуализма в функциональной и сакральной части якутского шаманизма, обозначили методы и средства лечебной практики шаманов в традиционной медицине. Подчеркивается важность комплексного подхода к изучению якутского шаманизма, учитывающего как традиционные, так и современные элементы уже через такое направление, как неошаманизм, что позволяет более глубоко понять его значение в контексте культурного наследия народа саха.

Ключевые слова: дуализм, шаманизм, якуты, религия, культ *Айыы*, традиционная медицина, традиционные воззрения

Благодарность. Работа выполнена в рамках проекта Северо-Восточного федерального университета Программы развития СВФУ (стратегическое академическое лидерство «Приоритет-2030») «Новое межвузовское пространство Евразийской научно-образовательной интеграции».

Для цитирования: Гоголев А. И., Стручкова Н. А., Яковлева К. М., Михайлова С. М., Михайлова С. А. Дуализм в шаманской практике якутов // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1053–1065. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1053-1065

Dualism in Yakut Shamanic Practices

Anatoliy I. Gogolev¹, Natalia A. Struchkova², Kapitolina M. Yakovleva³,
Sargylana M. Mikhailova^{4,5}, Saina A. Mikhailova

¹ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Dr. Sc (History), Professor

 0000-0002-9694-7826. E-mail: foiea_if[at]s-vfu.ru

² Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Dean of Faculty

 0000-0003-2611-1406. E-mail: na.struchkova[at]s-vfu.ru

³ Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Associate Professor, Scientific Secretary

 0000-0002-5381-8960. E-mail: kapa1985[at]list.ru

⁴ Arctic State Institute of Culture and Arts (4, Ordzhonikidze St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Lecturer

5 Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0009-0006-9730-3762. E-mail: s.mhlva[at]mail.ru

6 Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677000 Yakutsk, Russian Federation)

MA Student

 0000-0002-8485-8631. E-mail: smkhlv[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Gogolev A. I., Struchkova N. A., Yakovleva K. M., Mikhailova S. M., Mikhailova S. A., 2024

Abstract. *Introduction.* Yakut shamanism is an important aspect of traditional culture that specifically articulates certain customary beliefs. The paper analyzes various approaches to understanding shamanism, including evolutionist theory, a constructivist approach, and the concept of ‘invented tradition’. It is noted that Yakut shamanism has pronounced dualistic features reflecting the division of mythological thinking into good and evil, as well as the juxtaposition of divine and evil beings. *Goals.* The study seeks to examine some manifestations of dualism in Yakut shamanic practices. *Materials and methods.* The research rests on the theoretical approach adopted by G. Ksenofontov who analyzed the issue as follows: he would associate it with the transition from the cult of bull to that of horse paralleled by certain class processes. G. Ksenofontova tended to divide religion into ‘upper’ (white shamans) and ‘lower’ (black ones) levels, and would focus on that in folk culture the former disappeared while the latter survived — the conversion to Christianity. The analysis also involves field data collected during ethnographic expeditions to Yakutia’s rural districts in 2022–2024. *Results.* The work considers two key scientific paradigms that define the study of shamanism — essentialism and constructivism. Particular attention is given to the dualistic concept manifested in the division of shamanism into ‘black’ and ‘white’ practices (and shamans). The paper outlines these two types, their functions, rituals, and roles in Yakut culture. There is also an insight into how Christianity has influenced traditional shamanism, which notes the advent of Christian priests resulted in that roles of shamans as cult ministers did change, and the latter led to some aspects of ‘white’ shamanism associated with the worship of ancestors and deities would be lost. Our appeals to Ysyakh holiday practices show how this dualistic structure manifests itself in ritual culture that comprises symbols of both fertility and destruction. The paper also stresses some healing methods used by shamans (and their characteristics) that further accentuate dualism in religious beliefs and shamanic practices of the Sakha. *Conclusions.* So, the article identifies manifestations of dualism in functional and sacred parts of Yakut shamanism, delineates traditional methods and tools of shamanic healing practices. It is urgent to employ an integrated approach to the study of Yakut shamanism, since both traditional and modern elements — e. g., such a trend as neo-Shamanism — should be as taken into consideration for deeper understanding of its significance in the context of Sakha cultural heritage.

Keywords: dualism, shamanism, Yakuts, religion, cult of Aiyy, traditional medicine, traditional views

Acknowledgements. The reported study was funded by North-Eastern Federal University Development Program (‘Priority-2030’), project name ‘New Inter-University Space for Eurasian Scientific and Educational Integration’.

For citation: Gogolev A. I., Struchkova N. A., Yakovleva K. M., Mikhailova S. M., Mikhailova S. A. Dualism in Yakut Shamanic Practices. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1053–1065. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1053-1065

1. Введение

Якутский шаманизм является наследием богатой духовной культуры якутов, а также составной частью традиционных верований. По мнению А. К. Чирковой, ойуун (шаман),

наделенный мудрыми знаниями, был духовным покровителем, хранителем мифов, путеводителем и наставником в жизни. Он обеспечивал социально-психологическую сплоченность племени, рода, общины и се-

ми. Народ видел в шаманах огромную силу и считал, что в их власти находятся здоровье, жизнь и смерть [Чиркова 2002: 239].

В мифах якутов утверждалось, что шаманы могли предсказать будущее человека, подсказать пути достижения счастья. Случаи удачного предсказания оформлялись в виде мифов и получали широкое распространение. Например, в мифе о шамане Семене говорится, что он предупредил другого шамана о рождении у него плохого ребенка, могущего стать злым шаманом, и посоветовал избавиться от него. Еще шаман Семен предсказал чудеса, которые произведет сам после смерти — переместит свое надгробное сооружение, заставит снова расцвести дерево, опаленное пожаром. Такие «деяния» шамана будто бы должны были предвещать счастье его потомкам [Алексеев 1994: 64].

Прежде всего, шаман — специалист избранной профессии, служитель культовой религии. Он общался с духами, знал молитвенные заклинания, посвященные верховным божествам, каноническую структуру обрядовой культуры, поэтику и лексику религиозной терминологии. Шаманы были врачевателями, прорицателями, исполнителями культовых ритуальных действий. Словом, являлись профессиональными служителями религиозного культа.

В целом способность шамана магически влиять или магически взаимодействовать с окружающей средой продолжает быть основополагающим фактором, отвечающим современным культурным потребностям, как всего общества, так и его отдельных представителей.

Особенностью традиционного мировоззрения якутов является его дуалистичность, представленная наличием двух разновидностей шаманских воззрений — белого и черного. Дуализм отражен и в религиозно-мифологических представлениях в системе мироздания: так, в этнофольклорных традициях предстают образы как добрых божеств, так и антагонистов, представленных в образе *абааны* (злых духов), которые любым образом противопоставляются протагонисту (главному герою). Наличие дуализма в традиционных верованиях якутов значительно расширяет границы пространства семантических смыслов об-

рядовых действий, способствует возникновению множественных его интерпретаций [Семенова 2006: 122].

В настоящее время в отсутствие реально существующих систем верований основные смысловые характеристики обрядовых действий объективируются (выражаются) в основном через определенные способы воздействия (ментальные и физические) в рамках традиционной медицины — через сохранившийся устный фольклор.

Таким образом, целью настоящего исследования является изучение традиционных верований якутов, а именно представление уникальной формы якутского шаманизма. В связи с этим весьма интересным представляется рассмотреть проявления дуализма якутского шаманизма через призму концепции Г. В. Ксенофонтова.

2. Материалы и методы

Настоящее исследование основывается на теоретических взглядах Г. В. Ксенофонтова, который в изучении якутского шаманизма отмечает, что дуализм в традиционной культуре якутов связан со сменой культа быка на культ коня, а последующий за ним классово-образующий процесс только усиливает двойственный характер религии. Так автор делит религию на верхний и нижний «этажи», относя к первому господствующую часть, которая пользуется общественным признанием и публичным культом, а ко второму причисляет неофициальную религию народных масс. Белых шаманов причисляет к «верхнему этажу якутской религии», а черных шаманов соответственно относит к «нижнему этажу» [Гоголев 1980: 81]. Исчезновение белых шаманов он связывает с тем, что «якутские тойоны с принятием христианства обязаны ликвидировать свой древний официальный культ» (цит. по: [Гоголев 1980: 81]). Черные шаманы остались в народе потому, что они как служители народной демонологии с трудом поддавались общественному регулированию и сохранились наряду с христианством [Гоголев 1980: 81].

В рамках исследования использован материал, собранный двумя полевыми сезонами в 2022 г. и 2024 г. в Центральной и Вилюйской группе улусов как основных

мест сохранения и распространения традиционной культуры якутов. Сбор материала происходил на национальном празднике *Ысыах*-Олонхо в с. Верхневилуйск (2022), *Ысыах* в г. Вилуйске (2022), а также добавлены материалы 2024 г. этнографической экспедиции в Таттинский улус (внутреннее наблюдение проведенного *алгыс* (благословения) практикующей неошаманкой в с. Ытык-Кюель) [ПМА 2022а; ПМА 2022б; ПМА 2024].

3. Дуалистическая структура якутского шаманизма

3.1. Шаманизм: теоретические аспекты

Две основных точки зрения на шаманизм в академической среде, эссенциализм и конструктивизм, определили и две разных предпосылки его исследования. Первая точка зрения продолжает традиционное эволюционистское видение шаманизма как древней религии, которая возникла на определенной стадии человеческого развития и отражает состояние сознания, предвещающее сознание рационалистическое («предкогнитивное», “*precognitive*” (цит. по: [Хаккарайнен, Штырков 2015: 8]). Вторая базируется на конструктивистском подходе, который дал толчок к размышлениям над этой проблемой в концептуальном русле «изобретения традиции» [Хаккарайнен, Штырков 2015: 8].

Дуалистическая (двойственная) концепция характерна для первоначального простого деления мифологического мышления на добро и зло. Якутский шаманизм имеет черты дуализма, все это отмечалось в трудах дореволюционных и советских исследователей.

Впервые сведения о существовании черных и белых шаманов в якутской среде сообщили участники Второй Камчатской экспедиции. Я. И. Линденау привел другое название якутского белого шамана — *таңара ойууна* «небесный шаман» или «шаман неба» [Линденау 1983: 39]. Но более обстоятельно описание белого шамана дал один из первых якутских этнографов Н. С. Горохов. «Для сношения земных людей с Юрюн Айыы тойоном существуют „ай оюна“, — писал он, — шаманы ай, которые никому

никогда не могут сделать зла... Ай оюна не имеют никакого шаманского костюма... даже бубна, они только благословляют и выпрашивают милость Юрюн Айыы тойона. Ай оюна постоянно обращаются только к Юрюн Айыы тойону, и только в одном случае, когда нужно излечить бесплодие, они обращаются к Маган Сылгылах, или к какому-нибудь другому небожителю, чтобы испросить сына. Ай оюна жертвоприношений не делают, т. е. не режут скотину в жертву, а только могут посвятить ту или иную скотину тому или другому небожителю и тогда на этом животном не работают, берегут и холят его по возможности» [Горохов 1884: 56].

Н. С. Горохов родился и жил на Севере Якутии, в Верхоянске, где до 70-х гг. XIX в. еще сохранялись белые шаманы, «шаманы *айыы*». «Это были, — как отмечает он, — действительно прекрасные люди, кроткие до нежности, безусловно честные и искренне добрые. Глядя на них, трудно было бы усомниться в искренности их веры в свое призвание...» [Горохов 1884: 56].

Разделение шаманства на черное и белое Н. С. Горохов объясняет тем, что якуты делят видимый и невидимый мир на две части: *айыы* — божеское, светлое, чистое и доброе и *абааһы* — дьявольское, алое, нечистое. Человек, скот, полезные животные и растения созданы *айыы*. Все вредное, гадкое, т. е. все, что вредит человеку, — изобретение *абааһы* [Горохов 1884: 56].

Дуализм, проявляемый в якутской религиозной системе, по В. Л. Приклонскому, — это «...и практическая и догматическая стороны их вероучения. С появлением христианских священников в якутской среде, шаманы теряют свой прежний характер священнослужителя» [Приклонский 1891: 65].

В отличие от него С. В. Ястремский полагал, что христианство убило целую категорию жрецов древнего светлого культа якутов, образы которых позже переплелись с христианством [Ястремский 1897: 229]. Он одним из первых более полно описал обряды, связанные с этим культом.

Некоторые дореволюционные исследователи, выявляя черты дуализма в якутских верованиях, объясняли его появление тем, что в этногенезе якутов принимали участие

различные этнические группы, при слиянии которых в одну народность произошло объединение различных мифологических и религиозных систем [Харузина 1909: 171–172].

По мнению В. Ф. Трощанского, разделение шаманства является результатом эволюционного развития первобытной религии. Одно направление ее связано с дальнейшим развитием черного шаманства. Свою высшую форму оно находит в оформлении «религии поклонников Шивы». Якутские верования автор определил как «черную веру», состоящую из верований турецких и монгольских народов [Трощанский 1902: 156–158]. В. И. Иохельсон мотивы дуализма находил в обычае проведения в году двух праздников — в начале лета устраивался *ысыах* как праздник плодородия, а осенью *ысыах* в честь разрушительных сил, злых духов, божеств — «обитателей запада». Поэтому якутской духовной культуре «...характерны дуалистические идеи и поэтический фольклор Западной Азии» [Иохельсон 1895: 17].

В советское время некоторые исследователи считали, что дохристианская религия якутов состоит из двух частей. Так, П. А. Ойунский отделял шаманство от древних религиозных культов предков якутов. Аналогичное мнение высказано известным знатоком якутской этнографии М. М. Носовым [Архив ЯНЦ СО РАН. Ф. 5 Оп. 5. Д. 14. Л. 41].

С. А. Токарев по-разному определял белое шаманство, в частности, как служителей особых светлых божеств. «Сама идея добрых, светлых божеств, — писал он, — отличных от злых духов, возникает сравнительно поздно, как порождение более сложных условий общественной жизни» [Токарев 1986: 171–172].

По мнению Н. А. Алексеева, белые шаманы являлись жрецами племенных божеств *Айыы*. В своей работе автор привел более полное описание всего этого культа. В отличие от черных шаманов при совершении обрядов они обращались к своим божествам как обычные жрецы политеистических религий, не «отправлялись», не «летали» к ним, не впадали в экстаз, не имели духов-помощников. Должны были соблю-

дать ритуальную чистоту, в частности, остерегаться покойников, не общаться с черными шаманами и т. д. [Алексеев 1975: 94].

3.2. Белые и черные шаманы

В якутском шаманизме, как и в алтайском, бурятском, киргизском, известно деление на белых и черных шаманов. В отличие от черного шамана белому шаману запрещается делать зло людям. Считается, что если некоторые из духов белого шамана «съедят» человека, то неизбежно за этим последует наказание, которое он получает от своих небесных покровителей — укорочение его жизненного пути в Среднем мире [Корякин 2004: 18]. У якутов шаманов называли *ойуун*, служителя белого шаманизма называли *айыы ойуун*, черного шаманизма — *абааһы ойуун*, а также известны другие категории шаманов: *сиэмэх ойууна* (букв. ‘Всёпожирающий шаман’), *үөр ойууна* (‘шаман от духов умершего человека, душа которого осталась в Среднем мире, мучающий людей’) [Заболоцкая 2014: 74]. Для посреднической деятельности шаманы призываются свыше особыми духами. По убеждению якутов, шаманы оказывают большую пользу людям, но, обладая большой силой, они могут и наносить вред (вплоть до болезни и смерти) [Попов 1947: 282–283].

По религиозно-мифологическим представлениям якутов призываются шаманы к своему служению духами верхнего, среднего и нижнего миров. При рождении ребенка, предназначенного быть шаманом, духи похищают его *салгын-кут*, *буор-кут*, *ийэ-кут* (три элемента, составляющие душу человека), при этом ребенок не умирает, а отделяется легкой болезнью. Каждая из душ получает особое «воспитание» [Попов 1947: 283].

Как правило, в религиозных представлениях фигурирует образ лиственницы верхнего мира, на которой «воспитываются или возвращаются» души будущих шаманов верхнего мира в определенных отверстиях (дуплах) указанного дерева. Душа ребенка, предназначенного быть шаманом от среднего мира, похищается посыльными того духа, который призывает младенца к шаманскому служению: духа огня, духа

воды, духов лесных зверей и т. д., — и уносятся к большой березе, растущей около северных демонических старух, где также помещается в одном из трех отверстий, в зависимости от степени своего будущего служения на срок от нескольких месяцев до трех лет. По истечению срока «воспитания» душа берется северными старухами и кладется в железную люльку в одной из трех комнат (для знаменитого, посредственного и плохого шаманов соответственно). Душу знаменитого шамана выкармливает грудью старшая северная старуха, посредственных — средняя и плохих — младшая [Попов 1947: 283–284].

Если шаман призывается к служению духами нижнего мира, *салгын-кут* ('воздух-душа') также уносится к северным старухам и воспитывается в железной люлке до трех лет и вскармливается грудью сестер. Затем души шаманов призываются двумя главными образами нижнего мира — *Кыдай Бахсы* (*салгын-кут* воспитывается на огне, впоследствии получают имена шаманов духа огня), *Арсан Дуолай* (злое божество, у которого душа будущего шамана в виде птенца гагары или кукушки претерпевает невыносимые страдания). Через известный промежуток времени (от года до трех лет) духи вынимают птенца из грязи и дают ему подсохнуть на солнце, причем, если шаману суждено быть жестоким, стегают его талинками, отчего птенец превращается в громадную лягушку величиной с юрту [Попов 1947: 284].

По В. Е. Васильеву, белый шаманизм (отраженный в культуре *Айыы*) относился к культу плодородия, связанного с почитанием предков и божеств [Васильев 2000: 13]. По К. Д. Уткину, якутский шаманизм своими корнями уходит в центрально-азиатский и южно-сибирский регионы. Являясь известным знатоком якутского фольклора, исследователь подмечает, что шаманизм в своем первоначальном облике имеет женский образ. Так, распространены и сохранены легенды о культуре удаганок, которыми являлись преимущественно женщины (*Айыы удагана*), до сих пор в этнической памяти народа сохранился страх перед удаганками

и их силой, мощной по сравнению с шаманами-мужчинами [Уткин 1994: 9–10].

Кроме того, дуалистическая концепция отражена в функциях шаманов. *Айыы ойуун* (белый шаман) обращался напрямую к божествам *Айыы*, тогда как черный шаман вообще не должен был присутствовать во время *алгыс* (обряда благопожелания), кроме того, ему нельзя было находиться на месте, где проводится *ысыах* (*тусулгэ*). По мнению Н. А. Алексеева, это связано с тем, что культы белого и черного шаманизма имеют разное происхождение [Алексеев 1975: 81]. В данном случае исследователь выделяет южное происхождение белых шаманов, как и культа *айыы*.

Белые шаманы действовали только в светлое время суток и проводили бескровные жертвоприношения во благо людей. Одним из основных видов деятельности белых шаманов является испрашивание души-кут ребенка у *Айыыһыт*. Обязательными атрибутами данного обряда являются: столб (*тобус уостаах тойон дуурай сэргэ* — прочный господин-столб с девятью надрезами), олицетворяющий Вселенную, на заостренной верхушке которого располагается изображение летящего сокола (*кыырт-мохсобол*), гнездо (олицетворяющее Средний Мир), расположенное вокруг третьего надреза столба посредством длинных прутьев, связанных по концам, получается подобие шара; белые конские волосы (*сиэл*) и изображение жаворонка кладутся внутри гнезда. Нижний конец столба покоится на крестообразно положенных изображениях щуки и окуня. Также активно используются сосуды с маслом (олицетворяющие изобилие и счастье для будущего новорожденного). На современном этапе в местах празднования *Ысыах айыы ойуун* является главным адресатом *алгыса* (благопожеланий) во время открытия праздника. *Алгыс* произносится во время кормления огня бескровными жертвоприношениями (молочной пищей — ритуальным кумысом), который является связующим звеном с верхним миром *Айыы*, сегодня обязательность данного обряда кумысокропления земли и кормление огня являются центральным моментом на праздниках *Ысыах*,

к примеру, на местных празднованиях *Ысыах* в 2022 г. в г. Вилюйске [ПМА 2022a] и на *Ысыах*-Олонхо в 2022 г. в с. Верхневилюйске [ПМА 2022b].

Абааны ойуун (черный шаман) отличался тем, что действовал в темное время суток, зачастую используя в своих обрядах кровавые жертвоприношения. Отличительная особенность данного шаманизма заключалась в том, что в своих камланиях шаманы были способны перемещаться в нижний мир и напрямую воздействовать на злых духов, к примеру, в представлениях якутов злые духи являлись причиной многих болезней как физиологического, так и ментального плана.

Отражение дуализма можно рассмотреть и в лечебной практике якутского шаманизма. Так шаман при лечении пользуется различными средствами и способами воздействия на больного, которые можно характеризовать как ментальные и физические. К ментальным воздействиям шамана относятся медитации, пение, танцы, гипноз и другие ритуальные практики, способные ввести сознание человека в специфическое состояние, которое способствует исцелению больного. Физические воздействия шамана характеризуются использованием различных растений и трав, каких-либо магических предметов, массажа и других ритуальных действий, влияющих уже на физическое самочувствие. Так, по мнению В. Е. Гориневича, шаманы в своей лечебной практике используют две группы средств: это заклинания-внушения и средства вещественные [Григорьева 1996: 112]. Под «средствами вещественными» В. Е. Гориневич подразумевает использование материальных предметов в процессе лечения или личное физическое воздействие шамана на больного. В группу средств «заклинания-внушения» автор относит воздействие шамана на психику больного при камлании, во время которого производит сильное впечатление: в результате у человека происходит облегчение симптомов или полное выздоровление от болезней, возникших на нервной почве [Григорьева 1996: 112].

В якутском шаманизме целительскую практику проводили шаманы-целители *эм-*

чит ойууннар. Как свидетельствует С. А. Токарев, в документах XVII в. довольно часто можно наткнуться на сведения о шаманском лечении, в особенности в судебных [Токарев 1940: 43]. Так, например, сведения от 1668 г. содержат данные о жалобе якута на то, что шаман требует слишком высокую плату за лечение его отца [Токарев 1940: 43].

В своем исследовании Я. И. Линденау приводит сведения о болезнях и о методах их лечения у якутов и также замечает, что «при всех болезнях и их лечении якуты призывают шамана и просят его о помощи» [Линденау 1983: 34]. Кроме того, автор описывает камлание шамана, направленное для исцеления больного: «...шаманы пользовались большим авторитетом у населения. Вооруженный бубном, одетый в тяжелый пудовый кожаный плащ с бесчисленными железными подвесками, шаман, позванный лечить больного, всю ночь пляшет и поет свои заклинания, пением и ударами бубна вызывая своих духов-помощников или отправляясь сам незримо в верхний или нижний мир, в царство духов» [Линденау 1983: 39–40].

Считается, что в лечебной практике якутских шаманов существует 6 основных методов лечения: *суллэрдээһин* — наивысшее достижение шамана, включающее в себя практику бесследной операции, шаман губами или через трубчатую кость стерха высасывал болезни, рыбы кости, стрелы и пули из организма; *бохсуруйуу* — метод, где высосанную во время камлания болезнь заключают в плотно закрывающийся сосуд и прячут его в дупле дерева или закапывают в землю; *дьалбыйыы* — суть метода в том, что шаман, при помощи своего духа или духов, уводит и изгоняет из организма больного его болезни; исцеление *кут* — метод, где шаман во время лечения больного при камлании либо выпрашивает, либо отбирает у злых духов его *кут*, а затем обратно впускает в тело человека, и тот выздоравливает; *илбийиши* — проведение шаманом ритуального массажа и заклинаний; психотерапевтическое воздействие — это методы воздействия на больного, им пользуются шаманы, которые обладают даром гипноза и поэта.

Соответственно, к физическим средствам воздействия можем отнести *сул-лэрдээһин*, *дьалбайыы* и *илбийиһи*, к ментальным средствам воздействия — *бох-суруйуу*, исцеление *кут*, психотерапевтическое воздействие (гипноз, камлание, заклинания). Таким образом, дуализм в шаманской практике у якутов находит свое воспроизведение в их лечебной практике, которое характеризуется двумя группами средств воздействия.

3.3. Дуализм в религиозных представлениях якутов

В поздний период христианство не могло объяснить многих явлений, которые, как казалось, было делом рук *абааһы* (злых духов), например, о различных привнесенных болезнях. Еще В. И. Иохельсон писал, что для якута священник — это и духовное лицо, могущее принести ему вред с помощью невидимых сил, с которыми имеет сношения, и начальник [Иохельсон 1895: 17]. Когда молитва священника не помогает, он обращается к шаману. Отмечалось также, что на христианство якут перенесет свои прежние языческие воззрения на божество как на деятеля, который постоянно вмешивается в человеческие дела, который то и делает, что причиняет людям в материальном смысле добро и зло, и последнее больше, чем первое, поэтому необходимо его умиловать [Иохельсон 1895: 17].

Образ христианского бога часто заменялся в религиозных представлениях народа главным демиургом политеистического культа *Айыы* (культ светлых божеств) — *Үрүн Аар Тойон*. Культ *Айыы* в свою очередь несет элемент южного скотоводческого пласта, которому посвящались бескровные жертвоприношения лошадей в виде молочной и мясной пищи для большего изобилия конного скота и рода (женским божества *Айыыһыт* и *Иэйэхсит*) во время массовых родовых празднеств (*Ысыах*) [Алексеев 1975: 82].

Двойственный образ карающего божества до сих пор вызывает споры в трудах многих этнографов — *Улуу Тойон* (Великий Господин) или *Уолугун төрдүгэр улар саба урдаах, уолуйан уһуктар Улуутуйар Улуу*

Тойон (с наплывом под кадыком, величиною в глухаря, пробуждающийся со вздрагиванием, гордый и великий господин). Считался ужасно грозным и великим божеством, которое больше карает, чем делает добро. А. Е. Кулаковский, опираясь на труды предшественников, отмечает, что у *Улуу Тойона* образ *абааһы* (злого духа) сформировался в поздний период, настаивая на том, что изначально он относился к категории *айыы*. Данное божество изначально совершило великое добро по отношению к людям — подарило *сур*, огонь и шаманов [Кулаковский 1979: 18]. Уже в первых дореволюционных источниках первой половины XVIII в. *Улуу Тойон* фигурирует как злой дух верхних божеств или «отвратительный господин» [Линденау 1983: 52]. Согласно ранним *олонхо* (эпосам), указанный образ является главой злых духов *абааһы* Верхнего мира [Борисова, Данилов 2021: 16].

Нами гипотетически представляется возможным связать указанный образ с концепцией отставного бога, о которой писал Г. В. Ксенофонов [Ксенофонов 1929: 11–12], опираясь на гипотезу знатока якутской мифологии, традиций А. Е. Кулаковского [Кулаковский 1979: 18–19]. Возможно, что *Улуу Тойон* имел настолько сильный образ в религиозных представлениях первых племен, повлиявших на формирование духовной традиционной культуры якутов (хоро, туматы), что стал фигурировать как основной образ культа быка и ворона в якутской культуре, ведь согласно фольклорному самосознанию саха, помимо двух прародителей Эллэя и Омогоя был и третий: старик Улуу-Хоро (см.: [Ушницкий 2012: 215]). Авторы XVIII в. И. Эверс и С. Горновский, на которых, собирая материалы якутского фольклора, ссылается В. В. Ушницкий, сделали вывод о переселении отдельных племен с юга на Среднюю Лену. По их данным, первыми прибыли хоро и туматы, только после них саха и ураанхай, затем багулинцы и баягантайцы (см.: [Ушницкий 2012: 215–216]).

Так хоролоры прибыли верхом на быке: «Человек по имени Улуу Хоро, имевший много людей и скота, появился с востока. Он сам переселялся верхом на быке. Пере-

ходя через Алдан, Амгу, Татту, он дал им имя. Остановился в Борогонском улусе, в озере Мюрю» [Ушницкий 2012: 216]. Согласно этим данным, название реки Татта происходит от возгласа Улуу Хоро: «Ээт таттай». До сих пор это слово — оберег Таттай сохраняется у хоринцев Забайкалья и произносится с той же интонацией, при крайнем удивлении, радости, ужасе (см.: [Ушницкий 2012: 216]).

В шаманской практике необходимы дихотомические элементы двух начал — как мужского, так и женского. Как правило, шаманы *айыы* относят истоки шаманской практики к женскому культу «удаганок», считалось, что каждая женщина имеет «волшебство» слова, и ее связь еще в древних матрилокальных сообществах с землей (отразилось в культуре горшечниц) и огнем только подтверждало это. Поэтому якутские шаманы могли камлать не только в своем профессиональном костюме, но также и в женском одеянии — шубе и шапке *дьабака*. Женский костюм надевают «белые» шаманы (*айыы* шаманы), устанавливающие силой заклинания контакт только с небесными божествами *айыы* и духами — *иччи* [Данилова 2019: 18].

Летом 2024 г. мы наблюдали *алгыс* удаганки («неошаманки»), которая считала, что очень важно во время церемонии женщинам быть в платьях, так как боги *айыы* видят некими тенями и, не разглядев силуэт женщины, могут ошибиться благопожеланиями [ПМА 2024].

Во время празднования *Ысыах*, согласно праздничному этикету, вкусить кумыс гостям, участникам праздника разрешалось только после основного обряда — обращения к божествам и духам с молением, *алгысчыт* или *айыы ойуун* проводит обряд *алгыс* со своими помощниками (*битииситамы*), чистыми и непорочными юношами и девушками, находившимися во время обряда по обе стороны, они должны были олицетворять некие божественные черты; данная традиция до сих пор проводится при открытии праздника *Ысыах*, например, это наблюдалось при открытии праздников *Ысыах* в 2022 г. [ПМА 2022а; ПМА 2022б]. Такое разделение мы наблюдали, будучи участниками обряда *алгыс* от неошаманки

в с. Ытык-Кюель Таттинского улуса в этом полевом сезоне. Она разделила пространственную часть на мужскую — правая сторона и женскую — левая сторона (лицом к востоку, к солнцу) [ПМА 2024].

4. Выводы

Дуалистическая концепция с элементами дихотомии является основной особенностью якутского шаманизма. Несмотря на целый пласт этнографических трудов, в историографии до сих пор наблюдается актуальная проблема разделения и противопоставления на «белый» и «черный» шаманизм, который прочно вошел в теоретический базис этнографов XIX–XX вв. Однако мы приходим к тому, что такое разделение якутского шаманизма на черное и белое не может охватить всю полноту такого феномена в традиционной культуре якутов. Поэтому предлагается взять за основу теоретическую методологию — концепцию этнографа Г. В. Ксенофонтова как одну из наиболее объективных вариаций трактовки такого явления, как шаманизм.

Определенная двойственность отражается и в религиозно-мифологических представлениях народа, даже в таких вопросах, как «воспитание» душ будущих шаманов, оно было не одним и тем же, каждый из них строго отличался от другого в первую очередь по тому, шаманом какого из трех миров должен был быть, насколько сильным и известным. Отличалось все так же и тем, что «воспитанием» душ занимались «жители» отдельного из миров, будущих добрых (белых) шаманов растили и откармливали душами своих родичей и душами их скота, тогда как будущих злых (черных) шаманов, испытывающих сильные страдания, кормили исключительно душами своих родичей и различными гадами [Попов 1947: 284].

Огромную роль шаманы играют в этномедицинской практике якутского народа, где их сила признавалась народом, в результате чего они были отнесены в ранг профессиональных лекарей в традиционной медицине якутов. Отражение дуализма в якутском шаманизме проявляется и в их лечебной практике, через применение различных средств и методов воздействия на боль-

ного, которые можно охарактеризовать как ментальные и физические методы лечения. Так, к физическим средствам воздействия шаманов во время лечения относятся методы *суллэрдээһин*, *дьалбайыы* и *илбийиһи*, а к ментальным средствам воздействия — *бохсуруйуу*, исцеление *кут*, психотерапевтическое воздействие.

Источники

Архив ЯНЦ СО РАН — Архив Якутского научного центра Сибирского отделения РАН.

Полевые материалы авторов

ПМА 2022а — Местное празднование *Ысыах* (Республика Саха (Якутия), Вилюйский улус, г. Вилюйск. Запись 2022 г.).

ПМА 2022б — *Ысыах*-Олонхо (Республика Саха (Якутия), Верхневилуйский улус, с. Верхневилуйск. Запись 2022 г.).

ПМА 2024 — Обряд Алгыс (Республика Саха (Якутия), Таттинский улус, с. Ытык-Кюель. Запись 2024 г.).

Литература

Алексеев 1975 — Алексеев Н. А. Традиционные религиозные верования якутов в XIX – начале XX в. Новосибирск: Наука, Сиб. отделение, 1975. 210 с.

Алексеев 1994 — Алексеев Н. А. Якутская мифология и шаманы // Гуманитарные науки в Сибири. 1994. № 3. С. 59–63.

Алексеев 2008 — Алексеев Н. А. Этнография и фольклор народов Сибири / отв. ред. Е. Н. Кузьмина; авт. предисл.: Е. Н. Кузьмина, Е. Н. Романова, А. А. Бадмаев; Новосибирск: Наука, 2008. 492 с.

Борисова, Данилов 2021 — Борисова А. А., Данилов И. А. Образ Улуу Тойона в эпосе олонхо: функция и семантика (по материалам ранних записей) // Вестник Чувашского государственного педагогического университета им. И. Я. Яковлева. 2021. № 4(113). С. 10–18. DOI: 10.37972/chgpu.2021.113.4.002

Васильев 2000 — Васильев В. Е. Древние истоки культа божеств Айыы (по фольклорно-этнографическим материалам саха): автореф. дис. ... канд. ист. наук. Улан-Удэ, 2000. 20 с.

Гоголев 1980 — Гоголев А. И. Историческая этнография якутов (вопросы происхождения якутов): учебное пособие. Якутск: ЯГУ, 1980. 91 с.

Необходимо отметить, что вместе с дуализмом присутствует дихотомия «мужское – женское» не только во всей пространственной профанной и сакральной мир-системе, но и в религиозно-мифологических представлениях через обряды жизненного цикла в камланиях белых и черных шаманов.

Sources

Yakut Scientific Center (SB RAS), Archive.

Authors' Field Data

Ysyakh. Local celebrations. Rec. in Vilyuysk (Vilyuysky District, Sakha Republic, Russia), 2022. (In Russ. and Yak.)

Ysyakh-Olonkho. Rec. in Verkhnevilyuysk (Verkhnevilyuysky District, Sakha Republic, Russia), 2022. (In Russ. and Yak.)

Algys (rite). Rec. in Ytyk-Kyuyol (Tattinsky District, Sakha Republic, Russia), 2024. (In Russ. and Yak.)

References

Alekseev N. A. Traditional Religious Beliefs of Yakuts, Nineteenth to Early Twentieth Centuries. Novosibirsk: Nauka, 1975. 210 p. (In Russ.)

Alekseev N. A. Yakut mythology and shamans. Humanitarian Sciences in Siberia. 1994. No. 3. Pp. 59–63. (In Russ.)

Alekseev N. A. Ethnography and Folklore of Native Siberians. E. Kuzmina (ed.), E. Romanova, A. Badmaev (foreword). Novosibirsk: Nauka, 2008. 492 p. (In Russ.)

Borisova A. A., Danilov I. A. The image of Uлуу Toyon in the Olonkho epos: Function and semantics (Based on the materials of early records). *I. Yakovlev Chuvash State Pedagogical University Bulletin*. 2021. No. 4 (113). Pp. 10–18. (In Russ.) DOI: 10.37972/chgpu.2021.113.4.002

Vasilyev V. E. The Cult of Aiyy Deities and Its Ancient Origins: Analyzing Sakha [Yakut] Folklore and Ethnographic Materials. Cand. Sc. (history) thesis abstract. Ulan-Ude, 2000. 20 p. (In Russ.)

Gogolev A. I. Yakut Historical Ethnography: Issues of Origins [and Genesis]. Coursebook. Yakutsk: Yakutsk State University, 1986. 91 p. (In Russ.)

- Горохов 1884 — *Горохов Н. С.* Приложение К сказке «Юрюнг-Уолан» // Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества. Т. 15. Иркутск, 1884. № 5–6. С. 43–60.
- Григорьева 1996 — *Григорьева А. М.* Народное врачевание в Якутии (XVII–XX вв.). М.: [б. и.], 1996. 184 с.
- Данилова 2019 — *Данилова Н. К.* «Дом — мир женщины»: сакральные женские образы и феминная символика в жизненном пространстве народа саха // Человек и культура. 2019. № 3. С. 13–27. DOI: 10.25136/2409-8744.2019.3.29870
- Заболоцкая 2014 — *Заболоцкая П. Е.* Комплексный подход к изучению шаманских мистерий-камланий и атрибутов шаманства в современное время (на материале культуры якутов) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2014. № 12 (50): в 3 ч. Ч. II. С. 73–80.
- Иохельсон 1895 — *Иохельсон В. И.* Заметки о населении Якутской области в историко-этнографическом отношении. СПб.: Тип. С. Н. Худякова, 1895. 37 с.
- Корякин 2004 — *Корякин П. И.* Белый шаман — Аан Намысын алгысчыт [электронный ресурс] // Журнал «Илин». 2004. № 2 (37). URL: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/2004-2/19.htm> (дата обращения: 08.10.2024).
- Ксенофонтов 1937 — *Ксенофонтов Г. В.* Ураангхай-сахалар: очерки по древней истории якутов. Т. 1. Иркутск: ОГИЗ; Восточносибирское областное изд-во, 1937. 572 с.
- Кулаковский 1979 — *Кулаковский А. Е.* Научные труды (= Научнай үлэлэр). Якутск: Якут. кн. изд-во, 1979. 494 с.
- Линденау 1983 — *Линденау Я. И.* Описание народов Сибири (первая половина XVIII века): Историко-этнографические материалы о народах Сибири и Северо-Востока. Магадан: Кн. изд-во, 1983. 176 с.
- Попов 1947 — *Попов А. А.* Получение «шаманского дара» у виллойских якутов // Труды Института этнографии им. Н. Н. Миклухо-Маклая (Москва). 1947. Т. 2. С. 282–293.
- Приклонский 1891 — *Приклонский В. Л.* Три года в Якутской области // Живая старина. 1891. Вып. 4. С. 43–66.
- Семенова 2006 — *Семенова Л. Н.* Эпический мир олонхо: пространственная организация и сюжетика. СПб.: Петербургское востоковедение, 2006. 232 с.
- Gorokhov N. S. The Tale of Yuryung-Uolan: A supplement. *Izvestiya VSOIRGO*. 1884. Vol. 15. No. 5–6. Pp. 43–60. (In Russ.)
- Grigoryeva A. M. Folk Medicine in Yakutia, Seventeenth to Twentieth Centuries. Moscow, 1996. 184 p. (In Russ.)
- Danilova N. K. “Home – woman’s world”: Sacred female images and feminine symbology in the life of Sakha people. *Man and Culture*. 2019. No. 3. Pp. 13–27. (In Russ.) DOI: 10.25136/2409-8744.2019.3.29870
- Zabolotskaya P. E. Comprehensive approach to studying mysteries – shamanic rituals and attributes of shamanism in modern times (By the material of the Yakuts’ culture). *Manuscript*. 2014. No. 12 (50). In 3 pts. Pt. 2. Pp. 73–80. (In Russ.)
- Jochelson V. I. Notes on the Population of Yakutsk Oblast in Historical and Ethnographic Perspectives. St. Petersburg: S. Khudyakov, 1895. 37 p. (In Russ.)
- Koryakin P. I. White shaman — Aan Namysyn algyschyt. *Ilin*. 2004. No. 2 (37). Available at: <https://ilin-yakutsk.narod.ru/2004-2/19.htm> (accessed: 8 October 2024). (In Russ.)
- Ksenofontov G. V. The Uraanghai-Sakhalar: Essays on Ancient Yakut History. Irkutsk: OGIZ, East Siberian Oblast Publ., 1937. Vol. 1. 572 p. (In Russ.)
- Kulakovskiy A. E. Scholarly Writings. Yakutsk: Yakutia Book Publ., 1979. 494 p. (In Russ. and Yak.)
- Lindenau J. J. Describing Siberia’s Peoples (Early to Mid-Eighteenth Century): Historical and Ethnographic Materials from across Siberia and Northeast Russia. Magadan: Magadan Book Publ., 1983. 176 p. (In Russ.)
- Popov A. A. Yakuts of Vilyuysk District: Receiving ‘shamanic powers’. In: Transactions of the Miklukho-Maklai Institute of Ethnography. Vol. 2. Moscow, 1947. Pp. 282–293. (In Russ.)
- Priklonsky V. L. Three years in Yakutsk Oblast. *Zhivaya starina*. 1891. Vol. 4. Pp. 43–66. (In Russ.)
- Semenova L. N. Olonkho and Its Epic World: Spatial and Plot Structures. St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 2006. 232 p. (In Russ.)

- Токарев 1940 — *Токарев С. А.* Очерки истории якутского народа. М.: Гос. соц.-эк. изд-во, 1940. 248 с.
- Токарев 1986 — *Токарев С. А.* Религия в истории народов мира. 4-е изд., испр. и доп. М.: Политиздат, 1986. 576 с.
- Трошанский 1902 — *Трошанский В. Ф.* Эволюция черной веры (шаманства) у якутов. Казань: Типо-литография Имп. ун-та, 1902. 228 с.
- Уткин 1994 — *Уткин К. Д.* Истоки якутского шаманизма. Междунар центр хомус (варган) Якутск: Ситим, 1994. 19 с.
- Ушницкий 2012 — *Ушницкий В. В.* По следам предков саха в Центральной Азии и в юге Сибири. Saarbrücken: LAP (Lambert Academic Publishing), 2012. 312 с.
- Хаккарайнен, Штырков 2015 — *Хаккарайнен М. В.* Шаманизм. *Штырков С. А.* Религиозная жизнь Сибири и Дальнего Востока: Материалы к учебнику / науч. ред. Н. Б. Вахтин. СПб.: Нестор-История, 2015. 68 с.
- Харузина 1909 — *Харузина В. Н.* К вопросу о почитании огня // *Этнографическое обозрение*. 1909. № 3–4. С. 68–205.
- Чиркова 2002 — *Чиркова А. К.* Шаман: Жизнь и бессмертие. Якутск: Сахаполиграфиздат, 2002. 272 с.
- Ястремский 1897 — *Ястремский С. В.* Остатки старинных верований у якутов // *Известия Восточно-Сибирского отделения Русского географического общества*. 1897. Т. 28. № 4. С. 226–255.
- Tokarev S. A. Essays in Yakut History. Moscow: State Socioeconomic Publishing House, 1940. 248 p. (In Russ.)
- Tokarev S. A. Religion in National Histories. Fourth edition, rev. & suppl. Moscow: Politizdat, 1986. 576 p. (In Russ.)
- Troshchansky V. F. Evolution of the Black Faith (Shamanism) among Yakuts. Kazan: Imperial Kazan University, 1902. 228 p. (In Russ.)
- Utkin K. D. Origins of Yakut Shamanism. Yakutsk: Sitim, 1994. 19 p. (In Russ.)
- Ushnitsky V. V. Ancestors of the Sakha: Tracing Their Routes in Central Asia and Southern Siberia. Saarbrücken: LAP, 2012. 312 p. (In Russ.)
- Hakkarainen M. V. Shamanism. Shtyrkov S. A. Religious Life in Siberia and the Far East. Coursebook supplement. N. Vakhtin (ed.). St. Petersburg: Nestor-Istoriya, 2015. 68 p. (In Russ.)
- Kharuzina V. N. More on fire worship. *Etnograficheskoe obozrenie*. 1909. No. 3–4. Pp. 68–205. (In Russ.)
- Chirkova A. K. Shaman: Life and Immortality. Yakutsk: Sakhapoligrafizdat, 2002. 272 p. (In Russ.)
- Yastremsky S. V. Vestiges of ancient beliefs among Yakuts. *Izvestiya VSOIRGO*. 1897. Vol. 28. No. 4. Pp. 226–255. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1066–1075, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 394/395 (517.3)
 DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

Обряд *сэтэр татаха* и культ почитания духов воды у монгольских народов

Суржана Борисовна Миягашева¹

- ¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 кандидат исторических наук, научный сотрудник
 0000-0002-3646-0370. E-mail: [surjana\[at\]yandex.ru](mailto:surjana[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024
 © Миягашева С. Б., 2024

Аннотация. *Введение.* Статья посвящена изучению архаических пластов традиционной культуры монгольских народов, основанных на почитании воды, водных источников и, в частности, анализу культа водных духов. *Целью* исследования является описание ритуала почитания хозяина воды Луусан-хана с посвящением ему жертвенного животного *сэтэр*. *Материалы и методы.* Достижение данной цели осуществляется посредством использования этнографических и фольклорных источников бурят и монголов. Основным источником послужил текст рукописи на монгольском языке под названием «Luus-un qaγan-u seter-ün sudur bui» («Сутра *сэтэра* Луусан-хана») из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Результаты.* В статье проведен источниковедческий анализ манускрипта, текст которого впервые вводится в научный оборот. Исследована семантика обряда *сэтэр татаха* и его элементов, определены мотивы обменов и умилостивлений во время поклонения воде и водным хозяевам, установлены мифоритуальные параллели культа почитания воды с традиционными мировоззрениями тюрко-монгольских народов. Определено, что с точки зрения своего назначения данный обрядовый текст позволяет понять основные направления развития бурятских ритуальных практик конца XIX – начала XX в. *Выводы.* Выявлено, что обряд *сэтэр татаха* входил в круг ритуального комплекса бурят и имел большое значение для хозяйственной деятельности скотоводов. Установлено, что исследуемый письменный источник относится к ритуальным текстам синкретического характера, предназначенным для совершения религиозно-бытовых культов и практик, среди которых одним из уникальных и редких является культ почитания водного покровителя Луусан-хана.

Ключевые слова: моление у водоемов, буддийский ритуал, духи-хозяева воды, символика, водные лошади, культ нагов

Благодарность. Статья подготовлена в рамках государственного задания по проекту «Письменные традиции народов Байкальского региона в контексте историко-культурного наследия России и Внутренней Азии» (номер госрегистрации: 121031000263-3).

Для цитирования: Миягашева С. Б. Обряд *сэтэр татаха* и культ почитания духов воды у монгольских народов // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1066–1075. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

The Rite of *Seter Tatak*h and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples

Surzhana B. Miyagasheva¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)
Cand. Sc. (History), Research Associate

 0000-0002-3646-0370. E-mail: surjana[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Miyagasheva S. B., 2024

Abstract. *Introduction.* The article deals with archaic layers of Mongolic traditional cultures — worship of water, water sources and bodies — to specifically analyze the cult of water spirits. *Goals.* The study seeks to describe the rite of venerating the water master Luusan Khan through dedicating a sacrificial animal referred to as ‘seter’. *Materials and methods.* To facilitate this, the work shall address a variety of ethnographic and folklore sources of the Mongolic peoples. Still, the main source herein be the Mongolian-language manuscript titled ‘*Luus-un qayan-u seter-un sudur bui*’ (‘Sutra of Seter [Offering] for Khan of the Luus’) and housed at the Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS). *Results.* The article provides a source analysis of the manuscript, its text being newly introduced into scientific circulation. It attempts an insight into the semantics of *setertatak*h and its elements, identifies certain motifs of exchange and propitiation traced in the worship of water and water masters, and delineates some mythological parallels between the water cult practice and traditional worldviews of Turko-Mongols. The ritual of animal dedication was aimed at appeasing the master of water, the animal be a prominent one with certain qualities and signs. In return, the addressee was expected to take care of the involved humans and their livestock, bestow protection, longevity, and various benefits. The consecrated animal was hence considered the property of the water spirit, and had to be ritually clean. It was endowed with sacred powers and believed to contain the life force of livestock. The paper resumes with due regard of its purpose, the ritual text helps us understand key development directions of Buryat ritual practices throughout the late nineteenth and early twentieth centuries. *Conclusions.* The work reveals that the rite of *setertatak*h was part of the Buryat ritual agenda believed of utmost importance for economic activities of livestock breeders, since it was meant to deliver to Luusan Khan — requests for juicy grass, health, fertility of humans and animals. It is also established that the examined written source clusters with essentially syncretic Buryat ritual texts for religious and everyday cults and practices, a unique and rare one of the latter being that of the water master Luusan Khan.

Keywords: prayer at waterbodies, Buddhist ritual, master spirits of water, symbolism, water horses, Naga cult

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project no.121031000263-3 ‘Scriptural Traditions of Baikal Peoples in the Context of Historical and Cultural Heritage of Russia and Inner Asia’.

For citation: Miyagasheva S. B. The Rite of Seter Tatak and the Cult of Water Spirits among the Mongolic Peoples. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1066–1075. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1066-1075

1. Введение

Сакрализация воды как отдельный культ испокон веков присутствует у монгольских народов. В традиционной религиозной культуре монголосферы присутствовали отдельные *эдзены* (духи-хозяева) рек, водоемов и водных пространств — *Усны лусуд* (монг.), *Уна Лосон*, *Уна Лусан* (бурят.), *Усун*

хадын эзэн (калм.), которые почитались как хозяева рыб и духи речного промысла [Абаева 2022: 264].

Культ почитания воды и водных духов монгольских народов достаточно освещен с исторической и этнографической точек зрения в научных трудах М. М. Содномпиловой, С. Ю. Неклюдова, Л. С. Дампиловой,

Л. Л. Абаевой, Э. М. Цыденова [Содномпилова 2009; Неклюдов 2017; Неклюдов 2019; Дампилова 2017; Абаева 2022; Цыденов 2012] и других.

Описание традиционных представлений бурят-шаманистов, у которых был широко развит персонифицированный пантеон почитания водной сферы и рыбного промысла *Унан хат*, приводится в работах М. Н. Хангалова, А. А. Бадмаева [Хангалов 2021; Бадмаев 2018] и других исследователей.

Буддийская интерпретация культа воды затрагивается в работах Р. Небески-Войцковича [Nebesky-Wojkowitz 1993], О. Н. Намжилова [Намжилов 2022].

Ламы широко практиковали включение в буддизм тех или иных шаманских культов, поэтому культ почитания воды и водных духов в основном входит в круг ритуальных почитаний земли *сабдагов* и *луусад*. В буддизме *луусад* — это божества водной стихии, на санскрите именуемые *наги*, по легенде они обитают глубоко под землей. Считается, что они могут наслать различные болезни, напасти, град, наводнения и засуху. В связи с этим существует специальный календарь, в котором расписывают дни ритуальных подношений нагам [Намжилов 2022: 216–217]. В обрядовой практике лам существуют различные формы проведения ритуальных молебнов почитания водных духов, такие как моления на *обоо*, ритуал *луусад тахил*, обряд воскурения *сан*, обряд *сэтэрлэх*, обряд подношения *балин* и *торма* в честь хозяев воды. Сохранились различные ритуальные тексты на тибетском и монгольском языках, описывающие их проведение, однако особый интерес для изучения подобных обрядов представляет рукопись на монгольском языке, именуемая «Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui» («Сутра *сэтэра* Луусан-хана») из фондов Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (ЦВРК ИМБТ СО РАН) [Luus-un: Л. 1r–3r]. Подобные рукописные манускрипты являются оригинальными по своему содержанию, так как имеют вариативность и отражают локальные традиции. Поэтому введение в научный оборот отдельных образцов буддийских сочинений, определяющих специфику

бурятских обрядовых сочинений в общем контексте тибето-монгольской традиции, является весьма актуальным.

2. Описание письменного источника

В ЦВРК ИМБТ СО РАН в составе фонда М-II под инвентарным № 498 хранится манускрипт, именуемый «Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui», лл. 1r–3r [Luus-un: Л. 1r–3r]. Текст выполнен на бумаге российского производства формата потхи, имеет размеры 10 x 34 (8,5 x 29,5) см. Титульное название прописано на монгольском языке, колофон отсутствует. Письменный источник выполнен черными чернилами, слова местами подчеркнуты красными чернилами, пагинация обозначена монгольскими цифрами на левой стороне листа [Annotated catalogue 2006: 64].

Приведем транслитерацию текста.

(f. 1r) Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui.
f. 1v. om-a-a huu. yurban-ta // huu ene edür-e bi kiged yogaçari ba. ed-ün tegüsüsen öglige-yin ejen-i. sakin ibigegçi luus-un qayan burqan-i urin jalamui. ene takil-un orun-dur ögede bolun soyury-a. ene edür-e öglige-yin ejen-ü takil-un ene orun-dur luus-un qayan burqan ögede bolun soyury-a // erdeni-yin qayan bisman tngri ed-ün tngri. amin nasun-u urtu bolayaçi sakiyulsun luus-un qayan burqan-i urin jalamui. ene takil-un orun-dur ögede bolun soyury-a. öglige-yin činü ejen bi eyimü neretü teyimü jil-dü. öçüken mayu kümün bi činü yerüngki sitügen boluysan luus-un qayan burqan-dur eyimü jisütü edün mal-iyar nerelen bariju seter tatan jalbariju barin mörgümü. edün mayu-yin öglige-yin ejen-i edür-ün çay-tur. qarayul bolу-a. šüni-yin çay-tur sakiyulsun bolу-a. sayin-luy-a ucirayul.
(f. 2r) mayui-aça jayilayul. ünükü бүгүдөйин насун-и немегүл. jalaуу бүгүдөйин çoy-i delgeregül-ün ibegen soyury-a. ideküi amandur idegen ed-i elbeg bolу-a. unaqui alan-dur morin-i elbeg bolу-a. küsegsen küsel-i ülemji öggün soyury-a. köke jisütü kölge činü luus-un qayan burqan-dur seter tatan mörgün bariba. ene sitün bariysan-iyar bögesü-tü terigün-i minu бүтүн болу-a. бүрилекүи амин-и мину бүтүн batu möngke bolу-a a-a. busuraqui bayuraqui sülde-i minu çoy jibgulang-tai bolу-a-a. ene edür-e luus-un qayan burqan-dur seter tatan bariysan adayusun minu sürüg-ün dotur-a yabuqui-

dur jaγun adayusun-i erkin bolγ-a. mingγan adayusun mal-i čimeg bolγ-a. luus-un qaγan burqan sakiγulsun-i ene mori-yi sakin soyury-a a-a γayiqamsiy-tu ene edür-e uquγantu degedü morin erdeni-yin toluyai üндүр boluγsan-iyar sakiγulsun-u čari üндүр boluγsan. dörben türüyün (f. 3v)-iyer γajar giskigsen-iyer γajar-un yisün ada-yi doruyči darumui. üsün inü eldeb erdenis. dayun inü aray-a-yin dayun. qangsiyar inü belegen-ün qangsiyar qoyar nidün inü nara saran qoyar bui. eber sikin küdüleküi inü onisun. ulayan kele inü kilbelgen metü. amanača γaraqui ayur inü budang metü. ingčayaqui dayun inü tngri-yin dayun metü. del segül inü kiib janggiy-a baris irbis eldeb utasu egülen toytaγsan metü. dörben kül γajar giskigsen-iyer qamuy qour-a tan-i darun giskibe. yeke dayun γaruγsan-iyar qourluγči atan-un toluyai qaγalumui. eldeb jüil kiib oγusur-iyar čaγan ösükei-tü köke mori-yi luus-un qaγan burqan-dur seter tatan bariba. usun neretü köke önggetü morin-i ed-ün sitügen luus-un qaγan (f. 3r)-dur sitün tataba. ene sitün tataγsan-iyar amin nasun uratu boltuyai. buyan kisig nemetügei. busu jar ebedčün taqul ariltuyai.

[Luus-un: Л. 1r–3r].

Манускрипт представляет собой буддийский обрядник, который используется во время ритуала подношения жертвенного животного *сэтэр* духу-хозяину воды. *Сэтэром* именуется жертвенное животное, преподносимое в честь божеств во время специального обряда *сэтэрлэх* (в данном случае обряд именуется *сэтэр татаха*). Текст начинается с краткой мантры «Ом а хум», которую необходимо повторить три раза (*гурбан та*). Главным адресатом ритуала выступает божество, именуемое Луусан-хан бурхан. Как упоминалось выше, у монгольских народов существует культ водных духов, именуемых *луу*, *луусад*. Согласно исследованиям ученых, слово происходит от тибетских представлений о водных и метеорологических духах-хозяевах *лу* (орфографически *klu*) и слова *луу* ‘дракон’ [Неклюдов 2017: 182]. В монгольской мифологии дракон (*луу*) причисляется к небесным богам — тенгри (Луу-тенгри), однако также может выступать локальным и хтоническим духом водоема, называемым *лус*

(*лусууд*, *лусад*, *лусын*, *лусан*, *лосон*). Исследователи отмечают, что четкое разграничение между этими персонажами отсутствует, и в фольклоре монгольских народов *луу* (небесные драконы) и *лус* / *лусад* (хозяева, духи вод) взаимосвязаны и зачастую имеют схожие функции [Дампилова 2017: 182].

В буддийской картине мира иерархия водных существ строилась на том, что буддисты верили в существование владыки вод ‘правителя драконов’, именуемого иначе Гушин зурган лусад, что указывает на то, что он управлял 36 лусами (*лусууд сабдаг*) — водными духами-драконами. Учитывая подобную множественность земных духов-хозяев, владыка вод обозначается словом *luus* с «артикулированным» множественным числом [Неклюдов 2019: 185–186], а сами лусы делятся на цветовые категории: Черный лус, Синий Лус и Белый Лус [Потанин 1883: 262]. В исследуемом нами тексте дух-хозяин воды именуется множественным показателем Луусан и его персонификация дополнительно дублируется титулами *хан* (qaγan ‘вождь, властитель; государь’) и бурхан (*burqan* ‘божество’).

Следующим после него в зачине текста призывается буддийское божество Бисман тэнгри (Намсарай (тиб.), Вайшравана (санскр.)), который почитается гением-покровителем богатства и одним из четырех стражей света, охраняющим северную сторону [Нацов 1995: 126]. Как видно из анализа исследуемого текста, к призываемым божествам обращаются с просьбами снизить и оказать покровительство и благосклонность, выражающиеся словами *урин заламуй* ‘приглашать, просить пожаловать’ и *соёрха* ‘соблаговоли, пожалуй что-либо’. Затем божествам предлагается в качестве подношения лучшее животное. Для ритуала посвящения *сэтэр* отбирают наиболее красивых или отмеченных особыми отметками животных. Поэтому следующая часть текста гласит, что бурхану Луусан-хану преподносится лошадь синей масти, обладающая определенными качествами и даже магическими способностями: «наступающая четырьмя копытами на землю, подавляющая девятых чертей земли, волосы (грива) его — различные драгоценности, голос

его — горловой голос, переносица его с отметиной, два глаза — солнце и луна, движение его «рожек»-ушей искусно, красный язык его подобен сиянию молнии, воздух, исходящий из его рта подобен легкому туману, ржание его подобно небесному грому, спина и хвост его (украшены) шелковыми лентами, нитями (из шерсти) тигра и барса, которые подобны скоплению облаков, как только наступает на землю четырьмя копытами, топчет всех злодеев, громким ржанием своим он раскалывает головы вредоносным существам, преподносим в качестве сэтэра бурхану Луусын-хану синего коня с белыми пятками [копытами], украшенного различными шелковыми лентами» [Luus-un: J. 3v]. Подобное описание качеств жертвенного животного *сэтэр*, предназначенного для Луусан-хан бурхана, было направлено на его задабривание и подчеркивание, что ему посвящается все самое лучшее, и тем самым взамен ожидают заботы и покровительства над людьми и животными. В завершение обрядовый текст заканчивается обращением к хозяину водной стихии даровать защиту, долголетие, различные блага, обилие пищи, размножение скота, усилить жизненную энергию *сүлдэ*, освободить от препятствий, болезней и вредоносных влияний.

Датировать данный письменный источник, хранящийся в ЦВРК ИМБТ СО РАН, ввиду отсутствия колофона, представляется сложным. Учитывая его небольшой объем, можно определить, что в тексте отражены особенности ритуального действия, и характерные для буддийских обрядников канонические зачины и введения были опущены, уступив место непосредственно практическим действиям. В целом манускрипт является образцом бурятской обрядовой литературы на монгольском языке, повествующей о традиции, входившей в хозяйственно-бытовой календарь, которая совершалась монгольскими народами в рамках культа воды и водных гениев.

3. Обряд *сэтэрлэх* / *сэтэр татаха*

Сэтэрлэх — это обряд посвящения домашних животных божествам-небожителям и духам-хозяевам места, который одновре-

менно существовал в двух религиозных традициях — шаманской и буддийской [Эрдэнэболд 2012: 81]. У бурят подобный добуддийский обряд посвящения животных в честь божеств и духов-хозяев местности изначально назывался *онголхо* — «посвящение хозяину» [Герасимова и др. 2006: 120] и, вероятно, в последующем был заменен тибетским термином *сетер* / *цетар* («tshetshar» тиб.) В буддизме *сэтэр* / *сетер* — понятие, означающее обряд, дословно означающий «дарование жизни» [Сухбаатар 1997: 176].

Монголы полагали, что жертвоприношения необходимо совершать в разное время года, исходя из того, что в конкретный сезон активна одна из групп таких духов — белым лусам жертву приносили зимой, синим — весной, черным — летом [Эрдэнэболд 2012: 43]. Во время церемонии жертвенное животное очищают, обливая чистой водой, ламы читают над ним сутры и окуривают дымом можжевельника или богородской травы. Затем присутствующие повязывают на шею или гриву животного жертвенные шелковые ленты и хадаки пяти цветов, иногда используют разноцветные полоски ткани, скрученные вместе с волосами из гривы [Жуковская 1968: 225; Эрдэнэболд 2012: 81].

После обряда животное должно было оставаться ритуально чистым. *Сэтэр*, посвященные божествам, пользовались особым положением, на них нельзя было ездить, особенно женщинам, запрещалось продавать или убивать их, т. е. оно должно было дожить до своей естественной смерти. Как мы упоминали ранее, выбор посвящаемого духам-хозяевам животного требовал тщательного отбора, например, в этнографической литературе упоминается случай, когда хозяину скалы Улаан-хада посвятили некачественного жеребца, и тот породил плохое потомство, тем самым «испортил» местные табуны лошадей. В последующем жители улуса стали заменять реальное животное игрушечным конем [Герасимова и др. 2006: 120–121]. В Западной Монголии, а также у тувинцев на родовые *оваа* помещали изготовленные из дерева фигурки домашних животных — быков, лошадей, овец, с целью пожелания хорошего приплода

скота [Терентьев 2014: 204–205; Бутанаев, Монгуш 2005: 15]. Замещение могло быть определено и экономической составляющей вопроса. Для того чтобы сакральная сила *сэтэра* не иссякала, ранее посвященное животное необходимо было ежегодно приводить на тайлаган для совершения *сэтэрлэх*, при этом каждый раз добавляли пару новых ленточек к тем, что уже были привязаны к его гриве [Бадмаев 2014: 336]. У монголов был обычай менять старое животное на молодое, их ставили так, чтобы они соприкоснулись друг с другом мордами. Считалось, что подобным образом происходило объединение жизненных сил двух животных [Эрдэнэболд 2012: 87]. Даже после смерти *сэтэра* его требовалось почитать, поэтому посвященных животных, умерших от старости и болезней, хоронили с особым почетом [Герасимова и др. 2006: 120].

Основным мотивом проведения обряда *сэтэрлэх* являлось призывание благополучия, удачи и успеха. Слова рукописного текста гласят: «стань стражем в дневное время, защитником в ночное время, направь ко всему хорошему, убереги от всего плохого, прибавь долголетия, умножь обилие пищи, умножь лошадей для езды, претвори все задуманное» (л. 1v–2r). Монгольские народы верили, что божества, связанные с водами, обладают огромными богатствами. Существуют множество преданий о том, что наги являются хранителями несметных богатств, которыми они могут одарить человека за бережное и почтительное отношение к окружающему миру [Менкенова и др. 2020: 253]. Для степных кочевников богатство в первую очередь измерялось в количестве скота и умножении рода. Мотив пожелания хорошей плодovitости стад отражается в сезонной игре «Цагаан мод хаях» («Бросание белого дерева»), которую монголы предназначали для луса-сабдака, когда он в начале лета прибывает на землю после зимней спячки [Эрдэнэболд 2012: 80]. Функции игры имели символический смысл магического благопожелания и были направлены на обеспечение благополучия и счастья, где значение понимается как «надо играть, чтобы «множился скот», «для счастья и плодородия», а отдарком должны стать хорошая

жизнь, сочная трава, здоровье, плодovitость людей и животных [Герасимова и др. 2006: 127].

К духам воды обращались также с просьбами избавить от различных болезней и напастей. Из буддийской мифологии известно, что луусы и наги могут наслать болезни крови, лимфы, суставов, легких и женские болезни, в особенности кожные заболевания [Намжилов 2022: 216–217]. У тувинцев обряд *сэтэрлэх* в честь водных гениев проводился в том случае, если выяснялось, что члены семьи страдают от гнева водных духов, а также при детских болезнях, лечении больного, пораженного злым духом [Кенин-Лопсан 2021: 101–102]. Поэтому исследуемый нами ритуальный текст заканчивается словами «удлини жизни, прибавь благополучие, очисти от различных болезней и эпидемий» [Luus-un: Л. 3г]. Таким образом, посвящение животного *сэтэр* духам воды представляет собой один из магических способов защиты от бедствий, болезней, способствует увеличению поголовья скота и размножению рода.

4. Семантика *сэтэра* и его масти

Монгольские народы посвящали в качестве *сэтэра* лошадей определенной масти, а также крупный и мелкий рогатый скот. Считалось, что для увеличения благоденствия *буян хишиг* необходимо приносить в жертву местным божествам только лошадь и овцу, т. е. животных «с теплой мордой», так как именно животные с «горячим дыханием» обладают способностью накапливать и хранить благодать. Как отмечает Л. Эрдэнэболд, овец для обряда *сэтэр* выбирали крайне редко, учитывая, что они живут непродолжительное время, поэтому предпочитали посвящать лошадей [Эрдэнэболд 2012: 84]. В свою очередь лошадь являлась одним из главных продуктов обмена кочевого хозяйства, поэтому именно она была объектом ритуального обмена: люди предлагали божеству то, что предпочитали сами, человек жертвовал божеству самое ценное, что было в его хозяйстве [Нестеров 1990: 90]. К тому же, учитывая большую роль лошади в культуре монгольских народов и ее возможную связь с тотемистическими

представлениями, становится понятна ее главенствующая роль в ритуалах [Вяткина 1968; Липец 1984].

В рассматриваемом нами письменном источнике в качестве жертвенного животного указана «лошадь синей масти, именуемая «водной» (*усун нэрэту хухэ унгэту морин*) [Luus-un: Л. 3v]. Цветовая символика объясняется тем, что синий цвет и близкие ему голубой, серый (иногда черный) устойчиво ассоциируются в традиционном мировоззрении монгольских народов с водой [Содномпилова, Нанзатов 2014: 109].

Мотив связи водной стихии с лошадьми имел широкое распространение у многих народов, например, в традиционной культуре тюрко-монгольских народов присутствуют следы представлений о необычных лошадях, имеющих водное происхождение. Так, у тюркских племен образ лошади ассоциировался с водной стихией, например, в башкирском эпосе сохранился древний мифологический мотив о водяных конях, обитающих в разных озерах и их жожаке Ак-Бузает [Липец 1984: 125]. В легендах бурят и монголов встречается мотив слученя кобылиц с неким водным существом из озера и рассказывается, что кобылица может разродиться синим водяным аргамаком. В итоге родившийся у кобылы жеребенок обладает серой мастью, которая является маркером его принадлежности водному миру, и наделен определенными необычными свойствами [Лосино-серый скакун 2010: 144]. Вероятно, свойства водных лошадей, родившихся от случки с водными существами, были наделены семантикой богатства, плодородия и процветания. Например, можно упомянуть хакасские легенды о сивом теленке, рожденном от духа-хозяина озера, в котором оказалась заложена жизненная сила скота *мал худы*, после он окаменел, но от него продолжала исходить жизненная сила скота, хакасы для получения счастья и умножения поголовья скота через каждые три года совершали ему жертвоприношения [Бутанаев, Монгуш 2005: 21–22].

Согласно исследованиям ученых, культ водных коней своими корнями уходит к древнейшим индоевропейским мифологическим традициям, учитывая, что у древних

иранцев волны моря представлялись в виде кобыл, которые при встрече с белым жеребцом Тиштрыйей, божеством Сириуса, производят воду, и божество Вата подбрасывает эту воду к облакам (цит. по: [Бакаева 2003: 215]). Образ лошади, связанной с водной стихией, имелся и в тибетской мифологии. У тибетцев сохранились многочисленные предания о лошади, называемой *klu rta* «голубая водяная лошадь, украшенная змеями» (*dmu ride, dmu rta*). Она относилась к категории вахан, т. е. ездовых животных, на которых передвигаются верхом дхармапалы, в данном случае луусы и наги. Как отмечает Р. Небески-Войкович, ваханы различаются по цвету, в зависимости от окраса дхармапал [Nebesky-Wojkowitz 1993: 13–14]. Поэтому, чтобы задобрить духов воды, монголы посвящали им скот разной масти, желательно соответствующий их цветовому облику [Эрдэнэболд 2012: 43].

Упоминания о водных лошадях встречаются в тибетских сутрах, например, в тексте, посвященном культу Ваджрапани и восьми царей восьми нагов, упоминаются «водяной конь» (*chu rta*) и «водяной бык» (*chu glang*) [Зорин 2014: 179]. Особый интерес представляет поверье монгольских народов о том, что дракон может превращаться в быка или корову, а тибетские лу описываются с лошадиными и бычьими мордами [Неклюдов 2014: 170].

Таким образом, культ духов воды был тесно связан с образом лошади. Монгольские народы полагали, что такое животное является живым онгоном, т. е. телесным воплощением духа или божества, призванного оберегать хозяйство и домашнее стадо. Более узко животное рассматривали как средство передвижения для небожителей и духов-хозяев [Бадмаев 2014: 334].

5. Заключение

Проведенное этнографическое описание обряда почитания бурхана Луусан-хана доказывает существование своеобразной синкретической модификации, допускающей исполнение обряда и шаманами, и ламами, и тем самым отражает локальную традицию обряда почитания духов воды у бурят. В результате исследования выявлено, что ри-

туал посвящения *сэтэр* духам воды входил в традиционные календарные обряды монгольских народов и был направлен на обеспечение плодородия и благополучия людей. В целом традиция сакрализации воды

и водных духов имеет единые этнокультурные истоки религиозных традиций насельников Центральной Азии — тибетских, монгольских, а также тюркских этнических групп.

Источники

Luus-un — Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui («Сутра сэтэра Луусан-хана»): рукопись формата потхи, 10 x 34 (8,5 x 29,5) см // Центр восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Ф. М-II. Инв. № 498 (На монг. яз.).

Литература

- Абаева 2022 — *Абаева Л. Л.* Феномен сакрализации воды в религиозных доминантах монгольских народов // *Власть*. 2022. Т. 30. № 6. С. 262—268.
- Бадмаев 2014 — *Бадмаев А. А.* О шаманском обряде посвящения животных «сэтэрлэх» у закаменских хонгодоров // *Проблемы археологии, этнографии, антропологии Сибири и сопредельных территорий*. 2014. Т. 20. С. 334—336.
- Бадмаев 2018 — *Бадмаев А. А.* Подводный мир в традиционном мировоззрении бурят // *Вестник Новосибирского государственного университета*. Серия: История, филология. 2018. Т. 17. № 3. С. 148—155.
- Бакаева 2003 — *Бакаева Э. П.* Добуддийские верования калмыков. Элиста: Джангар, 2003. 358 с.
- Бутанаев, Монгуш 2005 — *Бутанаев В. Я., Монгуш Ч. В.* Архаические обычаи и обряды саянских тюрков. Абакан: Хакас. гос. ун-т им. Н. Ф. Катанова, 2005. 196 с.
- Вяткина 1968 — *Вяткина К. В.* Культ коня у монгольских народов // *Советская этнография*. 1968. № 6. С. 117—122.
- Герасимова и др. 2006 — *Герасимова К. М., Галданова Г. Р., Очирова Г. Н.* Традиционная культура бурят: учебное пособие. 2-е изд. Улан-Удэ: Бэлиг, 2006. 144 с.
- Дампилова 2017 — *Дампилова Л. С.* Мифологическая семантика змей (могой), хозяев вод (лус) и дракона (луу) в фольклоре монгольских народов // *Традиционная культура*. 2017. № 4(68). С. 182—189.
- Жуковская 1968 — *Жуковская Н. Л.* Влияние монголо-бурятского шаманства и дошаманских верований на ламаизм // *Проблемы этнографии и этнической истории народов Восточной и Юго-Восточной Азии*. М.: Наука, 1968. С. 211—236.

Sources

Luus-un qayan-u seter-ün sudur bui ('Sutra of Seter [Offering] for Khan of the Luus'). Manuscript. Pothi format. 10x34 (8,5x29,5) cm. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS); Center of Oriental Manuscripts and Xylographs. Coll. M-II. Inv. no. 498. (In Mong.)

References

- Abaeva L. L. Phenomenon of sacralization of water in religious dominants of Mongolian peoples. *Vlast'*. 2022. Vol. 30. No. 6. Pp. 262—268. (In Russ.) DOI: 10.31171/vlast.v30i6.9395
- Badmaev A. A. About "Seterleh" shamanistic rite of animal initiation at the Zakamensk Hongodors. *Problems of Archaeology, Ethnography, Anthropology of Siberia and Neighboring Territories*. 2014. Vol. 20. Pp. 334—336. (In Russ.)
- Badmaev A. A. Underwater world in the traditional Buryat worldview. *Vestnik NSU. Series: History and Philology*. 2018. Vol. 17. No. 3. Pp. 148—155. (In Russ.) DOI: 10.25205/1818-7919-2018-17-3-148-155
- Bakaeva E. P. Pre-Buddhist Beliefs of Kalmyks. Elista: Dzhangar, 2003. 358 p. (In Russ.)
- Butanaev V. Ya., Mongush Ch. V. Archaic Customs and Rites of Sayan Turks. Abakan: Katanov Khakas State University, 2005. 196 p. (In Russ.)
- Vyatkina K. V. Horse cults among Mongols. *Sovetskaya etnografiya*. 1968. No. 6. Pp. 117—122. (In Russ.)
- Gerasimova K. M., Galdanova G. R., Ochirova G. N. Buryat Traditional Culture. Coursebook. Second edition. Ulan-Ude: Belig, 2006. 144 p. (In Russ.)
- Dampilova L. S. Mythological semantics of snakes (mogoy), water spirits (luz) and dragon (luu) in the folklore of the Mongolian peoples. *Traditional Culture*. 2017. No. 4 (68). Pp. 182—189. (In Russ.)
- Zhukovskaya N. L. Impacts of Mongolian-Buryat shamanism and pre-shamanic beliefs on Lamaism. In: Stratanovich G. G. (ed.) *East and Southeast Asia: Issues of Ethnography and Ethnic History*. Moscow: Nauka, 1968. Pp. 211—236. (In Russ.)

- Зорин 2014 — *Зорин А. В.* Текст по культу Ваджрапани и восьми царей нагов в древнем тибетском свитке Дх-178 из собрания ИВР РАН // Зографский сборник. Т. 4 / отв. ред.: М. Ф. Альбедиль, Я. В. Васильков. СПб.: МАЭ РАН, 2014. С. 170–197.
- Зорин А. V. Institute of Oriental Manuscripts (RAS): [Analyzing] one text dealing with the cult of Vajrapani and Eight Naga Kings in the ancient Tibetan manuscript Дх-178. In: Albedil M. F., Vasilkov Ya. V. (eds.) Zograf Collection. Vol. 4. St. Petersburg: Museum of Anthropology and Ethnography (RAS), 2014. Pp. 170–197. (In Russ.)
- Кенин-Лопсан 2006 — *Кенин-Лопсан М. Б.* Традиционная культура тувинцев. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2006. 248 с.
- Kenin-Lopsan M. B. Tuvan Traditional Culture. Kyzyl: Tyva Book Publ., 2006. 248 p. (In Russ.)
- Липец 1984 — *Липец Р. С.* Образы батыра и его коня в тюрко-монгольском эпосе. М.: Наука, 1984. 262 с.
- Lipets R. S. Images of Batyr and His Horse in Turko-Mongolian Epic Narratives. Moscow: Nauka, 1984. 262 p. (In Russ.)
- Лосино-серый скакун 2010 — Лосино-серый скакун // Степные были и небылицы. Улан-Удэ: Респ. информ. центр, 2010. С. 144–146.
- The Moose-Grey Horse. In: True and Untrue Stories of the Steppe. Ulan-Ude: Respublikanskiy Informatsionnyi Tsentr, 2010. Pp. 144–146. (In Russ.)
- Менкенова и др. 2020 — *Менкенова К. В., Алжеева М. М., Эрдниева Е. А., Сельдиков А. М.* Культ нагов — водных духов (усна эзн) в калмыцких народных сказках // Успехи гуманитарных наук. 2020. № 12. С. 252–256.
- Menkenova K. V., Alzheeva M. M., Erdnieva E. A., Seldikov A. M. The cult of Nagas-water spirits (usna ezen) in Kalmyk folk tales. *Modern Humanities Success*. 2020. No. 12. Pp. 252–256. (In Russ.)
- Намжилов 2022 — *Намжилов О. Н.* О буддизме простыми словами. Улан-Удэ: Респ. тип., 2022. 424 с.
- Namzhilov O. N. Buddhism in Lay Terms. Ulan-Ude: Respublikanskaya Tipografiya, 2022. 424 p. (In Russ.)
- Нацов 1995 — *Нацов Г. Д.* Материалы по истории и культуре бурят. Ч. I / введение, перевод и примечания Г. Р. Галдановой. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 1995. 155 с.
- Natsov G. D. Materials in Buryat History and Culture. Pt. 1. G. Galdanova (introd., transl., etc.). Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1995. 155 p. (In Russ.)
- Неклюдов 2014 — *Неклюдов С. Ю.* Эти капризные и ленивые драконы: от паремии к мифу // Антропологический форум. 2014. № 21. С. 152–165.
- Neklyudov S. Yu. These capricious and lazy dragons: From proverb to myth. *Forum for Anthropology and Culture*. 2014. No. 21. Pp. 152–165. (In Russ.)
- Неклюдов 2017 — *Неклюдов С. Ю.* Многоликий дракон // In Umbra: демонология как семиотическая система: альманах. Вып. 6. М.: Индрик, 2017. С. 157–202.
- Neklyudov S. Yu. The many-faced dragon. In *Umbra: demonologiya kak semioticheskaya sistema*. 2017. Vol. 6. Pp. 157–202. (In Russ.)
- Неклюдов 2019 — *Неклюдов С. Ю.* Фольклорный ландшафт Монголии. Миф и обряд. М.: Индрик, 2019. 520 с.
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscapes of Mongolia: Myth and Ritual. Moscow: Indrik, 2019. 520 p. (In Russ.)
- Нестеров 1990 — *Нестеров С. П.* Конь в культурах тюркоязычных племен Центральной Азии в эпоху средневековья. Новосибирск: Наука, 1990. 141 с.
- Nesterov S. P. Horse in Cults of Medieval Central Asian Turks. Novosibirsk: Nauka, 1990. 141 p. (In Russ.)
- Потанин 1883 — *Потанин Г. Н.* Очерки Северо-Западной Монголии: результаты путешествия, исполн. в 1876–1877 г. по поручению Имп. Рус. геогр. о-ва чл. сотр. оною Г. Н. Потаниным. Вып. 4. Материалы этнографические. СПб.: Тип. В. Киршбаума, 1883. 1025 с., илл.
- Potani G. N. Essays on Northwestern Mongolii: Outcomes of the Expedition Undertaken in 1876–1877. Vol. 4: Ethnographic Materials. St. Petersburg: V. Kirshbaum, 1883. 1025 p. (In Russ.)
- Содномпилова 2009 — *Содномпилова М. М.* Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
- Sodnompilova M. M. The World in Traditional Worldviews and Practical Activities of Mongols. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2009. 366 p. (In Russ.)

- Содномпилова, Нанзатов 2014 — *Содномпилова М. М., Нанзатов Б. З.* Зөв зус, или «правильная» масть лошади в коневодческой культуре монгольских народов: символика масти // Вестник Бурятского научного центра СО РАН. 2014. № 3(15). С. 100–116.
- Цыденов 2012 — *Цыденов Э. М.* К некоторым обрядам в современном бурятском шаманизме // Вестник Бурятского государственного университета. 2012. № 8. С. 242–247.
- Терентьев 2014 — *Терентьев В. И.* Религиозные практики кочевников Западной Монголии: обычай *сэтэртэй мал* у дербетов // Антропологический форум. 2014. № 22. С. 191–211.
- Хангалов 2021 — *Хангалов М. Н.* Собрание сочинений: в 3 тт. Т. I. Улан-Удэ: НоваПринт, 2021. 568 с.
- Эрдэнэболд 2012 — *Эрдэнэболд Л.* Традиционные верования ойрат-монголов (конец XIX – начало XX в.). Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2012. 194 с.
- Сухбаатар 1997 — *Сухбаатар О.* Монгол хэлний харь Үгийн толь (= Словарь заимствованных слов монгольского языка). Улаанбаатар: Адмон, 1997. 233 х.
- Annotated catalogue 2006 — Annotated catalogue of the collection of Mongolian manuscripts and xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences. (CNEAS Monograph Series, No. 24). Compiled by Nikolay Tsyrempilov, edited by Tsymzhit Vanchikova. Sendai: Tohoku University, 2006. 210 p.
- Nebesky-Wojkowitz 1993 — *Rene de Nebesky-Wojkowitz.* Oracle and Demons of Tibet. The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Varanasi: Published by Book Faith India, 1993. 572 p.
- Sodnompilova M. M., Nanzatov B. Z. ‘Zov zus’ or ‘right’ horse paint in the horse-breeding culture of the Mongolian peoples: Horse paint symbolism. *Bulletin of the Buryat Scientific Center SB RAS.* 2014. No. 3 (15). Pp. 100–116. (In Russ.)
- Tsydenov E. M. On some rites in the modern Buryat shamanism. *Buryat State University Bulletin.* 2012. No. 8. Pp. 242–247. (In Russ.)
- Terentyev V. I. Religious practices of nomads of Western Mongolia: The *setertey mal* custom of Derbets. *Forum for Anthropology and Culture.* 2014. No. 22. Pp. 191–211. (In Russ.)
- Khangalov M. N. Collected Writings. In 3 vols. Vol. 1. Ulan-Ude: NovaPrint, 2021. 568 p. (In Russ.)
- Erdenebold L. Traditional Beliefs of Oirat Mongols, Late Nineteenth – Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2012. 194 p. (In Russ.)
- Sukhbaatar O. A Dictionary of Loanwords in Mongolian. Ulaanbaatar: Admon, 1997. 233 p. (In Mong.)
- Tsyrempilov N. (comp.) Annotated Catalogue of the Collection of Mongolian Manuscripts and Xylographs M II of the Institute of Mongolian, Tibetan and Buddhist Studies of Siberian Branch of Russian Academy of Sciences (CNEAS Monograph Series 24). Ts. Vanchikova (ed.). Sendai: Tohoku University, 2006. 210 p. (In Eng.)
- Nebesky-Wojkowitz R. Oracles and Demons of Tibet: The Cult and Iconography of the Tibetan Protective Deities. Varanasi: Book Faith India, 1993. 572 p. (In Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1076–1095, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 575.174

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095

Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгары, бузавы

Санал Владимирович Джагрунов¹, Алексей Александрович Булуктаев²

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

младший научный сотрудник

 0009-0002-8512-053X. E-mail: [sanal.dzhagrunov\[at\]gmail.com](mailto:sanal.dzhagrunov[at]gmail.com)

² Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат биологических наук, старший научный сотрудник

 0000-0002-2329-465X. E-mail: [buluktaev89\[at\]mail.ru](mailto:buluktaev89[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Джагрунов С. В., Булуктаев А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* Настоящий текст представляет собой вторую часть исследования, посвященного вопросу о происхождении ойратского (калмыцкого) аристократического рода цорос (чорос). *Цель* данной части — провести анализ субклада мужской половой хромосомы C2-F1067 у калмыков и сформулировать выводы о его этноисторических корнях у ойратов (и смежных групп) в разрезе собственно «цоросовского» (DYS385=11-11) и его связи с «не-цоросовским» субкладом (DYS385=11-18 и ее вариации) в калмыцких образцах торгутов, зюнгаров и бузавов с учетом сведений исторического, этнографического и лингвистического характера. *Материалами* исследования выступили 19 STR-гаплотипов «цоросовского» субклада из указанных субэтнотипов калмыков, а также 42 «не-цоросовских» STR-гаплотипа C2-F106, полученные в ходе тестирования калмыков с применением наборов Yfiler® Plus PCR Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, а также COrDIS Ystr. *Результаты.* Полученные результаты говорят в пользу автохтонно зюнгарского (джунгарского) происхождения населения Зюнгарского аймака Икицохуровского улуса. Образцы «цоросовского» субклада у калмыков-бузавов преимущественно обнаруживают устойчивые связи с дербетами-бурулами. Наличие отдельных «цоросовских» гаплотипов у торгутов — в условиях преимущественной фиксации «не-цоросовского» субклада C2-F1067 в их среде — сближает их с баргутами. В целом «не-цоросовский» («баргутско-бурятский») субклад C2-F1067 у калмыков отмечается преимущественно среди торгутов и, в частности, у цаатанов и эркетеней. Совокупность же исторических, этнографических и лингвистических данных позволяет установить наличие связей торгутов-цаатанов (и частично эркетеней) с баргутско-бурятской общностью. Все вышеозначенное подтверждается и актуализируется данными полученных Y-STR-гаплотипов и текущими сведениями о филогенетической структуре C2-F1067: «цоросовский» субклад является ответвлением от C2-F10378 и образует одну из параллельных ветвей последнего наряду с баргутско-бурятским C2-Z4328.

Ключевые слова: цорос, чорос, калмыки, торгуты, зюнгары, бузавы, баргуты, ойраты, субклад, STR-гаплотипы, C2-F1067

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4). Лабораторное оборудование и реагенты приобретены в рамках субсидии из федерального бюджета, выделяемой для государственной поддержки научных исследований, проводимых под руководством ведущего ученого (проект «От палеогенетики до культурной антропологии: комплексное междисциплинарное исследование традиций народов трансграничных регионов: миграции, межкультурное взаимодействие и картина мира»). Авторы выражают благодарность всем участникам исследования, а также А. А. Карманову, О. Л. Минаеву, Б. А. Харцхаеву и другим за помощь в организации сбора образцов. Особые слова признательности выражаем директору в лице В. В. Кукановой, Э. П. Бакаевой, А. Т. Баяновой, Г. М. Манжиковой, благодаря систематическим организационным усилиям которых настоящие исследования успешно реализуются на базе КалмНЦ РАН.

Для цитирования: Джарунов С. В., Булуктаев А. А. Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 2: торгуты, зюнгары, бузавы // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1076–1095. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095

Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav

Sanal V. Dzhagrunov¹, Aleksey A. Buluktaev²

- 1 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0009-0002-8512-053X. E-mail: sanal.dzhagrunov[at]gmail.com

- 2 Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)
Cand. Sc. (Biology), Senior Research Associate

 0000-0002-2329-465X. E-mail: buluktaev89[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A., 2024

Abstract. Introduction. The paper continues the study of origins of the Tsoros (Choros) — a prominent aristocratic clan of the Oirat. **Goals.** The work shall examine a number of identified Y-STR haplotypes of C2-F1067 among Kalmyks and propose some conclusions about the subclade's ethnohistorical roots among the Oirat (and related groups) for its 'Tsoros' (DYS385=11-11) and 'non-Tsoros' patterns (DYS385=11-18 and others) across the tested Torghut, Dzungar and Buzav samples — with due regard of related historical, ethnographic and linguistic data. **Materials.** The article analyzes a total of 19 Y-STR haplotypes of the 'Tsoros' pattern in the mentioned sub-ethnic groups and 42 'non-Tsoros' ones identified with the aid of Yfiler® Plus PCR Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, and COrDIS Ystr. **Results.** Our investigations essentially attest to somewhat authentic Dzungar backgrounds of Zyungarsky aimag of Iki-Tsokhurovsky Ulus. 'Tsoros' samples of Kalmyk Buzavs reveal substantial ties with Buurul Dorbets. The few identified 'Tsoros' Y-STR haplotypes among Torghuts — with prevailing 'non-Tsoros' C2-F1067 ones — results in that the group at large rather clusters with Barghuts. In general, the 'non-Tsoros' ('Barghut-Buryat') pattern of C2-F1067 has been primarily discovered among Tsaatan and Erketen Torghuts. Meanwhile, the bulk of available historical, ethnographic and linguistic data makes it possible to establish ties between the Tsaatan (including some part of the Erketen) — and the Barghut-Buryat community. All the aforementioned is confirmed and actualized by the obtained Y-STR haplotypes and present-day phylogenetic structure of C2-F1067: the 'Tsoros' pattern proves a branch of C2-F10378 and forms a parallel subdivision to the Barghut-Buryat C2-Z4328.

Keywords: Tsoros, Choros, Kalmyks, Torghuts, Dzungars, Buzavs, Barghuts, Oirats, subclade, Y-STR-haplotypes, C2-F1067

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 'Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China'. The laboratory equipment and consumables were funded by federal budget subsidy aimed to support scientific research directed by the Leading Scientist (project 'From Paleogenetics to Cultural Anthropology: Comprehensive Interdisciplinary Research of Peoples and Traditions of Cross-Border Regions — Migrations, Cross-Cultural Interactions and Worldviews'). Authors extend gratitude to all test-takers, as well as to A. A. Karmanov, O. L. Minaev, B. A. Khartskhaev and others for their hearty assistance in research arrangements. Words of particular gratitude be expressed to the Directorate represented by V. V. Kukanova, E. P. Bakaeva, A. T. Bayanova, G. M. Manzhikova whose systemic organizing efforts have successfully made the present studies at KalmSC RAS possible.

For citation: Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing Origins of the Tsoros (With Evidence from C2-F1067 Y-STR Haplotypes of Kalmyks). Part 2: The Torghut, Dzungar, Buzav. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1076–1095. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1076-1095

1. Введение

Настоящая часть исследования представляет собой непосредственную попытку рассмотрения вопроса о происхождении ойратского рода цорос (чорос) в его связи с другими монгольскими этническими объединениями в разрезе Y-гаплогруппы C2-F1067 (>M407 >F10378). Первая часть исследования [Джагрунов, Булуктаев 2024] была посвящена обработке и анализу выявленных Y-STR-гаплотипов «цоросовского» субклада [Adamov, Volkov 2012] C2-F1067 в калмыцких образцах дербетов (наряду с зюнгарами / джунгарами традиционно соотносимых с родом цорос). Приводимый ниже нарратив рассматривает «цоросовский» субклад в протестированных калмыцких образцах зюнгаров, бузавов и торгутов, а равно нацелен на выявление закономерностей распределения отдельных предковых линий (в том числе «не-цоросовского» субклада) C2-F1067 у калмыков в целом, трактовке результатов с учетом данных исторического, этнографического и лингвистического характера.

2. Материалы и методы

В настоящей работе для генетического анализа были отобраны карты-хранения ДНК «Биохран» с образцами капиллярной крови, а также образцы венозной крови. Все молекулярно-генетические исследования

выполнены в блоке генетических исследований Калмыцкого научного центра РАН (далее — КалмНЦ РАН) (г. Элиста). Процедуры выделения ДНК, постановка на ПЦР и электрофорез проводились в соответствии с протоколами. Принадлежность гаплотипов к той или иной гаплогруппе оценивали с помощью онлайн-программы «Y-DNA Haplogroup Predictor – NEVGEN».

ПЦР-амплификация осуществлялась с применением наборов Yfiler® Plus PCR Amplification Kit, Yfiler® PCR Amplification Kit, а также COrDIS Ystr по мере наличия соответствующих расходных материалов. Для целей публикации и анализа за основу взяты STR-локусы из набора Yfiler® PCR Amplification Kit с присвоением данных по DYS447 (для образцов, первоначально обработанных набором COrDIS Ystr), DYS449 и DYS576, показавших наиболее существенные вариативные значения при рассмотрении обозначенного субклада. Данные по значениям STR-локусов выявленных торгутских, зюнгарских и бузавских образцов «цоросовского» и «не-цоросовского» субкладов C2-F1067 приводятся в Приложении 1.

Методология этноисторического исследования представлена междисциплинарным подходом, с применением техник системного анализа, сравнительно-сопоставительного метода, а также метода исторической реконструкции.

3. Зюнгары

Общность происхождения дербетов и зюнгаров последовательно утверждается калмыцкими источниками [Лунный свет 2003: 89, 133–134], причем Батур-Убаши Тюмень уточняет, что «имеют одно происхождение» именно дербетские и зюнгарские нойоны (аристократия) — из «Цоросского дома» [Лунный свет 2003: 89, 133–134].

Таким образом, термин «зюнгар» («джунгар») имеет смысл рассматривать скорее как этнополитоним [Санчилов 1990: 9], что изначально вносит ясность о заведомо вероятной разнородности мужских предковых линий в структуре калмыков, в разных аспектах этнической идентичности которых усматривается данная компонента.

При этом Н. Я. Бичурин, называя «элютами» население Джунгарского ханства («четыре главные поколения», включая Чорос) вообще и «ойратство» (его ойратскую часть) в частности, констатирует известную синонимиию терминов «элют» («элёт») и «зюнгар» («джунгар») [Бичурин 1834: 137], «элёт» и «ойрат» [Письменные памятники 2016: 21–22]. Авторы склонны видеть в такой трансформации этнонимов определенную закономерность, которая в силу большой путаницы и нагромождения смыслов, вкладывавшихся в указанные термины в разные исторические периоды, может быть раскрыта лишь комплексно — с привлечением данных истории, лингвистики и генетики — в последующих работах.

Отметим также, что определенную сложность в выделении собственно зюнгарского этнического компонента среди калмыков вносят следующие, отмеченные Г. О. Авляевым, обстоятельства: 1) ввиду того, что зюнгары разных калмыцких улусов прибывали на Волгу в разное время, они могли иметь и разное происхождение, 2) а это, в свою очередь, связано с практикой именованья «зюнгарами» самими калмыками «всех выходцев из Джунгарии, пришедших после них» [Авляев 2002: 130].

Тем не менее по итогам анкетирования калмыков (2021 г., 2024 г.) авторы отмечают тенденцию носителей данного имени к достаточно четкой самоидентификации: так, из 31 протестированного зюнгара 30 без-

альтернативно указали в графе «субэтнос» именно данный этноним.

Калмыки-зюнгары исторически проживали в Икицохуровском, Эркетеневском и Яндыко-Мочажном улусах, а также на Дону [Авляев 2002: 129]. Настоящим исследованием были охвачены икицохуровские зюнгары (22 чел.), донские зюнгары из станиц Иловайская, Ново-Алексеевская и Граббевская, ясунов кептюль и сохад (4 чел.), а также эркетеневские зюнгары рода аршан тавкихн (п. Адык, 2 чел.), кётчнр (калм. *көтчнр*, предки из бывшего пос. Белое Озеро, 1 чел.) и нижеволжские зюнгары из потомства зайсанга Габун Джамбо (2 чел.). Полученные результаты — вкупе с данными по другим субэтническим группам и родам — в перспективе могут значительно расширить понимание этнических процессов как в среде зюнгаров как таковых, так и у волжских ойратов (калмыков) в целом.

Были протестированы представители всех 9 родов икицохуровских зюнгаров, зафиксированных Г. О. Авляевым [Авляев 2002: 129], и «цоросовский» субклад идентифицирован в 5 образцах: мухрахн (подразделение ямана тавг) — 3 чел., арслангуд — 1 чел, ханцхануд (как подветвь бадмахинов [Нимеева 2019: 69]) — 1 чел.

Наибольший интерес представляют образцы зюнгаров-мухрахинов из подразделения ямана тавг, показавших при не фиксируемой (дальней) степени родства практически идентичные STR-гаплотипы со специфическим значением по DYS439=12. Один человек из подветви кюрджняхин указал следующее преемство мужских предков: Борогчин Дагбаев (1800 г. р.) — его сын Кюрюгчин — его сын Корман — его сын Нинян — его сын Сангаджи — его сын Арслан — его сын А. [ПМА 2024: Инф. 1]. Указанный же Борогчин Дагбаев числился в списках безаймачных зайсангов Зюнгарского аймака Икицохуровского улуса [НА РК. Ф. И-28. Оп. 1. Д. 69. Л. 6]. «Безаймачные» и «аймачные» зайсанги с точки зрения происхождения суть «одно и то же ... по нисходящей прямой и боковой линии» [Митиров 2002: 64–65]. Таким образом констатируется, что представитель аристократической ветви икицохуровских зюнгаров маркиру-

ется «цоросовским» субкладом. Это в свою очередь — за отсутствием иных возможностей проверить свидетельства калмыцких (ойратских) и монгольских хроник о цоросовском происхождении аристократии Джунгарского ханства (в том числе ввиду ее преимущественного физического уничтожения династией Цин в 1756–1758 гг. [Perdue 2005: 283–286]) у собственно официальных потомков джунгарского правящего дома (авторам неизвестно, проводилось ли соответствующее тестирование потомков аристократии ойратских этнических групп Западной Монголии, каковые также причисляются к чоросам [Очир 2016: 243–244]) — является первым и пока единственным естественнонаучным доказательством в пользу их достоверности, а также свидетельствует данное обстоятельство и о фактической причастности населения Зюнгарского аймака Икицохуровского улуса к собственно этническим зюнгарам (джунгарам).

Касательно образца арслангуда, отмечается его совпадение с образцом представителя этнически зюнгарской станицы Граббевская. Образец ханцнахина (в анкете записано «ханхацхуд, от ханцн — рукав») [ПМА 2024: Инф. 2] в целом совпадает с образцами дербетов-туктунов (DYS576=20), что потенциально может быть объяснено самой легендой об обретении основателя данного рода, согласно которой последний был найден ребенком мужчинами-зюнгарами при перекочевке в покинутом бедном жилище в степи. Ребенка поместили «в рукав тулупа — ханцн ... дали имя Ханцн ... и его потомков стали называть Ханцнахн» [Шантаев 2010: 163]. Приводимый Н. С. Нимеевой список потомков Ханцн по поколениям вплоть до ветерана Великой Отечественной войны М. Б. Нимеева и далее [Нимеева 2019: 69] при расчетной длине поколения для мужских предковых линий в 31 год [Fenner 2005: 421] позволяет определить примерный период рождения указанного мужчины около конца 1790–1800-х гг., что соответствует времени раздела Дербетовского улуса [Митиров 1998: 291] и, как следствие, сопутствующих активных перемещений дербетовского населения между Волгой и Доном.

4. Донские калмыки

Из числа протестированных в период проведения исследования на базе КалмНЦ РАН (апрель 2021 г. – февраль 2022 г., апрель – сентябрь 2024 г.) 128 мужчин идентифицировали себя как «бузавы» либо указали на происхождение своих предков по мужской линии из донских калмыцких казачьих станиц. В итоге «цоросовский» субклад был выявлен в 9 образцах, представляющих следующие ясуны и станицы: ясун бага-бурул (калм. *бах буурл*) — 5 чел. из ст. Ново-Николаевская (*Богширахна ээмг*), Власовская (*Бембедэхнэ ээмг*) и Граббевская (*Цевднэхнэ ээмг*); шар меркит — 2 чел. из ст. Власовская и Кутейниковская (*Көвүдэ ээмг*); кептюль — 1 чел. из ст. Иловайская (*Зүнһара ээмг*); также 1 чел. из ст. Граббевская не указал своего ясуна.

Четверо из пяти указанных бага-бурулов имеют характерное для калмыков-бурулов же «цоросовского» субклада значение по STR-маркеру DYS449=28, что говорит в пользу высокой аутентичности данных образцов, а трое из них выделяются специфическим значением по DYS458=19, каковое (вкуче с первым аспектом) в первом приближении можно считать характерным признаком донских бага-бурулов.

Ясун *бах буурл* на Дону встречался практически повсеместно и отмечен в одиннадцати калмыцких станицах (кроме ст. Батлаевская и Иловайская), причем «считался ответвлением „кости“ цорас» [Алексеева, Борманджинов 1999: 14].

Бага-бурулы имели обычай почитания самого слова *чон* ‘волк’ [Алексеева, Борманджинов 1999: 14], а по данным Ц.-Д. Номинханова таковые в ст. Ново-Алексеевская даже называли «своим родоначальником (ора) ... Чоно Омолгона (букв. „волк неистовый, буйный“»)» [Алексеева, Борманджинов 1999: 12].

Протестированный бага-бурул из ст. Ново-Николаевская возводит свою мужскую предковую линию к Уде Цорипову [ПМА 2021: Инф. 1], у которого было два сына — Астрали (калм. *Асрали*) и Мангат (*Маңһд*). Уда Цорипов владел большим табуном, а его потомки занимали видные военные и гражданские посты в своей станице. Так,

правнук Уды — Батыр Саксыкович (в крещении — Борис Леонидович) Мангатов (1870–1918 гг.) имел звание полковника, был отмечен высокими боевыми наградами и Георгиевским оружием [Поиск героев 1914–1918]. Двоюродный брат последнего Бадма Антонович Мангатов служил помощником станичного атамана [ПМА 2024: Инф. 3].

Трое из четырех бага-бурулов со значением DYS449=28 происходят из ст. Власовская, а четвертый — из ст. Граббевская. Указанные протестированные не сообщили о каком бы то ни было кровном родстве, равно как разными у них оказались и фамилии, которые у донских калмыков появились достаточно рано. Так, по наблюдению О. Л. Минаева, составителя издания «Зюнгарцы: поименный список 80-го Зюнгарского Донского Калмыцкого конного полка в составе Донской армии (1918–1922 гг.)» [Минаев 2018], в качестве постоянных у донских калмыков закрепились те фамилии, которые образовали от имен своих отцов лица, рожденные с 1851 г. и далее. Тот же исследователь отмечает наличие среди калмыцких поселений так называемых «станец-сестер», в которых отмечались одни и те же ясуны и фамилии, а выходцы из них зачастую проходили действительную службу в одних и тех же боевых подразделениях. Примером такого «сестринского» тандема как раз служат станицы Граббевская и Власовская [ПМА 2024: Инф. 3], что в свою очередь подтверждается естественнонаучными данными настоящего исследования.

Один из упомянутых бага-бурулов из ст. Власовская возводит свое происхождение по мужской линии к герою войны 1812 г. Чукуру Джамбинову, у которого были сыновья Мутян, Зодба и Саврук [ПМА 2024: Инф. 4]. Чукур Джамбинов имел звание хорунжего, за боевые заслуги был награжден орденом Святой Анны (4-й степени) [ПМА 2024: Инф. 3], одной из высших наград Российской империи, дававшей права личного дворянства [Анны орден]. Многочисленное потомство Чукура Джамбинова (Мутьяновы, Саврушovy, Долгиновы, Сангиловы и др.) принимало активное участие в жизни станицы, периодически занимая посты ста-

ничных атаманов, почетных судей, священнослужителей [ПМА 2024: Инф. 4].

Образцы кептюля из ст. Иловайская (калм. *Зунһара ээмг*) и второго представителя ст. Граббевской (*Цевднэхнэ ээмг*) примечательны тем, что оба они в разных аспектах заявленной идентичности объединены концептом «зюнгар» (*зун һар*). При этом прослеживается некоторая тенденция кептюлей вообще (ночная стража [Алексеева, Борманджинов 1999: 9]) к самоидентификации с зюнгарами (джунгарами): 3 из 8 кептюлей [ПМА 2021: Инф. 2; ПМА 2021: Инф. 3; ПМА 2021: Инф. 4] в анкетной графе «субэтнос» написали: «зюнгар», а не «бузав».

Ст. Граббевская же относилась К. П. Шовуновым к числу этнически зюнгарских [Шовунов 1992: 75], где еще в 1890-х гг. И. И. Поповым фиксировались обедневшие потомки «Цэ-бэдина» (*Цевдн*), которые, тем не менее, самими калмыками признавались за «истинных князей» и пользовались должным почтением [Шовунов 1992: 75]. С. К. Манжиков, дед вышеозначенного протестированного лица из ст. Граббевская, в своей книге «Жизнь прожить — не поле перейти» поясняет: «...владелец Цевидн, нойон в качестве приданого Дарма балы, жены Аюки-хана, сестры Цеван-Робдины Джунгарского...» [Манжиков 1998: 18].

В свою очередь П. Э. Алексеева не исключает возможности отождествления указанного Цевдена, чье имя стало основой калмыцкого названия 1-й сотни Верхнего улуса (административное наименование ст. Харьковская / Граббевская), с дербетовским владельцем Ценден-Дорджи (ум. в 1784 г.) [Алексеева 1997: 10], сыном Соллом-Дорджи и родным братом Тундата из потомства Далай-тайши по линии его сына Тойна [Митиров 1998: 362]. При этом она априори сохраняет приверженность версии, согласно которой 1-я сотня Верхнего улуса (Цевднякинский аймак) и 1-я сотня Нижнего улуса (Зюнгарский аймак) сложились из подданных двух братьев — младшего Баахн-гайджи и старшего Далай Баатр-гайджи соответственно [Алексеева 1997: 8], хотя, по приводимым И. И. Поповым данным, Цевден приходился правнуком именно

последнего [Шовунов 1992: 75], что может объясняться зафиксированным фактом ухода потомков тайши Баахана Джальдана и Габун-Шарапа «из войска в дербетову орду» [Пальмов 2007: 155].

В связи с зюнгарской же темой отметим практически полное совпадение значений по доступным для сравнения STR-маркерам между образцами второго представителя ст. Граббевской и икицохуровского зюнгара из рода арслангуд при редком значении DYS458=17.

5. Торгуты – «цоросы»

Из 375 торгутов, охваченных настоящим исследованием, «цоросовский» субклад был выявлен в 5 образцах в следующих административных улусах и родах: Бага-Цохоровский улус — 1 чел., шиидг гурвуд; Эркетеневский улус — 4 чел., эркетен-цаатан (2 чел.), эркетен-шемнр и один протестированный не смог указать название рода.

К сожалению, протестированные не смогли предоставить сколько-нибудь глубоких данных о происхождении их предковых линий, однако тут можно отметить, что 3 из 4 эркетеней маркируются значением по GATA-H4=10 (вместо стандартного 11), причем возникновение этой группы у эркетеней вероятно произошло еще до выделения группы *шемнр* (калм. *шевнр*, т. е. шабинеры — лица, состоявшие при буддийских монастырях, духовных чинах).

Объяснить наличие «цоросовского» (преимущественно дербетско-зюнгарского) субклада в торгутской среде можно следующим фактом. В 1744 г. дербетовский нойон Лабан-Дондук в письме к астраханскому губернатору В. Н. Татищеву писал, что по приходу из Джунгарии Солом-Церен-тайши численность дербетов составляла не четыре тысячи (как сообщали поздние русские источники), а «семь тысяч кибиток, с которых многие по своему желанию от нас отошли и ныне живут среди торгоутов» [Митилов 2002: 10], т. е. до трех четвертей от итогового (и чуть менее половины исходного) населения Дербетовского улуса находились среди торгутов и в дальнейшем, очевидно, были ассимилированы в их среде.

Тем не менее нельзя исключать и автохтонного происхождения данной предковой линии в среде торгоутов (точнее, их родоплеменных групп), что будет рассмотрено ниже.

6. Происхождение «цоросовского» субклада C2-F1067 по данным генетики

В ходе анализа значений по Y-STR-локусам в популяциях Южной Сибири, Центральной и Восточной Азии Б. А. Мальярчук и др. констатируют, что монголоязычные баргуты, буряты и хамниганы образуют отдельный кластер при выраженных значениях субклада C-M407 (подветвь от C-F1067) [Malyarchuk et al. 2016: 493–494]. При этом авторы приходят к выводу, что аллельная комбинация 11-11 по STR-локусу DYS385 возникла в результате генной конверсии, причем на основании приводимых расчетов, а также в силу географической удаленности групп с указанной мутацией настаивают на двух отдельных (параллельных) случаях таковой: одна для западно-монгольских предков калмыков, вторая — для баргутов из Северо-Восточного Китая [Malyarchuk et al. 2016: 495]. Отметим, однако, что в силу значительного уровня мутаций по локусам DYS439 и DYS458 они не исключают и единого такого события [Malyarchuk et al. 2016: 495].

Развивая исследования Y-субклада C2-M407, Ю.-Ж. Хуанг и др. устанавливают, что указанная аллельная комбинация маркируется SNP-маркером C2-F8536 при расчетном возрасте линии около 440 лет [Huang et al. 2018: 661], причем ее присутствие в современных популяциях калмыков, монголов и бурят авторы склонны объяснять генетическими связями с древними ойратами [Huang et al. 2018: 661]. Далее авторы устанавливают, что C2-F8536 является подветвью C2-F8465 (аллельная комбинация 11-18 и ее вариации по STR-локусу DYS385), причем последний субклад специфически маркирует монголоязычные группы (буряты, монголы, баргуты и, соответственно, калмыки), а возраст линии оценивается примерно в 860 лет. В целом авторы приходят к выводу о происхождении субклада C2-M407 из

Северо-Восточной Азии [Huang et al. 2018: 661].

Далее Ч. Ву и др. формируют филогенетическое древо C2-F1067 [Wu et al. 2020: 825], а также устанавливают, что протестированные потомки монгольского Даян-хана (ок. 1460 – ок. 1543) маркируются тем же SNP-маркером C2-F8536 [Wu et al. 2020: 828]. Возраст C2-F8465 по-прежнему оценивается ими в 860 лет [Wu et al. 2020: 826].

Наконец, текущие данные компании YFull указывают следующее: SNP-маркер C-F1067 — образовался ок. 34 000 лет назад, расчетный возраст последнего общего предка протестированных образцов (TMRCA) ок. 34 000 лет >> C-M407 — образовался 6 900 лет назад, TMRCA = 4 300 лет >> C-F8465 — образовался 3 900 лет назад, TMRCA = 3 800 лет >> C-F10378 — образовался 2 600 лет назад, TMRCA = 1 050 лет (в рамках приводимого древа именно данный SNP-маркер специфически маркирует преимущественно монгольские и отдельные тюркские образцы) >> еще три подветви в составе C-F10378*, C-F9733 (>C-F8536) и C-Z4328 [YFull: C-F1067].

Отметим, что единственный доступный калмыцкий образец на указанном древе указан в кластере C-F10378* (аллельная комбинация по DYS385 неизвестна), TMRCA для C-F8536 оценивается уже в 500 лет (при TMRCA для C-F9733 = 550 лет, с учетом образца из Ошской области Кыргызстана), а все бурятские образцы отмечены SNP-маркером C-Z4328 с TMRCA в 950 лет, соответственно.

7. Торгуты — «НЕ-цоросы»

Из числа протестированных в период проведения исследования на базе КалмНЦ РАН (апрель 2021 г. – февраль 2022 г., апрель-сентябрь 2024 г.) 1 046 мужчин калмыков «не-цоросовский» субклад C2-F1067 (аллельная комбинация 11-18 и ее вариации по STR-локусу DYS385) был выявлен в 42 образцах в следующих субэтнотипах: торгуты — 32 чел., дербеты — 3 чел., зюнга-ры — 3 чел. и бузавы — 4 чел. (соответствующие данные приводятся в Приложении 1).

Налицо доминирование рассматриваемого субклада в торгутской среде, а еще у

4 из 10 не-торгутских образцов при ближайшем рассмотрении обнаруживаются этногенетические связи с торгутами же.

Таким образом, субклад был выявлен в 32 (из 375) образцах торгутов в следующих родах (родовых группах) и их подразделениях: бага цаатн — 4 чел.; эрктн цаатн — 4 чел.; цаатн (просто) — 2 чел.; аха цаатн — 2 чел. (в том числе 1 терский калмык); яргчн эрктн — 7 чел., в том числе тьявняхин — 4 чел., шамхуд — 2 чел., кёкняхин — 1 чел.; харахус > эрднихн — 2 чел., цахлнг — 1 чел. и т. д.

К сожалению, только 13 из 32 торгутов смогли указать родовое подразделение (в основном же в качестве рода указывается аймак или историческая общность), в том числе все 7 яргачин эркетенов (при этом никто из последних не указал наименований более глубоких подразделений, еще фиксированных в их среде во второй половине XX в. [Авляев 1973: 123; Эрдниев 1974а: 111]), 3 харахуса (хотя и тут речь идет об известной синонимии скорее улусных наименований «харахус» и «эрднихн»), 1 ачинер, 1 аха-цаатан и 1 шарс-багуд.

В отсутствие данных последнего порядка, а также с учетом известной рекомбинации структурных элементов исторических улусов в рамках административных улусов торгутов после 1771 г. для целей эффективного анализа в таблицу (Приложение 1) добавлены наименования указанных образцов (где к этому были обнаружены соответствующие возможности).

Так, выясняется, что на «административном» уровне у протестированных торгутов чаще фиксируется компонент «эрктн» (эрктен; 15 из 32) и «цоохр» (цохур; 12 из 32), а на «историческом» (племенном) — «цаатн» (цаатан; 12 из 32) и опять-таки «эрктн» (10 из 32).

Далее при ближайшем рассмотрении устанавливается, что «административные эркетены» преимущественно представлены «историческими цаатанами» (11 из 15) основных известных подразделений, как-то: аха цаатн, бага цаатн, «просто» цаатн и эрктн цаатн. Из 12 «административных цохуров» 7 оказываются «историческими эркетенами» в составе яргачин эркетенов. Забегая

вперед, отметим (вопрос этот будет освещен в ближайших работах), что на широком материале этнографических, исторических и этногенетических данных авторы склонны отождествлять с компонентом «эрктн» (т. е. рассматривать как «природных», или «собственно», эркетеней, перераспределенных по итогам откочевки 1771 г. [Авляев 2002: 102]) в структуре калмыков носителей по меньшей мере двух Y-субкладов, не относящихся к C2-F1067 (в этом смысле показателен и в будущем будет подробно рассмотрен состав дербетовских абганер-хапчинов, вышедших из первоначального Эркетеневского улуса после 1771 г. во главе с потомком нойона Мазан-баатра Зунчи Мазановым [Авляев 2002: 43, 102; Эрдниев 1974б: 29]).

Таким образом, с «баргутско-бурятским» пулом C-F1067 [Malyarchuk et al. 2016: 495] кластируются преимущественно торгутские образцы с наименованиями «цаатн» и «эрктн», причем в этническом отношении исходными носителями такового являлись скорее торгуты-цаатаны, нежели торгуты-эркетены. В пользу такого вывода говорит и тот факт, что указанный субклад выявлен во всех основных подразделениях цаатанов, т. е. присутствовал у них по меньшей мере уже до 1771 г. Заметим также, что «яргачин-эрткетенев род» упоминался также и как «баргосов род» [Авляев 1973: 123], а в составе его в числе трех выделялся баргас анги (калм. *әңг*), который ветвился еще на пять подразделений [Авляев 1973: 123]. По мнению же У. Э. Эрдниева, калмыцкие «баргас вполне отождествимы с баргутами» [Эрдниев 1974в: 60]. Данные настоящего исследования о широком присутствии субклада C2-F1067 среди указанной группы калмыков говорят в пользу достоверности последней гипотезы и связывают яргачин-эркетеней, скорее, с этнически баргутским компонентом в составе эркетеней.

Цаатанско-эркетеневские параллели также обнаруживаются и на материале данных этнографии: структурные элементы обряда подношения огню (калм. *һал тәәлһи*) обнаруживают гораздо больше сходства у цаатанов с эркетенями, нежели с соседними багутами [ПМА 2024: Инф. 5].

Рассматривая взаимосвязи ойратских групп в вопросе о цаатанах, Э. П. Бакаева не исключает вывод о возможности этногенетического родства хойтов, батутов и цаатанов и вхождении их на раннем этапе в одно этнополитическое объединение олетов с чоросами [Бакаева 2011: 72], а также на материале этнографических данных приводит заключение о родстве «по кости» цаатанов и дербетов в их взаимной связи с цоросами (чоросами) [Бакаева 2011: 73].

В пользу связей торгутов-цаатанов с баргу-бурятской общностью говорят и данные лингвистики: как и у цаатанов, чередование [з] – [й] в начальной и средней позициях слова отмечается в языке туматов, качугских бурят и эхирит-булагатском говоре [Убушаев 2006: 26].

Далее, в целом соглашаясь с гипотезой о хойтском (каковые, наряду с баутутами и баргу-бураатами, были во множестве перераспределены между соседними более могущественными ойратскими и халхасскими феодалами в конце XVI – первой трети XVII в. [История Калмыкии 2009: 247–250]) происхождении цаатанов [Убушаев 2016: 124–125], авторы склонны отождествлять хойтов с этническими урянхайцами и в связи с последними считают возможным указать на следующий зафиксированный исторический факт: по итогам подавления мятежа трех правых туменов монгольским Даян-ханом около 1510 г., «баргуты и бурааты» откочевали на территорию, занимаемую Урянхайским тумэном [История Калмыкии 2009: 204].

Наконец, на то, что «наиболее тесные отношения бурят были с ойратским племенем торгут или торгоут», каковые выражены в образах Барга-батура и его старшего сына Илюдэр-Тургэна (он же Илюдэр-Торгут, Илюта-Тургут, Илют-Торгут), указывает Г. Н. Румянцев [Румянцев 1962: 172].

8. Выводы

Наличие «цоросовского» субклада у представителя аристократической линии икицохуровских зюнгаров подтверждает сведения о цоросовских корнях элиты дербетов и джунгаров, а равно свидетельствует в пользу автохтонно зюнгарского (джунгар-

ского) происхождения населения Зюнгарского аймака Икицохуровского улуса.

Образцы «цоросовского» субклада у калмыков-бузавов обнаруживают устойчивые и преимущественные связи их носителей с дербетами-бурулами.

Наличие же «цоросовского» C2-F1067 у торгутов можно объяснить историческими сообщениями о поглощении торгутами на Волге значительной части природных дербетов по выходе последних из Джунгарии, а равно сближают торгутов (в условиях преимущественного фиксирования «не-цоросовского» субклада C2-F1067 в их среде) с баргутами, так как в рамках соответствующего «баргутско-бурятского» пула C2-M407 гаплотип с аллельной комбинацией 11-11 по STR-локусу DYS385 фиксируется у баргутов и не фиксируется у бурят [Malyarchuk et al. 2016: 495].

Данные настоящего исследования о распределении «не-цоросовского» («баргутско-бурятского») субклада C2-F1067 у

калмыков показывают его широкое присутствие среди торгутов и, в частности, у цаатанов и эркетеней.

Совокупность исторических, этнографических и лингвистических данных позволяет установить наличие связей торгутов-цаатанов (и частично эркетеней) с баргутско-бурятской общностью, а также подтверждают выводы предыдущих исследований о связях первых с дербетами через цоросов (чоросов).

Все вышеозначенное подтверждается и актуализируется данными полученных Y-STR-гаплотипов и текущими сведениями о филогенетической структуре C2-F1067 (его подразделений): «цоросовский» субклад (предварительно отождествляемый с SNP-маркером C2-F9733, TMRCA = 550 лет) является ответвлением C2-F10378 (TMRCA = 1 050 лет) и образует одну из трех параллельных ветвей последнего наряду с C2-F10378* и баргутско-бурятским C2-Z4328 (TMRCA = 950 лет).

№	Субклад	Субэтнос	"Административный" улус	"Исторический" улус	Станица, ай-мак, нас. пункт	Род / родовая группа	Арван, төрт, отог, ясун	DYS456	DYS389 I	DYS390	DYS389 II	DYS458	DYS19	DYS385a	DYS385b	DYS393	DYS391	DYS439	DYS635	DYS392	GATA_H4	DYS437	DYS438	DYS448	DYS447	DYS449	DYS576	
7700-0060	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Денисовская (Ново-Николаевская) ст. (Богшрахна)		Бага буурл	15 13	23 23	28 28	19 19	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21	DYS448	DYS447	DYS449	19 27
7700-0055	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Власовская ст. (Бембедахня)		Бага буурл	15 13	23 23	28 28	19 19	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			28 20	
7700-0314	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Граблевская ст. (Цевдяхня)		Бага буурл	15 13	23 23	28 28	19 19	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			28 19	
7700-0958	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Власовская ст. (Бембедахня)		Бага буурл	15 13	23 23	28 28	19 19	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			28 19	
7700-0968	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Граблевская ст. (Цевдяхня)			15 13	23 23	28 28	17 17	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			27 19	
7700-0665	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Власовская ст. (Бембедахня)		Бага буурл	15 14	23 23	29 29	18 18	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	21 21	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21	27 27		28 19	
7700-0370	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Иловайская ст. (Зюнгара)		Кетполь	15 13	23 23	28 28	18 18	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			27 19	
7700-0115	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Власовская ст. (Бембедахня)		Шар мер-кит	15 13	23 23	28 28	18 18	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	21 21	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			28 19	
7700-0355	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	бузав			Кутейниковская ст. (Квюдя)		Шар мер-кит	15 13	23 23	28 28	18 18	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			27 18	
7700-0200	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	зюнгар			Зюнгар, Ньюкон	Зюнгар	Арслангуд	15 13	23 23	28 28	17 17	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	11 11	22 22	11 11	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21			27 19	
7700-0443	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	зюнгар			Олинг	Зюнгар	Мухрахн, ямана тавг	15 13	23 23	28 28	18 18	15 15	11 11	11 11	14 14	10 10	12 12	11 11	22 22	11 11	11 11	14 14	10 10	21 21	27 27		27 19	

7700-0473	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	зюнггар			Олинг	Зюнггар	Мухрахн, ямана тавг	15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	12 22	11 11	11 11	14 10	21 21	27 27	19
7700-0157	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	зюнггар			Зюнггар	Зюнггар	Мухрахн, ямана тавг; кюргчяхн	15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	12 22	11 11	11 11	14 10	21 21	27 27	19
7700-0433	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	зюнггар			Ницян	Зюнггар	Ханхашуд	15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 21	11 11	11 11	14 10	21 21	27 27	20
7700-0313	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	торгут					Шийдг гурвуд	15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 22	11 11	11 11	14 10	21 21	29 29	19
7700-0987	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	торгут			Белое Озеро			15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 22	11 11	10 10	14 10	21 21	27 27	19
7700-0305	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	торгут			Цекерга	Эрктн цаатн		15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 22	11 11	10 10	14 10	21 21	27 27	19
7700-0785	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	торгут			Артезиан	Эрктн цаатн		15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 22	11 11	10 10	14 10	21 21	27 27	19
7700-0789	C2 M217> F1067 (D385=11-11)	торгут			Белое Озеро	Шемнр (эрктн)		15 13	23 28	18 15	11 11	14 10	11 22	11 11	11 11	14 11	21 21	27 27	19
7700-0683	C2 M217> F1067 (D385=11-17)	бузав			Денисовская (Ново-Нико- лаевская) ст. (Богшрахна)		Шар мер- киг	15 13	22 28	15 11	17 17	14 10	13 22	11 11		14 10	21 21	26 27	18
7700-0808	C2 M217> F1067 (D385=11-17)	торгут		Ик по- охр	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Шамхуд	15 13	23 28	15 11	17 17	14 10	13 21	11 11		14 10	21 21	26 27	18
7700-0807	C2 M217> F1067 (D385=11-17)	торгут		Ик по- охр	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Шамхуд	15 13	22 28	15 11	17 17	14 10	13 22	11 11		14 10	21 21	26 27	18
7700-0484	C2 M217> F1067 (D385=11-17)	торгут		Эрктн	Хоринский ай- мак, Ик Чагур	Ах цаатн		15 13	22 28	15 11	17 17	13 10	12 22	11 11		14 10	21 21	27 27	19

7700-0964	S2 M217> F1067 (D385=11-17)	торгут	Эрктн	Цаатн	Кек-Усуун	Эрктн цаатн		15	13	23	28	18	15	11	17	14	10	13	21	11	11	14	10	21	27	18
7700-0704	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	бузав			Иловайская ст. (Зюнгара)	Шавад		15	13	23	28	15	11	18	15	10	11	22	11	11	14	10	21	27	27	19
7700-1017	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	дербет (бага)			Кёк-Булг	Аавихн		15	13	23	28	18	15	11	18	14	10	11	22	11	11	14	10	21	26	19
7700-1055	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	дербет (икн)			Башанга	Авгтр		15	13	23	28	17	15	11	18	14	10	11	21	11	11	14	10	21	27	17
7700-0574	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	дербет (икн)			Зимовники	Болдахн (Богдын шявр)	Дан- ег(-муд)	15	13	23	28		15	11	18	14	10	13	21	11		14	10	21	27	18
7700-0657	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	зюнгар	Хошула		Зюнгар		от зайсан- га Габун Джамбы	15	13	23	28		15	11	18	14	10	12	21	11		14	10	21	27	18
7700-0910	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	зюнгар	Хошула		Астрахань	Зюнгар	от зайсан- га Габун Джамбы	15	13	23	28		15	11	18	14	10	12	21	11		14	10	21	27	18
7700-0219	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	зюнгар			Зюнгар	Зюнгар	Бадмахн	15	13	23	28	18	15	11	18	14	10	12	22	11	11	14	10	21	27	19
7700-0649	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Бан цоохр	Эрктн	Табун Арал	Эрктн > Ёндр		15	13	23	28		15	11	18	14	10	13	21	11		14	10	21	27	18
7700-0639	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Бан цоохр		Цаган-Аман			16	13	23	28		15	11	18	14	10	11	21	11		14	10	22	27	18

7700-0440	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Баһ цоохр		Камышово	Барун		15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	27	27	19
7700-0806	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Кёкняхн	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	27	27	18
7700-0558	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Адык	Яргчн эрктн	Тявняхн	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	28	27	18
7700-0557	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Тявняхн	15	13	23	28	16	11	18	11	14	10	21	27	27	17
7700-0805	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Тявняхн	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	27	27	17
7700-0802	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Цаган-Усун	Яргчн эрктн	Тявняхн	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	27	27	18
7700-0566	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр	Эрктн	Ачинеры	Ачр	Шивяхн	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	26	27	18
7700-0444	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Ик цо- охр		Эрмели	Гунджан шабинер		15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	26	26	18
7700-0672	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Терские	Цаатн	Башанга	Ах цаатн	Бол- дн(-ахн)	15	13	23	28	15	11	18	11	14	10	21	27	28	18
7700-0422	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Харахус		Хулхута, Эрд- ниевский	Харахус	Цатхлнг	15	13	23	28	18	15	18	11	14	10	21		27	18

7700-0830	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Харахус		Эрдниевский	Харахус	Эрднихн	15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	26	27	18
7700-0823	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Харахус	Хулхуга		Харахус	Эрднихн	15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	26	27	18
7700-0661	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Хошуда		Бергин		Укшанхн	15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	28	27	18
7700-0538	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Баһуд	Бальджин	Шарс багуд	Шёркс	15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	26	27	18
7700-0295	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн		Цекерга			15	13	23	28	18	15	11	18	14	10	21	27	18
7700-0791	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаатн	Хапчин	Бага цаатн		15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	27	27	19
7700-0257	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаатн	Хапчин	Бага цаатн>> ики ча- атнахн		15	13	23	28	17	15	11	18	14	10	21	27	19
7700-0492	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаатн	Тепя	Бага цаатн		15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	26	27	18
7700-0486	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаатн	Хамхулга	Бага цаатн		16	13	23	28	15	11	18	14	10	21	26	27	18
7700-0510	C2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаатн	Улан-Хол, Белое Озеро	Цаатн (просто)		15	13	23	28	15	11	18	14	10	21	27	27	18

7700-0532	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаагн	Улан-Хол	Цаагн (просто)		16	13	23	28	16	11	18	14	10	12	21	11	14	10	21	26	27	17
7700-0301	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаагн	Цекерга	Эрктн цаагн		15	13	23	28	15	11	18	14	10	13	21	11	14	10	21	27	27	18
7700-0786	S2 M217> F1067 (D385=11-18)	торгут	Эрктн	Цаагн	Белое Озеро	Эрктн цаагн		15	13	23	28	15	11	18	14	10	13	21	11	14	10	21	26	27	18
7700-0677	S2 M217> F1067 (D385=11-19)	бузав			Грабевская ст. (Цевдияхня)			15	13	23	28	15	11	19	14	10	12	22	11	14	10	21	27	26	18
7700-0546	S2 M217> F1067 (D385=11-19)	торгут	Эрктн	Эрктн	Намту	~Эрктн		15	13	23	28	15	11	19	14	10	13	22	11	14	10	21	27	27	19
7700-0527	S2 M217> F1067 (D385=12-18)	торгут	Эрктн	Цаагн	Нарн-Худух	Эрктн цаагн		15	13	23	28	15	12	18	14	10	13	21	11	14	10	21	26	27	18
7700-0121	S2 M217> F1067 (D385=12-19)	бузав			Денисовская (Ново-Николаевская) ст. (Богшрахна)	Шар мон-гол		15	14	23	30	15	12	19	14	8	11	21	11	14	10	21	28	28	18
7700-0290	S2 M217> F1067 (D385=12-19)	торгут	Эрктн		Старый Улан-Хол, Цомок			15	13	23	29	16	15	12	19	14	10	11	21	11	14	10	21	30	18

Полевые материалы С. В. Джагрунова

- ПМА 2021: Инф. 1 — А. С. А., муж., 1978 г. р., ясун бага бурул (запись 2021 г., г. Элиста).
- ПМА 2021: Инф. 2 — С. К. Н., муж., 1956 г. р., ясун кептюль (запись 2021 г., г. Элиста).
- ПМА 2021: Инф. 3 — А. И. Ч., муж., 1951 г. р., ясун кептюль (запись 2021 г., г. Элиста).
- ПМА 2021: Инф. 4 — А. Б. Н., муж., 1960 г. р., ясун кептюль (запись 2021 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 1 — К. А. А., муж., 1991 г. р., род ямана тавг > кюргчняхин (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 2 — Б. С. Н., муж., 1975 г. р., род ханцнахин / ханхацхуд (запись 2024 г., п. Чилгир, Яшкульский район).
- ПМА 2024: Инф. 3 — М. О. Л., муж., 1967 г. р., ясун хорха тугтун (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 4 — М. Х. С., муж., 1971 г. р., ясун бага бурул (запись 2024 г., г. Элиста).
- ПМА 2024: Инф. 5 — Х. Б. А., муж., 1969 г. р., род бага цаатн (запись 2024 г., г. Элиста).

Field Data of S. Dzhagrunov

- Informant 1-2021: A. S. A., male, b. 1978, yasun *Baga Buurul*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)
- Informant 2-2021: S. K. N., male, b. 1956, yasun *Keptül*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)
- Informant 3-2021: A. I. Ch., male, b. 1951, yasun *Keptül*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)
- Informant 4-2021: A. B. N., male, b. 1960, yasun *Keptül*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2021. (In Russ.)
- Informant 1-2024: K. A. A., male, b. 1991, clan *Yamana Tavg > Kürgchnäkhin*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 2-2024: B. S. N., male, b. 1975, clan *Khantsnakhin / Khankhatskhud*. Rec. in Chilgir (Yashkulsky District, Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 3-2024: M. O. L., male, b. 1967, yasun *Khorkha Tugtun*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 4-2024: M. Kh. S., male, b. 1971, yasun *Baga Buurul*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)
- Informant 5-2024: Kh. B. A., male, b. 1969, clan *Baga Tsaatan*. Rec. in Elista (Republic of Kalmykia, Russia), 2024. (In Russ.)

Источники

- YFull: C-F1067 — C-F1067 [электронный ресурс] // YFull.com. URL: <https://www.yfull.com/tree/C-F1067/> (дата обращения: 02.10.2024).
- Анны орден — Анны орден (орден Святой Анны) // Большая российская энциклопедия / науч.-ред. совет: Ю. С. Осипов [и др.]. Т. 2: Анкилоз – Банка. М.: науч. изд-во «Большая российская энциклопедия», 2005. С. 12–13
- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
- Поиск героев 1914–1918 — Поиск героев войны (Мангатов Борис) [электронный ресурс] // Памяти героев Великой войны 1914–1918. URL: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrad:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (дата обращения: 02.10.2024).

Sources

- C-F1067. On: YFull.com. Available at: <https://www.yfull.com/tree/C-F1067/> (accessed: 2 October 2024). (In Russ.)
- Order of Saint Anna. In: Osipov Yu. S. et al. (eds.) *Great Russian Encyclopedia. Vol. 2: Анкилоз – Банка*. Moscow: Great Russian Encyclopedia, 2005. Pp. 12–13. (In Russ.)
- National Archive of the Republic of Kalmykia.
- Searching for Heroes (Mangatov Boris). On: *Commemorating the Great War of 1914–1918 and Its Heroes*. Available at: https://gwar.mil.ru/heroes/?last_name=%D0%9C%D0%B0%D0%BD%D0%B3%D0%B0%D1%82%D0%BE%D0%B2&first_name=%D0%91%D0%BE%D1%80%D0%B8%D1%81&groups=awd:ptr:frc:cmd:prs&types=awd_nagrad:awd_kart:potery_doneseniya_o_poteryah:potery_gospitali:potery_spiski_zahoroneniya:potery_voennoplen:frc_list:cmd_commander:prs_person&page=1 (accessed: 2 October 2024). (In Russ.)

Литература

- Авляев 1973 — *Авляев Г. О.* Этнический состав и расселение калмыков Икицохуровского улуса Астраханской губернии в конце XIX и начале XX в. (на базе полевых исследований) // *Этнографические вести*. № 3. Элиста: КНИИЯЛИ, 1973. С. 108–126.
- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и исправл. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
- Алексеева 1997 — *Алексеева П. Э.* Станица Граббевская (XVII век – декабрь 1943 г.): Исторический очерк. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1997. 191 с.
- Алексеева, Борманджинов 1999 — *Алексеева П. Э., Борманджинов А. Э.* Об этническом составе донских калмыков. Элиста: КИГИ РАН, 1999. 41 с.
- Бакаева 2011 — *Бакаева Э. П.* Калмыки-цаатаны: к проблеме происхождения этнической группы и этимологии этнонима // *Oriental Studies*. 2011. Т. 4. № 2. С. 68–74.
- Бичурин 1834 — *Бичурин Н. Я. (Иакинф)* Историческое обозрение ойратов или калмыков с XV столетия до настоящего времени / сочинено монахом Иакинфом. СПб.: Тип. Мед. деп-та Мин-ва внутренних дел, 1834. 255, [13] с., 1 л. карт.
- Джагрунов, Булуктаев 2024 — *Джагрунов С. В., Булуктаев А. А.* Цорос, чорос, багатуд: к вопросу о происхождении цоросов (по материалам Y-STR-гаплотипов C2-F1067 у калмыков). Часть 1: дербеты // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 4. С. 835–848. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- История Калмыкии 2009 — *История Калмыкии с древнейших времен до наших дней: в 3 т. / отв. ред. К. Н. Максимов, Н. Г. Очирова. Т. 1.* Элиста: Герел, 2009. 848 с.
- Лунный свет 2003 — *Лунный свет: Калмыцкие историко-литературные памятники: пер. с калм. / сост., ред., вступ. сл., предисл., коммент. А. В. Бадмаева.* Элиста: Калм. кн. изд-во, 2003. 477 с.: ил.
- Манжиков 1998 — *Манжиков С. К.* Жизнь прожить — не поле перейти. Элиста: Джангар, 1998. 187 с.
- Минаев 2018 — *Минаев О. Л.* Зюнгарцы: Поименный список 80-го Зюнгарского Донского Калмыцкого конного полка в составе Донской армии (1918–1920 гг.). Ростов н/Д: ИП А. С. Ютишев, 2018. 239 с.
- Митиров 1998 — *Митиров А. Г.* Ойраты — калмыки: века и поколения. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1998. 384 с.

References

- Avlyayev G. O. Sub-ethnic divisions and localities of Kalmyks inhabiting Ikitsokhurovsky District of Astrakhan Governorate, late nineteenth and early twentieth centuries: Analyzing some field data. In: *Ethnographic Messages*. Vol. 3. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1973. Pp. 108–126. (In Russ.)
- Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E. The Stanitsa of Grabbevskaya, Seventeenth to Mid-Twentieth (December 1943) Centuries: A Historical Essay. Elista: Kalmykia Book Publ., 1997. 191 p. (In Russ.)
- Alekseeva P. E., Bormanshinov A. E. Revisiting the Ethnic Composition of the Don Kalmyks. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 1999. 41 p. (In Russ.)
- Bakaeva E. P. Tsaatan Kalmyks: Towards one problem of origin of the ethnic group and etymology of the ethnonym. *Oriental Studies*. 2011. Vol. 4. No. 2. Pp. 68–74. (In Russ.)
- Bichurin N. Ya. (Hyacinth) A Historical Review of Oirats or Kalmyks: From the Fifteenth Century to the Present. St. Petersburg: Ministry of Internal Affairs, 1834. 255, [13] p. (In Russ.)
- Dzhagrunov S. V., Buluktaev A. A. Tsoros, Choros, Bayatud: Discussing origins of the Tsoros (With evidence from C2-F1067 Y-STR haplotypes of Kalmyks). Part 1: The Dorbet. *Oriental Studies*. 2024. Vol. 17. No. 4. Pp. 835–848. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2024-74-4-835-848
- Maksimov K. N., Ochirova N. G. (eds.) History of Kalmykia: From Earliest Times to Present Days. In 3 vols. Elista: Gerel, 2009. Vol. 1. 848 p. (In Russ.)
- Badmaev A. V. (comp., ed.) The Moonlight: Kalmyk Historical and Literary Texts. Elista: Kalmykia Book Publ., 2003. 477 p. (In Russ.)
- Manzhikov S. K. A Life Lived — No Field Crossed. Elista: Dzhangar, 1998. 187 p. (In Russ.)
- Minaev O. L. The Dzungars: A Name List of the 80th Dzungar Don Kalmyk Mounted Regiment of the Don Army, 1918–1920. Rostov-on-Don: A. Yutishev, 2018. 239 p. (In Russ.)
- Mitirov A. G. Oirats — Kalmyks: Centuries and Generations. Elista: Kalmykia Book Publ., 1998. 384 p. (In Russ.)

- Митиров 2002 — *Митиров А. Г.* Истоки. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 272 с.
- Митиров A. G. The Beginnings. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 272 p. (In Russ.)
- Нимеева 2019 — *Нимеева Н. С.* Зюнгагцы — участники Великой Отечественной войны // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2019. № 2(39). С. 69–78. DOI: 10.24411/2071-7830-2019-10055
- Nimeeva N. S. Dzungars — participants of the Great Patriotic War. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2019. No. 2(39). Pp. 69–78. (In Russ.) DOI: 10.24411/2071-7830-2019-10055
- Очир 2016 — *Очир А.* Монгольские этнонимы: вопросы происхождения и этнического состава монгольских народов. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 286 с.
- Ochir A. Ethnonyms of Mongols: Insights into Genesis and Ethnic Composition of Mongolic Peoples. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 286 p. (In Russ.)
- Пальмов 2007 — *Пальмов Н. Н.* Материалы по истории калмыцкого народа за период пребывания в пределах России / сост., вступит. ст. и примеч. А. М. Джалаевой. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2007. 464 с.
- Palmov N. N. The Kalmyk Peoples within Russia's Borders: Historical Materials. A. Dzhalaeva (comp., foreword, etc.). Elista: Kalmykia Book Publ., 2007. 464 p. (In Russ.)
- Письменные памятники 2016 — Письменные памятники по истории ойратов XVII–XVIII веков: сборник / сост., пер. со старописъм. монг., транслит. и коммент. В. П. Санчирова. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 270 с.
- Sanchirov V. P. (comp., etc.) Seventeenth- and Eighteenth-Century Written Sources on Oirat History. Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 270 p. (In Russ.)
- Румянцев 1962 — *Румянцев Г. Н.* Происхождение хоринских бурят / отв. ред. Е. М. Залкинд. Улан-Удэ: Бур. кн. изд-во, 1962. 267 с.
- Rumyantsev G. N. Origins of the Khori Buryat. E. Zalkind (ed.). Ulan-Ude: Buryatia Book Publ., 1962. 267 p. (In Russ.)
- Санчиров 1990 — *Санчиров В. П.* «Илэтхэл шастир» как источник по истории ойратов. М.: Наука, ГРВЛ, 1990. 137 с.
- Sanchirov V. P. Iletkhel Shastir as a Source on Oirat History. Moscow: Nauka, GRVL, 1990. 137 p. (In Russ.)
- Убушаев 2006 — *Убушаев Н. Н.* Диалектная система калмыцкого языка. Элиста: Джангар, 2006. 255 с.
- Ubushaev N. N. Selected Articles. A. Bayanova et al. (comps.). Elista: Kalmyk Humanities Research Institute (RAS), 2016. 184 p. (In Russ.)
- Убушаев 2016 — *Убушаев Н. Н.* Избранные статьи / сост. А. Т. Баянова и др. Элиста: КИГИ РАН, 2016. 184 с.
- Ubushaev N. N. Kalmyk Dialect System. Elista: Dzhangar, 2006. 255 p. (In Russ.)
- Шантаев 2010 — Некоторые особенности соотношения калмыцких этнонимов и антропонимов // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2010. № 2(21). С. 162–163.
- Shantaev B. A. Correlation between Kalmyk ethnonyms and anthroponyms: Identifying some aspects. *Vestnik Instituta kompleksnykh issledovaniy aridnykh territoriy*. 2010. No. 2(21). Pp. 162–163. (In Russ.)
- Шовунов 1992 — *Шовунов К. П.* Калмыки в составе российского казачества (вторая половина XVII–XIX вв.). Элиста: Союз казаков Калмыкии, Калм. инст. обществ. наук, 1992. 320 с.
- Shovunov K. P. Kalmyks in Cossack Hosts of Russia, Mid-Seventeenth to Nineteenth Centuries. Elista: Cossack Union of Kalmykia, Kalmyk Institute of Social Sciences, 1992. 320 p. (In Russ.)
- Эрдниев 1974а — *Эрдниев У. Э.* Материалы по калмыцкой этнонимии // Вестник института. № 10. Серия этнографии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 99–115.
- Erdniev U. E. Materials in Kalmyk ethnonymy. In: Bulletin of the Institute. Vol. 10. Series 'Ethnography'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 99–115. (In Russ.)
- Эрдниев 1974б — *Эрдниев У. Э.* Проблемы калмыцкой этнонимии (о происхождении некоторых «этнонимов») // Вестник института. № 10. Серия этнографии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 24–35.
- Erdniev U. E. Issues of Kalmyk ethnonymy: On origins of some 'ethnonyms'. In: Bulletin of the Institute. Vol. 10. Series 'Ethnography'. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 24–35. (In Russ.)

- Эрдниев 1974в — Эрдниев У. Э. Этнический состав калмыков на рубеже XIX–XX вв. // Вестник института. № 10. Серия этнографии. Элиста: КНИИЯЛИ, 1974. С. 36–66.
- Adamov, Volkov 2012 — Adamov D., Volkov V. About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros // *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2012. Vol. 4. Is. 2. Pp. 17–21.
- Fenner 2005 — Fenner J. N. Cross-cultural estimation of the human generation interval for use in genetics-based population divergence studies // *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 128. Is. 2. Pp. 415–423.
- Huang et al. 2018 — Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L.-X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D.-L., Jin L., Li H. Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407 // *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Pp. 657–663. DOI: 10.1007/s00438-017-1403-4
- Malyarchuk et al. 2016 — Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Woźniak M., Rogalla U., Dambueva I., Grzybowski T. Y chromosome haplotype diversity in Mongolic-speaking populations and gene conversion at the duplicated STR DYS385a,b in haplogroup C3-M407 // *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 61. Pp. 491–496. DOI: 10.1038/jhg.2016.14
- Perdue 2005 — Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. XX, 725 p.
- Wu et al. 2020 — Wu Q., Cheng H.-Z., Sun N., Ma P.-C., Sun J., Yao H.-B., Xie Y.-M., Li Y.-L., Meng S.-L., Zhabagin M., Cai Y.-H., Lu D.-R., Yan S., Wei L.-H. Phylogenetic analysis of the Y-chromosome haplogroup C2b-F1067, a dominant paternal lineage in Eastern Eurasia // *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 65. Pp. 823–829. DOI: 10.1038/s10038-020-0775-1
- Erdniev U. E. Kalmyk sub-ethnic divisions at the turn of the twentieth century. In: *Bulletin of the Institute*. Vol. 10. Series ‘Ethnography’. Elista: Kalmyk Research Institute of Language, Literature and History, 1974. Pp. 36–66. (In Russ.)
- Adamov D., Volkov V. About C3d (M407) haplotype of the Teleut clan Choros. *The Russian Journal of Genetic Genealogy*. 2012. Vol. 4. No. 2. Pp. 17–21. (In Eng.)
- Fenner J. N. Cross-cultural estimation of the human generation interval for use in genetics-based population divergence studies. *American Journal of Physical Anthropology*. 2005. Vol. 128. No. 2. Pp. 415–423. (In Eng.)
- Huang Y.-Z., Wei L.-H., Yan S., Wen S.-Q., Wang C.-C., Yang Y.-J., Wang L.-X., Lu Y., Zhang C., Xu S.-H., Yao D.-L., Jin L., Li H. Whole sequence analysis indicates a recent southern origin of Mongolian Y-chromosome C2c1a1a1-M407. *Molecular Genetics and Genomics*. 2018. Vol. 293. Pp. 657–663. (In Eng.) DOI: 10.1007/s00438-017-1403-4
- Malyarchuk B., Derenko M., Denisova G., Woźniak M., Rogalla U., Dambueva I., Grzybowski T. Y chromosome haplotype diversity in Mongolic-speaking populations and gene conversion at the duplicated STR DYS385a,b in haplogroup C3-M407. *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 61. Pp. 491–496. (In Eng.) DOI: 10.1038/jhg.2016.14
- Perdue P. C. China Marches West: The Qing Conquest of Central Eurasia. Cambridge, MA; London: Belknap Press of Harvard University Press, 2005. XX, 725 p. (In Eng.)
- Wu Q., Cheng H.-Z., Sun N., Ma P.-C., Sun J., Yao H.-B., Xie Y.-M., Li Y.-L., Meng S.-L., Zhabagin M., Cai Y.-H., Lu D.-R., Yan S., Wei L.-H. Phylogenetic analysis of the Y-chromosome haplogroup C2b-F1067, a dominant paternal lineage in Eastern Eurasia. *Journal of Human Genetics*. 2016. Vol. 65. Pp. 823–829. (In Eng.) DOI: 10.1038/s10038-020-0775-1

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1096–1105, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 291.8

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1096-1105

Иерархическая и символическая структура объектов Прибежища

Баазр Александрович Бичеев¹

- ¹ Калмыцкий государственный университет им. Б. Б. Городовикова (д. 11, ул. Пушкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)
 доктор философских наук, профессор
 0000-0002-9352-7367. E-mail: [baazar\[at\]mail.ru](mailto:baazar[at]mail.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бичеев Б. А., 2024

Аннотация. В статье рассматривается иерархическая и символическая структура объектов, визуализируемых в практике принятия обета Прибежища. *Цель* статьи — выявить иерархическую и символическую структуру объектов Прибежища, определить их роль и значение в практике духовного самосовершенствования в буддизме. *Материалы и методы.* Для данного исследования привлечена ойратская рукопись руководства к практике Прибежища, составленная в конце XVII в. При анализе текста, исходя из поставленной цели, использовался междисциплинарный подход, включавший методы философского, религиоведческого и текстологического анализа. *Результаты.* Тексты руководства практики Прибежища представляют особый вид буддийской литературы, в содержании которых этико-религиозные наставления даются в тесной связи с техникой визуализации конкретных объектов почитания. На ойратском «ясном письме» известна рукопись под названием «Дверь, ведущая в Учение, размышление о руководстве к практике Прибежища, именуемое „Утолителю чайний благочестивых“» («Šajind-du orochoyın öüden itegeliyin kötölböriyin sedkilge sayın xubitani erel xangyaqçı kemëkü orošibo»). Текст этого руководства является оригинальным ойратским сочинением, составленным в конце XVII в. Среди других произведений подобного вида данное руководство выделяется структурой, объемом и содержанием. В нем содержатся не только традиционные наставления по технике визуализации объектов Прибежища и способов получения новых знаний в процессе медитативной практики, но и около двух десятков нарративов дидактического содержания. Согласно традиции буддизма, только принявший обет Прибежища считается вступившим на путь просветления. Исходя из такой цели, выстраивается иерархия объектов Прибежища и вербальная аффирмация, способствующая закреплению в сознании объектов почитания.

Ключевые слова: буддизм, Прибежище, руководство к практике Прибежища, текст, рукопись, объекты Прибежища, иерархия объектов почитания, техника визуализации

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РФФ в рамках проекта «Нравственный императив символа веры: стабилизация этических норм буддизма» (№ 23-28-00803, <https://rscf.ru/project/23-28-00803/>).

Для цитирования: Бичеев Б. А. Иерархическая и символическая структура объектов Прибежища // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1096–1105. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1096-1105

Objects of Refuge: Hierarchical and Symbolic Structure

Baazr A. Bicheev¹

¹ Gorodovikov Kalmyk State University (11, Pushkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Professor

 0000-0002-9352-7367. E-mail: baazr[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bicheev B. A., 2024

Abstract. The article examines a hierarchical and symbolic structure of objects visualized in the traditional vow-taking practice of Refuge. *Goals.* The paper seeks to outline the mentioned structure and identify roles (and significance) attributed to the objects of Refuge on the path of spiritual self-improvement in Buddhism. *Materials and methods.* The study analyzes a seventeenth-century Oirat manuscript serving a guide to the practice of Refuge. The employed interdisciplinary approach involves a variety of research methods, including those of philosophical, textual, and religious analysis. *Conclusions.* Refuge manuals constitute a special type of Buddhist literature that introduce ethical and religious instructions — in close connection with certain visualization techniques. Inter alia, there is an Oirat-language (in Clear Script) manuscript titled ‘The Door to the Teaching [and] Reflection on the Guide to the Practice of Refuge Referred to as ‘The Quencher of Hopes of the Pious’ (Oir. *Šajindu oroxoyin öüden itegeliyin kötölböriyin sedkilge sayin xubitani erel xangyaqči kemēkü orošibo*). This manual is notable enough since, unlike other texts, it contains not only traditional instructions on performing visualization techniques and obtaining new knowledge during meditative practices — but also delivers about two dozens of didactic narratives. According to the Buddhist tradition, the one who has just taken the vow of Refuge feels (in the flow of his consciousness) the presence of an imperative determination to achieve Enlightenment for the benefit of living beings, which actually defines him as a Buddhist, i.e. an individual on the Path toward Enlightenment. With due regard of the outlined context, a hierarchy of objects of Refuge is articulated through the visualization technique and verbal affirmations to imprint the required objects or dogmatic directives in consciousness.

Keywords: Buddhism, Refuge, vow of Refuge, guide to the practice of Refuge, text, manuscript, objects of Refuge, visualization technique, meditative concentration

Acknowledgements. The reported study was granted by Russian Science Foundation, project no. 23-28-00803 ‘The Moral Imperative of Faith: Stabilization of Buddhist Ethical Norms’. Available at: <https://rscf.ru/project/23-28-00803>.

For citation: Bicheev B. A. Objects of Refuge: Hierarchical and Symbolic Structure. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1096–1105. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1096-1105

1. Введение

В традиции буддизма духовное развитие личности связано с самодисциплиной, наличие которой позволяет человеку реализовать присущий ему потенциал для осуществления конечной цели — достичь состояния просветления. Путь к этой цели, указанный Буддой, доступен каждому человеку независимо от его социальной стратификации и этнокультурной традиции. Достаточно лишь доброй воли и решимости, чтобы принять обет Прибежища (тиб. *skyabs su 'gro ba*; ойр. *ibēl yabuulxui*). Исходя из существующей традиции, буддистом считается тот, кто принял обет Прибежища и в сознании кото-

рого присутствует императивная ситуация, побуждающая к достижению просветления во благо всех живых существ. Поэтому первое наставление, которое традиционно дают буддийские учителя, посвящено теме добровольного и осознанного принятия обета Прибежища [Вангъял 1993; Тинлей 1997; Пакчок 2016].

Обет Прибежища, по образному выражению, утвердившемуся в буддизме, является единственной дверью, ведущей в Дхарму [Тинлей 1996: 25]. Добровольное вступление на путь самодисциплины способствует осознанному обретению знания через индивидуальный опыт концентрации сознания,

поскольку сам по себе процесс мышления дисциплиной не обладает. Трудный и долгий путь дисциплины ума, не функционирующего в соответствии с его истинной природой, связан с поэтапной практикой духовного совершенствования.

Формально практика Прибежища — это сосредоточенность сознания на правильном направлении мыслей. Это способствует отречению ума от обыденной действительности и концентрации сознания на объектах Прибежища. Поэтому упор на сосредоточенность сознания — основа любой медитативной практики в буддизме. Техника визуализации объектов почитания достаточно подробно излагается в специальных руководствах к практике обета Прибежища, которые содержат в себе догматические, философские и йогические аспекты религиозно-этической системы буддийского учения.

Исходя из способностей практикующих, определяются разные уровни практики Прибежища. По мнению исследователей, в сложившихся традициях различных медитативных практик буддизма, присутствуют как поверхностные, так и более глубокие переживания трансперсональных состояний, из которых складывается своеобразный индивидуальный опыт. Однако это всего лишь различные исходные точки, с которых начинается движение к одной конечной цели [Торчинов 2007: 30].

2. Материалы и методы

Текст буддийской молитвы «Прибежище» (ойр. «Itegel ogošibo») представляет собой синтез обетов мирянина и бодхисаттвы, религиозных догматов и медитативной практики. С одной стороны, основные положения буддийской догматики даны в тесной связи с тантрическими ритуалами очищения от кармических загрязнений и подношения мандалы. С другой стороны, это молитва, в которой есть исповедание веры, есть восхваление объектов Прибежища, есть просьбы и пожелания, обращенные к этим объектам [Позднеев 1887: 310–313].

Исходя из содержания этой молитвы в каждом тексте руководства к практике Прибежища, религиозно-этические наставления

и техника визуализации объектов даются в тесной взаимосвязи двух составляющих этой практики. Поэтому для анализа содержания подобных текстов руководств необходим комплексный подход с использованием соответствующих методов религиоведческих, философских, этических, культурологических научных дисциплин.

В буддизме с помощью погружения в особое состояние сознания обретается индивидуальный опыт познания того, что находится за пределами обыденного восприятия мира. Технике достижения подобных состояний посвящен отдельный вид текстов, который известен под общим названием «Руководство к практике Прибежища». На ойратском «ясном письме» таких текстов сохранилось немало [Сазыкин 2001: № 3095–3096, 3100–3101; Gerelma 2005: № 637(66), № 814(86), № 155; Itegeliiyin № 637(46); Alateng et al. 2021]. Часть из них представляет переводы с тибетского языка, но есть и оригинальные тексты, составленные ойратскими и калмыцкими монахами [Сетенев 1914; Вангъял 1993].

Некоторые руководства достаточно объемны по своему содержанию, другие — чрезвычайно лаконичны. Последние обычно содержат наставления по первому из восьми основных положений текста молитвы «Прибежища» — визуализации «райской обители» (ойр. *čuulγani tarālang*) или обители Прибежища. Освоение этого начального уровня служит ступенью к переходу на следующий этап духовного развития. Одним из образцов такого краткого руководства является ойратская рукопись под общим для таких сочинений названием «Руководство к практике Прибежища» («Itegeliiyin kütölbör ogošibo»). Она хранится в ойратской коллекции рукописей Института языка и литературы Монгольской академии наук под № 637(46) [Gerelmaa 2005: 221].

Однако этот начальный уровень практики при наличии общей для всех руководств теме визуализации сонма Прибежища может заметно отличаться структурой и иерархией объектов почитания. К примеру, традиционная в буддизме структура Цокшина (тиб. *tsog zhin*) или Древа Собрания заметно отличается от структуры объектов Прибежища в

вышеупомянутом кратком ойратском тексте № 637(66), в котором преобладают тантрические объекты поклонения [Джанжа Ролби 1997: 9; Бичеев, Тюмидова 2023: 66].

Отличается структура объектов Прибежища рукописи № 637(66) и от структуры объектов ойратского текста под названием «Дверь, ведущая в Учение, размышление о руководстве к практике Прибежища, именуемое „Утолителю чаяний благочестивых“» («Šajind-du orochoyin öüden itegeliyin kötölböriyin sedkilge sayin xubitani erel xanguyačči kemëkü orošibo»). Этот рукописный список с ойратского ксилографа также хранится в ойратской коллекции рукописей Института языка и литературы Монгольской академии наук под № 637(46) [Gerelmaa 2005: 224].

Рукопись этого руководства на «ясном письме» состоит из 40 листов традиционной формы «потхи» большого размера (52 × 10,3 см). Текст состоит из пяти разных по объему глав, в которых даны практические рекомендации к восьми основным разделам молитвы «Прибежища». Помимо непосредственных наставлений по медитативной практике в них также содержатся рассказы о духовных подвигах ойратских монахов, учеников Зая-пандиты, а также легенды и джатаки, иллюстрирующие базовые положения буддийского учения.

3. Структура и содержание рукописи № 637(46)

Среди ойратских переводов буддийских сочинений, выполненных Зая-пандитой, первыми значатся молитва «Прибежище» («Itegel orošibo») и «Руководство к практике Прибежища» («Itegeli-yin kötölbür») [Раднабхадра 1999: 62]. Текст молитвы «Прибежище», несмотря на свой скромный объем, состоит из восьми основных разделов. Три первые темы — выражение почтения объектам Прибежища, принятие Прибежища в Трех драгоценностях и выражение почтения шести защитникам Дхармы — соотносятся с обетами мирянина. Три следующие темы — произнесение клятвенных формул бодхичитты, семичленной молитвы и четырех безмерных — связаны с обетами бодхисаттвы [Бичеев 2004: 27].

Соответственно этим разделам молитвы «Прибежище» выстраивается и содержание текстов руководства к практике Прибежища. Рукопись № 637(46) состоит из вводной части, пяти глав и колофона.

3.1. Колофон рукописи

Рукопись № 637(46), как уже было отмечено, представляет список с ойратского ксилографа, выполненного в 1744 г. в Джунгарском ханстве во времена правления хунтайджи Галдан-Церена (1727–1745). Некоторые данные о заказчике и исполнителях текста этого руководства содержатся в колофоне рукописи [Лувсанбалдан 1975: 120–121]. Заказчиком этого текста, согласно содержанию колофона рукописи, была Буувей-убсанца, представительница рода Гуши-хана (güüši xāni izour ündüsülel büyibeі ubsanca). Автор этого сочинения — бывший лама монастыря Гоманг (sgo mang zur pa blama) Свадхи Лакшми (санск. sudhi lakṣim, тиб. blo bzang phun tshogs). Переписчиком текста назван гецуль Ринчен Джампо (dge čül rin čen bčang po bui) [Itegeliyin № 637(46)].

В колофоне не указан год создания этого текста. Исходя из данных колофона и самого текста руководства о деятельности ойратских монахов, учеников Зая-пандиты (ум. в 1662 г.), можно предположить, что руководство могло быть создано в конце XVII в., когда в Джунгарии власть перешла к Цэван-Рабдану (1697–1727). По его указу было образовано пять «джисанов», которые были призваны способствовать деятельности ойратских монастырей Сакпа (Sggaqs pa), Тосамлинг (Tos bsam gling dge slong), Дулва, Ламрим (Lamrim), Ики Хурул.

3.2. Колофон ксилографа

Колофон ойратского ксилографа краток, но достаточно информативен и содержит указание на донатора, дату и имена исполнителей, подготовивших текст к печати. Донатором и инициатором ксилографического издания этого руководства был правитель Джунгарии, «милостынедатель желтой веры Галдан Церен» (šariyin šajini öqligüyin ezen dga' ldan tshe ring dbang po zarliyār), который правил с 1727 г. по 1745 г. [Itegeliyin № 637(46)].

Гелонг Шараб Джамцо (dge slong shes rab rgya mtsho) составил по нескольким рукописям выверенный текст руководства (šakuayin toyin rab g'jams ra xutuqtu kigēd: mergen blama tana хоуогийин көрбөүлгегийин хоуино-ēсе daxad), монах Тоба Йешес переложил на бумагу (thub pa skyabs cāsun-du buul'abai). В год дерева-мыши (modon хулуγуна jil), что соответствует 1744 г., текст рукописи был ксилографирован (tegēd bar-tu seyilbei).

Как мы предполагаем, вступив в правление, Галдан-Церен в начале 1740-х гг. в одном из джисанов, образованных указом его отца, создал типографскую мастерскую [Бичеев 2015: 158]. Она была предназначена для восстановления текстов переводов, выполненных Зая-пандитой, и их печатания. В «год курицы железо» (1741 г.) были ксилографированы «Алмазная сутра»

(«Tasulaqči oçir») и «Сутра Золотого света» («Altan gereb»). В 1742 г. напечатана «Сутра в восемь тысяч шлок» («Nayiman mingγantu»). В 1744 г. — «Гимн Таре» («Dara ekeyin maqtal») и «Руководство к практике Прибежища» («Šajind-du oroхоуин öüden itegeliyin kötölböriyin sedkilge sayin хубитани erel ханγуақчи кемёкү ороšibo»).

3.3. Вводная часть рукописи № 637(46)

Текст рукописи начинается с традиционной формулы выражения почтения. В данном случае оно выражено Учителю-наставнику (namu gürü). Затем следует два четверостишия с выражением почтения Будде и Трем драгоценностям и несколько четверостиший, в которых раскрываются обстоятельства, необходимые для принятия обета, и значимость правильной практики Прибежища:

töüni çü: ezen boqdo zonkarabayin gegēn-ēсе: sonosxulā üge ülü toqtōn: sanaxulā udxa ülü meden:

bišilaxulā ündüsündü ülü törökü:

oyouni küçü maši üçüükedeqsen caq(tu) [Itegeliyin: JI. 1v]

tarālanggiyin küçün-dü šütükü inu ubadis bui: kemēkü kigēd:

šajind-du oroхоуин dēdü öüden ibēl yabuulxu kemēn

nomloqson metü: dēdü γurban erdeni-dü ünen zürken-ēсе

ibēl yabuulxulā: burxani šajind-du oroqson mün [Itegeliyin: JI. 2r]:

ibēl ese yabuulxulā: šajind-du orobu kemēn ülü talabixu:

ibēl yabuulun üyiledümēr bolbo çü:

ünen zürecken- ēсе udxayini sanal ügei:

ügeyin tödüyiken-yēr бүдүн ibēl yabuuluqsan ülü bolxu [Itegeliyin: JI. 2r]

‘Когда ум совершенно лишится сил,
Когда услышанное не будет запоминаться,

Когда благоговение не будет порождаться
внутри,

Тогда следует действовать согласно словам
Цзонкапы’

Обет — это опора на могущество «райской
обители»,

Войдя в дверь, ведущую в веру, и приняв
обет Прибежища,

Всем сердцем уверовав в Три драгоценно-
сти,

Воистину становишься последователем
Дхармы Будды.

Не принявший обет Прибежища

Не почитается пришедшим к вере,

Практика Прибежища без осознания ее
сущности,

Простой рецитацией слов не считается При-
бежищем¹.

Вводная часть рукописи завершается перечислением названий пяти глав, из которых состоит данное руководство.

4. Объекты почитания Прибежища в рукописи № 637(46)

Две первые главы рукописи посвящены технике визуализации многочисленных

¹ Здесь и далее перевод наш. — Б. Б.

объектов Прибежища. Детальная техника визуализации, согласно иерархическому расположению объектов почитания в пространстве «райской обители» (ойр. *čuulʸani tarālang*), требует особого настроя и концентрации сознания на визуализируемых объектах.

I. *ibēl yabuulxu caqtu: čidaxuna amur jōlōn debesker-tu beye šuduryu souxu terigüüten bevroza-na-yin dolōn nom luḡā tōgüsküyin öüden-ēce yosōr soun: yadaxudu yabudaliyin mōr alı amur-yēr soujı sanal todorxoi ayoulād:*

II. *öbōriyin baroun talai ene nasuni ečige: töüni baroun-du ečigeyin ečige terigüüten kigēd: zōün talai ene nasuni eke: töüni zōündü ekeyin eke terigüüten: terigüüleši ügei töröliyin üyedü ečige eke boluqsan zurḡān züyil xamuq amitan: kümüni bayidalār oqtoruyuin kizār-luḡā saca souqsan-du sanaxu inu ibēl yabuulāqči öbōriyin beye todorxoyiloxuyin yosun mön:: ::*

Таким образом, визуализация бесконечного количества живых существ сансары связана с основополагающим этико-религиозным понятием буддизма Махаяны — бодхичиттой. Считается, что бодхичитта — это такой настрой сознания, в котором императивной ситуацией становится необходимость достижения состояния будды, ради освобождения всех живых существ от страданий в сансаре. Для достижения этой цели уже на первом этапе практики Прибежища происходит погружение в состояние чистого существования ума, в котором знакомые объекты визуализируются в особой реальности, недоступной обыденному сознанию.

¹ Семь составляющих позы Вайрочаны: 1) поза лотоса; 2) прямая спина; 3) ровные плечи, голова слегка наклонена вперед; 4) кисти рук расположены на уровне пупка ладонями вверх, правая ладонь располагается поверх левой, большие пальцы рук должны соприкасаться; 5) глаза слегка прикрыты, взгляд направлен на кончик носа; 6) рот, подбородок и язык находятся в естественном положении; 7) локти не должны касаться тела.

4.1. Иерархия объектов почитания в первой главе рукописи

Первая и самая короткая по своему содержанию глава под названием «Принятие практикующим правильного настроя» (*«ibēl yabuulāči öbōriyin beye terigüütenı todorxoyiloxu yosun»*) состоит всего из двух абзацев.

‘Во время практики Прибежища, по возможности, следует в спокойном состоянии сесть на мягкий коврик в семисоставной позе Вайрочаны¹. Если это трудно, то следует принять удобную позу и установить ясное состояние ума.

С правой от себя стороны визуализируйте своего отца, справа от него — отца своего отца. Слева от себя визуализируйте свою мать, слева от нее — мать своей матери. Визуализируйте шесть видов живых существ, бывших вашими родителями с безначального круговорота рождений, заполнивших все пространство небес. В этом заключается традиция принятия практикующим правильного настроя’.

4.2. Иерархия объектов почитания во второй главе рукописи

Вторая глава «Визуализация „райской обители“ Прибежища» (*«ibēl yabuulxuyin oron čuulʸani tarālang todorxoyiloxu»*) содержит наставления по технике визуализации трех, четырех и шести объектов почитания. Визуализация трех объектов подразумевает созерцание Трех драгоценностей, четырех объектов — созерцание Трех драгоценностей и Учителя-наставника, шести объектов — вместе с тремя вышеперечисленными объектами созерцаются идамы, хранители и защитники Дхармы.

В главе детально описываются основные объекты почитания согласно их иерархическому местоположению в долгом ряду объектов Прибежища. Напомним, что практикующий уже погружен в медитативное состояние и созерцает себя сидящим в окружении своих родителей и бесконечного числа шести видов живых существ сансары. Согласно традиции буддизма, главными объектами почитания являются Три Драгоценности буддизма (Будда, Дхарма и Сангха). При этом

буддизм Махаяны, исходя из основополагающих представлений своей традиции, расширил это понятие, включив в него традицию почитания Учителя-наставника.

Учителя-наставника (aṣītu ündüsün blama) созерцают сидящим на лунном сиденье (sara debeskēr) в центре лотоса. Подобно визуализации родителей сначала созерцается свой Учитель-наставник, затем Учитель-наставник своего Учителя-наставника. В итоге все Учителя-наставники проецируются в образе своего коренного Учителя-наставника. Эта практика визуализации связана с важной традицией буддизма Махаяны — почитанием Учителя-наставника, которого считают не различимым с Буддой.

Напротив Учителя-наставника, но несколько ниже него, визуализируют огромный львиный престол с лотосом, на котором восседает «наш Учитель несравненный Царь Шакьев» (bidani baqši sacalal ügei šaḳuayin xān). У Будды тело золотистого цвета (altan metü šara önggütöi), две руки и один лик (nige niyüür хоуог муртуртай), правая рука в мудре касания земли (baḡoun yaḡ yazar darun), в левой руке — патра с амритой (aršan düüreng badir ayaya bariqsan). Он украшен 32 основными и 80 вторичными признаками (yučün хоуог belge nayan sayin yanzu-bēr todorxoi tögüs čimeqsen) и облачен в три духовных одеяния (yurban nomtu debel üzeskülengtei naturuulun zöqloqson).

Вокруг Будды визуализируются многочисленные будды десяти сторон и трех времен, заполнившие все пространство небес. Такова традиция визуализации первой из Трех Драгоценностей буддизма. Буддийская Дхарма как вторая драгоценность буддизма визуализируется в виде томов рукописных книг, находящихся в пространстве позади Будды, Цонкапы и других великих Учителей-наставников. При этом визуализируют каждое из проповеданных в буддизме восьмидесяти четырех тысяч учений в виде собрания рукописных книг. Буддийская Сангха как третья драгоценность буддизма визуализируется в образе учеников Будды. Внизу престола у правого колена Будды визуализируют Шарипутру, у левого колена — Молон-тойна. Представители сангхи десяти сторон и трех времен заполняют весь не-

босвод. Такова традиция визуализации монашеской сангхи.

Визуализация объектов Прибежища, помимо Трех драгоценностей буддизма, включает также сонм тантрических объектов. На уровне пупка Будды визуализируют верхний уровень сонма тантрических божеств во главе с Ямантакой (Ваджрабхайрава), Демчоком. На этом же уровне находится сонм будд ануттарайога-тантры. На нижнем уровне созерцают будд йога-тантры, крия-тантры и чарья-тантры.

Иерархический ряд объектов Прибежища завершается визуализацией гневных хранителей и защитников Учения вместе с кругом других объектов, обладающих оком мудрости. У колен Будды визуализируются Гонпо Чагдругпа (Махакала), Черджал, Палден Лхамо (Окон-Тенгри), Намсарай (Вайшравана) и другие хранители и защитники Дхармы.

4.3. Содержание других глав рукописи № 637(46)

Третья глава рукописи, озаглавленная «Созерцание причин и необходимости практики Прибежища» («ibēl yabuulxuyin kereq buyu učir šiltān todorxoyiloxu»), посвящена размышлению о причинах и необходимости практики, ведущей к двум видам осознания (хоуог оуоун). Первый вид — осознание страданий мира в целом и особенно страданий существ трех видов плохой участи (yurban mou зауātани). Детальная визуализация разных видов страданий должна породить страх перед своими желаниями и связанными с ними страданиями. Второй вид осознания — твердая вера в то, что объекты Прибежища, совершенны и обладают спасительной силой сострадания.

Эти два вида осознания укрепляют силу ума и влияют на результативность практики Прибежища. Если ум недостаточно крепок, то практика Прибежища не достигнет результата. Поэтому, обращаясь к Будде как истинному Прибежищу, Дхарме как великому Прибежищу, Общине как помощнику в реализации Прибежища, рекомендуется проникаться таким благоговением, от которого желтые волоски на теле становятся дыбом, а из глаз струятся слезы.

В качестве примера к положению о правдивости слов Будды приводятся его же слова о том, что поведенное им учение есть истина. Если считать его учение неправдой, то, следовательно, все сказанное буддами десяти сторон также считается неправдой. Однако Будды никогда не говорят неправды, следовательно, все поведенное ими есть истина. Затем для подкрепления этого положения приводится сюжет о мифическом царе птиц Гаруде, который выразил сомнение в истинности слов Будды и был вынужден признать свое неправоту¹.

Для иллюстрации твердой веры в Будду и его учение приводится известный сюжет о человеке (в ойратском тексте он назван Занадхара), который обернул себя ватой и облил маслом, чтобы принести себя в жертву в виде светильника перед статуей Будды.

Объемная четвертая глава под названием «Вербальная традиция практики Прибежища» («amāru ibēl yabuulxuyin yosun») посвящена гармоничному сочетанию текста молитвы «Прибежища» с практикой медитации. К примеру, при произношении формулы почитания Учителя-наставника визуализируется тантрический ритуал очищения от накопленной негативной кармы. Для этого визуализируется поток сияния, исходящий из сонма Учителей-наставников, который входит через макушку и наполняет тела всех живых существ. Поток сияния смывает все негативные накопления и выводит их в виде грязи из всех пор тела. Ритуал очищения завершается созерцанием Учителя-наставника. Подобно тому, как лампадка зажигается от другой лампадки, из Учителя-наставника выходит еще один Учитель-наставник и входит в ваше тело и тела других существ. Тем самым обретается единая и неразделимая духовная связь со своим Учителем-наставником.

В качестве иллюстрации приводится около пятнадцати сюжетов о духовных подвигах ойратского ламы Мерген-гегена, ученика Зая-пандиты. Мерген-геген, как следует из содержания главы, участвовал в работе над переводом «Большо-

го руководства на пути к святости» («gab gĵams pa xutuqtuyin šabi yeke bodhi möriyin üye kürbүүлүqsen mergen blama kemēkū» [637(46)]). Других сведений о Мерген-гегене в исторической литературе нет. Нет упоминаний о нем и в сочинении Раднабхадры «Лунный свет». Между тем, судя по приведенным в тексте руководства рассказам о его духовных подвигах, он был одним из авторитетных наставников ойратской монашеской общины конца XVII в.

В этой главе также дано наставление по практике сострадания с визуализацией образа матери и использованием особой техники дыхания. Здесь же приведены несколько джатак — джатака о царе Сарин Герел, который принес себя в жертву, джатака о богатой семье и Будде, джатаки о воровстве коровы.

Заключительная пятая глава названа «Получение знания в процессе практики Прибежища» («ibēl yabuulād suruyaldu surxui yosun-luḡā tabun bui»). Согласно традиции буддизма, практику Прибежища следует проводить шесть раз в день: трижды в светлое и трижды в темное время суток. Для тех, кто в силу тех и иных обстоятельств не может практиковать Прибежище в течение дня, рекомендуется медитативное чтение краткой формулы Прибежища.

Краткая формула Прибежища — это принятие Прибежища в Трех Драгоценностях, которая является самой древней частью буддийской молитвы [Минаев 1887: 203–205; Бурмистров 2022: 56]. В заключительной главе руководства приведены несколько сюжетов: притча о ламе и охотниках, притча о Мила-ринпоче, джатака о Приятногосом монахе и рассказ о мангасах, увидевших обрывок монашеского одеяния на шее преступника.

5. Заключение

В содержании текста молитвы «Прибежища» и текста рукописи «Дверь, ведущая в Учение, размышление о руководстве практики Прибежища, именуемое „Утолителем чаяний благочестивых“» раскрывается духовный процесс сознательной эволюции человека, основанием которого служит антропоцентричность религиозной системы буддизма. Только сам человек, приложив усилия, способен отречься от аффективных

¹ В калмыцком сказочном фольклоре вариант этого сюжета известен под названием «Будда и Хан Гаруди» («Бурхн Багш Хан Гэрд шовун хойр») [Хальмг туульс 1968: 219–222].

действий и тем самым закрыть источники накопления отрицательной кармы.

Для вступления на путь буддийского спасения необходимо добровольное принятие обета Прибежища, практика которого тесно связана с погружением в особое медитативное состояние, при котором, кроме визуализации многочисленных объектов почитания, обретается индивидуальный опыт получения нового знания. Сосредоточенность на созерцании объектов ума и йоге-дыхании позволяет достичь состояния внутреннего прозрения. Сознание обретает особое состояние, в котором всеобъемлющая универсальность

не оставляет возможностей для эгоцентричных установок.

Практика глубокой концентрации позволяет осваивать такие знания, которые невозможно получить с помощью сознания, привязанного к обыденному восприятию окружающей действительности, а с помощью аффирмации в сознании закрепляются базовые морально-этические ценности буддийского учения. Одно из основных положений в медитативной практике Прибежища составляет императивная ситуация необходимости порождения в сознании бодхичитты, стремления достичь состояния будды ради блага всех живых существ этого мира.

Источники

Itegeliyin — Itegeliyin sedkilge sayin xubitani erelxangyaqči kemėkü orošibo. Ойр. рукопись, 40 л., 52×10,3 см китайская бумага, черная тушь // Рукописный фонд Института языка и литературы Академии наук Монголии. Инв. № 637(46).

Литература

- Бичеев 2004 — *Бичеев Б. А.* «Иткл» — Обет Прибежища в буддизме. Традиционалистский ресурс психотехники в этническом сознании калмыков. Элиста: КалмГУ, 2004. 80 с.
- Бичеев 2015 — *Бичеев Б. А.* История публикаций ойратского перевода «Сутры Золотого света» // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2015. № 4. С. 157–160.
- Бичеев, Тюмидова 2023 — *Бичеев Б. А., Тюмидова М. Е.* Ойратский текст «Руководство к практике Прибежища» // Народы и религии Евразии. 2023. № 28(4). С. 59–72. DOI: 10.14258/nreur(2023)4-04
- Бурмистров 2022 — *Бурмистров С. Л.* Учение о Трех Прибежищах в индийской махаяне // Религиоведение. 2022. № 4. С. 55–67. DOI: 10.22250/20728662_2022_4_55
- Вангьял 1993 — *Вангьял Геше.* Лестница, украшенная драгоценностями /пер. с англ. Н. Овшиновой. Элиста: Либон, 1993. 192 с.
- Джанжа Ролби 1997 — *Джанжа Ролби Дорже.* Древо Собрания Трехсот Изображений. СПб.: Алга-Фонд, 1997. 130 с.
- Лувсанбалдан 1975 — *Лувсанбалдан Х.* Тод үсэгтүүний дурсгалууд (= «Ясное письмо» и его наследие). Уланбаатар: Шинжлэх Ухааны Академийн хэвлэх, 1975. 356 с.

Sources

Itegeliyin sedkilge sayin xubitani erel xangyaqči kemėkü orošibo. Manuscript. 52×10.3 cm, Chinese paper, black ink. 40 p. At: Mongolian Academy of Sciences, Institute of Language and Literature, Manuscript Collection. File no. 637(46). (In Oir.)

References

- Bicheev B. A. Itegel — Buddhist Refuge Vows: The Traditionalist Psychotechnical Resource in Kalmyk Consciousness. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2004. 80 p. (In Russ.)
- Bicheev B. A. On the History of Publications of the Oirat Translation of «the Sutra of Golden Light». Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS. 2015. No. 4. Pp. 157–160.
- Bicheev B. A., Tyumidova M. E. The Oirat text, “A Guide to Refuge Practice” (Psychotechnic technique of visualization of objects of worship). *Nations and Religions of Eurasia*. 2023. No. 28 (4). Pp. 59–72. (In Russ.) DOI: 10.14258/nreur(2023)4-04
- Burmistrov S. L. The teaching of the Three Refuges in the Indian Mahāyāna. *Study of Religion*. 2022. No. 4. Pp. 55–67. (In Russ.) DOI: 10.22250/20728662_2022_4_55
- Wangyal N. The Jewelled Staircase. N. Ovshinova (transl.). Elista: Libon, 1993. 192 p. (In Russ.)
- Changkya R. D. The Tree of Three Hundred Depictions. St. Petersburg: Alga-Fond, 1997. 130 p. (In Russ.)
- Luvsanbaldan Kh. Clear Script and Its Heritage. Ulaanbaatar: Mongolian Academy of Sciences, 1975. 356 p. (In Mong.)

- Минаев 1887 — *Минаев И. П.* Буддийский символ веры // Записки восточного отделения Императорского Русского археологического общества. Т. 1. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. С. 203–207.
- Пакчок 2016 — *Пакчок Тенпа.* Буддийское Прибежище (как стать буддистом). Элиста: Золотая обитель Будды Шакьямуни, 2016. 40 с.
- Позднеев 1887 — *Позднеев А. М.* Очерки быта буддийских монастырей и буддийского духовенства в Монголии в связи с отношением сего последнего к народу. СПб.: Тип. Имп. Акад. наук, 1887. 492 с.
- Раднабхадра 1999 — *Раднабхадра.* «Лунный свет»: История рабджамЗая-пандиты / пер. с ойр. Г. Н. Румянцева и А. Г. Сазыкина. СПб.: Петербургское востоковедение, 1999. 176 с.
- Сазыкин 2001 — *Сазыкин А. Г.* Каталог монгольских рукописей и ксилографов Института востоковедения Академии наук СССР. Т. II. М.: Вост. лит., 2001. 411 с.
- Сетенев 1914 — *Сетенев Д.* Руководство к познанию ламайского вероучения. С тибетского на калмыцкий язык перевел старший бакша Большедербетовского улуса ставропольских калмыков Дорже Сетенев. Пг.: Тип. Имп. Акад. наук, 1914. 111 с.
- Тинлей 1996 — *Тинлей Геше.* Сутра и Тантра — драгоценности тибетского буддизма. М.: Буддийский центр ламы Цонкапы, 1996. 128 с.
- Тинлей 1997 — *Тинлей Геше.* Мудрость и сострадание. Лекции о природе сознания, сострадания и мудрости. СПб.: Ясный свет, 1997. 238 с.
- Торчинов 2007 — *Торчинов Е. А.* Религии мира: Опыт запредельного: Психотехника и трансперсональные состояния. СПб.: Санкт-Петербург. филос. об-во, 2007. 544 с.
- Хальмг туульс 1968 — Хальмг туульс (= Калмыцкие сказки). 2-гч боть / сост. А. Ц. Бембеева, Ц.-Д. Номинханов. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1968. 264 с.
- Alateng et al. 2021 — *Alateng Aogier, Yakhontova N. S., Yampolskaya N. V.* Oirat Manuscripts in the Cabinet for Collecting, Cataloguing and Publishing Old Books of Ethnic Minorities in Urumqi (Part One) // *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*, 2021. Vol. 13. Iss. 4. Pp. 530–541.
- Gerelmaa 2005 — *Gerelmaa G.* Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar: Соёмбо принтинг, 2005. 270 p.
- Minaev I. P. A Buddhist creed. *Zapiski vostochnogo otdeleniya Imperatorskogo Russkogo arkheologicheskogo obshchestva*. 1887. Vol. 1. Pp. 203–207. (In Russ.)
- Phakchok T. Becoming a Buddhist: Buddhist Refuge. Elista: Golden Abode of Shakyamuni Buddha, 2016. 40 p. (In Russ.)
- Pozdneev A. M. Essays on Everyday Life of Mongolia's Buddhist Monasteries, Clergy, and the Latter's Relation to the Laity. St. Petersburg: Imperial Academy of Sciences, 1887. 492 p. (In Russ.)
- Ratnabhadra. The Moonlight: The Story of Rabjampa Zaya Pandita. G. Rummyantsev, A. Sazykin (transl.). St. Petersburg: Peterburgskoe Vostokovedenie, 1999. 176 p. (In Russ.)
- Sazykin A. G. Institute of Oriental Studies, USSR Academy of Sciences: A Catalogue of Mongolian Manuscripts and Xylographs. Vol. 2. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2001. 411 p. (In Russ.)
- Setenov D. A Guide to Understanding the Lamaist Doctrine. D. Setenov (transl.). Petrograd: Imperial Academy of Sciences, 1914. 111 p. (In Kalm.)
- Thinley J. W. Sutra and Tantra: The Gems of Tibetan Buddhism. Moscow: Je Tsongkhapa Buddhist Center, 1996. 128 p. (In Russ.)
- Thinley J. W. Wisdom and Compassion: Lectures on Essentials of Consciousness, Compassion and Wisdom. St. Petersburg: Yasnyi Svet, 1997. 238 p. (In Russ.)
- Torchinov E. A. Religions of the World. The Beyond Experience: Psychotechniques and Transpersonal States. St. Petersburg: St. Petersburg Philosophical Society, 2007. 544 p. (In Russ.)
- Bembeeva A. Ts., Nominkhanov Ts.-D. (comps.) Kalmyk Folktales. Vol. 2. Elista: Kalmykia Book Publ., 1968. 264 p. (In Kalm.)
- Alateng A., Yakhontova N. S., Yampolskaya N. V. Oirat manuscripts in the Cabinet for Collecting, Cataloguing and Publishing Old Books of Ethnic Minorities in Urumqi (Part One). *Vestnik of Saint Petersburg University. Asian and African Studies*. 2021. Vol. 13. No. 4. Pp. 530–541. (In Eng.)
- Gerelmaa G. Brief Catalogue of Oirat Manuscripts Kept by Institute of Language and Literature. Ulaanbaatar: Soyombo Printing, 2005. 270 p. (In Mong. and Eng.)

Published in the Russian Federation
 Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
 for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
 Has been issued as a journal since 2008
 ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
 Vol. 17, Is. 5, Pp. 1106–1114, 2024
 Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 281.9 (5)

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1106-1114

Чонеское издание Кангьюра: социально-археографический анализ

Андрей Александрович Базаров¹

- ¹ Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (д. 6, ул. Сахьяновой, 670047 Улан-Удэ, Российская Федерация)
 доктор философских наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Базаров А. А., 2024

Аннотация. *Введение.* В статье рассматривается проблема социально-археографических особенностей Чонеского издания Кангьюра, хранящегося в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. *Цель* исследования — ввести в научный оборот ранее неизвестный комплект буддийского канона из фондов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН. Методологическим основанием исследования является так называемая «социальная археография» с использованием отдельных положений исторической феноменологии. Социально-археографический анализ сборника способствовал пониманию исторической значимости данной единицы хранения и специфики функционирования книжных собраний буддийских сообществ в байкальском регионе в XVIII–XIX вв. Основная проблема исследования заключается в реконструкции социальных аспектов возникновения буддийского канонического наследия в российских регионах с последующей задачей — определения места данной конкретной коллекции в книжных ресурсах страны. *Выводы.* Содержательный анализ коллекций показал, что к началу XX в. бурятские монастыри выстроили стройную иерархическую систему буддийского книжного репертуара, в которой Кангьюры занимали центральное место. За массовым приобретением бурятскими монастырями тибетских буддийских канонов в XVIII–XIX вв. стояли элементы обеих форм социально-религиозной мотивации, практической и сотериологической. Чонеский Кангьюр, хранящийся в фондах Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, представляет собой фундаментальный материал, который является источником для многочисленных исследований, прежде всего историко-источниковедческих, но также археографических и социальных. Ввод в научный оборот Чонеского Кангьюра продемонстрировал факт того, что тибетоязычные книги составляют неотъемлемую и богатейшую часть книжных ресурсов страны, являются одним из факторов в формировании книжной культуры нации. В статье также освещаются неизвестные ранее эпизоды из истории Чонеского Кангьюра.

Ключевые слова: буддизм, Байкальский регион, буддийский канон, коллекция, чонеское издание, социальная археография

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Тибетский буддийский канон: комплексное археографическое изучение и создание базы данных» (№ 24-28-00275, <https://rscf.ru/project/24-28-00275/>)

Для цитирования: Базаров А. А. Чонеское издание Кангьюра: социально-археографический анализ // Oriental Studies. 2024. Т. 17. № 5. С. 1106–1114. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1106-1114

The Choné Kangyur: A Socio-Archaeographic Analysis

Andrei A. Bazarov¹

¹ Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies, Siberian Branch of the RAS, (6, Sakhyanova St., 670047 Ulan-Ude, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philosophy), Leading Research Associate

 0000-0002-6837-7280. E-mail: bazarow_andr[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bazarov A. A., 2024

Abstract. *Introduction.* The paper attempts a socio-archaeographic analysis of the Choné Kangyur housed at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS). *Goals.* The work primarily seeks to introduce one previously unknown edition (set) of the Tibetan Buddhist canon into scientific circulation. *Methods.* In terms of methodology, the study rests on that of ‘social archaeography’, with some provisions of historical phenomenology be as involved. *Results.* The socio-archaeographic analysis of the specified collection facilitates deeper understanding of its social significance and certain specifics of Buddhist book culture in the Baikal Region throughout the eighteenth and nineteenth centuries. The main research target is to reconstruct somewhat social aspects behind the shaping of Buddhist canonical heritage across Russia’s regions — with a view to establish the edition’s place in the modern national book system. *Conclusions.* The content analysis shows Buryat monasteries had shaped a harmonious hierarchical book system centered around the Kangyur by the early twentieth century. Those had been both practical and soteriological motives that underlay decisions made by leaders of the region’s Buddhist communities to purchase Kangyur editions in large quantities from Qing China. The Choné Kangyur (IMBT SB RAS) proves a fundamental source for numerous studies in history, archaeography, and social agenda. The Choné Kangyur introduced herein attests to Tibetan-language publications have been — and still are — an important and integral part of Russia’s book resources, serve as a factor in the formation of the nation’s book culture. The article also pays particular attention to some newly discovered episodes in the history of the Choné Kangyur.

Keywords: Buddhism, Baikal region, Buddhist canon, collection, Choné edition, social archaeography, **Acknowledgments.** The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 24-28-00275 ‘Tibetan Buddhist Canon: Comprehensive Archaeographic Research and Database Creation’.

For citation: Bazarov A. A. The Choné Kangyur: A Socio-Archaeographic Analysis. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1106–1114. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1106-1114

1. Введение

Тибетский фонд Центра восточных рукописей и ксилографов Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН (далее — ИМБТ СО РАН) является одним из крупнейших хранилищ раритетной восточной литературы в нашей стране. Установившаяся традиция хранения тибетских текстов в фонде предполагает системную иерархию, во главе которой находятся канонические издания Кангюра (тиб. Вка ‘gyur). Особое место среди хранящихся в фонде кангюров (ксилографические издания: Деге, Нартанг, Пекин, Чоне, Урга, а также несколько рукописных) занимает

чонеский канонический сборник. Данный сборник, безусловно, является книжным примером тех исторических отношений, которые существовали между буддийскими народами России и Тибетом на протяжении столетий [Музраева 2011: 121–122; Музраева 2012: 12–21]. В связи с рядом научных обстоятельств данная единица хранения тибетского фонда ИМБТ СО РАН не вводилась в научный оборот и до настоящего времени не рассматривалась. Актуальность социально-археографического исследования на базе данного канонического собрания буддистов Внутренней Азии не вызывает сомнений, поскольку это позволит не только изучить

важнейший письменный источник в качестве конкретного материального документа истории буддийской книжности, но и способствует анализу той социальной роли, которую играл исследуемый канонический сборник в буддийских сообществах Внутренней Азии и России.

2. Методы и материалы

Методологической базой изучения данного сборника выступает так называемая «социальная археография» с применением ряда положений исторической феноменологии [Бахтина и др. 2006: 84–85]. Особенно важным для нашего анализа становится фундаментальное представление этого подхода о социальной составляющей в формировании книжных собраний в контексте формирования политических, религиозных и читательских интересов конкретных буддийских общин. Теоретически значимой для настоящего исследования стала гипотеза о том, что буддийская каноническая литература в определенный период истории становится тем уникальным источником легитимизации религиозной и светской власти в региональных сообществах, которые были вынуждены развиваться внутри крупных политических объединений. Материалом для исследования послужило собрание чонеского издания Кангьюра из тибетского фонда Центра восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН [Чонеский Кангюр].

3. Чонеский Кангюр внутри социальной археографии

3.1. Археографический анализ коллекции

Фактически полное собрание чонеского Кангюра (107 томов)¹, хранящееся в ИМБТ СО РАН, является его уникальным явлением для тибетоязычного книжного наследия нашей страны. Важным научным вопросом является его происхождение. В фонды института собрание предположительно поступило в 1958 г. из Краеведческого музея имени М. Н. Хангалова, подразделением которого с определенного периода являлся Антире-

лигиозный музей Бурят-Монгольской АССР (Одигитриевский собор) [Бальжурова, Бороноева 2019: 256]. Данное предположение исходит из того факта, что Бурят-Монгольский научно-исследовательский институт культуры (1949–1958) — предшественник ИМБТ СО РАН не обладал крупным фондом тибетской литературы. При преобразовании в Бурятский комплексный научно-исследовательский институт СО АН СССР (1958–1966) в 1958 г. институт получил крупнейшее поступление тибетской литературы из местного музея (5 000 томов) [Сыртыпова и др. 2006: 48]. Предположение о музейном происхождении собрания связано с учетной записью, обнаруженной на первой странице каждого тома. Данная запись в левом углу страницы записана от руки черной тушью. Текст записи следующий: «№ 24-1943, Х. Е. — лл. 357, ксилогр. с рисунком» [Чонеский Кангюр. № ТССГ-001. Л. 1а].

Антирелигиозный музей Бурят-Монгольской АССР в 1930–1940-е гг. был крупнейшим хранилищем тибетской литературы в регионе. Именно здесь долгое время хранились многочисленные книжные коллекции из уничтоженных буддийских монастырей. Запись хотя и не указывает на прямую связь с Антирелигиозным музеем, тем не менее характерна для его инвентарных работ. Исходя из текста записи, можно утверждать, что первая инвентаризация собрания была произведена в 1943 г. в Антирелигиозном музее (Одигитриевский собор) двумя неизвестными сотрудниками, которые не были специалистами в тибетском языке².

Что касается монастырского происхождения собрания, задокументированных сведений найти не удалось. Ни на одном листе чонеского Кангюра не было найдено каких-либо владельческих штампов. Единственное свидетельство о дореволюционном хранении чонеского Кангюра в бурятских монастырях принадлежит Нацову Генин-Дарма Сыреновичу. Он в своих материалах по ламаизму в Бурятии писал, что в Агинском дацане в 1934 г. «имеются два

² Все записи сделаны в перевернутом для тибетского шрифта положении, нумерация томов не соответствует традиционной последовательности, пагинация в некоторых случаях неправильная.

¹ В сборнике отсутствует последний 108-й справочно-библиографический том гарчак (dkar chag).

комплекта 108-томного Ганжура чонэйского издания» [Нацов 1998: 66]¹.

Исходя из документов, опубликованных в работе Ф. Л. Сеницына, библиотеки тибетской литературы Агинского, Анинского, Эгитуйского и Янгажинского дацанов (июнь-октябрь 1940 г.) были вывезены в Ленинград в количестве 10 827 единиц (свертков) [Сеницын 2013: 471–473]. Чонеский Кангьюр (фактически два неполных экземпляра), хранящийся в фондах Института восточных рукописей РАН, вероятно, связан своим происхождением с библиотекой Агинского дацана². Насущный вопрос, из какого монастыря мог происходить чонеский Кангьюр, остается без ответа. Данный экземпляр может быть связан с любым из дореволюционных бурятских монастырей.

Основные параметры хранящегося в институте издания: ксилограф; бумага тибетская в хорошем состоянии, цвет бумаги белый, края без окраса; количество строк на страницу — 8 (1b–5, 2a–6); размер 58,5 x 17,5 см (47,5 x 11,5 см); оттиск черный, читабельность хорошая; на странице 2a каждого тома 2 иллюстрации. Все тома обернуты в материю разных цветов (бур. жаныши, тиб. *dre gas*), накладки (*gligs shing*) на томах бордового цвета. Содержание и структуру сборника предопределили исторические обстоятельства, связанные с издательской работой. Чонеское издание Кангюра было реализовано в период с 1721 г. по 1731 г. под патронажем местного короля Макзор Гонпо (*Dmag zor mgon po*, 1686–?) и его младшего брата, настоятеля монастыря Чоне — Наванг Тинлэ Гьятсо (*Ngag dbang 'phrin las rgya mtsho*, 1688–1738). Главным редактором проекта был Чоне Дракпа Шедруп (*grags pa bshad grub*, 1675–1748)³, который в своей работе использовал структуру и содержание нескольких предшествующих изданий — литанский Кангьюр (*Li thang*,

1609–1614), пекинский Кангьюр (1684–1700) и неизвестный рукописный из Центрального Тибета [Nourse 2014: 114]. Таким образом, Чонеский Кангьюр соотносится с восточной линией преемственности буддийских канонических изданий — Цалпа (*Tshal pa*), он содержит 108 томов и делится на 11 условных разделов.

Первый раздел «собрание тантра» (*rgyud 'bum*) состоит из 24 томов (*ka-ya*). Инвентарная нумерация в ИМБТ СО РАН: TCCG-001–TCCG-024. В 22-м томе отсутствуют 1, 2, 3 листы.

Второй раздел «множество сутр» (*mdo mang*) состоит из 32 томов (*ka-a*, *aM*, *aH*). Инвентарная нумерация: TCCG-0025–TCCG-056. В томе 37 отсутствует 160-й лист, в 45-м томе две копии 199-го листа, в 51-м томе отсутствует 103-й лист, в 52-м томе 143-й лист является рукописью.

Третий раздел «праджня-парамита, сотысячная» (*'bum*) состоит из 16 томов (*ka-ma*). Инвентарная нумерация: TCCG-057–TCCG-072. В 70-м томе отсутствует 214-й лист.

Четвертый раздел «праджня-парамита, двадцати(пяти)тысячная» (*ny'i khri*) состоит из 4 томов (*ka-nga*). Инвентарная нумерация: TCCG-073–TCCG-076.

Пятый раздел «праджня-парамита, восемнадцатитысячная, десяти тысячная» (*khri bryad stong pa*, *shes rab khri pa*) состоит из 4 томов (*ka-nga*). Инвентарная нумерация: TCCG-077–TCCG-080.

Шестой раздел «праджня-парамита, восьмитысячная» (*bryad stong pa*) состоит из одного тома (*ka*). Инвентарная нумерация: TCCG-081.

Седьмой раздел «праджня-парамита, различные (тексты)» (*sher phyin sna tshogs*) состоит из одного тома (*ka*). Инвентарная нумерация: TCCG-082.

Восьмой раздел «ратнакута» (*dkon brtsegs*) состоит из 6 томов (*ka-cha*). Инвентарная нумерация: TCCG-083–TCCG-088.

Девятый раздел «аватамсака» (*phal chen*) состоит из 6 томов (*ka-cha*). Инвентарная нумерация: TCCG-089–TCCG-094.

Десятый раздел «виная» (*'dul ba*) состоит из 13 томов (*ka-pa*). Инвентарная нумерация: TCCG-095–TCCG-0107.

¹ Запись сделана со слов ламы Доржиева. 30 июня 1934.

² «Об обстоятельствах поступления томов Чонеского и Ургинского изданий нам достоверно ничего не известно. Скорей всего, их привезли во второй половине 1930-х гг. из Бурятии...» [Зорин и др. 2017: 12].

³ В хранилище ИМБТ СО РАН есть один экземпляр его сумбума (редкий).

Одиннадцатый раздел «гарчак» — библиографический (dkaḡ chaḡ) состоит из одного тома. Он отсутствует.

Уникальность хранения данного издания Кангьюра в ИМБТ СО РАН для нашей страны заключается в том, что это собрание в своем роде единственное, поскольку фактически полное. Во втором подобном российском собрании (Тибетский фонд Института восточных рукописей РАН (Санкт-Петербург)) присутствует 75 томов (часть из которых в двух экземплярах) [Зорин и др. 2017: 182–210]¹.

3.2. Социальный анализ коллекции

Каково социально-историческое значение чонеского издания Кангьюра для буддизма Внутренней Азии и Бурятии? Необходимо подчеркнуть, что изданию предшествовали крупные социально-политические события, происходившие на рубеже XVII–XVIII вв. в регионе. Исследователь Бенджамин Норс в своей работе «Каноны в контексте: история тибетского буддийского канона в XVIII веке» описывает историческую ситуацию, предшествующую созданию чонеского Кангьюра. В первой половине XVIII в. король Чоне (в тот период территория фронта между цинским Китаем и Тибетом)² — Макзор Гонпо, поддержал маньчжурскую династию Цин в расширении ее влияния в Тибете и фактически признал свой вассальный статус от имперского центра [Nourse 2014: 110–112]. Одновременно он усиливает поддержку буддизма, прежде всего это касается монастыря Чоне гончен (Co ne dgon chen)³. Наиболее важным в этой

поддержке стало его решение издать в монастыре два канонических сборника Кангьюр и Дангьюр. Ксилографическое издание Кангьюра в монастыре Чоне стало для своего времени значительным историческим событием. Исследователи связывают это с тем, что чонеский Кангьюр был первым печатным изданием Кангьюра в тибетском этническом регионе в XVIII в. [Nourse 2014: 8]. В результате благодаря ксилографическому изданию канона резко возрастает религиозно-политическая роль монастыря Чоне во Внутренней Азии. У монастыря и местности появился прочный религиозно-политический авторитет, поскольку Чоне становится лидером ксилографической печати как канонической, так и неканонической литературы на Тибетском нагорье. До сих пор данный монастырь известен в буддийском мире как крупнейший издательский центр, обеспечивавший регионы Внутренней Азии и России своими каноническими собраниями. Бенджамин Норс подробно разобрал социальные, политические и религиозные причины, побудившие Макзор Гонпо и его сподвижников издать Канон. Исследователь на фундаментальном материале, в основном на гарчиках, доказал, что издание канона определенным способом легитимизирует власть инициаторов данного исторического события в сложной социально-политической обстановке XVIII в., формирует региональный центр социального и религиозно-политического притяжения внутри обширной империи — Цинском Китае. Необходимо подчеркнуть, что специфика материала и предмет исследования Бенджамина Норса не позволили ему уделить особое внимание проблеме значения ксилографических изданий буддийского канона для формирования региональных буддийских центров и новых этно-религиозных идентичностей внутри крупного политического объединения — Российской империи.

На наш взгляд, исторический пример издания чонеского Кангьюра является характерным для понимания социально-исторических событий не только в Тибете, но и в Бурятии. Сравнительный анализ показывает, что региональная политическая элита Внутренней Азии в XVIII в., сталкиваясь с

¹ В мире (помимо Санкт-Петербургского) существует несколько экземпляров Чонеского Кангьюра: в Японии (университет Отани, библиотека Тоё Бунко), США (Библиотека Конгресса США).

² В настоящее время Чоне — это уезд в Ганьнань-Тибетском автономном округе, в юго-западной части провинции Ганьсу, Китай.

³ Чоне гончен ганден шедруб линг (Co ne dgon chen dga' ldan bshad sgrub gling) — гелукпинский монастырь в Амдо. Первоначально это был монастырь школы Сакьяпа, основанный в 1269 г. Пагпа лама ('Gro mgon chos rgyal 'phags pa, 1235–1280) под патронажем Хубилай-хана, а в 1459 г. Чойдже ринчен лхунпо (Chos rje rin chen lhun po) преобразовал его в гелукпинский.

задачами собственной трансформации внутри империй как в Цинской, так и Российской, опирается прежде всего на буддизм. В данном случае буддизм становится важнейшим социальным институтом, регулирующим взаимодействие центра и периферии, принося определенные выгоды обеим сторонам. Как известно данный институт обладает разнообразными средствами для подобной регуляции. В перечисленные средства могут входить развитие религиозного образования, строительство монастырской структуры, формирование верноподданнической идеологии, книгоиздательская деятельность и многое др. Какую роль в этих процессах играют канонические сборники? Их физическое наличие служит прежде всего для поддержки идентичности небольших сообществ и формирования региональных центров. При этом инициаторы, задействовавшие это средство по примеру чонеского, руководитель Макзор Гонпо, ставят перед собой не только конкретные социально-политические, но и религиозно-доктринальные цели, например, приобрести для себя и своего народа кармические заслуги.

Что касается байкальского региона, то в течение XVIII–XIX вв. по инициативе местных элит на этой территории формируется сеть буддийских монастырей [Галданова и др. 1983: 34–79] в качестве новых религиозных и социальных центров. Новые монастыри требовали установки священных предметов — «трех опор» (rten gsum) буддийской религиозной практики, состоящих из олицетворений тела (статуй), речи (Кангьюров) и ума (ступ) Будды, чтобы сделать их настоящими буддийскими храмами. Как свидетельствуют архивные данные, в связи с бурным строительством монастырей вокруг Байкала (Республика Бурятия, Забайкальский край, Иркутская область) в XVIII–XIX вв. местные храмы приобретали в больших количествах комплекты Кангьюра¹ (покупка, переписка, дарение). Для того времени характерен документ от 17 июля 1863 г., составленный Пандито хамбо-ламой Восточной Сибири — настоятелем

¹ Ходатайство о свободном пропуске из-за границы бурханов, книг и прочее [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. 26 л.].

Гусиноозерского дацана Галсан-Чойроп Ванчиковым (1816–1873) и утвержденный военным губернатором Забайкальского края К. Н. Шелашниковым (1820–1888). В тексте документа — разрешение о распродаже привезенных из цинского Китая буддийских культовых предметов, в том числе комплекта Кангьюра (108 томов, по 5 рублей за том) [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238 Л. 20]. Этому документу предшествовало прошение настоятеля Бургалтайского дацана Ламаева о приобретении комплекта Кангьюра. Кангьюры приобретались в основном за счет коллективных пожертвований [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. Л. 11–12].

В следующем документе за 1864 г. обнаружен реестр сумм пожертвований агинскими бурятами (от 10 до 300 рублей, всего 2 750 рублей) на приобретение канона: «Амгалан Бородин, кубдутского рода — 300, Самдан Жигжитов, шарайтского рода — 300, Сыден Данба Су.ев, хоцайтского рода — 150, заседатель Жигдын Зориктуев — 150, Сыден Доржи Урелтуев, харганатского рода — 150, заседатель Арслан Тугулдууров — 100, староста Жамсаран Жамбулов — 60, Жамбал Сондолов бодонгутского рода — 10 и др.». [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. Л. 27].

К концу XIX в. обеспеченность Кангьюрами бурятских монастырей достигла пика². Согласно информации Г.-Д. Нацова, каждый бурятский монастырь владел от одного до нескольких Кангьюров³. Например, небольшой дацан — Ацагат-Челутаевский обладал Кангьюром в одном экземпляре [Нацов 1998: 40], в крупном дацане — Агинском находилось семь экземпляров (1 местный рукописный, 2 нартанских, 2 чонеских, 1 дэ-гэский, 1 на монгольском языке неизвестного издания) [Нацов 1998: 66–67]. Ксилогра-

² Комплекты приобретались даже для отдельно стоящих сельских дуганов. Пример — комплект Кангьюра, хранящийся в сельском дугане (с. Бурсомон, Красночикойский район, Забайкальский край).

³ Кангюр являлся центральным культовым предметом в строительстве дацанов, поэтому приобретение канонического сборника становилось центральной задачей буддийских монастырей. Вероятно, в той или иной степени к началу XX в. все бурятские дацаны приобрели хотя бы один комплект Кангьюра.

фические канонические сборники, хранившиеся в бурятских дацанах, представляли издательства Деге, Нартана, Пекина, Чоне, Урги. Также были популярны местные рукописные издания. Рукописные издания Кангьюра были осуществлены в Агинском [Нацов 1998: 66], Джидинском (Атаганском) [Нацов 1998: 25], Кыренском [Нацов 1998: 112] дацанах.

Для нашего исследования важен факт того, что ксилографический способ печатания Кангьюров, в массовости возникший в XVIII в., позволил распространять «Слово Будды» не только на территории Внутренней Азии, но и в России. Чонеское издание (1721–1731), наряду с нартанским (1730–1732), дэгэским (1729–1733) и ургинским (1908–1910), стало социально значимым в регионе в немалой степени благодаря своей доступности. Можно предположить, что долгое время исследуемое издание было наиболее выгодным с точки зрения логистики по сравнению с нартанским и дэгэским¹. Цены на ксилографический (кроме пекинского) Кангьюр в XVIII–XIX вв. в среднем составляли приблизительно 600 рублей [ГА РБ. Ф. 84. Оп. 1. Д. 238. 26 л.]. Тем не менее, как утверждает Бенджамин Норс, опираясь на текст гарчика чонеского издания, в распространении Кангьюров, наряду с прямой покупкой, большое место занимает бесплатная передача канонов (дарение), основанная на представлениях буддистов о приобретении кармических заслуг в деле по бескорыстному распространению «Слов Будды»². В результате необходимо подчеркнуть, что социально-археологическая направленность в изучении Чонеского Кан-

гьюра позволяет осознать некоторые аспекты в механизме взаимодействия имперского центра и буддийских региональных центров в байкальском регионе в XVIII–XIX вв. [Цыремпилов 2013: 298–310]. Сложнейшая политическая игра противовесов внутри Российской империи требовала от региональных центров усиливать свою значимость в регионах. Для многочисленных бурятских монастырей одним из наиболее значимых в этой деятельности становится массовое приобретение Кангьюров.

4. Вывод

Содержательный анализ коллекций показал, что к началу XX в. бурятские монастыри выстроили стройную иерархическую систему буддийского книжного репертуара, в которой Кангьюры занимали центральное место. Данная книжная иерархия подразумевала структуру, параллельную социальной, где монастыри обладали полными каноническими сборниками (от одного до десяти), возглавляя тем самым определенные буддийские сообщества, небольшие сельские (тоسخон) дуганы могли иметь разделы из Кангьюра — Юм, Пэлчен и др., а нуклеарная семья отдельные тексты из канона — Банзаракша, Серод, Доржежедбо и др.

При попытке понять бум приобретения канонов бурятскими монастырями в прошлом у нас может возникнуть искушение свести спонсорство этой работы просто к прагматическим мотивам, в которых первостепенное значение имели явные социально-политические цели и практические соображения. Хотя эти мотивы, скорее всего, присутствовали, мы также должны признать то, что в регионе существовало особое религиозное мировоззрение, согласно которому действовали эти люди. Внутри этого мировоззрения, в котором действовали законы кармической причинности, лидеры формировали новые социальные проекты, опирающиеся на буддизм, с целью сдерживать негативные процессы. За приобретением тибетских буддийских канонов стояли элементы обеих форм мотивации, практической и сотериологической.

¹ Чоне находится в Амдо, Деге — в Каме, Нартан — в Уйцане.

² Бурятские монастыри также могли передавать комплект Кангьюра в подарок. Известен случай дарения П. Л. Шеллингу фон Канштадту комплекта дэгэского Кангьюра хори-бурятскими ламами (единственного в дацане) в 1830–1832 гг. [Успенский 2011: 294]. Рассматривать данный дар в качестве обмена комплекта на литографические копии мантры не допустимо. Здесь стоимость переданного Кангьюра при «обмене» настолько несопоставима со стоимостью оказанной услуги, что речь может идти только о дарении согласно буддийским доктринальным положениям.

Необходимо также подчеркнуть, что Чонеский Кангьюр, хранящийся в фондах ИМБТ СО РАН, представляет собой тот фундаментальный материал, который становится источником для многочисленных исследований, прежде всего историко-историографических, но также археографических и социальных. Данный книжный сборник является уникальным буддийским каноническим изданием, дающим возможность научному развитию отечественной буддологии на протяжении многих лет. Необходимо подчеркнуть, что тибетские каноны, благодаря своей территориальной принадлежности и способу производства, имеют все признаки библиографической уникальности.

Каждое издание канона является в определенном смысле единственным, поэтому в настоящее время они являются подлинными книжными раритетами, требующими тщательного изучения и учета. Без их учета в различных российских хранилищах нельзя создать полноценную ретроспективную библиографию всех канонических изданий Тибета, сохранившихся в мире. Ввод в научный оборот Чонеского Кангьюра продемонстрировал факт того, что тибетоязычные книги составляют неотъемлемую и богатейшую часть книжных ресурсов страны, являются одним из факторов в формировании книжной культуры нации.

Источники

Чонеский Кангьюр — Чонеское издание Кангьюра (*co ne bka' gyur*): Ксилограф. № ТССГ(001) – № ТССГ (107) // Тибетский фонд. Центр восточных рукописей и ксилографов ИМБТ СО РАН (107 томов).

ГА РБ — Государственный архив Республики Бурятия

Sources

The Choné Kangyur (*co ne bka' gyur*). Xylographic edition. Nos. TCCG (001) – TCCG (107). 107 vols. At: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), Center of Oriental Manuscripts and Xylographs, Tibetan Collection. (In Tib.)

State Archive of the Republic of Buryatia.

Литература

Бальжурова, Бороноева 2019 — *Бальжурова А. Ж., Бороноева Т. А.* Иволгинский дацан: сохранение исторического памятника, создание музея // *Искусство Евразии*. 2019. № 4 (15). С. 255–266.

Бахтина и др. 2006 — *Бахтина О. Н., Дутчак Е. Е., Керов В. В.* «Егда чтем, Господь к нам беседует ...»: к вопросу об институализации социальной археографии // *Российского университета дружбы народов. Серия «История России»*. 2006. № 2. С. 75–85.

Галданова и др. 1983 — *Галданова Г. Р., Герасимова К. М., Дашиев Д. Б., Митупов Г. Ц.* Ламаизм в Бурятии XVIII – начала XX века: структура и социальная роль культовой системы. Новосибирск: Наука, 1983. 232 с.

Зорин и др. 2017 — *Зорин А. В., Митруев Б. Л., Сабрукова С. С., Сизова А. А.* Каталог сочинений тибетского буддийского канона из собрания ИВР РАН. Вып. 1. Кагьюр и Тэнгьюр. СПб.: Вост. лит., 2017. 512 с.

Музраева 2012 — *Музраева Д. Н.* Буддийские письменные источники на тибетском и ойратском языках в коллекциях Калмыкии / отв. ред. Э. П. Бакаева, науч. ред. А. А. Буркин. Элиста: Джангар, 2012. 224 с.

References

Balzhurova A. Zh., Boronoeva T. A. Ivolginsky datsan: Preservation of the historical monument, creation of a museum. *Iskusstvo Evrazii – The Art of Eurasia*. 2019. No. 4 (15). Pp. 255–266. DOI: 10.25712/ASTU.2518-7767.2019.04.017 (In Russ.)

Bakhtina O. N., Dutchak E. E., Kerov V. V. “When we are reading, the Lord is talking to us...”: The question of institution of social archaeography. *RUDN Journal of Russian History*. 2006. No. 2. Pp. 75–85. (In Russ.)

Galdanova G. R., Gerasimova K. M., Dashiev D. B., Mitupov G. Ts. Lamaism in Buryatia, Eighteenth to Early Twentieth Centuries: The Cult System, Its Structure and Social Impacts. Novosibirsk: Nauka, 1983. 232 p. (In Russ.)

Zorin A. V., Mitruiev B. L., Sabrukova S. S., Sizova A. A. Institute of Oriental Manuscripts (RAS): A Catalogue of Tibetan Buddhist Canonical Writings. Vol. 1: Kangyur and Tengyur. St. Petersburg: Vostochnaya Literatura, 2017. 512 p. (In Tib. and Russ.)

Muzraeva D. N. Tibetan- and Oirat-Language Buddhist Written Sources in Kalmykia's Collections. E. Bakaeva, A. Burykin (eds.). Elista: Dzhangar, 2012. 224 p. (In Russ.)

- Музраева 2011 — *Музраева Д. Н.* Молитвенные сборники (ранние памятники калмыцкого кириллического письма) как источник изучения буддийской литературы и письменной культуры калмыков // Известия Волгоградского государственного педагогического университета. Серия «Филологические науки». 2011. № 7 (61). С. 121–125.
- Нацов 1998 — *Нацов Г.-Д.* Материалы по ламаизму в Бурятии / предисл., пер., примеч. и глоссарий Г. Р. Галдановой. Ч. 2. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ, 1998. 186 с.
- Синицын 2013 — *Синицын Ф. Л.* «Красная буря»: Советское государство и буддизм в 1917–1946 гг. СПб.: Изд. А. Терентьева и Фонда «Сохраним Тибет», 2013. 528 с.
- Сыртыпова, Гармаева, Дашиев 2006 — *Сыртыпова С. Д., Гармаева Х. Ж., Дашиев Д. Б.* Тибетский фонд ЦВРК ИМБТ СО РАН: структура и содержание. Улан-Удэ: СО РАН БНЦ, 2006. 226 с.
- Цыремпилов 2013 — *Цыремпилов Н. В.* Буддизм и империя: бурятская буддийская община в России (XVIII – нач. XX в.). Улан-Удэ: ИМБТ СО РАН, 2013. 338 с.
- Успенский 2011 — *Успенский В. Л.* Экспедиция барона П. Л. Шиллинга фон Канштадта в Сибирь в 1830–1832 годы и её значение для тибетологии и монголоведения // Рериховское наследие: Мат-лы междунар. науч.-практ. конф. Т. VIII: Н. К. Рерих и его современники. Архитекторы и архитектура. Восток глазами Запада. СПб.: Музей-институт семьи Рерихов, 2011. С. 292–294.
- Nourse 2014 — *Nourse Benjamin J.* Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century. A Dissertation // Library of University of Virginia. 2014. 239 p.
- Muzraeva D. N. Prayer books (early monuments of Kalmyk Cyrillic writing) as a source of Buddhist literature and Kalmyk writing study. *Izvestia of the Volgograd State Pedagogical University*. 2011. No. 7 (61). Pp. 121–125. (In Russ.)
- Natsov G.-D. Materials on Lamaism in Buryatia. G. Galdanova (foreword, transl., etc.). Pt. 2. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 1998. 186 p. (In Russ.)
- Sinitsyn F. L. The Red Storm: Soviets and Buddhism, 1917–1946. St. Petersburg: A. Terentyev, Save Tibet Foundation, 2013. 528 p. (In Russ.)
- Syrtypova S. D., Garmaeva Kh. Zh., Dashiev D. B. Center of Oriental Manuscripts and Xylographs (IMBT SB RAS): The Tibetan Collection, Its Structure and Contents. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2006. 226 p. (In Russ.)
- Tsyrempilov N. V. Buddhism and Empire: Buryat Buddhist Community in Russia, Eighteenth to Early Twentieth Centuries. Ulan-Ude: Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies (SB RAS), 2013. 338 p. (In Russ.)
- Uspensky V. L. The expedition of Baron Pavel L. Schilling von Cannstadt to Siberia in 1830–1832 and its significance for Tibetan and Mongolian studies. In: The Roerich Heritage. Conference proceedings. Vol. 8: Nicholas K. Roerich and His Contemporaries. Architects and Architecture. The East in Western Eyes. St. Petersburg: Roerich Family Museum and Institute, 2011. Pp. 292–294. (In Russ.)
- Nourse B. J. Canons in Context: A History of the Tibetan Buddhist Canon in the Eighteenth Century. PhD dissertation. University of Virginia. Charlottesville, VA, 2014. 239 p.

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1115–1126, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 811.35

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

«Кавказско-татарский язык» как *lingua franca* российского переводчика: лингвистические исследования и преподавательская деятельность Т. Н. Макарова

Андрей Владимирович Бедрик¹, Инна Викторовна Ковтуненко²,
Игорь Александрович Кудряшов³, Артем Юрьевич Перетяцько⁴

1 Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат социологических наук, директор Института

 0000-0002-7549-4629. E-mail: [abedrik\[at\]bk.ru](mailto:abedrik[at]bk.ru)

2 Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0002-9559-6227. E-mail: [iv.kovtunenko\[at\]yandex.ru](mailto:iv.kovtunenko[at]yandex.ru)

3 Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

доктор филологических наук, профессор

 0000-0001-5449-864X. E-mail: [igalk\[at\]mail.ru](mailto:igalk[at]mail.ru)

4 Южный федеральный университет (д. 105/42, ул. Большая Садовая, 344006 Ростов-на-Дону, Российская Федерация)

кандидат исторических наук, заведующий

 0000-0003-2779-2223. E-mail: [artperetatko\[at\]yandex.ru](mailto:artperetatko[at]yandex.ru)

© КалмНЦ РАН, 2024

© Бедрик А. В., Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Перетяцько А. Ю., 2024

Аннотация. *Введение.* Представленная статья посвящена комплексной реконструкции значимого исторического сюжета, связанного с последовательным формированием базовых грамматических конструкций универсального кавказского языка в исследовательской практике и педагогической деятельности Т. Н. Макарова. Практическая работа самобытного лингвиста осуществлялась в различных социокультурных условиях, среди которых особое место занимает профильное отделение восточных языков при Новочеркасской гимназии. Творческая деятельность Т. Н. Макарова не получила однозначной оценки в рамках предшествующей историографической традиции, что определялось сложным комплексом разнообразных факторов, нередко имевших конъюнктурный характер. *Материалы и методы.* Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован на основе документальных материалов специализированного фонда 358 «Дирекция народных училищ области войска Донского», находящегося в Государственном архиве Ростовской области. Методологической основой исследовательской

практики стала микроисторическая эвристика, верифицируемая в рамках компаративной реконструкции интеллектуальных сюжетов в заданном социокультурном контексте. *Результаты и выводы.* В качестве основного языка Кавказа Т. Н. Макаров рассматривал «кавказско-татарский язык», представлявший своеобразную lingua franca дифференцированных горских сообществ. Искусственное объединение несходных говоров по географическому принципу самобытный лингвист рассматривал как полноценный языковой конструкт, отдельные наречия которого безусловно понимаются в любой точке избранного территориального анклава. Личное отношение Т. Н. Макарова к «кавказско-татарскому языку» имело инструменталистский характер, ориентированный на практическую подготовку профессиональных переводчиков. Российский специалист недооценивал существенные различия между отдельными наречиями, утверждая, что полноценное владение одним говором позволяет свободно обучать избранных носителей близких лексических конструкций.

Ключевые слова: язык, лингвистика, грамматика, Кавказ, гимназия, переводчик, кумыкский, татарский, наречие, культура

Благодарность. Исследование выполнено при поддержке Программы стратегического академического лидерства Южного федерального университета («Приоритет 2030»).

Для цитирования: Бедрик А. В., Ковтуненко И. В., Кудряшов И. А., Перетятко А. Ю. «Кавказско-татарский язык» как lingua franca российского переводчика: лингвистические исследования и преподавательская деятельность Т. Н. Макарова // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1115–1126. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

‘Caucasian Tatar’ as Lingua Franca for a Russian Translator: Linguistic Studies and Teaching Activities of Timofey N. Makarov

*Andrei V. Bedrik*¹, *Inna V. Kovtunenکو*², *Igor A. Kudryashov*³, *Artyom Y. Peretyatko*⁴

¹ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand.Sc. (Sociology), Director of Institute

 0000-0002-7549-4629. E-mail: abedrik[at]bk.ru

² Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0002-9559-6227. E-mail: iv.kovtunenکو[at]yandex.ru

³ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Dr. Sc. (Philology), Professor

 0000-0001-5449-864X. E-mail: igalk[at]mail.ru

⁴ Southern Federal University (105/42, Bolshaya Sadovaya St., 344006 Rostov-on-Don, Russian Federation)

Cand. Sc. (History), Head of Laboratory

 0000-0003-2779-2223. E-mail: artperetatko[at]yandex.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Bedrik A. V., Kovtunenکو I. V., Kudryashov I. A., Peretyatko A. Yu., 2024

Abstract. Introduction. The article attempts a comprehensive reconstruction of one significant historical episode — the consistent shaping of basic grammatical constructs for the universal Caucasian language in scholarly endeavors and pedagogical activities of Timofey N. Makarov. The original linguist would undertake his efforts in various sociocultural contexts, including Oriental Languages Department of Novochoerkassk Gymnasium. T. Makarov’s legacy never received unambiguous assessments in the previous historiographic tradition, which was determined by a variety of factors (including those of opportunistic nature). *Materials and methods.* The to-be-introduced empirical material is reconstructed on the basis of documents contained in Collection 358 (‘Public Schools Directorate of Don Host Oblast’) at the State Archive of Rostov Oblast. In terms of methodology, the study

rests on principles of microhistorical heuristics to be verified within a comparative reconstruction of intellectual plots (episodes) in a specified sociocultural context. *Results and conclusions.* T. Makarov considered 'Caucasian Tatar' to be the main language of the Caucasus serving as *lingua franca* for diverse highland communities. The original linguist would examine the artificial unification of dissimilar dialects by a geographical principle as a full-fledged linguistic construct with individual dialects be unconditionally understood in any point of the specified territory. Having been focused on practical training of professional translators, T. Makarov's would maintain essentially instrumental attitudes to 'Caucasian Tatar'. The Russian expert tended to underestimate significant differences between individual dialects, and insisted that full proficiency in one of the latter did make it possible to teach others characterized by similar lexical constructs.

Keywords: language, linguistics, grammar, Caucasus, gymnasium, translator, Kumyk, Tatar, dialect, culture

Acknowledgements. The reported study was funded by S FedU Strategic Academic Leadership Program ('Priority 2030').

For citation: Bedrik A. V., Kovtunenko I. V., Kudryashov I. A., Peretyatko A. Yu. 'Caucasian Tatar' as Lingua Franca for a Russian Translator: Linguistic Studies and Teaching Activities of Timofey N. Makarov. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1115–1126. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1115-1126

1. Введение

В середине XIX в. своеобразный процесс культурного освоения Кавказа, вовлечения его территорий в культурное пространство Российской империи был еще далеко не завершен. И одной из тех сфер, в которых русские только осваивали Кавказ, была сфера языковая. Как показали В. И. Колесов и Д. В. Сень, сразу же после создания Черноморского казачьего войска в 1792 г. его администрация ощутила потребность в людях, владеющих «восточными языками», и начала их поиск, однако число подобных специалистов оказалось невелико [Колесов, Сень 2020: 611]. Как видно из анализа современными учеными биографий посланников из Черноморского казачьего войска в османскую Анапу и переводчиков при войске, в их числе не было людей, получивших специальное лингвистическое образование: это были либо носители языка «из турецких эмиров», «из армян» и т. д., либо каким-то образом овладевшие хотя бы устной речью на соответствующих языках российские офицеры [Колесов, Сень 2020: 611–615]. В. И. Колесов и Д. В. Сень прямо пишут о «дефиците „профессиональных“ переводчиков», который сохранялся на Кавказе как минимум до 1830 г., и принуждал пользоваться услугами лояльных горцев и даже перебежчиков, порой плохо знавших русский язык [Колесов, Сень 2020: 615–616].

Таким образом, еще до того, как российские ученые начали изучать кавказские языки, возникла чисто практическая потребность в переводчиках, осуществлявших коммуникацию между русскими чиновниками и различными группами населения Кавказа.

Какой же видели языковую картину Кавказа эти непрофессиональные переводчики в те времена, когда научное изучение кавказских языков только зарождалось? Конечно, однозначно ответить на этот вопрос едва ли возможно, и, вероятно, единой картины кавказских языков просто не существовало: для османского перебежчика, местного горца и русского офицера она была разной. Однако в Государственном архиве Ростовской области сохранилось крайне любопытное дело, связанное с попыткой одного из подобных переводчиков, Т. Н. Макарова, создать единый «учебник кавказско-татарского языка» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151]. Хотя самого учебника в нем нет, полученные на него критические рецензии и ответы Т. Н. Макарова позволяют реконструировать как раз языковую картину Кавказа в глазах непрофессионального русского переводчика с тюркских языков середины XIX в.

Достаточно любопытна и сама личность Т. Н. Макарова, а особенно ее отображение в современной историографии. Дагестанскими учеными роль Т. Н. Макарова в развитии языкознания Кавказа описывается

положительно, а сам он позиционируется как автор «первой кириллической грамматики кумыкского языка» [Абдуллабекова 2018: 24–28]. Вообще, из забвения фигуру Т. Н. Макарова вернули именно дагестанские исследователи, публиковавшие статьи о русском переводчике не только в специальной литературе, но и в газетах [Алиев 1982: 7], и в научно-популярных изданиях [Муцалханов 2003]. Наметилась и определенная идеализация ими этой фигуры: так, М. С. Муцалханов даже утверждал, будто бы «из числа всех исследователей тюркских языков Кавказа того времени, как нам представляется, Т. Н. Макаров более объективно подошел к оценке кумыкского языка, и он, мы это видели выше, с большой симпатией отзывался о нем» [Муцалханов 2003]. Однако исследователями из других кавказских республик Т. Н. Макаров, напротив, критикуется как противник развития кавказских языков. Так, согласно Т. А. Бекоевой и А. Г. Кудзаевой, Т. Н. Макаров утверждал, что будто бы «кабардинский язык не изучался по причине того, что он не имеет письменности, бесполезен и не нужен» [Бекоева, Кудзаева 2014: 3–4]. При этом работ, сколько-либо полно раскрывающих последовательность взглядов Т. Н. Макарова на кавказские языки, не существует, и в историографии сосуществуют как бы два образа этого переводчика: прогрессивный русский деятель, сторонник развития кумыкского языка, и реакционер-централизатор, ратовавший за полную русификацию горских племен.

Более того, главный труд Т. Н. Макарова, «Татарскую грамматику кавказского наречия», в историографии тоже ждала двойственная судьба. Долгое время считалось, что под «кавказским наречием» Т. Н. Макаров подразумевал азербайджанский язык, и его работа упоминалась (но не анализировалась!) как одна из первых азербайджанских грамматик [Кримский 1974: 492–493].

Только в 1960–1970 гг. в дагестанских научных изданиях начинает высказываться мнение, что «кавказское наречие» Т. Н. Макарова — это не азербайджанский, а кумыкский [Абдуллабекова 2018: 24–25].

В 1982 г. уже председатель советского комитета тюркологов академик А. Н. Конанов публикует небольшую статью «Из истории кумыкского языкознания», в которой подтверждает, что «Татарская грамматика кавказского наречия» фактически описывает кумыкский язык [Конанов 1982: 48–50].

Подобная неопределенность возникла не случайно и была порождена как раз несоответствием той картины языков Кавказа, которой придерживался Т. Н. Макаров, позднейшим научным взглядам. Как мы видим, его грамматика называлась грамматикой кавказского наречия татарского языка. Хотя рассуждения русского переводчика на этот счет были не слишком внятные, Т. Н. Макаров и в тексте книги рассматривал все тюркские языки Кавказа как один язык, заявляя о разнице между его говорами следующее: «На Кавказе не все грамотные азиатцы одинаково учены, да и по русской пословице — что город, то нор, что деревня, то обычай — почти в каждом племени есть свои особенные слова и даже особые грамматические формы» [Макаров 1848: 4]. Таким образом, Т. Н. Макаров вполне осознанно и последовательно хотел составить грамматику «кавказского наречия татарского языка» вообще, а вовсе не кумыкского или азербайджанского. В основном русский переводчик действительно обращался к языку кумыков, однако обосновывал он это даже не столько наблюдавшейся у них «определенностью и точностью языка», сколько чисто практическими соображениями, тем, что «они живут на Левом Фланге Кавказской Линии, где у нас военные действия, и где все племена, кроме своего родного языка, говорят и по-Кумыкски» [Макаров 1848: 4]. Соответственно, далеко не факт, что в этом своем труде Т. Н. Макаров описывал какой-то реально существовавший кумыкский диалект, а не создавал некий условный конструкт «кавказского наречия татарского языка» на основе разных диалектов кумыкского с добавлением иных элементов. По крайней мере, как отмечают некоторые современные кумыкские лингвисты, установить, какой конкретно диалект лег в основу «Татарской грамматики кавказского наречия», не уда-

лось, а некоторые описанные в этой работе грамматические формы не подтверждаются другими источниками (впрочем, намного более поздними) [Абдуллабекова 2018: 26–27]. Кстати, отметим, что Д. М. Хандиева, другого переводчика без специального образования, пытавшегося самостоятельно создать учебник горского языка, причем, в отличие от Т. Н. Макарова, своего родного аварского, выдающийся русский лингвист П. К. Услар критиковал как раз за то, что он не брал за основу какой-то существующий диалект, но пытался создать на основе нескольких диалектов искусственную форму «общепринятого аварского» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 325. Л. 16об.].

2. Материалы и методы

Эмпирический материал, вводимый в научный оборот, реконструирован на основе документальных материалов специализированного фонда 358 «Дирекция народных училищ области войска Донского», находящегося в Государственном архиве Ростовской области. В частности в научный оборот впервые вводятся отдельные документы, содержащиеся в делах 151 «Дело о составлении учебника кавказско-татарского языка учителем Новочеркасской гимназии Макаровым» и 325 «Дело о составлении грамматики аварских наречий учителем отделения восточных языков Новочеркасской гимназии Хандиевым Д. М. и утверждении его в чине титулярного советника» [ГА РО. Ф. 358. Д. 151, 325]. Методологической основой исследовательской практики стала микроисторическая эвристика, верифицируемая в рамках компаративной реконструкции интеллектуальных сюжетов в заданном социокультурном контексте. Отдельное значение имеет использование традиционных методов лингвистического анализа — лексического, семантического, грамматического и стилистического — применительно к структурной и содержательной оценке отдельных элементов синкретического «кавказского наречия татарского языка», сформированного Т. Н. Макаровым.

3. Предпосылки создания «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова

Главной особенностью языковой картины Кавказа, сформировавшейся у Т. Н. Макарова, было существование некоего единого «кавказского наречия татарского языка», для которого то, что современной наукой трактуется как полноценные языки, было лишь диалектами. И, прежде чем перейти к более подробной реконструкции этой картины на основе архивных источников, кратко обрисуем биографию Т. Н. Макарова и путь, которым он пришел к подобным выводам. Будущий переводчик родился в 1822 г., и полный курс обучения прошел в Астраханской гимназии (выпуск 1840 г.) [Абдуллабекова 2018: 25]. Хотя упоминается, что он слушал некие лекции в Санкт-Петербургском университете, степень его научной подготовки остается дискуссионным вопросом: по крайней мере, полного университетского курса он не кончал, зато получил в университете свидетельство гимназического учителя [Артинский 1907: 349]. В 1844 г. было принято принципиальное решение открыть отделение восточных языков при Новочеркасской гимназии для подготовки военных переводчиков в Кавказский корпус, и Т. Н. Макаров был командирован на Кавказ «для ознакомления с должностью переводчика вплоть до учреждения отделения» [Артинский 1907: 135]. В 1848 г. он издал свою «Татарскую грамматику кавказского наречия», в которой впервые, хотя и не вполне последовательно, отстаивал идею о существовании «кавказского наречия татарского языка» или даже полноценного «Кавказско-Татарского языка» [Макаров 1848: 4]. Кроме того, в этой книге переводчик выражал надежду в дальнейшем выпустить учебник и словари этого наречия / языка, а также сборник «анекдотов переводных и туземных» [Макаров 1848: 4].

В 1851 г. преподавание восточных языков при Новочеркасской гимназии наконец началось [Артинский 1907: 139]. И тогда же прибывший с Кавказа Т. Н. Макаров выступил с инициативой издать полноценный учебник, по которому можно было бы учить

детей «кавказско-татарскому языку» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 1–1об.]. Однако, как мы увидим ниже, учебник в печать не пошел. Дальнейшая биография Т. Н. Макарова изучена слабо. Известно, что в 1858 г. он перестал преподавать в Новочеркасской гимназии [Аргинский 1907: 139]. С этого времени он занимал административные должности в штабе Кавказской линии и активно печатался в газетах «Кавказ» и «Иллюстрированная газета» [Абдуллабекова 2018: 25]. В 1870 г. Т. Н. Макаров вступил в полемику с горским просветителем К. Атажукиным, доказывая, что бесписьменным горским народам нужно не создавать письменность, но приучать их к письменности русской [Бекоева, Кудзаева 2014: 3–4]. В том же году и знаменитый П. К. Услар крайне едко высказался о статье в газете «Кавказ» некоего Т. М., выступавшего против создания горской письменности и ссылавшегося на французский опыт в Алжире, причем приводя в пример некую иллюстрацию, изображающую арабских детей, старательно читающих с доски французскую надпись. П. К. Услар обратил внимание, что эта надпись написана с грубейшими орфографическими и пунктуационными ошибками, и критиковал воззрения Т. М. так: «Предположим, что у нас в Дагестане, хотя бы на всех училищных досках, написано было: „дети! Любите Рассею ваше новое отечество“. Что бы путного вышло из этого?» [Услар 1870: 11].

Таким образом, нет никаких оснований рассматривать Т. Н. Макарова как ученого или просветителя. Его интерес к Кавказу был сугубо инструменталистским: поскольку этот регион входил в состав Российской империи, властям нужны были инструменты для его контроля, в том числе и инструменты языковые. Т. Н. Макаров совершенно прямо писал в предисловии к своей «Татарской грамматике кавказского наречия»: «я мог постигнуть всю ту степени пользы, какую могли бы принести Правительству Переводчики, если бы они были Русские, или знали бы основательно Русский язык» [Макаров 1848: 3]. Более того, главной целью Т. Н. Макарова в данном труде было «узнать язык народный», т. е. не столько научно описать язык или создать его письменность,

сколько дать возможность русским общаться с горцами (кстати, он указывал, что его пособие могут использовать в русских гимназиях и училищах, но ни словом не упоминал горские школы) [Макаров 1848: 4–7]. И это важно учитывать, когда мы описываем языковую картину Кавказа в представлении Т. Н. Макарова: это было представление завоевателя, который предпочел бы русифицировать данный регион, но, пока этого не произошло, были необходимы пособия исключительно для коммуникации русских с горцами, но никак не для полноценного развития горских языков.

4. Критика «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова академиком Б. А. Дорном и возражения на нее автора

О том, что освоение Кавказа Российской империей в языковом отношении в начале 1850-х гг. только начиналось, говорит уже то, что «учебник кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова первоначально был передан на рецензию выдающемуся востоковеду академику Б. А. Дорну, не являвшемуся, однако, специалистом по Кавказу. Его рецензия поэтому вышла малосодержательной. Б. А. Дорна не смутила даже формулировка «кавказско-татарский язык»: в его интерпретации, Т. Н. Макаров создал «учебник татарского общеупотребительного на Кавказе народного языка, а именно Кумыкского, Кумыкско-Ногайского, Закубанского, Азербиджанского и Турецкого наречий» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10]. Однако Б. А. Дорну крайне не понравилось то, что учебник Т. Н. Макарова, использовавший арабскую графику для «кавказско-татарского языка», предлагал «доходящую почти до невероятности ошибочную орфографию слов, заимствованных из Арабского (и Персидского) языка» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10–10об.]. Иными словами, Т. Н. Макаров записывал заимствованные из арабского и персидского языков слова в соответствии с их произношением горцами, а не первоначальным написанием. Отметим, что на сложности с написанием подобных слов в горских языках позже обращал внимание и П. К. Услар, указывавший, что

в силу различий фонетики горцы сильно искажают заимствованные из арабского слова, но местные просветители, обычно знатоки арабского, считают неприемлемым их искаженное написание [Услап 1870: 21–22]. В итоге Б. А. Дорн не рекомендовал издавать учебник Т. Н. Макарова до исправления «ошибок» в арабских и персидских словах, причем, судя по контексту, учебник не понравился академику в принципе: он считал возможным использовать представленный материал только «для первого обучения за недостатком лучшего» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 10об.].

Хотя рецензия Б. А. Дорна мало говорит о языковой картине Кавказа, сложившейся у Т. Н. Макарова, она важна как исходная точка для дошедшего до нас ответа переводчика. В этом ответе Т. Н. Макаров прежде всего объяснял, что для него, несмотря на десятилетнее обучение восточным языкам, Кавказ в языковом отношении оказался terra incognita: «Я не мог не только разговаривать с туземцами, но и понимать туземные письма» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Он пытался подчеркнуть из существующих пособий по восточным языкам хоть что-то, но потерпел полную неудачу: «Руководства те не могут быть применяемы к наречиям Кавказским, отличающимся не только грамматическими формами, конструкцией, но и значением слов и правописанием» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Стать переводчиком ему удалось, только благодаря практике, 2 годам, проведенным «постоянно в аулах», и 5 годам письменных переводов в штабе Кавказской линии [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11]. Все это и побудило Т. Н. Макарова создать собственный учебник, чтобы иметь сколько-либо адекватное кавказским реалиям пособие на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии. Однако он писал этот учебник, «не зная людей, знающих кавказско-татарские наречия, советами которых мог бы воспользоваться» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11об.]. Таким образом, судя по тексту Т. Н. Макарова, еще в 1840-х гг. при Отдельном Кавказском корпусе не сложилось именно сообщества переводчиков, способных помочь новичку и направить советом, и

русский, даже изучавший восточные языки в России, оказывался в принципиально новой языковой реальности, которую должен был изучать самостоятельно, методом проб и ошибок.

Далее Т. Н. Макаров, хотя и благодарил Б. А. Дорна за замечания, переходил к разгромной критике академика, фактически обвиняя того в незнании реальной языковой картины Кавказа. Целью учебника Т. Н. Макарова действительно было описание общепотребительных наречий «кавказско-татарского языка», однако таковых наречий, по мнению автора, было не 5, как утверждал Б. А. Дорн, а только 3: кумыкское, ногайское и азербиджанское [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 11об.]. По мнению Т. Н. Макарова, эти три наречия знал «весь Кавказ», включая «племена, не говорящие по-татарски и не имеющие для своего языка ни эмблем, ни букв» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Турецкий язык он не считал «общепотребительным» на Кавказе, поскольку без него можно было обойтись. «По-турецки только пишут, и пишут более других грамотные», — дословно писал на этот счет Т. Н. Макаров [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Наконец, некое «Закубанское наречие» появилось из очевидной сумбурности текстов Т. Н. Макарова и их неверной интерпретации Б. А. Дорном: переводчик хотел сказать не то, что у закубанских племен (ногайцев, шапсугов, абазинцев и др.) есть одно наречие, но то, что эти племена «пишут по-татарски», но говорят (кроме ногайцев) «на своих языках, не имеющих сходства с языком татарским» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12].

Таким образом, ответ русского переводчика Б. А. Дорну позволяет уточнить, что он подразумевал под «кавказско-татарским языком». «Кавказско-татарский язык» рассматривался Т. Н. Макаровым как конструкт не лингвистический, но инструменталистский, совокупность «татарских наречий», служивших языком межэтнического общения на Кавказе. Еще раз подчеркнем, что таких наречий он выделял три: кумыкское, ногайское и азербиджанское. Это важно потому, что в предисловии к «Татарской грамматике кавказского наречия» Т. Н. Макаров

предлагал и чисто лингвистическую классификацию «татарских наречий» в соответствии с их близостью к турецкому языку, и в ее рамках указанные три наречия стояли отнюдь не рядом: азербиджанское было четвертым, кумыкское — восьмым, а ногайское — десятым [Макаров 1848: 5–6]. Таким образом, и сам Т. Н. Макаров понимал, что объединение кумыкского, ногайского и азербиджанского «наречий» лингвистически не обоснованно, и, например, азербиджанская речь ставилась им ближе к речи турок, чем к речи ногайцев [Макаров 1848: 5–6]. Соответственно, конструирование «кавказско-татарского языка» было не ошибкой по незнанию, но осознанным, хотя и не оправдавшим себя шагом переводчика-практика, объединившего плохо изученные родственные «наречия» в один язык, исходя из их использования на смежных территориях.

Отвечал Т. Н. Макаров и на обвинения Б. А. Дорна в неверном написании арабских и персидских слов. Переводчик прежде всего подчеркивал, что ни в одном «кавказско-татарском наречии» не выработано единых норм правописания, и разные «ученые» пишут по-разному [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12]. Более того, Т. Н. Макаров утверждал, что и в арабском допустимо «гласные заменять одну другой или вовсе выбрасывать», в подтверждение чего ссылался на мнения неких «ученых кадиев» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Исходя из этого, он призывал выбрасывать и возвращать гласные и в записи татарских слов «по духу татарского языка и по самой гармонии звуков» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Отметим, что Т. Н. Макаров все же приводил и конкретные особенности татарской фонетики, неизбежно ведущие к искажению арабских слов в устной речи горцев, но анализ этих особенностей мы оставим профессиональным арабистам и тюркологам [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.]. Нас же больше интересует тот факт, что русский автор принципиально отстаивал право писать слова «кавказско-татарского языка» в соответствии с собственным видением, с неким не сформулированным точно «духом языка». Как нам представляется, подобный подход тоже очень хорошо укладывается в

инструменталистскую и игнорирующую ценность горских языков логику Т. Н. Макарова. Кстати, напомним, что, по свидетельству П. К. Услара, куда лучше знавшего горскую специфику, чем Т. Н. Макаров, ученые горцы все же старались писать арабские слова в соответствии с арабским правописанием.

В любом случае текст Т. Н. Макарова был достаточно некорректен даже не по отношению к горцам, но по отношению к подвергнутому разгромной критике академику Б. А. Дорну, а заканчивался прямой просьбой либо издать исправленную рукопись (судя по контексту, в ней было только скорректировано написание тех арабских слов, ошибки в которых исправил Б. А. Дорн), либо «указать другое руководство для кавказско-татарских наречий», какового на начало 1850 г. не существовало в принципе [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 12об.].

5. Критика «учебника кавказско-татарского языка» Т. Н. Макарова востоковедом Н. В. Ханьковым

Возможно, именно специфическая позиция Т. Н. Макарова, бравировавшего знаниями кавказских «наречий», привела к тому, что вторично рецензировать его учебник поручили человеку, куда более компетентному в вопросах кавказского языкознания, известному востоковеду Н. В. Ханькову. И рецензия Н. В. Ханькова интересна тем, что содержит как раз преимущественно критику самого взгляда Т. Н. Макарова на тюркские языки Кавказа, причем критику не столько с научных, сколько с практических позиций.

Н. В. Ханьков, в отличие от Б. А. Дорна, сразу обратил внимание на важнейший порок представленного ему на рецензирование текста. «Главный недостаток книги господина Макарова состоит в ее общности, которую он признал нужным придать ей, назвав ее учебником кавказско-татарского языка, между тем, как всем здесь живущим известно, что такого языка нет да и быть не может», — писал востоковед [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29]. Мы не будем останавливаться на критике Н. В. Ханьковым идеи «кавказско-татарского языка» с научной точки зрения: его совершенно справедли-

вые рассуждения по этому вопросу очевидны для современного читателя и сводятся к тому факту, что тюркские языки Кавказа сильно отличались друг от друга [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29–29об.]. Однако, как мы видели выше, об этом прекрасно знал и сам Т. Н. Макаров, конструировавший условный «кавказско-татарский язык» не с научными, но с инструменталистскими целями. Вот только Н. В. Ханыков, признавая допустимость такого подхода в принципе, в то же время указывал, что обучение «кавказско-татарскому языку» по учебнику Т. Н. Макарова отнюдь не позволит ученику «понимать то, что говорят и пишут здешние татары и передавать им понятным для них языком свои мысли» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.]. И причина этого заключалась как раз в неэффективности конструкта «кавказско-татарского языка» уже не с научной, но с практической точки зрения: по мнению Н. В. Ханыкова, Т. Н. Макаров не понимал, что «ногайского татарина в Карабахе если и поймут, то с трудом», и, соответственно, крайне недооценивал различия между диалектами северного и южного «свесов» Кавказа [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.–30]. Согласно Н. В. Ханыкову, объединять различные «наречия» тюркских языков Кавказа в одном учебнике, не обращая специального внимания на их лингвистическое сходство, имело смысл только до тех пор, пока эти наречия оставались взаимопонимаемыми, т. е., фактически, отдельно для земель к северу и к югу от Кавказского хребта [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.].

Итак, языковая картина Кавказа, созданная в работах Т. Н. Макарова, была неверной не в том, что переводчик пытался объединять тюркские «наречия» Кавказа, которые ныне считаются отдельными языками. И Б. А. Дорн, и Н. В. Ханыков считали подобный подход допустимым в чисто практических целях, пока в его рамках объединялись близкие языки и осознавалась его условность. Ключевой ошибкой Т. Н. Макарова стало то, что он, зная о различиях «татарских наречий Кавказа», все равно иррационально трактовал свой «кавказско-татарский язык» не как условный конструкт,

но именно как полноценный язык, различные наречия которого все же всегда остаются понятны всем его носителям. Кроме того, как мы видели выше, Т. Н. Макаров служил переводчиком преимущественно в Ставрополе и явно значительно хуже понимал языковую ситуацию в Закавказье. И в результате теоретическая ошибка в языковой картине Кавказа привела к фатальным фактическим ошибкам. Разумеется, хуже всего обстояло дело с главным закавказским «наречием», с которым переводчик сталкивался меньше всего: как отмечал Н. В. Ханыков, составленные Т. Н. Макаровым учебные диалоги на азербайджанском были таковы, что «неграмотный татарин ничего в них не поймет, но и грамотный должен очень и очень подумать, что ему хотят сказать в них» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30]. К сожалению, о том, насколько точны были представления Т. Н. Макарова о кумыкском и ногайском «наречиях», ориенталист не писал. Судя по контексту, они были менее превратны, чем в случае с азербайджанским, однако тяга к универсализации и невниманию к деталям, характерные для Т. Н. Макарова, негативно сказались и в их случае.

И здесь мы переходим к самой интересной части текста Н. В. Ханыкова, части, в которой он описывал, как на практике соотносился «кавказско-татарский язык» Т. Н. Макарова и наречия кавказских горцев XIX в. Прежде всего, востоковед прямо указывал на то, что, «ученик, говоря, как учат его разговоры¹, будет выражаться и неправильно, и непонятно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. Порождалась же эта непонятность незнанием Т. Н. Макаровым базовой татарской грамматики: «господин Макаров еще не вполне усвоил себе разницы в расположении слов каждого предложения на Русском и Татарском, разницы такой, что почти всегда, переводя слово в слово с одного языка на другой, не только говоришь неправильно, но и совершенно непонятно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. В связи с этим неизбежно снова встает вопрос о том, насколько соответствует действительности «Татарская грамматика кавказского

¹ Имеются в виду из «учебника кавказско-татарского языка».

наречия». Судя по отзыву Н. М. Ханыкова, Т. Н. Макаров совершенно не следил за правильностью грамматических конструкций и позволял себе кальку с русских предложений, что, кстати, хорошо укладывается в его общее отношение к горским языкам. Правописание у русского переводчика, согласно рецензии, было некорректным не только в арабских словах: он в принципе ориентировался исключительно на звучание слов, игнорируя все прочие основания для правописания [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.]. Что же касается слов арабских (напомним, Н. М. Ханыков работал с рукописью, уже исправленной Т. Н. Макаровым на основании замечаний Б. А. Дорна), то они писались «очень неправильно» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30об.].

И нам остается констатировать, что языковая картина Кавказа, созданная в работах Т. Н. Макарова, была неверной не только с научной точки зрения, но и с точки зрения более опытного практика, каковым являлся служивший при М. С. Воронцове Н. М. Ханыков. Эта картина не просто предполагала существование единого «кавказско-татарского языка»: данный язык конструировался крайне примитивно, без должного внимания не только к разнице между его наречиями, но и к грамматике, и к правописанию. Вообще, из рецензии Н. М. Ханыкова складывается впечатление, что Т. Н. Макаров зачастую использовал русские грамматические конструкции, просто заменяя русские слова «татарскими», причем не всегда соответствующими нужному «наречию» и просто некорректно записанными. Такой вердикт может показаться крайне суровым, но мы бы хотели напомнить, что Т. Н. Макаров, по собственному признанию, по прибытии на Кавказ местных языков не понимал вовсе, а непосредственно в станицах, причем, очевидно, преимущественно кумыкских, прожил всего 2 года. Да и вообще, судя по позднейшей полемике с П. К. Усларом, Т. Н. Макаров был поразительно не чуток к деталям чужого языка: П. К. Услар вполне резонно писал, что иллюстрация, изображающая, как арабские дети читают с доски французскую надпись, на которой самое название Франции написано с ошибкой, скорее всего

является карикатурой на французское образование в Алжире, смысла которой русский чиновник не понял, просто не обратив внимания на ошибку и считав только внешнюю канву сюжета, детей из колонии, учащихся языку метрополии [Услар 1870: 11]. Таким образом, у Т. Н. Макарова просто не было ни достаточного опыта, ни достаточных знаний, ни достаточной интуиции, чтобы адекватно исследовать тюркские языки Кавказа. В то же время условный «кавказско-татарский язык» Т. Н. Макарова, очевидно, был вполне достаточен для базовой коммуникации с жителями той части Кавказа, где он работал переводчиком. Однако попытка на основании подобного «языка» составить учебник всех «общеупотребительных наречий» кавказских тюрков была заведомо обречена на провал. Н. М. Ханыков вообще писал, что задача написать учебник всех «татарских наречий» Кавказа не под силу ни одному «из живущих ныне ориенталистов», просто в силу не разработанности данных наречий в науке и отсутствия людей, достаточно знавших их все [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29об.].

В заключение отметим, что Н. М. Ханыков дал Т. Н. Макарову три простых совета, наглядно демонстрирующих степень ошибочности языковой картины Кавказа, существовавшей в воображении русского переводчика. Эти советы сводились к пожеланиям ограничить материал учебника одним из «свесов» Кавказа, проверить правописание всех татарских слов в учебнике по существующим словарям, чтобы «не вводить учащихся в заблуждение», и, наконец, давать свои тексты на вычитку какому-либо «грамотному туземцу», способному почувствовать неестественность в самом порядке слов в предложениях [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29 об.–30]. Публикацию учебника Т. Н. Макарова в существующем виде Н. М. Ханыков считал довольно бессмысленной: дословно он писал, что она «вряд ли принесет ученикам ту пользу, на которую рассчитывает господин Макаров» [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 29]. Тем не менее востоковед выражал надежду на то, что переводчик не оставит своих ученых занятий, поскольку потребность в учебни-

ке кавказских языков действительно была острой [ГА РО. Ф. 358. Оп. 1. Д. 151. Л. 30–30об.]. Однако после получения рецензии Н. М. Ханькова Т. Н. Макаров отказался от попыток опубликовать свой учебник. Более того, в дальнейшем на отделении восточных языков Новочеркасской гимназии перестали практиковать преподавание кавказских языков русскими переводчиками: вместо этого учительские должности стали замещаться «грамотными туземцами» [Артинский 1907: 349–350]. Впрочем, с чисто практической точки зрения Т. Н. Макаров оказался не самым плохим педагогом: когда в 1854 г. в Новочеркасск приедет преподавать аварский просветитель М. Э. Хандиев, не знавший на тот момент русского, он сможет общаться с некоторыми учениками на кумыкском [Услар 1870: 19].

6. Выводы

Творческое наследие Т. Н. Макарова оригинально в том отношении, что его автор был не сколько-либо значимым ученым-востоковедом, но сначала рядовым переводчиком, а затем чиновником на Кавказской линии. Однако при этом он попытался создать труд, описывающий языковую ситуацию на Кавказе в целом. И та языковая картина Кавказа, которая содержится в его трудах, сильно расходится с реальностью. Это взгляд снизу, из кумыкских аулов и Ставрополя, взгляд человека, не знавшего должным образом ситуацию на остальном Кавказе, но пытавшегося реконструировать ее. Наконец, это взгляд убежденного русификатора, человека, для которого горские языки были исключительно средством коммуникации и не имели самоценности. Кстати, отметим, что, вероятно, именно это сделало неактуальной научную деятельность Т. Н. Макарова уже с 1850 г.: он оказался неспособен конкурировать с теми же Н. М. Ханьковым и П. К. Усларом, с А. А. Шифнером и горскими просветителями, которые любили и исследовали язык, а не просто использовали его. Тем не менее как раз ошибочные и специфичные воззрения Т. Н. Макарова на языки Кавказа представляют серьезный интерес. Благодаря проанализированным нами

документам мы можем понять, какой видел языковую картину Кавказа русский чиновник-переводчик, не имевший специальных знаний о ней, но обладавший большим практическим опытом. И основные особенности этой языковой картины можно свести к следующему;

1) в качестве основного языка Кавказа рассматривался «кавказско-татарский язык» (или «кавказское наречие татарского языка»), который, хотя и не был родным для всех горцев, служил своеобразной *lingua franca*. Теоретически Т. Н. Макаров понимал, что данный «язык» представляет собой нелингвистический конструкт, искусственное объединение несходных говоров по географическому принципу, однако на практике рассматривал его именно как полноценный язык, все наречия которого безусловно взаимопонимаемы;

2) таких наречий Т. Н. Макаров выделял три: кумыкское, ногайское и азербайджанское. При этом он, безусловно, владел базовым кумыкским и мог научить ему учеников, а азербайджанского фактически не знал, и составленные им в учебных целях диалоги на этом языке были непонятны для простого азербайджанца (о том, насколько Т. Н. Макаров владел ногайским, сведений нет). Однако, исходя из предыдущего пункта, русский переводчик недооценивал разницу между кумыкским и азербайджанским, и считал, что способен не только говорить на последнем «наречии», но и обучать ему;

3) отношение Т. Н. Макарова к «кавказско-татарскому языку» было сугубо инструменталистским: он изначально прибыл на Кавказ, чтобы готовиться к учительству в школе военных переводчиков. Соответственно, для его цели было достаточно добиться понимания с носителем языка, а вопросы выверенности грамматики, орфографии и т. д. волновали русского чиновника значительно меньше. По оценкам Н. В. Ханькова и Б. А. Дорна, Т. Н. Макаров часто использовал русские грамматические конструкции, переводя их слово в слово, а его правописание основывалось исключительно на фонетике.

Литература и источники

- Абдуллабекова 2018 — *Абдуллабекова У. Б.* «Татарская грамматика кавказского наречия» — первая кириллическая грамматика кумыкского языка // Вестник Института языка, литературы и искусства им. Г. Цадасы. 2018. № 16. С. 24–28.
- Алиев 1982 — *Алиев К. М.* Интересная находка в Ставрополе // Дагестанская правда. 1982. № 183. С. 7.
- Артинский 1907 — *Артинский И. П.* Очерк истории Новочеркасской войсковой гимназии. Новочеркасск: Обл. В. Д. тип., 1907. 469 с.
- Бекоева, Кудзаева 2014 — *Бекоева Т. А., Кудзаева А. Г.* Polemika между Кази Атажукиным и Тимофеем Макаровым по поводу введения письменности в Кабарде // Известия Северо-Осетинского института гуманитарных и социальных исследований. 2014. Вып. 14 (53). С. 3–8.
- ГА РО — Государственный архив Ростовской области.
- Колесов, Сень 2020 — *Колесов Д. И., Сень Д. В.* «Препровождая здесь дошедшее от почтеннейшего анапского Мустафы-паши оригинальное письмо и перевод с оног...»: практики российско-османской коммуникации в Северном Причерноморье (1792–1828 гг.) // Материалы по археологии и истории античного и средневекового Причерноморья. 2020. № 12. С. 602–645. DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
- Конанов 1982 — *Конанов А. Н.* Из истории кумыкского языкознания // Советская тюркология. 1982. № 1. С. 48–50.
- Кримський 1974 — *Кримський А. Ю.* Тюрки, їх мови та літератури // А. Ю. Кримський. Твори в п'яти томах. Т. IV. Киев: Наукова думка, 1974. С. 447–584.
- Макаров 1848 — *Макаров Т. Н.* Татарская грамматика кавказского наречия. Тифлис: Тип. Канцелярии наместника кавказского, 1848. 144 с.
- Муцалханов 2003 — *Муцалханов М. С.* Грамматика Тимофея Макарова: поиски, находки, исследования [электронный ресурс] // Вести Кумыкского научно-культурного общества. 2003. № 8–10. URL: <https://web.archive.org/web/20160806030748/http://kumukia.ru/article-5003.html> (дата обращения: 10.07.2024).
- Услар 1870 — *Услар П. К.* О распространении грамотности между горцами // Сборник сведений о кавказских горцах. Вып. III. Тифлис: Тип. Гл. управления Наместника Кавказского, 1870. С. 1–30.

References

- Abdullabekova U. B. “The Tatar Grammar of the Caucasian Dialect” is the first Cyrillic grammar of the Kumyk language. *Herald of the G. Tsadasa Institute of Language, Literature and Art*. 2018. No. 16. Pp. 24–28. (In Russ.)
- Aliev K. M. One interesting find from Stavropol. *Dagestanskaya pravda*. 1982. No. 183. P. 7. (In Russ.)
- Artinsky I. P. Novocherkassk Military Gymnasium: A Historical Essay. Novocherkassk: Don Host Oblast Press, 1907. 469 p. (In Russ.)
- Bekoeva T. A., Kudzaeva A. G. The dispute of Kazi Atazhukin and T. Makarov on the introduction of written language in Kabarda. *Izvestiya SOIGSI*. 2014. No. 14 (53). Pp. 3–8. (In Russ.)
- State Archive of Rostov Oblast.
- Kolesov D. I., Sen D. V. “Accompanying here the original paper came from the most venerated Mustafa Pasha of Anapa and a translation from it...”: Russian-Ottoman communication’s practices at the Northern Black Sea shore (1792–1828). *Proceedings in Archaeology and History of Ancient and Medieval Black Sea Region*. 2020. No. 12. Pp. 602–645. (In Russ.) DOI: 10.24411/2713-2021-2020-00019
- Kononov A. N. Historical insights into Kumyk linguistics. *Sovetskaya tyurkologiya*. 1982. No. 1. Pp. 48–50. (In Russ.)
- Krimsky A. Yu. Turks, their languages and literatures. In: Krimsky A. Yu. Writings. In 5 vols. Vol. 4. Kiev: Naukova Dumka, 1974. Pp. 447–584. (In Ukr.)
- Makarov T. N. Grammar of Caucasian Tatar. Tiflis: Caucasus Viceroy’s Office, 1848. 144 p. (In Russ.)
- Mutsalkhanov M. S. Timofey Makarov and his Grammar Book: Pursuits, finds, studies. *Vesti Kumykskogo nauchno-kul’turnogo obshchestva*. 2003. No. 8–10. Available at: <https://web.archive.org/web/20160806030748/http://kumukia.ru/article-5003.html> (accessed: 10 July 2024). (In Russ.)
- Uslar P. K. Enhancing literacy among highlanders. In: Collected Accounts of Caucasian Highlanders. Vol. 3. Tiflis: Caucasus Viceroy’s Office, 1870. Pp. 1–30. (In Russ.)

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1127–1140, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 94(571.56)“191/198”

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1127-1140

Проблема деградации «вечной мерзлоты» и развитие геокриологической науки в Якутии в XX в.

Александр Альбертович Сулейманов¹, Айтилина Родионовна Федорова²,
Святослав Игоревич Федоров^{3,4}, Дмитрий Андреевич Апросимов⁵

- 1 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
кандидат исторических наук, старший научный сотрудник
 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306[at]gmail.com
- 2 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0002-6487-3914. E-mail: aytap[at]mail.ru
- 3 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
Северо-Восточный федеральный университет имени М. К. Аммосова (д. 58, ул. Белинского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
старший преподаватель
 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si[at]mail.ru
- 5 Институт гуманитарных исследований и проблем малочисленных народов Севера СО РАН (д. 1, ул. Петровского, 677027 Якутск, Российская Федерация)
младший научный сотрудник
 0000-0003-4418-297X. E-mail: dmitrii.aprosimov[at]gmail.com

© КалмНЦ РАН, 2024

© Сулейманов А. А., Федорова А. Р., Федоров С. И., Апросимов Д. А., 2024

Аннотация. Целью статьи является реконструкция динамичной картины, характеризующей деградацию многолетнемерзлых пород («вечной мерзлоты») и ее последствия для населения Якутии в период с начала XX в. и до конца советской эпохи, а также определение роли данной проблемы в развитии геокриологии в регионе. *Материалы и методы.* В основе исследования лежит анализ разрозненных документальных свидетельств, выявленных в архивных и музейных фондах в гг. Москве, Иркутске и Якутске, полевых материалов авторов, а также данных из имеющей отношение к рассматриваемой проблематике научной литературы. *Результаты.* Проведенная работа позволила отметить, что деградация «вечной мерзлоты» в результате

антропогенного воздействия на протяжении рассмотренного периода являлась в целом перманентным процессом. Для городских поселений отмеченные случаи были связаны либо с изначальными ошибками при проектировании зданий и сооружений, либо с недостаточным учетом фактора «вечной мерзлоты» в процессе их эксплуатации. В случае с сельской местностью подобное вмешательство человека представляло собой, в первую очередь, сведение растительного покрова для создания пашен и луговых угодий. Показано, что необходимость своевременного ответа на возникающие вызовы способствовала развитию геокриологической науки в Якутии, ее обогащению новыми оригинальными направлениями исследований в рамках инженерной геокриологии и сельскохозяйственной экологии в криолитозоне.

Ключевые слова: Якутия, Академия наук СССР, научные исследования, многолетнемерзлые породы, термокарст, советский период

Благодарность. Работа выполнена в рамках реализации государственного задания по проекту «Азиатская Арктика в XX веке: интеллектуальное и индустриальное освоение, реализация ресурсно-природного и человеческого потенциала Якутии в советский период», а также по гранту Главы Республики Саха (Якутия) молодым ученым, специалистам и студентам Республики Саха (Якутия).

Для цитирования: Сулейманов А. А., Федорова А. Р., Федоров С. И., Апросимов Д. А. Проблема деградации «вечной мерзлоты» и развитие геокриологической науки в Якутии в XX в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1127–1140. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1127-1140

The Problem of Permafrost Degradation and Development of Geocryological Science in Yakutia in the Twentieth Century

Alexander A. Suleymanov¹, Aytalina R. Fedorova², Svyatoslav I. Fedorov^{3,4},
Dmitry A. Aprosimov⁵

¹ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Cand. Sc (History), Senior Research Associate

 0000-0001-8746-258X. E-mail: alexas1306[at]gmail.com

² Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0002-6487-3914. E-mail: aytap[at]mail.ru

³ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
⁴ Junior Research Associate

Ammosov North-Eastern Federal University (58, Belinsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Senior Lecturer

 0000-0002-8610-3689. E-mail: fedorov.si[at]mail.ru

⁵ Institute for Humanities Research and Indigenous Studies of the North, Siberian Branch of the RAS (1, Petrovsky St., 677027 Yakutsk, Russian Federation)
Junior Research Associate

 0000-0003-4418-297X. E-mail: dmitrii.aprosimov[at]gmail.com

© KalmSC RAS, 2024

© Suleymanov A. A., Fedorova A. R., Fedorov S. I., Aprosimov D. A., 2024

Abstract. *Goals.* The article aims to reconstruct a dynamic pattern characterizing the degradation of permafrost and its consequences for Yakutia's population from the early twentieth century to the late Soviet era, as well as to articulate the role of this problem in the development of geocryology in the region. *Materials and methods.* The study basically analyzes scattered documentary evidence discovered in archival and museum collections of Moscow, Irkutsk and Yakutsk, the authors' field materials, and data from related scientific publications. *Results.* The conducted work makes it possible to note that permafrost degradation caused by anthropogenic impacts was largely somewhat permanent process throughout the period under consideration. In

case of urban settlements, corresponding cases were associated with either initial design defects (buildings and structures) or insufficient consideration of the permafrost factor (during the latter's operation). In case of rural areas, such human intervention was primarily manifested in the removal of vegetation cover aimed at creating arable and meadow lands. It is shown that the need for timely responses to emerging challenges contributed to the development of geocryological science in Yakutia, its enrichment with new original areas of research within the framework of engineering geocryology and agricultural ecology across the cryolithic zone.

Keywords: Yakutia, USSR Academy of Sciences, scientific research, permafrost, thermokarst, Soviet era

Acknowledgements. The reported study was funded by government assignment, project 'Asiatic Arctic in the Twentieth Century: Intellectual and Industrial Development, Fulfillment of Resource, Natural and Human Potentials of Yakutia in the Soviet Period'; and co-funded by the Grant Program under Head of the Republic of Sakha (Yakutia) for young scientists, specialists and students of the Republic of Sakha (Yakutia).

For citation: Suleymanov A. A., Fedorova A. R., Fedorov S. I., Aprosimo D. A. The Problem of Permafrost Degradation and Development of Geocryological Science in Yakutia in the Twentieth Century. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1127–1140. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1127-1140

1. Введение

Республика Саха (Якутия) занимает площадь, равную 3 103,2 тыс. км², и по этому показателю является не только крупнейшим субъектом Российской Федерации, но и самой большой административно-территориальной единицей в мире. Практически полностью территория региона находится в зоне сплошного распространения многолетнемерзлых пород (ММП) — «вечной мерзлоты». Именно в Якутии этот природный феномен достигает своей максимальной мощности, составляющей порядка 1,5 км.

Различные исследования свидетельствуют о том, что «вечная мерзлота» служит фактическим каркасом, несущей конструкцией для системы жизнеобеспечения населения арктических и субарктических территорий. Дело не только в том, что от состояния мерзлоты зависит устойчивость жилых зданий, промышленных сооружений, объектов инфраструктуры [Чжан и др. 2020: 12–16]. Наличие ММП создает условия для ведения сколь-либо эффективной сельскохозяйственной деятельности в Якутии, так как регион по количеству выпадаемых в течение года осадков относится к зоне полупустыни [Егоров и др. 2009: 17]. Именно «вечная мерзлота» играет важнейшую роль в их удержании в деятельном слое почвы [Шепелев 2011: 53–71]. При этом протека-

ющие в толще многолетнемерзлых пород процессы являются также и средообразующими, которые формируют специфические мерзлотные ландшафты [Федоров 1991: 5–135].

Самым очевидным примером роли мерзлотных ландшафтов в формировании не только хозяйственных комплексов, системы расселения, но и этнокультурных особенностей, безусловно, являются аласы — замкнутые или полужамкнутые безлесные котловины, к проживанию в пределах которых вплоть до административных преобразований в Якутии в 1920–1930-е гг. преимущественно тяготели представители крупнейшего этноса региона — якуты (саха) [Брагина 2021: 13–16]. С подобным нюансом расселения даже связывают некоторые особенности в их менталитете, существование так называемого «аласного патриотизма» [Елисеева 2019: 698]. Таким образом, очевидно, что фактор «вечной мерзлоты» в значительной степени формирует фундаментальные основы жизни и деятельности человека на территории Якутии.

Между тем в последние десятилетия население республики все чаще сталкивается с причиняющими серьезный социально-экономический ущерб последствиями развития негативных криогенных процессов, которые ведут к деградации ледового ком-

плекса, его «таянию». Деграция ММП, как ожидается, к середине XXI в. затронет 33,6 % инфраструктуры в Якутии, что, естественно, повлечет за собой значительные социальные и экономические издержки [Streletskiy et al. 2019: 25003]. Вследствие этого в зону риска попадают многочисленные населенные пункты, промышленные объекты и земли сельскохозяйственного назначения, которые расположены в пределах распространения сильнольдистых мерзлых пород и ледового комплекса (40 % территории Якутии [Shestakova et al. 2021: 462]).

Насущность проблемы деграции «вечной мерзлоты» и ее последствий для населения региона привела к достаточно высокой исследовательской активности и выходу в свет значительного круга работ [Katamura et al. 2009; Saito et al. 2018; Streletskiy et al. 2019; Федоров 2020; Lytkin, Syromyatnikov 2021; и др.], авторы которых, тем не менее, не пришли к консенсусу о том, что считать главным триггером происходящих изменений: результат антропогенного воздействия [Варламов и др. 2021: 143] или климатические трансформации последних десятилетий, которые характеризуются устойчивым трендом на повышение среднегодовых температур воздуха. В отношении последнего фактора, например, один из ведущих современных специалистов по изучению термокарста (вытаивание подземного льда) А. Н. Федоров отметил: «ледовый комплекс, достаточно стабильно функционировавший до 1990-х годов в результате климатических сдвигов ... быстро теряет устойчивость. В результате в безлесных ландшафтах ледового комплекса в Центральной Якутии грунты из-за таяния подземных льдов проседают со скоростью от 5–10 см до 13–18 см в год в формирующихся термокарстовых западинах. В результате такого потепления до 40–50 % пашен на ледовом комплексе деградируют из-за таяния подземных льдов» [Федоров 2020: 252].

При этом из поля зрения исследователей несколько выпала реконструкция масштабов деграции ММП в недавнее по геологическим меркам прошлое — в последние столетия. В этой связи значитель-

ный интерес представляет выяснение двух моментов. Во-первых, какую активность и последствия для населения Якутии имели процессы деграции многолетнемерзлых пород в предыдущие исторические периоды? Ответ на этот вопрос среди прочего мог бы позволить подготовить исторические основания для определения в сопоставлении с ролью антропогенного воздействия «вклад» текущих климатических трансформаций в процессы деграции ММП. Во-вторых, какую роль проблема деграции «вечной мерзлоты» сыграла в становлении «науки о мерзлоте» — геокриологии — в Якутии?

Целевой установкой данной статьи является попытка хотя бы частичного заполнения указанной историографической лакуны: обобщение разрозненных документальных свидетельств и реконструкция на этой основе динамичной картины, характеризующей деграцию ММП и ее последствия для населения Якутии в период с начала XX в. и до конца советской эпохи в контексте развития геокриологии. Верхняя граница выбранного хронологического промежутка связана с началом активного каменного строительства в г. Якутске, нижняя — со значительной интенсификацией процессов деграции «вечной мерзлоты» в Якутии в последнее десятилетие XX в., масштабы и последствия которой в этой связи представлены в ряде научных работ [Saito et al. 2018; Федоров 2020; Варламов и др. 2021; Lytkin, Syromyatnikov 2021; и др.].

Вместе с тем необходимо оговориться, что на данном этапе подобные исследования существенно лимитированы недостаточностью фактического материала. Очевидно, что естественные изменения ландшафтов, тем более протекающие постепенно в условиях высокой дисперности поселений и их малочисленности по состоянию даже на 1930-е гг. [Федорова 1999: 119–127], не всегда могли считаться достаточным основанием для фиксации в документах. По этой причине, как правило, лучший отклик находили неожиданные происшествия природного характера. В частности такие, как наводнения. Кроме того, зачастую невозможно с необходимой степенью точности верифици-

ровать, связаны ли те или иные отдельные упоминания об изменениях в ландшафте с развитием различных негативных криогенных процессов.

2. Материалы и методы

Для достижения заявленной цели привлечен комплекс источникового материала: выявленные в фондах Архива Института мерзлотоведения им. П. И. Мельникова Сибирского отделения РАН (ИМЗ СО РАН, г. Якутск), Архива РАН (г. Москва), Государственного архива Иркутской области (г. Иркутск), Национального архива Республики Саха (Якутия), Якутского государственного объединенного музея истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского (ЯГОМ, г. Якутск) документы; полевые материалы авторов, собранные в 2021 г. и 2023 г. в ходе исследований в Хангаласском, Верхневилуйском и Олёкминском районах Якутии, а также сведения из имеющей отношение к рассматриваемой проблематике научной литературы.

3. Деградация «вечной мерзлоты» в Якутии в прошлом: предания и факты

Выше отмечалась роль мерзлотных ландшафтов в жизни населения Якутии. Вместе с тем их формирование в значительной степени обусловлено процессами дегградации ледового комплекса, вытаяванием подземного льда. К примеру, аласообразование происходит вследствие термокарста и включает такие последовательные стадии развития форм рельефа, как: зачаточный былар, былар, иё, дюёдя, тымпы и алас [Соловьев 1959: 12–15].

Важную роль в формировании термокарстовых форм рельефа, как отмечает Р. В. Десяткин, играет климатический фактор [Десяткин 2008: 37]. С изменениями климатических условий в голоцене он связывает «частичную дегградацию ледового комплекса», которой обусловлено развитие «современного аласного рельефа» [Десяткин 1984: 28]. С тем, что «современные ландшафтно-климатические условия установились во время климатического оптимума голоцена, примерно после рубежа в

5 500 лет назад» согласен и А. Н. Федоров. В оптимум голоцена на территории Якутии отклонения средних годовых температур воздуха по отношению к современным оцениваются в среднем в +1–2° для центральных и южных районов и в +2–3°С для северных [Федоров 2020: 59]. Однако и после этого периода мерзлотные ландшафты не были статичны и реагировали на изменения климатических условий [Десяткин 2008: 37–43].

В этом отношении показательно, что геокриология является одной из немногих исследовательских дисциплин, представители которой оперируют в своей профессиональной деятельности терминологией, опирающейся среди прочего на лексику языков народов России. Так, из якутского языка были заимствованы наименования указанных форм мерзлотного рельефа (*былларааттабас* — имеющий много мелких бугорочков, местами вздутый [БТСЯЯ 2005: 709]; *дүөдэ* — глубокое озеро посреди леса со склонившимися к воде засохшими деревьями и с обрывистыми краями [БТ СЯЯ 2006: 208], *тыымпы* — озеро в лесу (без береговой полосы) [БТСЯЯ 2014: 419], *алаас* — чистое поле или луг, окруженное лесом; чистая поляна среди леса, поле или луг, окруженные лесом (обычно с озерком посередине) [БТСЯЯ 2004: 391]), а также некоторых других, включая, например, *булгунньах* (*булгунньах* — возвышение небольшой окружности нередко с крутыми склонами, холм [БТСЯЯ 2005: 494]) и *байджарахи* (*бадьараах* — обрывистая крутая горка [ДСЯЯ 1976: 57]).

Очевидно, что с каждой из этих форм развития мерзлотного рельефа, возникающих вследствие термокарста, якуты, так или иначе, имели дело в процессе своей жизнедеятельности. Таким образом, с проявлениями дегградации «вечной мерзлоты» население региона сталкивалось достаточно давно.

Переходя же к конкретным примерам изменения форм рельефа в связи с дегградацией ММП в прошлом, представляется целесообразным привести одно из зафиксированных нами в с. Липпе-Атах Верхневи-

луйского улуса (района) в сентябре 2021 г. в ходе исследований в рамках поддержанного Российским научным фондом проекта «Антропология холода: естественные низкие температуры в системе жизнеобеспечения сельских сообществ Якутии (традиционные практики, вызовы современности и стратегии адаптации)» преданий: «Рассказывая про эвенков... Рядом с селом есть местность Сыырдаах, но его название непосредственно в ее пределах произносить нельзя. Говорят, давным-давно был один табунщик, который по этой местности скакал на лошади и все время повторял „Сыырдаах, Сыырдаах“, и у него один табун во главе с вожакон утонул в озере. Поэтому, когда мы были маленькими, старики нам всегда запрещали произносить его название. Местность эта окружена горками, сама она провалилась глубоко вниз. Там раньше можно было увидеть макушки лиственниц под водой. По легенде там, в этой местности, до того, как она ушла под воду, племя с „защитными лицами“ рубили деревья, из-за этого с деревьев полилась кровь, земля затряслась и рухнула вниз, так и образовалось там озеро, все племя там и потонуло. Вот такая вот легенда, неизвестно, правда ли это, вымысел ли» [ПМА 2021: Инф. 2].

В настоящем сюжете, помимо красочной интерпретации причин изменения состояния окружающей среды, мы можем выявить некоторые интересные моменты. Во-первых, не представляется возможным определить время возникновения этой легенды, но само ее существование показывает, что трансформация ландшафта не остается незамеченной и отражается даже в устном фольклоре. Во-вторых, определенный акцент в ней делается на табу, связанное с номинацией, а также на антропогенный фактор описываемых ландшафтных изменений. Эвфемизация — частый прием в духовной культуре якутов, отдельная группа таких терминов относится и к уважительно-наименованию окружающей среды: животных, ландшафта и пр. Сама природа такого сознательного избегания употребления топонимических обозначений, несомненно, связана с анимистическими представления-

ми и страхом перед природой. Любопытно и то, что этот запрет в легенде связывают с «кровавым» вредительством, будто по представлениям людей природа оказывается враждебной и вследствие понесенного ущерба противопоставляется человеку.

Проведенные авторами исследования на настоящий момент не позволили установить, имеет ли указанное предание под собой какие-то реальные основания. Вместе с тем механизм образования термокарстовых озер передан в целом верно. Нарушение теплобалансового режима земной поверхности вследствие удаления при распашке древесного и кустарникового ярусов растительного покрова ведет к более сильному прогреванию грунтов под воздействием прямых солнечных лучей, что имеет следствием повышение глубины сезонно-талого слоя и температуры многолетнемерзлых пород. Именно с удалением теплоизолирующего напочвенного покрова и вырубкой древесного яруса авторы монографии «Мониторинг теплового режима грунтов Центральной Якутии» связывают наиболее интенсивные повышения температуры ММП, ведущие к потере их устойчивости и последующему развитию термокарста, естественно, включая и формирование указанных ранее специфических форм рельефа [Варламов и др. 2021: 144].

Исходя из выявленных документальных источников, вероятно, впервые в значительных масштабах с последствиями деградации ММП население Якутии столкнулось с началом активного гражданского каменного строительства в г. Якутске. В связи с этим в 1917 г. якутский губернатор Р. Э. фон Витте обратился к иркутскому генерал-губернатору с просьбой о выделении 600 руб. для организации наблюдения за температурным режимом грунтов у фундамента Реального училища.

Построенное в 1910 г. здание этого образовательного учреждения достаточно быстро покрылось «серьезными многочисленными трещинами», которые грозили, по мнению адресанта, разрушением в случае, «если не будут приняты своевременные серьезные меры» [ГА ИО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2.

Л. 1об.]. Отмечалось также, что «причиной разрушения здания является постепенное оттаивание почвы под подошвой фундамента внутренних стен вследствие отепления здания и связанное с оттаиванием грунта понижение линии вечной мерзлоты» [ГА ИО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 1об.]. В результате «с 1911 года полы и потолки, дверные и оконные просветы в коридорах и классах, и арки получили уклон, идущий от наружных стен к внутренним. Этот уклон в месте наибольшего своего понижения... имеет 0,025 саж. На протяжении 1,33 саж.» [ГА ИО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 4]. Среди мер для исправления ситуации, в том числе, предлагалось сооружение черного пола, «непроницаемого для передачи теплоты и холода» [ГА ИО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 6].

Одновременно фиксировались проблемы у «недавно отстроенного здания Окружного суда (в настоящее время в нем размещается Академия наук РС(Я). — А. С., А. Ф., С. Ф., Д. А.)» [ГА ИО. Ф. 31. Оп. 2. Д. 2. Л. 1об.], которое «уже имело трещины в наружных стенах», и здание Казенной монополии, где также возникли трещины. По этой причине Р. Э. фон Витте, вероятно, одним из первых в Якутии указал на целесообразность постановки процесса каменного строительства в условиях «вечной мерзлоты» на научные рельсы [ГА ИО. Ф. 1. Оп. 2. Д. 2. Л. 1об.].

Приблизительно в это же время относится фотосвидетельство последствий увеличения температуры многолетнемерзлых грунтов для одного из выполненных из кирпича зданий в г. Якутске, отложившееся в фондах ЯГОМ под заголовком «Разрушающийся дом, выстроенный без учета мерзлоты» [ЯГОМ: КПФ-12562].

Сохранились и отдельные свидетельства развития термокарста на участках, использовавшихся в сельскохозяйственных целях. В частности Н. В. Воленс в ходе своих исследований в составе Якутской комплексной экспедиции Академии наук (АН) СССР 1925–1930 гг. на территории современного Амгинского улуса отметила следующее: «Оставление пашни на несколько лет в залежи и, наконец, забрасывание ее практи-

куется очень широко. Во многих случаях забрасывание пашен бывает совершенно неизбежно. Например, там, где расчищенная из-под леса пашня, через несколько лет обработки, дает, вследствие таяния подпочвенного льда провалы и образует овраги — это встречается довольно часто» [АРАН. Ф. 582. Оп. 5. Д. 95. Л. 68].

Участники данной экспедиции фиксировали подобные процессы также на современной территории соседнего с Амгинским Мегино-Кангаласского улуса — в окрестностях с. Бютейдах, где происходил «процесс углубления и расширения озера на месте провалившейся от таяния подпочвенного льда пашни» [ЯГОМ: КПФ-8540].

Очевидно, к этому времени проблема деградации ММП на участках сельскохозяйственного назначения в Якутии имела определенную актуальность, так как, например, в 1933 г. в п. Бердигестях, в тот период относившемся к Намскому району Якутской АССР, Якутским отделением землеустроительного треста СССР (Госземтрест) с целью «выявления изменений рельефа местности ... в связи оттаиванием» был заложен опытный участок с прорытой канавой, за состоянием которого дважды в год (июнь и октябрь) велись наблюдения [НА РС(Я). Ф. Р-522. Оп. 11. Д. 62. Л. 1].

4. Институализация геокриологической науки и развитие инженерной геокриологии в Якутии в свете развития негативных криогенных процессов

Еще более очевидной демонстрацией имевшихся проблем и в целом необходимости учета фактора «вечной мерзлоты» в ходе «рывка» советского государства на Север является относящееся ко второй половине 1920-х – 1930-м гг. оформление в самостоятельную отрасль научных знаний геокриологии. Данное событие связывается главным образом с выходом в 1927 г. в свет первой профильной монографии М. И. Сумгина «Вечная мерзлота почвы в пределах СССР» [Каменский 2001: 16]. В организационной же части институализация геокриологии выразилась в создании специальных исследовательских структур: первоначально (1929) —

Комиссии, затем (1936) — Комитета по изучению вечной мерзлоты, а в 1939 г. — Института мерзлотоведения им. В. А. Обручева АН СССР (ИНМЕРО, г. Москва) [*Академическое* 1997: 9–10].

В 1935 г. была организована Якутская мерзлотная станция Главсевморпути, после ряда преобразований в 1941 г. ставшая фактической основой для появления первого в Якутии постоянного академического учреждения — Якутской научно-исследовательской мерзлотной станции (ЯНИМС) ИНМЕРО [*АРАН. Ф. 174. Оп. 26. Д. 77. Л. 71*]. Таким образом, стационарные академические исследования в регионе начались с работ в области геокриологии, что, как представляется, также является одним из показателей значимости фактора «вечной мерзлоты» в экономике и жизни населения Якутии. Именно с деятельностью сотрудников данной структуры (с 1960 г. — Института мерзлотоведения СО АН СССР) связан основной объем верифицированных данных, касающихся вопросов изменения термовлажностного режима ММП и развития негативных криогенных процессов в последующие периоды.

Так, с 7 по 12 мая 1942 г. по просьбе НКВД Якутской АССР сотрудники ЯНИМС ИНМЕРО произвели мерзлотно-грунтовые исследования для определения причины деформации кирпичного здания НКВД в г. Якутске по ул. Дзержинского. Деформация стены здания произошла внезапно в октябре 1941 г. и сопровождалась, по словам работающих в прилегающей комнате сотрудников, «треском и осыпанием штукатурки» [*АРАН. Ф. 268. Оп. 1. Д. 267. Л. 3*].

Для осмотра фундамента в октябре 1941 г. вдоль стены здания было вырыто три шурфа на глубину 2,2 м (глубина деятельного слоя). В мае 1942 г. со дна шурфов было пробурено две скважины глубиной 5,7 и 6,2 м.

Результаты проведенных изысканий показали, что на месте расположения скважины № 1 грунты протаяли на глубину 5,7 м. Протаивание произошло в связи с тем, что в этом месте в 1939 г. были уложены в галерею на глубину 0,7 м подводные трубы парового отопления. В результате выделяемо-

го паровыми трубами тепла в течение трех отопительных сезонов мерзлые грунты протаяли на 3,5 м ниже подошвы фундамента. Оттаявшие грунты при этом дали осадку на 8–9 см. В результате одна из колонн наружной стены просела, и примыкающие к ней части капитальной стены дали деформацию сдвига с переносом оконных перемычек и образованием косых трещин.

На основе проведенных изысканий были выработаны следующие рекомендации: 1) демонтаж труб парового отопления и укладка их на поверхность грунта в коробе, засыпанном шлаком или опилками. У входа в здание эти трубы требовалось приподнять на 25–30 см; 2) ослабление нагрузки с фундамента демонтированной части стены и перенос ее на прилегающие недеформированные части стены (заложение балок или устройство свода); 3) удаление воды из протаявших грунтов до наступления морозов [*АРАН. Ф. 268. Оп. 1. Д. 267. Л. 1–3*].

Подобных примеров как в г. Якутске, так и в других крупных населенных пунктах Якутии в последующем было достаточно много, что актуализировало развитие инженерной геокриологии, организационное оформление которой в форме выделения самостоятельного подразделения в стенах Института мерзлотоведения СО АН СССР произошло в 1960 г., когда была создана лаборатория механического и теплового взаимодействия мерзлых грунтов с надземными и подземными сооружениями [*Академическое* 1997: 41].

Развитие инженерной геокриологии позволило находить и внедрять достаточно эффективные решения для нивелирования возникающих вызовов, как, например, в случае со зданием Якутской ТЭЦ [*Заболотник* 2016: 19–24]. Хотя это не решило всех проблем, и происшествий, связанные с нарушением устойчивости фундаментов зданий и сооружений в городских поселениях Якутии из-за повышения температуры грунтов, возникают и в наши дни, однако в принципиальном отношении ответы на то, как необходимо «взаимодействовать» с «вечной мерзлотой» в условиях города с

научной точки зрения, благодаря развитию геокриологии, были даны.

5. Разработка вопросов деградации многолетнемерзлых пород в сельской Якутии

Несколько иная ситуация характерна для проблем, возникающих в сельской местности. В этой связи далее остановимся на вопросах деградации многолетнемерзлых пород и, в первую очередь, развития термокарста на землях сельскохозяйственного назначения в Якутии. Одним из показателей активности термокарста на таких территориях, например, в 1950-е гг. являются материалы, представленные в классической работе П. А. Соловьева «Криолитозона северной части Лено-Амгинского междуречья» 1959 г. При разработке генетической классификации типичных форм термокарста ученый в качестве примеров приводил различные стадии аласного рельефа, зафиксированные им в ходе полевых исследований на территории Алексеевского (Таттинского) района Якутской АССР [Соловьев 1959: 12–13].

Репрезентативен также пример участка Юкэчи, который расположен в 15 км к северу от с. Майя (Мегино-Кангаласский улус). В течение 1931–1933 гг. на данном участке была осуществлена раскорчевка леса под пашню. В 1960 г. он был изъят из сельскохозяйственного оборота в связи с реорганизацией местного коллективного хозяйства. Вскоре на заброшенной пашне стало наблюдаться активное протекание термокарста. В результате к 1975 г. образовались западины глубиной 0,5 м, а в начале 1980-х гг. появились небольшие термокарстовые озера. В 1989 г. глубина одного из таких водоемов составила 2,64 м при общей просадке грунта в 4 м [Федоров и др. 1992: 151].

Изыскания, проводившиеся в Верхоянском районе в 1989 г. под руководством старшего научного сотрудника Института мерзлотоведения СО АН СССР П. П. Гаврильева на сельскохозяйственных угодьях в 20–50 км от п. Батагай, показали, что для части них было характерно «образование многочисленных мелких термокарстовых

озерков, вследствие развития интенсивных криогенных (термокарстовых) процессов» [Архив ИМЗ СО РАН. Д. 1773. Л. 30]. На обследованных участках был сформирован полигонально-валиковый и бугристо-западинный микрорельефы, при этом глубина западин достигала 1,5 м [Архив ИМЗ СО РАН. Д. 1773. Л. 30–43].

Определенным маркером того, что термокарст к концу советской эпохи в истории нашей страны для некоторых районов Якутии являлся достаточно острой проблемой, является проведение П. П. Гаврильевым опытных работ по стабилизации термокарста [Архив ИМЗ СО РАН. Д. 1773. Л. 52–56]. При этом их принцип в целом повторял изыскания, осуществленные этим же ученым несколькими годами ранее на Амгинском стационаре. Здесь осенью 1984 г. на орошаемом поле были засыпаны почвогрунтом девять «наиболее характерных термопросадок (0,3–0,6 м)» [Архив ИМЗ СО РАН. Д. 1773. Л. 56].

По схожей методике в 1987 г. в соответствии с рекомендациями, сделанными П. П. Гаврильевым, выполнялись работы в окрестностях пригорода Якутска — с. Хатассы, где на восстанавливаемых участках пашен имелись термопросадки глубиной 0,2–1 м [Архив ИМЗ СО РАН. Д. 1773. Л. 60].

Благодаря этим исследованиям в стенах Института мерзлотоведения существенный импульс получила разработка нового для своего времени направления изысканий в геокриологии — сельскохозяйственной экологии в криолитозоне. Ранее вплоть до конца 1970-х гг. в мелиоративной и водохозяйственной практике в Якутии фактор «вечной мерзлоты» фактически игнорировался, использовались те же приемы, что и в центральной части страны [Гаврильев 2010: 12].

Указанные архивные и литературные источники целесообразно дополнить также материалами полевых исследований, которые, исходя из некоторых сообщенных автору и его коллегам подробностей, в том числе не вошедших в ниже приводимые интервью,

можно с достаточной степенью уверенности ассоциировать с развитием термокарста.

К примеру, в с. Улахан-Ан Хангаласского района в июле 2021 г. нами от информанта А. М. (1956 г. р., муж.) были получены следующие данные: «На летнике Уу-Кехсе возле большого коровника есть озеро, до 1970-х годов оно было совершенно маленькое. Мы, как говорится, в этой лужице сапоги ополаскивали — сейчас это уже озеро, там рыба завелась. На моей памяти, это первый подобный случай, связанный с изменением климата, таянием мерзлоты. Это началось в 1970-е годы. Примерно в это же время, может, чуть позднее, мы на этом озере решили помыть 500-литровую бочку для кумыса, но она, к нашему удивлению, утонула. Бочку мы так и не смогли найти. И вот тогда же, в 1970-х годах, уже появилась догадка, что будут изменения» [ПМА 2021: Инф. 1].

Информант С. П. (1957 г. р., муж.) из с. Юнкюр Олёкминского района, вспоминая свою прошлую работу в совхозе «Олёкминский», отметил, что в целом вверенные ему пашни и поля не подвергались каким-то видимым изменениям, так как «проблемы на полях начались в 1990-е годы» [ПМА 2023: Инф. 3]. Вместе с тем «самый первый раз был немного раньше. Примерно в 1985 году на одном из зерновых полей, которые выше г. Олёкминска (их еще скопцы возделывали), у нас провалился комбайн. Сел на „брюхо“. Мы его тракторами потом вытаскивали» [ПМА 2023: Инф. 3]. Примерно в это же время С. П. начал заниматься охотничьей деятельностью, на которую последствия «дефицита холода» и сезонных сдвигов также накладывали свой отпечаток: «В 1980-х гг., когда я только начинал охотиться, то трудился на «земле», т. е. на пашнях, и ждал, когда работа на полях закончится и замерзнет земля для того, чтобы можно было уехать на охоту. Помню, сперва спрашивал у стариков про примерное число, и мне отвечали, что земля замерзает 11 октября. Действительно потом мог убедиться, что так и было. Выезжали в октябре, и уже к 7 ноября с охоты все возвращались. В последующем время выезда перемещалось все дальше и дальше» [ПМА 2023: Инф. 3].

Вместе с тем на участках данного совхоза подобные процессы в советский период, очевидно, носили единичный характер, так как ни указанный информант, ни знакомый по роду своей профессиональной деятельности с состоянием практически всех угодий Олёкминского района А. К. (1961 г. р., муж.) [ПМА 2023: Инф. 4], не смогли вспомнить другие случаи, которые можно было бы связать с деградацией ММП.

6. Заключение

Приведенные примеры свидетельствуют о том, что деградация «вечной мерзлоты» в результате антропогенного воздействия на протяжении рассмотренного периода являлась в целом перманентным процессом. Для городских поселений отмеченные случаи были связаны либо с изначальными ошибками при проектировании зданий и сооружений, либо с недостаточным учетом фактора «вечной мерзлоты» в процессе их эксплуатации. В случае с сельской местностью подобное вмешательство человека представляло собой, в первую очередь, сведение растительного покрова для создания пашен и луговых угодий. Вместе с тем очевидно, что негативные криогенные процессы не носили таких масштабов, которые они приобрели в конце XX – начале XXI столетий, хотя, как следует из представленного выше материала, набирали обороты постепенно и отмечались нашими респондентами уже в 1970-е гг. В данном отношении показательно, что Р. В. Десяткин в 1984 г. оценивал темпы развития термокарста как «сильно замедленные» и при этом «эпизодически вызываемые антропогенной деятельностью» [Десяткин 1984: 28].

Следует отметить, что в целом в течение рассматриваемого периода проблеме деградации ММП в сельской местности в отношении сохранности сельскохозяйственных угодий и земель для пространственного развития поселений, по сравнению с сохранностью зданий и сооружений в городах, уделялось меньше внимания. Подобное обстоятельство, как представляется, также является одним из показателей отсутствия масштабных проблем на селе, аналогичных

современным, которые вызвали значительную активизацию изысканий якутских географов в данном направлении, что среди прочего имело следствием создание в 1994 г. в ИМЗ СО РАН лаборатории криогенных ландшафтов. Тем не менее и в рассматрива-

емый период возникавшие проблемы способствовали развитию геоэкологической науки в Якутии, ее обогащению новыми оригинальными направлениями изысканий в рамках инженерной геоэкологии и сельскохозяйственной экологии в криолитозоне.

Полевые материалы автора

- ПМА 2021: Инф. 1 — Экспедиция в Хангаласский район Республики Саха (Якутия), 2021 г. (информант — муж., якут (саха), 1956 г. р.)
- ПМА 2021: Инф. 2 — Экспедиция в Верхневилуйский район Республики Саха (Якутия), 2021 г. (информант — муж., якут (саха), 1951 г. р.)
- ПМА 2023: Инф. 3 — Экспедиция в Олекминский район Республики Саха (Якутия), 2023 г. (информант — муж., русский, 1957 г. р.)
- ПМА 2023: Инф. 4 — Экспедиция в Олекминский район Республики Саха (Якутия), 2023 г. (информант — муж., русский, 1961 г. р.)

Author's Field Data

- Informant 1: ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1956. Rec. in Khangalassky District (Sakha Republic, Russia), 2021. (In Yak. and Russ.)
- Informant 2: ethnic Yakut (Sakha), male, b. 1951. Rec. in Verkhnevilyuyusky District (Sakha Republic, Russia), 2021. (In Yak. and Russ.)
- Informant 3: ethnic Russian, male, b. 1957. Rec. in Olyokminsky District (Sakha Republic, Russia), 2023. (In Russ.)
- Informant 4: ethnic Russian, male, b. 1961. Rec. in Olyokminsky District (Sakha Republic, Russia), 2023. (In Russ.)

Источники

- АРАН — Архив Российской академии наук.
- Архив ИМЗ СО РАН — Архив Института мерзлотоведения им. П. И. Мельникова Сибирского отделения РАН.
- ГА ИО — Государственный архив Иркутской области.
- НА РС (Я) — Национальный архив Республики Саха (Якутия).
- ГОМ — Якутский государственный объединенный музей истории и культуры народов Севера им. Ем. Ярославского.

Sources

- Archive of the Russian Academy of Sciences.
- Melnikov Permafrost Institute (SB RAS), Archive.
- State Archive of Irkutsk Oblast.
- National Archive of the Republic of Sakha (Yakutia).
- Yaroslavsky Yakutsk State Consolidated Museum of Northern Peoples' History and Culture.

Литература

- Академическое 1997 — Академическое мерзлотоведение в Якутии / отв. ред. Р. М. Каменский. Якутск: ИМЗ СО РАН, 1997. 328 с.
- Брагина 2021 — Брагина Д. Г. Этнические особенности расселения якутов в конце XX — начале XXI в. // Интерактивная наука. 2021. С. 13–16. DOI: 10.21661/r-553950

References

- Kamensky R. M. (ed.) Academic Permafrost Research in Yakutia. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute (SB RAS), 1997. 328 p. (In Russ.)
- Bragina D. G. Ethnic features of the settlement of the Yakuts in the late XX and early XXI centuries. *Interactive Science*. 2021. No. 4 (59). Pp. 13–16. (In Russ.) DOI: 10.21661/r-553950

- БТСЯЯ 2004 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / под ред. П. А. Слепцова. Т. I. Новосибирск: Наука, 2004. 679 с.
- БТСЯЯ 2005 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / под ред. П. А. Слепцова. Т. II. Новосибирск: Наука, 2005. 910 с.
- БТСЯЯ 2006 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / под ред. П. А. Слепцова. Т. III. Новосибирск: Наука, 2006. 841 с.
- БТСЯЯ 2014 — Большой толковый словарь якутского языка: в 15 тт. / под ред. П. А. Слепцова. Т. XI. Новосибирск: Наука, 2014. 528 с.
- Варламов и др. 2021 — *Варламов С. П., Скачков Ю. Б., Скрябин П. Н.* Мониторинг теплового режима грунтов Центральной Якутии. Якутск: ИМЗ СО РАН, 2021. 156 с.
- Гаврильев 2010 — *Гаврильев Петр Петрович:* библиографический указатель / авт.-сост. И. С. Угаров. Якутск: ИМЗ СО РАН, 2010. 68 с.
- Десяткин 2008 — *Десяткин Р. В.* Почвообразование в термокарстовых котловинах — аласах криолитозоны. Новосибирск: Наука, 2008. 345 с.
- Десяткин 1984 — *Десяткин Р. В.* Почвы аласов Лено-Амгинского междуречья. Якутск: ЯФ СО АН СССР, 1984. 168 с.
- ДСЯЯ 1976 — Диалектологический словарь якутского языка / сост.: П. С. Афанасьев, М. С. Воронкин, М. П. Алексеев. М.: Наука, 1976. 391 с.
- Егоров и др. 2009 — *Егоров Е. Г., Пonomарева Г. А., Федорова Е. Н.* Географическое положение Республики Саха (Якутия) и его уникальность // Региональная экономика: теория и практика. 2009. № 14. С. 16–21.
- Елисеева 2019 — *Елисеева Н. Д.* Исследования якутского менталитета в психологии и смежных науках // СибСкрипт. 2019. № 3. С. 695–706. DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706
- Заболотник 2016 — *Заболотник С. И.* О масштабах растепления грунтов в основании зданий Якутской ТЭЦ // Наука и техника в Якутии. 2016. № 2. С. 19–24.
- Каменский 2001 — *Каменский Р. М.* Геокриология (мерзлотоведение) — новая наука в системе наук о Земле // Наука и техника в Якутии. 2001. № 1. С. 16–19.
- Соловьев 1959 — *Соловьев П. А.* Криолитозона северной части Лено-Амгинского междуречья. М.: АН СССР, 1959. 144 с.
- Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 1. Novosibirsk: Nauka, 2004. 679 p. (In Yak. and Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 2. Novosibirsk: Nauka, 2005. 910 p. (In Yak. and Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 3. Novosibirsk: Nauka, 2006. 841 p. (In Yak. and Russ.)
- Sleptsov P. A. (ed.) Unabridged Explanatory Dictionary of the Yakut Language. In 15 vols. Vol. 11. Novosibirsk: Nauka, 2014. 528 p. (In Yak. and Russ.)
- Varlamov S. P., Skachkov Yu. B., Skryabin P. N. Monitoring of the Thermal Regime of Permafrost in Central Yakutia. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute (SB RAS), 2021. 156 p. (In Russ.)
- Ugarov I. S. (comp.) Petr P. Gavrilyev: A Bibliographic Guide. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute (SB RAS), 2010. 68 p. (In Russ.)
- Desyatkin R. V. Soil Formation in Thermokarst Depressions (Alases). Novosibirsk: Nauka, 2008. 345 p. (In Russ.)
- Desyatkin R. V. Soils of Alases in the Lena-Amga Basin. Yakutsk: Yakutsk Branch (SB USSR Acad. of Sc.), 1984. 168 p. (In Russ.)
- Afanasyev P. S., Voronkin M. S., Alekseev M. P. (comps.) The Yakut Dialect Dictionary. Moscow: Nauka, 1976. 391 p. (In Russ.)
- Yegorov E. G., Ponomareva G. A., Fedorova E. N. Yakutia's geographical location and its unique character. *Regional Economics: Theory and Practice*. 2009. Vol. 7. No. 14. Pp. 16–21. (In Russ.)
- Eliseeva N. D. Yakut mentality studies in psychology and related sciences. *The Bulletin of Kemerovo State University*. 2019. Vol. 21. No. 3. Pp. 695–706. (In Russ.) DOI: 10.21603/2078-8975-2019-21-3-695-706
- Zabolotnik S. I. Yakutsk Thermal Power Station: On permafrost thawing under facilities. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2016. No. 2. Pp. 19–24. (In Russ.)
- Kamensky R. M. Geocryology (permafrost studies) — a new discipline about the Earth. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2001. No. 1. Pp. 16–19. (In Russ.)
- Solovyov P. A. Cryolitic Zone of the Upper Lena-Amga Basin. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1959. 144 p. (In Russ.)

- Федоров 1991 — Федоров А. Н. Мерзлотные ландшафты Якутии: методика выделения и вопросы картографирования. Якутск: ИМЗ СО АН СССР, 1991. 140 с.
- Федоров и др. 1992 — Федоров А. Н., Босиков Н. П., Васильев И. С., Варламов С. П., Самсонова В. В. Динамика мерзлотных ландшафтов центральной Якутии после техногенного воздействия // Рациональное природопользование в криолитозоне. М.: Наука, 1992. С. 146–152.
- Федорова 1999 — Федорова Е. Н. Население Якутии: прошлое и настоящее (геодемографическое исследование). Новосибирск: Наука, 1999. 207 с.
- Федоров 2020 — Федоров А. Н. Эволюция и динамика мерзлотных ландшафтов Якутии: дис. ... д-ра геогр. наук. Якутск, 2020. 302 с.
- Чжан и др. 2020 — Чжан Р. В., Куницкий В. В., Павлова Н. А., Сыромятников И. И. О возобновлении геокриологического мониторинга на территории г. Якутска // Наука и техника в Якутии. 2020. № 1. С. 12–17. DOI: 10.24412/1728-516X-2020-1-12-17
- Шепелев 2011 — Шепелев В. В. Надмерзлотные воды криолитозоны. Новосибирск: Гео, 2011. 169 с.
- Katamura et al. 2009 — Katamura F., Fukuda M., Bosikov N. P., Desyatkin R. V. Charcoal records from thermokarst deposits in central Yakutia, eastern Siberia: implications for forest fire history and thermokarst development // *Quaternary Research*. 2009. Vol. 71. No. 1. Pp. 36–40. DOI: 10.1016/j.yqres.2008.08.003
- Lytkin, Syromyatnikov 2021 — Lytkin L. V., Syromyatnikov I. I. Application of an Unmanned Aerial Vehicle for Large-Scale Mapping of Thermokarst Landforms // *IOP Conf. Ser.: Earth Environ.* 2021. Sci. 666, 062030. DOI: 10.1088/1755-1315/666/6/062030
- Saito et al. 2018 — Saito H., Iijima Y., Basharin N. I., Fedorov A. N., Kunitsky V. V. Thermokarst development detected from high-definition topographic data in Central Yakutia // *Remote Sensing*. 2018. № 10. P. 1579. DOI: 10.3390/rs10101579
- Shestakova et al. 2021 — Shestakova A. A., Fedorov A. N., Torgovkin Y. I., Konstantinov P. Y., Vasylyev N. F., Kalinicheva S. V., Samsonova V. V., Hiyama T., Iijima Y., Park H. Mapping the Main Characteristics of Permafrost on the Basis of a Permafrost-Landscape Map of Yakutia Using GIS // *Land*. 2021. No. 10. P. 462. DOI: 10.3390/land10050462
- Fedorov A. N. Permafrost Landscapes of Yakutia: Identification Methods and Mapping Issues. Yakutsk: Melnikov Permafrost Institute (SB RAS), 1991. 140 p. (In Russ.)
- Fedorov A. N., Bosikov N. P., Vasilyev I. S., Varlamov S. P., Samsonova V. V. Central Yakutia and man-made impacts: Dynamics of permafrost landscapes analyzed. In: *Rational Management of Natural Resources in the Cryolitic Zone*. Moscow: Nauka, 1992. Pp. 146–152. (In Russ.)
- Fedorova E. N. Yakutia's Population in the Past and Nowadays: A Geodemographic Study. Novosibirsk: Nauka, 1999. 207 p. (In Russ.)
- Fedorov A. N. Permafrost Landscapes of Yakutia: Evolution and Dynamics. Dr. Sc. (geography) thesis. Yakutsk, 2020. 302 p. (In Russ.)
- Zhang R. V., Kunitsky V. V., Pavlova N. A., Syromyatnikov I. I. On reinstatement of geocryological monitoring in the city of Yakutsk. *Nauka i tekhnika v Yakutii*. 2020. No. 1. Pp. 12–17. (In Russ.) DOI: 10.24412/1728-516X-2020-1-12-17
- Shepelev V. V. Superpermafrost Waters of the Cryolitic Zone. Novosibirsk: Geo, 2011. 169 p. (In Russ.)
- Katamura F., Fukuda M., Bosikov N. P., Desyatkin R. V. Charcoal records from thermokarst deposits in central Yakutia, eastern Siberia: Implications for forest fire history and thermokarst development. *Quaternary Research*. 2009. Vol. 71. No. 1. Pp. 36–40. (In Eng.) DOI: 10.1016/j.yqres.2008.08.003
- Lytkin L. V., Syromyatnikov I. I. Application of an unmanned aerial vehicle for large-scale mapping of thermokarst landforms. *IOP Conference Series: Earth and Environmental Science*. 2021. Vol. 666. Article no. 062030. (In Eng.) DOI: 10.1088/1755-1315/666/6/062030
- Saito H., Iijima Y., Basharin N. I., Fedorov A. N., Kunitsky V. V. Thermokarst development detected from high-definition topographic data in Central Yakutia. *Remote Sensing*. 2018. Vol. 10. No. 10. Article no. 1579. (In Eng.) DOI: 10.3390/rs10101579
- Shestakova A. A., Fedorov A. N., Torgovkin Y. I., Konstantinov P. Y., Vasylyev N. F., Kalinicheva S. V., Samsonova V. V., Hiyama T., Iijima Y., Park H. et al. Mapping the main characteristics of permafrost on the basis of a permafrost-landscape map of Yakutia using GIS. *Land*. 2021. Vol. 10. No. 5. Article no. 462. (In Eng.) DOI: 10.3390/land10050462

Streletskiy 2019 — *Streletskiy D. A., Suter L. J., Shiklomanov N. I., Porfiriev B. N., Eliseev D. O.* Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost // *Environmental Research Letters*. 2019. Vol. 14. No. 2. P. 25003. DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6

Streletskiy D. A., Suter L. J., Shiklomanov N. I., Porfiriev B. N., Eliseev D. O. Assessment of climate change impacts on buildings, structures and infrastructure in the Russian regions on permafrost. *Environmental Research Letters*. 2019. Vol. 14. No. 2. Article no. 25003. (In Eng.) DOI: 10.1088/1748-9326/aaf5e6

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1141–1150, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 294.321+930.253+821.51
DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

«С посыльщиком моим словесной приказ есть». Из опыта сравнительного изучения текстов писем хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их синхронических русских переводов XVII–XVIII вв.

Галина Михайловна Ярмаркина¹

¹ Калмыцкий научный центр РАН (д. 8, ул. им. И. К. Илишкина, 358000 Элиста, Российская Федерация)

кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник, ученый секретарь

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Ярмаркина Г. М., 2024

Аннотация. *Введение.* Письма хана Аюки, записанные на «тодо бичиг» («ясном письме»), хранящиеся в архивах, сохранились и в синхронических переводах. В практике деловых коммуникаций XVII–XVIII вв. использовались и устные сообщения, передаваемые адресату с посланником, и о наличии такого сообщения адресант мог открыто сообщить в письме. До настоящего времени данный аспект писем специально не рассматривался, хотя этот структурный и содержательный элемент калмыцкого делового текста и синхронического перевода важен как маркер некоторых норм делопроизводства того времени. *Цель* статьи состоит в выявлении особенностей языкового оформления информации о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме, как в калмыцком тексте, так и в его переводе, а также в уточнении практики письменной фиксации текста устного сообщения в синхронических переводах писем на русский язык. Источником *материала* послужили 236 писем хана Аюки из фондов Российского государственного архива древних актов и Национального архива Республики Калмыкия, написанные с 1665 г. по 1724 г., и их синхронические переводы на русский язык. В этом массиве деловых текстов обнаружен 41 пример упоминаний об устном сообщении. *Результаты.* Информация о наличии дополнительных сведений, передаваемых в устной форме, фиксируется в текстах писем на «тодо бичиг» и их синхронических русских переводах при помощи стандартных формул, не исключающих лексической и грамматической вариативности. Письменная фиксации текста устного сообщения в синхронических переводах писем хана Аюки на русский язык регулярно отмечается после 1716 г. Запись переданной устно информации указывает на постепенное изменение стандартных процедур работы с письмами на «тодо бичиг», совершенствование процесса делопроизводства в целом и работы переводчика в частности. Содержание записанных сообщений может повторять информацию, переданную в письме, пояснять причины просьбы, содержащейся в письме, или существенно дополнять письменное послание. Маркерами устного сообщения выступают разговорная частица *де*, пассивные конструкции и устойчивые формулы, предвещающие запись устной речи посланника. В письменном оформлении устного сообщения при необходимости используется графическое выделение тематических блоков, их нумерация; запись устного сообщения может быть подтверждена подписью посланника.

Ключевые слова: Аюка-хан, письма, XVIII в., «тодо бичиг» («ясное письмо»), синхронический перевод, сравнительный анализ, устное сообщение, формула

Благодарность. Исследование проведено в рамках государственной субсидии — проект «Универсалии и специфика традиций монголоязычных народов сквозь призму кросс-культурных контактов и системы взаимоотношений России, Монголии и Китая» (номер госрегистрации: 123021300198-4).

Для цитирования: Ярмаркина Г. М. «С посылщиком моим словесной приказ есть». Из опыта сравнительного изучения текстов писем хана Аюки на «тодо бичиг» («ясном письме») и их синхронических русских переводов XVIII в. // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1141–1150. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

‘The Messenger to Articulate an Oral Order of Mine’: A Comparative Study of Khan Ayuka’s Oirat-Language (Clear Script) Correspondence Texts and Their Synchronic Russian Translations

Galina M. Yarmarkina¹

¹ Kalmyk Scientific Center of the RAS (8, Ilishkin St., 358000 Elista, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate, Scientific Secretary

 0000-0002-3701-9157. E-mail: dzalina8[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Yarmarkina G. M., 2024

Abstract. Introduction. The archived Oirat-language (in Clear Script) letters by Khan Ayuka are also available in their synchronic Russian translations. The seventeenth-eighteenth communication practices could involve oral messages to be transmitted to the addressee by the envoy, and such message would be openly indicated in the letter. To date, this aspect of correspondence has received no special attention, despite the specified structural and substantive element of official Kalmyk narratives — and related translations — is important enough as a marker of records management norms inherent to that era. **Goals.** The article seeks to identify peculiarities of certain linguistic patterns employed to express there are (were) additional data to be delivered orally — both in a Kalmyk text and its translation. The work shall also consider the practice of including such oral messages into synchronic Russian translations. **Materials.** The study examines a total of 236 letters (and their translations) by Khan Ayuka from the Russian State Archive of Ancient Acts and Kalmykia’s National Archive dated between 1665 and 1724. The identified scope of official texts contains 41 mentions of oral messages. **Results.** In Clear Script texts and their synchronic Russian translations, mentions of additionally available messages to be delivered orally are articulated with standard formulas that however do not exclude some lexical and grammatical variability. Oral messages of Khan Ayuka would be regularly included into their Russian translations after 1716, which attests to a gradual change in standard procedures for Clear Script letters, further improvement of records management processes in general — and translation processes in particular. The recorded oral parts may repeat the data given in the letter, explain reasons behind the request contained therein, or essentially supplement the written message. The markers of such once oral fragments are the colloquial particle *de*, passive constructions, and set formulas that precede any written record of the messenger’s oral speech. Such written narratives may contain graphic indications of thematic sections, the latter’s numerical designations, and confirming signatures of the messenger proper.

Keywords: Khan Ayuka, letters, eighteenth century, Todo Bichig (Clear Script), synchronic translation, comparative analysis, oral message, formula

Acknowledgements. The reported study was funded by government subsidy, project no. 123021300198-4 ‘Universals and Specifics in Traditions of the Mongolian-Speaking Peoples through the Prism of Cross-Cultural Contacts and the System of Relations between Russia, Mongolia and China’.

For citation: Yarmarkina G. M. ‘The Messenger to Articulate an Oral Order of Mine’: A Comparative Study of Khan Ayuka’s Oirat-Language (Clear Script) Correspondence Texts and Their Synchronic Russian Translations. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1141–1150. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1141-1150

1. Введение

Письма хана Аюки, записанные на «тодобичиг» («ясном письме»), переводились толмачами и переводчиками, находящимися в штате государственных учреждений [Колесник 2003: 135; Сусеева 2009: 172–173; Сусеева, Хараева 2012: 122–123; и др.], поэтому до наших дней дошли не только оригиналы калмыцких текстов, но и их синхронические переводы. Именно синхронические переводы как образцы текстов, характерных для системы делопроизводства в России конца XVII – первой четверти XVIII в., позволяют более или менее точно определить время написания калмыцкого письма, поскольку в реквизитах перевода указывается дата получения письменного послания.

В практике деловых коммуникаций того времени были и устные сообщения, которые посланник должен был передать адресату, и о наличии такого сообщения адресант мог открыто сообщить в письме. Если такого замечания не было, то устная беседа с посланником все же имела место, и результаты этой беседы частично отражались в русском переводе в виде дополнительной информации, которая могла быть получена исключительно от подателя письма [Ярмаркина 2018: 1193–1194].

До настоящего времени данный аспект писем не рассматривался специально, хотя имеются упоминания об устойчивом сочетании «словесный приказ» как одном из примеров стандартных выражений, характерных для языка русских переводов деловых писем XVIII в. [Сусеева и др. 2013: 725], и отмечается наличие записи устных речей калмыцких послов [Станков 2020: 41]. Между тем этот структурный и содержательный элемент калмыцкого делового текста и синхронического перевода может указывать на изменение и становление некоторых норм делопроизводства того времени.

Цель статьи состоит в выявлении особенностей языкового оформления информации о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме как в калмыцком тексте, так и в его

переводе, а также в уточнении практики письменной фиксации текста устного сообщения в синхронических переводах писем на русский язык.

2. Материалы и методы

Источником материала послужили 236 писем тайши (хана) Аюки, направленные в адрес представителей центральной и региональной российской власти с 1665 г. по 1724 г., и их синхронические переводы на русский язык. Письма отложились в фондах Российского государственного архива древних актов (далее — РГАДА) и Национального архива Республики Калмыкия (далее — НА РК). В этом массиве деловых текстов обнаружен 41 пример упоминаний об устном сообщении.

Транслитерация и буквальный перевод оригинальных текстов на русский язык выполнены ведущим научным сотрудником Калмыцкого научного центра РАН, доктором исторических наук Д. Н. Музраевой. В ходе анализа материала используются сравнительно-сопоставительный, описательный методы, а также метод контекстуального анализа.

3. Средства выражения информации о наличии устного сообщения

3.1. Устойчивые формулы: стандартность и вариативность

Лаконичная формула о наличии устного сообщения встречается в завершающей части текста письма: может представлять собой последнее предложение делового послания, иногда после или до этой фразы указывается имя посольного: *elčiyin amandu üge biy: / elči Macan::*¹ ‘У посланника

¹ В транслитерации использованы следующие знаки: внутри слова — двоеточие для передачи знака долготы; между словами — знаки в виде одной, двух, четырех точек, которые передавали знаки препинания в калмыцком вертикальном письме. Одна и две точки или знак = разграничивали предложения или отдельные части предложений, т. е. выполняли функции современных точки и запятой. Четыре точки, как правило, ставились в конце большого абзаца или текста.

есть устное сообщение. Посланник Мацан' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 82об.]. В синхроническом русском переводе данная формула также передается, как правило, лаконично, с указанием на наличие «словесного приказа»: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Моцан с товарищи 5 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 83]. Фраза близка к стандартной, однако материал содержит примеры вариантов средств выражения, используемых как в калмыцких деловых письмах, так и в их синхронических переводах на русский язык. Рассмотрим различные варианты оформления информации об устном сообщении, при этом будем обращать внимание и на такие особенности, как наличие или отсутствие синхронического русского перевода письма, наличие или отсутствие записи текста устного сообщения и др.

В ряде случаев в письмах на «тодо бичиг» имеется упоминание об устном сообщении, однако из-за отсутствия синхронического перевода мы не можем сопоставить оригинальные и переводные варианты формулировки. Таких случаев в нашем материале семь. Среди них имеются формулировки, которые можно отнести к шаблонным: *basa üge elčiyin amandu*: 'У посланника [имеется] также устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 40об.]. В сообщении может отсутствовать слово *elči*, в этом случае указывается только имя посланника: *Zanzani aman-du üge bei* 'У [посланника] Джанджина есть устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 91]. В этой группе примеров нам встретилось 3 подобных сообщения о дополнительных сведениях, переданных устно, и именно такая конструкция может расцениваться в качестве своеобразного клише: в устойчивой конструкции вариативен первый элемент — может быть использован термин *elči* или антропоним — имя посланника: *Basliyin amandu üge biy*: 'У Василия на устах слова' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 292об.]; *Išiyin aman-du üge bei*: 'На устах Иши — слова' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 243об.].

Уникальный случай отмечается в письме 1702 г., адресованном князю Б. А. Голицыну: здесь речь идет не просто об устном со-

общении, а о «забытых словах»: *martaqsan üge elčiyin aman-du* 'Забытые слова¹ — на устах посланника' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 1. Л. 11]. Приведенный пример является единственным в имеющемся материале.

На структуру и лексическое наполнение формулировки об устном сообщении может оказывать влияние левый контекст. Так, в письмах зафиксированы случаи, когда в формуле отсутствует термин *elči* и личное имя, что может объясняться указанием имени посланника в левом контексте: *elči Iši tabuula amār kelekü üge bei*: 'Посланник Иши, впятером. Имеется устное сообщение' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 168об.].

В письме 1712 г., адресованном государю Петру Алексеевичу, обращает на себя внимание правый контекст формулировки о наличии сообщения в устной форме, содержащий побуждение адресата к получению переданной на словах информации: *basa üge tani elčiyin amandu bei*[.]² *suraqtun*: 'У посланника также есть устное сообщение. Расспросите' [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. Д. 7. Л. 4]. Подобный случай, когда после сообщения о цели отправки посланника следует побудительная конструкция, зафиксирован в письме 1721 г., адресованном А. П. Волынскому. Стандартная фраза об устном сообщении в деловом письме отсутствует, но императив (и анафорическое местоимение) косвенно указывает на наличие такого сообщения: *asani ilgeqsen uçir mini zurqān dolōn üyileyin tölō ilgebebi: töüni asanāsa amāran suraxayiči*: 'Причина отправки Асана: отправил из-за шести-семи своих дел. О них расспроси у Асана' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 238об.]. В синхроническом русском переводе сохраняется данная формулировка, в том числе и императивная конструкция: *Асана послал я для своих шести или семи дел, о чем вы у Асана словесно спросите* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 239].

¹ Комментарий Д. Н. Музраевой: под «забытыми словами» имеются в виду те слова, которые на момент завершения письма так и не были записаны писцом, но, возможно, под ними подразумевается такая информация, которая предназначалась только для передачи в устной форме.

² В квадратных скобках приводятся восстановленные знаки и буквы.

Упоминание о наличии переданных устно сведений в оригинальном тексте письма и в синхроническом переводе позволяет рассмотреть средства и способы выражения информации в сопоставительном аспекте. В материале выявлено 11 писем, информирующих адресата об имеющемся устном сообщении, и 11 синхронических переводов этих деловых посланий. Отметим, что текст устного сообщения в данных переводах не записан.

В целом синхронический русский перевод, как правило, сохраняет информацию, содержащуюся в оригинале на «тодо бичиг» — указывается личное имя посланника, отмечается наличие устного сообщения: *elči Hašxa amār kelekü üge bei*: ‘У посланника Хашихи есть что передать на словах’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1698 г. Д. 5. Л. 35]. Ср. русский перевод: *А с посланцом моим с Кашкою имянно мой изустной приказ есть* [РГАДА. Ф. 119. 1698 г. Д. 5. Л. 45]. Имеются примеры почти полного лексического и синтаксического соответствия оригиналу: *elčiyin amandu üge bei elči Denjin dolōn küiün* ‘На устах посланника — слова. Посланник — Денджин, семь человек’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 48об.]. Ср. русский синхронический перевод: *А словесной приказ с посланным моим. Посыльщик мой Денджин с товарищи семь человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 10. Л. 49].

В ходе сопоставительного анализа калмыцких деловых писем и их русских переводов обнаруживаются вариации оформления сообщения о дополнительно переданной информации. Например, в калмыцком тексте адресант ограничивается только информацией об устном послании, в то время как в синхроническом русском переводе появляется имя посланника и уже затем информация об имеющемся сообщении: *üge basa elčiyin aman-du bei* ‘Есть также слова на устах посланника’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 2]. Ср. рус.: *Посыльщик мой Цан, с ним словесно приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 3, 3об.]. И наоборот — в соответствии с оригиналом передается информация об имеющемся устном сообщении, которая затем дополняется правым контекстом — сведениями об имени посыльного

и количестве сопровождающих его лиц: *elčiyin amandu ügebei*: ‘У посланника есть устное сообщение’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 131]. Ср. синхронический русский перевод: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Дондук с товарищи 5 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 132].

В синхроническом переводе может изменяться последовательность предложений, содержащих информацию о посыльном и наличии у него устного сообщения. Ср.: калм. *elči Iši: amār küünekü {ügebei}*¹ ‘Посланник Иши. [Есть устное сообщение] для передачи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 158об.] и синхронический русский перевод, где информация дается в обратной последовательности: *С посыльщиком моим словесной приказ есть. Посыльщик мой Иши Замсо с товарищи 6 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 198]. Можем предположить, что это связано со сложившейся практикой перевода калмыцких деловых писем, которая проявляется в том числе и в последовательности информационных блоков переводного текста.

Количество предложений в оригинале и переводе также не всегда совпадает, и двум синтаксическим конструкциям калмыцкого текста в синхроническом русском переводе может соответствовать одно предложение: ср. калм.: *basa üge elčiyin amandu elči Sab*: ‘Также [имеются] слова на устах посланника. Посланник Цав’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 141об.]; рус.: *Словесной приказ с посыльщиком моим Цаном с товарищи пять человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 6. Л. 142].

Единичный случай отмечен в массиве писем за 1719 год: в письме на «тодо бичиг» имеется запись об устном сообщении, которое должен передать посланник: *üge basa elčiyin aman-du*: ‘Есть также слова на устах посланника’ [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 1об.–3], однако в синхроническом русском переводе параллельной записи нет, отдельная запись сообщения также отсутствует. Возможно допустить, что в данном

¹ Правая короткая сторона листа утрачена, поэтому сложно восстановить точное окончание этой фразы.

случае на отсутствие фиксации сообщения мог повлиять фактор адресата, поскольку письмо направлено государю Петру Алексеевичу и вполне вероятно, что переданная информация могла не предназначаться для записи. Не исключаем и иные причины, к которым можно отнести еще не сложившиеся окончательно правила делопроизводства, особенности работы переводчика или толмача и др.

Сопоставление калмыцких писем и их переводов на русский язык позволило выявить 8 случаев, когда при отсутствии в оригинале упоминания об устном сообщении шаблонная формулировка используется в синхроническом переводе, при этом текст устного сообщения не записан. Например, в финальной части письма, адресованного астраханскому обер-коменданту М. И. Чирикову, указывается только имя посланника: *elči Yeši Zamsu*:: [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 119]. Русский синхронический перевод, тем не менее, содержит формулу, указывающую на наличие устного сообщения: *Посыльщик мой Иши Замсо с товарищи 7 человек. С посольщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 120об.]. Аналогичный случай отмечаем в письме М. И. Чирикову, полученном 8 сентября 1714 г.: *elči Zān Darхан тауји*:: ‘Посланник Зан Дархан тайджи’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 123]. Ср. синхронический русский перевод: *Посыльщик мой Зан Тарган таши с товарищи 5 человек. С посольщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 2. Л. 124].

Данная формула в русских переводах на лексическом уровне имеет варианты *посыльщик / посланный*; на уровне синтаксиса отмечается изменение порядка слов и незаполненные синтаксические позиции (не используется глагол *быть* в форме 3 л. ед. ч.): *Посылаю я посольщика к Москве, пожалуй, приготовь подводы и четыре. С посольщиком моим словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 3. Л. 24]; *Словесной приказ с посланным моим. Посыльщик Денжин с товарищи шесть человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 14].

В синхронических переводах двух писем хана Аюки за 1717 г. находим наиболее ла-

коничное сообщение об информации, предназначенной для устной передачи, представляющее собой назывное предложение: *И я ныне прислал к тебе в Астарахань Цахан Даши. Югбасар Солтамет Чувер, ханов посольщик Цахан Даши, с товарищи 15 человек, словесной приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 60]; *Словесной приказ. Посольщик мой Данжин с товарищи 7 человек* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 5. Л. 125].

3.2. Формулы и содержание записей текста устного сообщения

Отдельную группу составляют деловые письма хана Аюки и их русские переводы, в которых отсутствует стандартная фраза о наличии устного сообщения, однако на листе русского перевода отдельно записывается устное сообщение, переданное посланником. Первый подобный пример зафиксирован в записи синхронического русского перевода письма, адресованного главе Посольского приказа канцлеру Г. И. Головкину и полученного 19 сентября 1716 г.: *И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал: послан де он, Шарап Янда, от Аюки хана для покупки в Москве про ево ханской обиход потребных товаров, дас ним де, Шарапом Яндою, прислан товарищ ево Темерхан да писарь, кошевицков и кошевараов пять человек* [РГАДА. Ф. 119. 1716 г. Д. 2. Л. 4].

Подобных случаев в рассмотренном массиве материала зафиксировано 6 (в письмах и переводах с 1716 г. по 1724 г.). Так, в листе перевода записана информация посланника о количестве сопровождающих его лиц, отсутствующая в оригинале: *Того ж числа присланной от хана Аюки калмыченин Лозон сказал, в присылке де с ним, Лозоном, товарищев и кошевицков десять человек, а в листу де присыльщиков имянно не означено, для того что и напред сего в листах не писывано* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 7. Л. 88, 88об.]. Эта запись объясняет появление дополнительной информации (имя посланника, число сопровождающих) в синхронических русских переводах без каких-либо ссылок на сообщения посольного. Подобные случаи мы относим к примерам

происходящих изменений в делопроизводстве первой четверти XVIII в. По всей вероятности, к этому времени начинают изменяться правила записи перевода полученных деловых писем и постепенно оформляются требования записи устных сообщений.

Содержание переданной на словах информации, записанной при переводе письма, адресованного русскому царю, касается не только решения вопросов, связанных с возвращением подвластных хану людей, но и соблюдения дипломатического этикета: *Да словесно он, посланец, объявил, что Аюка хан велел ему словесно донести, которые калмыки из их улусов в прошлом году в осень бежали на Дон, шестьдесят кибиток, чтоб оные отданы были ему, Аюке, в его улусы по прежнему.*

И объявил он, посланец, великому государю от Аюки хана в дарехотлаперсицкой, травки золотные и серебряные.

Государыне царице такой же отлас. [РГАДА. Ф. 119. Оп. 1. 1719 г. Д. 2. Л. 7об., 8].

В переводах писем хана Аюки за 1721 г. тексты устных сообщений стали записываться регулярно. Запись сообщения предвзрается формулой «Да посыльный словесно доносил», означающей переход к изложению дополнительной информации, или вариациями шаблонной формулы: *Да он же, присланной, словесно доносил: означенной де ха<...> бухаренин держатца в Астрахани в татарской су[де]бной избе, а калмыченин де пойман меж Царицына и Дмитриевска* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 55].

В большинстве случаев в переводах наблюдается приращение информации за счет новых сведений, записанных со слов посланника: *Да присыльщик Кедон (Кедок) словесно до[но]сил. Хановым приказом владеец де калмыцкой Назаров сын Доржи к хану Аюке прислал присыльщика, называемаго Сонома, с ведомостями, что каракалпаки, на три станицы собрався, пошли войною на русских людей, на башикирцов, на них, калмык, а правда ли или ложь, того де подлинно хан Аюка не ведает* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 185, 185об.].

Запись устного сообщения может содержать пояснение просьбы, сформулированной в письме. В одном из последних писем

1724 г. хан Аюка просит В. П. Беклемишева прислать лодки: *manduongyocoldoxor/nioljögüüici:* ‘Лодок, сколько найдется для нас, найди и пришли’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 25об.]. Причина же этой просьбы раскрыта в следующей записи устного сообщения: *А при переводе письма присланной калмыченин Жалчин сказал. В письме де написано, что кубанцы все поднялись на меня, и то де написано для того: в нынешних де числах уведомился Аюка хан, что идут кубанские татары войною, а от кого он, хан, о вышеписанном уведомился, того он, Жалчин, не знает. А что де написано, чтоб лотак прислать, и то де хан требует для того, что он, Аюка хан, болен и кочевание ему не мочно, и чтоб прислать к нему несколько лотак, и быть тем лоткам при нем, Аюкае хане, и как на него, хана, внезапно будет от кубанских татар нападение, чтоб ему, хану, в тех лотках уехать было мочно от них чрез Волгу реку на луговую сторону. А ныне де Аюка хан кочует по нагорной стороне ниже Черного Яру подле Волги против Казачьего острова, расстоянием от Черного Яру в сороке верстах* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 17. Л. 26, 26об.].

Среди рассмотренных деловых текстов обнаруживаются такие, где указание на наличие информации, предназначенной для передачи на словах, имеется как в оригинале на «тодо бичиг», так и в синхроническом русском переводе, содержащем к тому же и запись переданного устно сообщения. В трех примерах из пяти формулы на калмыцком языке и их русские соответствия устойчивы: *elčiyin atan-du ügebei:* ‘На устах посланника — слова’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 132] // *С посланным нашим Лузан Доржею есть словесной приказ* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 135]; *basa üge elčiyin atan-du bei* ‘Есть также слова на устах посланника’ [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 111об.] // *С посыльщиком словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 112, 112об.]. Однако под влиянием значимых экстралингвистических факторов в двух письмах в стандартную формулу включается тема переданного на словах сообщения: *Xümuğiyin mangyüdiyin: dörböd erketeni üge Bülidküyin amandu:* ‘О кумыкских тата-

рах, дербетах и эркетенах слова у Бюлютки на устах' [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 20об.]. В синхроническом русском переводе использована соответствующая формулировка: *О кумыцких татарех, о четверевых и ямановых калмыках з Билюткою словесной приказ есть* [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 21, 21об., 22]. Отметим, что в качестве эквивалента этнонимам *дербеты* и *эркетени* переводчик использует этноним *калмыки* в сочетании с притяжательными прилагательными *четеревы* и *ямановы*, что, по всей вероятности, оказывается для адресата более информативным.

Говоря о содержательной стороне калмыцких писем и записей устных сообщений, адресованных канцлеру Г. И. Головкину, относящихся к 1713–1714 гг. и хранящихся в РГАДА, К. Н. Станков отмечает боль-

ший объем и информативность последних [Станков 2020: 41]. Отмеченная тенденция в целом сохраняется в синхронических переводах калмыцких писем за последующие годы, однако материал содержит примеры практически полного совпадения перевода и записи устного сообщения, переданного посланником. В тех случаях, когда зафиксированные устные сообщения в основном совпадают с информацией, переданной в письме, маркером записи устной речи посланника выступает не только предваряющая запись формула «И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал», но и такие лексико-грамматические особенности, как регулярное использование разговорной частицы *де* и замена активных конструкций пассивными:

Синхронический русский перевод XVIII в.	Запись устной речи
<i>В листу ево ханском к государственному канцлеру и кавалеру графу Гаврилу Ивановичю Головкину с ним же, посланцом Шарапом, написано: Я, Аюка хан, со всеми здесь здоров. Гаврила Иванович со всем домом своим там здравствуй. Послал я к Москве для нужных своих покупок посланцов своих, Шарапа Янду и Темерхана, с товарищи восемь человек. Изволь их отпустить с Москвы вскоре. У подлинного листа печать ево ханская.</i>	<i>И сего сентября в день присланной от Аюки хана посланец Шарап Янда в государственном посольском приказе сказал: послан де он, Шарап Янда, от Аюки хана для покупки в Москве про ево ханской обиход потребных товаров, да с ним де, Шарапом Яндою, прислан товарищ ево Темерхан да писарь, кошевицков и кошевараов пять человек.</i>
[РГАДА. Ф. 119. Год 1716. Д. 2. Л. 4]	

Русские переводы писем хана Аюки и имеющиеся при них записи устной информации иллюстрируют и явные различия в содержании и объеме информации. В таких случаях текст на «тодо бичиг» может восприниматься как формальное сопроводительное письмо, в то время как основное сообщение передается именно в устной форме. В синхронических переводах встречается запись устного сообщения, оформленная с разбивкой на два тематических раздела, разделы пронумерованы, после каждого раздела сообщение скреплено подписью посланника. Имя переводчика также указано [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 13. Л. 21,

21об., 22]. В письме за 23 сентября 1721 г. устное сообщение записано с разбивкой на темы: 1) о необходимости ведения судебных дел, 2) о выдаче ежегодного жалования [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 135]. Материал содержит аналогичные примеры, когда переданная устно информация представляет собой несколько сообщений и оформляется на письме с графическим выделением тематических блоков [НА РК. Ф. И-36. Оп. 1. Д. 9. Л. 112, 113].

4. Заключение

Информация о наличии дополнительных сведений, передаваемых исключительно в устной форме, в текстах писем на «тодо бичиг» и их синхронических русских переводах передается при помощи формул, обладающих признаками стандарта, но не ис-

¹ В данном случае речь идет о Дербетовском улусе, владельцем которого являлся тайша Четерь, и Эркетеневском улусе, где одним из владельцев был зайсанг Яман [Авляев 2002: 148, 308].

ключающих лексической и грамматической вариативности, зависящей в том числе от экстралингвистических факторов.

Письменная фиксация текста устного сообщения в синхронических переводах писем хана Аюки на русский язык, судя по имеющимся материалам, становится регулярной после 1716 г. Запись переданной устно информации указывает на постепенное изменение стандартных процедур работы с письмами на «тодо бичиг», совершенствование процесса делопроизводства в целом и работы переводчика в частности.

Содержание записанных сообщений может повторять информацию, переданную в письме, пояснять причины просьбы, содержащейся в письме, или существенно

дополнять письменное послание. В качестве маркеров устного сообщения регулярно используется разговорная частица *де*, пассивные конструкции и устойчивые формулы, предваряющие запись устной речи посланника. В случае большей информативности устного сообщения, деловой текст на «тодо бичиг» выполняет функцию формального сопроводительного письма, в то время как основное сообщение передается именно в устной форме. В письменном оформлении устного сообщения при необходимости используется графическое выделение тематических блоков, их нумерация; запись устного сообщения может быть подтверждена подписью посланника.

Источники

- НА РК — Национальный архив Республики Калмыкия.
РГАДА — Российский государственный архив древних актов.

Литература

- Авляев 2002 — *Авляев Г. О.* Происхождение калмыцкого народа. 2-е изд., перераб. и испр. Элиста: Калм. кн. изд-во, 2002. 325 с.
Колесник 2003 — *Колесник В. И.* Последнее великое кочевье: Переход калмыков из Центральной Азии в Восточную Европу и обратно в VII и XVIII веках. М.: Вост. лит., 2003. 286 с.
Станков 2020 — *Станков К. Н.* Новые архивные документы о конфликте калмыков и кубанских ногайцев в 1713–1714 гг. (по материалам РГАДА) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 2: История. История Русской Православной Церкви. 2020. Вып. 93. С. 39–46. DOI: 10.15382/sturII202093.39-46
Сусеева 2009 — *Сусеева Д. А.* Письма калмыцких ханов XVIII века и их современников (1713–1771 гг.). Избранное. Элиста: Джангар, 2009. 992 с.
Сусеева и др. 2013 — *Сусеева Д. А., Котяева Е. С., Олядыкова Л. Б., Ярмаркина Г. М.* Русские переводы XVIII века деловых писем калмыцких ханов и их современников: тексты и исследования. Элиста: КалмГУ, 2013. 744 с.

Sources

- National Archive of the Republic of Kalmykia.
Russian State Archive of Ancient Acts.

References

- Avlyayev G. O. Origins of the Kalmyk People. Second edition, rev. & suppl. Elista: Kalmykia Book Publ., 2002. 325 p. (In Russ.)
Kolesnik V. I. The Last Great Migration: Resettlement of Kalmyks from Central Asia to East Europe and Backwards in the Seventeenth and Eighteenth Centuries. Moscow: Vostochnaya Literatura, 2003. 286 p. (In Russ.)
Stankov K. N. New archive documents about the conflict between Kalmyks and Kuban Nogais in 1713–1714 (Based on materials of the Russian State Archive of Ancient Acts). *Vestnik Pravoslavnogo Sviato-Tikhonovskogo humanitarnogo universiteta. Seriiia II: Istoriia. Istoriia Russkoi Pravoslavnoi Tserkvi.* 2020. Vol. 93. Pp. 39–46. (In Russ.) DOI: 10.15382/sturII202093.39-46
Suseeva D. A. Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries, 1713–1771. Selected texts. Elista: Dzhangar, 2009. 992 p. (In Russ.)
Suseeva D. A., Kotyaeva E. S., Olyadykova L. B., Yarmarkina G. M. Russian Translations of Eighteenth-Century Official Letters of Kalmyk Khans and Their Contemporaries: Texts and Studies. Elista: Gorodovikov Kalmyk State University, 2013. 744 p. (In Russ.)

- Сусеева, Хараева 2012 — *Сусеева Д. А., Хараева А. Т.* К вопросу о В. М. Бакуanine как переводчике писем калмыцких ханов XVIII века и их современников // *Европейский журнал социальных наук*. 2012. № 7 (23). С. 122–128.
- Ярмаркина 2018 — *Ярмаркина Г. М.* Стратегии перевода калмыцких деловых текстов XVIII в. (на материале писем хана Аюки и их русских переводов 1714 г.) // *Oriental Studies*. 2019. № 6. С. 1188–1197. DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1188-1197
- Suseeva D. A., Kharaeva A. T. Eighteenth-century letters of Kalmyk Khans and their contemporaries: Vasily M. Bakunin and his translation efforts. *European Journal. Social Science*. 2012. No. 7 (23). Pp. 122–128. (In Russ.)
- Yarmarkina G. M. Translation strategies for 18th-century Kalmyk official texts: A case study of Khan Ayuka's letters and Russian translations of 1714. *Oriental Studies*. 2019. Vol. 12. No. 6. Pp. 1188–1197. (In Russ.) DOI: 10.22162/2619-0990-2019-46-6-1188-1197.

Published in the Russian Federation
Oriental Studies (Previous Name: Bulletin of the Kalmyk Institute
for Humanities of the Russian Academy of Sciences)
Has been issued as a journal since 2008
ISSN: 2619-0990; E-ISSN: 2619-1008
Vol. 17, Is. 5, Pp. 1151–1165, 2024
Journal homepage: <https://kigiran.elpub.ru>

УДК / UDC 801.81, 930.2

DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев

Елена Валерьевна Айыжы¹, Антонина Саар-ооловна Донгак², Артыш Маадыр-оолович Монгуш^{3,4}

- 1 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
доктор исторических наук, профессор
 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy@mail.ru
- 2 Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
кандидат филологических наук, ведущий научный сотрудник
 0000-0002-7717-1786. E-mail: antdon@mail.ru
- 3 Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (д. 4, ул. Кочетова, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
главный специалист, аспирант Тувинского государственного университета
- 4 Тувинский государственный университет (д. 5, ул. Ленина, 667000 Кызыл, Российская Федерация)
аспирант
 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510@mail.ru

© КалмНЦ РАН, 2024

© Айыжы Е. В., Донгак А. С., Монгуш А. М., 2024

Аннотация. *Введение.* До начала 1940-х гг. в при освещении истории Тувы имелось устоявшееся мнение, что так называемые «шестьдесят аратов-скотокрадов», поднявших восстание в 1880-х гг. — это «всего лишь воры, мародеры, грабители», угонявшие скот у богатых нойонов из Монголии. Лишь при независимой Тувинской Народной Республике (1921–1944) ее руководителями и Тувинской народно-революционной партией было принято решение о сборе и записи устных историй — воспоминаний детей и родственников участников восстания 1883–1885 гг., об установлении подлинной правды о лидерах восстания, которых назвали «шестьюдесятью богатырями», изучении причин возникновения и цели этого восстания, систематизации и комплектации источников, документов на старомонгольской письменности в Государственном архиве Тувинской Народной Республики (ныне — Национальном архиве Республики Тыва) и Партийном архиве Тувинской народно-революционной партии. *Цель и задачи* исследования — анализ фольклорных текстов различных жанров о восстании «шестьдесят богатырей» (1883–1885 гг.); определение их жанрового своеобразия и выявление основного сюжетно-мотивного состава и художественно-стилистических черт. *Материалами и источниками* исследования послужили труды историков (Ю. Л. Аранчына, В. И. Дулова, Ш. Б. Чимитдоржиева, В. А. Киселя), фольклористов (Г. Н. Курбатского, З. К. Кыргыз), а также

рукописные материалы научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований. При анализе текстов использовались методы культурно-исторического подхода, поскольку эти фольклорные тексты сложились на фоне пережитых народом трагических событий и построены на традиционных образах и символах местной фольклорной традиции. *Результаты* исследования показали, что в течение более чем 100 с лишним лет тувинский народ бережно хранит в исторической памяти подвиг своих предков, их героический вклад в национальную освободительную борьбу против тирании цино-китайских оккупантов и других эксплуататоров. *Выводы.* Проанализировав фольклорные тексты, мы приходим к выводу, что по своему идейно-тематическому содержанию они относятся к *историческому фольклору*, сложившемуся в середине 1880-х гг., и художественно-стилистические характеристики свидетельствуют, что данные образцы фольклора сочинены в рамках традиционной народно-поэтической традиции тувинцев.

Ключевые слова: Тува, Маньчжуро-Цинская империя, араты-скотокрады, вооруженное восстание, «шестидесят беглецов», поимка и казнь, фольклорные тексты, жанры, художественно-стилистические характеристики

Благодарность. Исследование выполнено при финансовой поддержке РНФ в рамках научного проекта «Комплексные этногенетические, лингвоантропологические исследования родовых групп Тувы: универсальность, локальность, трансграничье» (№ 22-18-20113, <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>).

Для цитирования: Айыжы Е. В., Донгак А. С., Монгуш А. М. Восстание 60 богатырей 1883–1885 гг. в фольклоре тувинцев // *Oriental Studies*. 2024. Т. 17. № 5. С. 1151–1165. DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

The Aldan-Maadyr Rebellion of 1883–1885 in Tuvan Folklore

Elena V. Aiyzhy¹, Antonina S. Dongak², Artysh M. Mongush^{3,4}

¹ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Dr. Sc. (History), Professor

 0000-0002-4289-3543. E-mail: aiygy[at]mail.ru

² Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Cand. Sc. (Philology), Leading Research Associate

 0000-0002-7717-1786. E-mail: antdon[at]mail.ru

³ Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research (4, Kochetov St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Chief Specialist

⁴ Tuvan State University (5, Lenin St., 667000 Kyzyl, Russian Federation)

Postgraduate Student

 0000-0003-1732-0601. E-mail: art510[at]mail.ru

© KalmSC RAS, 2024

© Aiyzhy E. V., Dongak A. S., Mongush A. M., 2024

Abstract. Introduction. Up to the early 1940s, when it came to discuss Tuva's history of the nineteenth century, related conventional opinions would state that the so-called 'sixty arat-livestock raiders' were 'mere thieves, marauders, and robbers' to have stolen cattle from rich *noyon*-landlords in Mongolia. And only during the independence period — that of the Tuvan People's Republic (TPR, 1921–1944) — leaders of the Republic and the Tuvan People's Revolutionary Party (TPRP) decided to collect and record oral narratives — memories of children and relatives of the Rebellion's participants to establish the truth about the 'sixty heroes', investigate some actual reasons and goals of the event, systematize and complete related sources, documents in Classical Mongolian once housed by the State Archive of the TPR (nowadays — National Archive of the Tyva Republic) and the TPRP Party Archive. *Goals.* The article attempts an analysis of multi-genre folklore texts dealing with the Aldan-Maadyr Rebellion (1883–1885). To facilitate that, the work shall determine the latter's genre features and identify key plot/motif patterns, artistic and stylistic aspects. *Materials.* The study examines writings of historians (Yu. Aranchyn, V. Dulov, Sh. Chimitdorzhiev, V. Kisel), folklorists (G.

Kurbatsky, Z. Kyrgys), as well as manuscripts contained in scientific archives of the Tuvan Institute for Humanities and Applied Socioeconomic Research. The analysis involves research methods inherent to the cultural historical approach, since the specified folklore narratives would take shape in contexts of dramatic events experienced by the people, and rest on traditional images and symbols of the local folklore tradition. *Results.* The study shows the Tuvan people's historical memories have been carefully preserving the feat of ancestors, their heroic contribution to the national liberation struggle against the tyranny of the Qing-Chinese occupiers and other exploiters. *Conclusions.* So, in terms of ideological and thematic contents, the examined texts can be identified as historical folklore patterns that shaped in the mid-1880s, and their artistic and stylistic characteristics attest to those were composed within the Tuvan folk-poetic tradition.

Keywords: Tuva, Manchu-Qing Empire, *arat* cattle raiders, armed rebellion, 'sixty fugitives', capture and execution, folklore texts, genres, artistic and stylistic characteristics

Acknowledgements. The reported study was funded by Russian Science Foundation, project no. 22-18-20113 'Comprehensive Ethnogenetic and Linguoanthropological Research into Clan / Tribal Groups of Tuva: Universal, Local, and Cross-Border Features'. Available at: <https://rscf.ru/project/22-18-20113/>

For citation: Aiyzhy E. V., Dongak A. S., Mongush A. M. The Aldan-Maadyr Rebellion of 1883–1885 in Tuvan Folklore. *Oriental Studies*. 2024; 17 (5): 1151–1165. (In Russ.). DOI: 10.22162/2619-0990-2024-75-5-1151-1165

1. Введение

О восстании «60 богатырей» 1883–1885 гг. в Туве не было никаких официальных данных вплоть до начала 1940-х гг., и при освещении истории Тувы того периода было распространено устоявшееся еще со времен Цинской империи мнение, что казненные в Улясутае отсечением головы араты — «это всего лишь „воры, мародеры, грабители“» [Аранчын 2011: 9], угонявшие скот у богатых нойонов из Монголии, пока в 1936 г. заместитель председателя Центрального комитета Тувинской народно-революционной партии (ТНРП) А. Ш. Байыр не сдал материалы, переведенные им с монгольского языка, под названием «Материалы, собранные за период временных курсов Особого монгольско-тувинского сектора Московского института востоковедения», в архив Ученого комитета (с 1945 г. — Тувинского научно-исследовательского института языка, литературы и истории (ТНИИЯЛИ); ныне — Тувинский институт гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (ТИГПИ)). Эти материалы на тувинском языке, написанные латинской графикой, использовались им для преподавания истории Тувы и Монголии на временных курсах партработников ТНРП [НА ТИГПИ. РФ. Оп. 1. Д. 365. Л. 58–59].

Как отмечал Ю. Л. Аранчын, позже, в 1941 г., руководителями Тувинской Народной Республики — ТНР (1921–1944 гг.) и ТНРП было принято решение о сборе и записи устных историй — воспоминаний детей и родственников участников того восстания, об установлении подлинной правды о «шестидесяти богатырях», об изучении об причин возникновения и цели этого восстания, систематизации и комплектации источников, документов на старомонгольской письменности в Государственном архиве ТНР (ныне — Национальном архиве Республики Тыва) и Партийном архиве ТНРП [Аранчын 2011: 6–7]. Цель и задачи статьи — анализ фольклорных текстов различных жанров о восстании «шестидесяти богатырей» (1883–1885 гг.); определение их жанрового своеобразия и выявление основного сюжетно-мотивного состава и художественно-стилистических черт.

2. Материалы и источники

Анализируемые в настоящей статье фольклорные тексты были отобраны из трудов историка Ю. Л. Аранчына [Аранчын 1985; Аранчын 2003; Аранчын 2011], который изучил все известные ему источники и опубликовал в своей монографии «Тыва улустун маадырлыг оруу» «Героический путь

тувинского народа (исторические очерки)» [Аранчын 2011] эти материалы, включая записи Н. Ф. Катанова, впервые записавшего отдельные песни тувинцев, посвященные восстанию «шестидесяти богатырей», которые в дальнейшем были опубликованы В. В. Радловым (в девятой части изданных им «Образцов народной литературы северных тюркских племен» — «Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов») [Образцы 1907], образцы песен из монографии А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка» [Аксенов 1964]. Подчеркнем, что Ю. Л. Аранчын проанализировал все материалы Научного архива Тувинского института гуманитарных и прикладных социально-экономических исследований (НА ТИГПИ) и архивные документы из Национального архива Республики Тыва на монгольском языке, касающиеся темы шестидесяти богатырей.

Другим историческим трудом, где ошелось восстание «шестидесяти богатырей», стала монография известного сибирского ученого-историка В. И. Дулова [Дулов 1956].

Следует отметить, что ранее к настоящей теме обращалась и этномузыковед Е. Л. Тирон, которая в статье «Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев» ставила целью изучение «музыкальных особенностей песен о восстании „шестидесяти богатырей“, но, сетуя на недостаточность материала, проанализировала нотировки двух песен — «Туттурбайн чорза-чорза» («Не сдаваясь долго-долго [врагу]») и «Буура даа» («Верблюжий утес»), сделанные А. Н. Аксеновым [Тирон 2017: 54]. Е. Л. Тирон считает перспективными задачами исследования в данном направлении «поиск, расшифровку и анализ неопубликованных архивных материалов по тувинским народным песням о восстании шестидесяти богатырей. Это позволит подробнее охарактеризовать поэтическую и музыкальную стилистику песен о восстании „Алдан Маадыр“» [Тирон 2017: 55].

3. Социально-экономические причины восстания «шестидесяти богатырей»

Впервые в тувиноведческой исторической науке книга, посвященная рассматриваемому восстанию, под названием «Восстание шестидесяти богатырей» была написана тувинским историком Ю. Л. Аранчыном на тувинском языке [Аранчын 1985]. В ней он вкратце описал историю тувинского народа с древнейших времен и до антиманьчжурского восстания 1883–1885 гг., представил материалы о немаловажной роли участия добровольцев из Тувы в освобождении в 1912 г. города-крепости Ховд в Западной Монголии от маньчжурской администрации. Книга была переиздана [Аранчын 2011].

Причиной антиманьчжурского восстания 1883–1885 гг., названного в советское время восстанием «шестидесяти богатырей» [Аранчын 2011: 68–78, 79–86], явилось то, что многие тувинские чиновники и правители разных рангов, одержимые жадностью, алчностью, ради обогащения и удержания власти отбирали из числа своих поданных самых нищих зависимых людей — крепких молодых людей — и заставляли их воровать скот на территории Западной Монголии. Подстрекатели обеспечивали парней лошадьми, едой, одеждой, снабжали конским снаряжением, отправляли их на грабеж и воровство, далее сами наживались на присвоении и перепродаже угнанного скота [Дулов 1956: 287–288; Катанов 2007: 543].

Угон скота был издревле известен у многих кочевых народов Центральной Азии. В частности российский ученый-археолог В. А. Кисель отмечает, что традиция набега к соседям за добычей была хорошо известна древним кочевникам еще со времен скифов [Кисель 2018: 4]. Автор, опираясь на обширный источниковедческий материал, подробно описал исторические истоки и социально-экономические причины данного явления, обыкновенно называемого скотокрадством [Кисель 2018: 153–161].

Как пишет В. А. Кисель, «похищение крупного рогатого скота — типичное занятие мужчин в традиционной культуре тувинцев. Таких похитителей называли кайга-

лами, то есть удальцами или смельчаками. Обычно скотокрадством занимались молодые неженатые мужчины» [Кисель 2018: 154].

Исследователи Тувы конца XVIII – начала XX в. неоднократно отмечали редкое умение и профессиональные навыки кайгалов. «Кайгалы действовали на свой страх и риск, не ставя в известность ни глав кланов, ни старейшин. Их набеги совершались на соседние народы, недружественные тувинские родоплеменные группы, а также на выделившихся исключительным богатством соплеменников. Скотокрады редко прибегали к открытой агрессии с человеческими жертвами» [Кисель 2018: 155].

Как полагает автор, «главным устремлением кайгалов было усиление личного авторитета. По этой причине они обычно раздавали добытый скот бедным соплеменникам. Кража крупного рогатого скота у большинства тувинцев не считалась кражей, а воспринималась как перераспределение накопленной собственности. Образ кайгала сформировался в виде романтического защитника бедных. Затем в ходе революционных преобразований он превратился в борца против феодальной системы и маньчжурских завоевателей» [Кисель 2018: 153].

Ю. Л. Аранчын, тщательно изучив содержание различных устных рассказов, воспоминаний очевидцев событий и родственников участников событий восстания 1883–1885 гг., проверив и сопоставив с данными архивных документов на русском, тувинском и монгольском языках (включая архивные документы в городах Сибири и национальных архивов Республики Тыва и Монголии, выстроив всю хронологию событий, восстановил подлинную картину тех исторических событий и указал причины и цели вооруженного восстания 1883–1885 гг. Ученый установил имена всех «шестидесяти беглецов» (всего в списке Ю. Л. Аранчына значатся 68 имен, представители почти всех тувинских родо-племенных групп), как их тогда называли, и дал свою оценку, что так называемые «шестидесять беглецов» — это не «воры-скотокрады», хотя предвестником событий послужили угоны скота бога-

чей из Западной Монголии, а первые тувинские патриоты, поднявшиеся против тирании внутренних эксплуататоров и внешних оккупантов [Аранчын 2011: 9–12, 79–105].

Следом за ним о патриотическом содержании движения «шестидесяти беглецов» высказался и монгольский ученый, академик С. Чулуун: «восстание „шестидесяти богатырей“ стало одним из первых событий, всколыхнувших народные массы не только в Туве, Монголии, но и в самом сердце империи Цин — Китае» [Чулуун 2013]. Восстание «шестидесяти богатырей» стало хоть и хрупким, но одним из ранних предвестников скорого разложения и падения цинской администрации. Хотя, как известно, за 100 лет до событий «шестидесяти богатырей» и в середине XVIII в. вспыхивали народные восстания под руководством ойратского князя Амарсаны и хотогойтского князя Чингунжава против экспансии Цинской империи [Чимитдоржиев 2002: 101–127; Донгак 2022: 5–14].

В 2023 г. в Туве состоялась международная конференция, посвященная 140-летию «восстания шестидесяти героев», с участием монгольских историков, в докладе которых, основанном на источниках на маньчжурском языке, был также применен новый научный подход к этой теме: народное восстание тувинских аратов — одно из звеньев общемонгольского национально-освободительного движения [Сухбаатар 2023].

4. Тува в период господства Цинской империи (вторая половина XVIII – начало XX в.)

С падением Джунгарского ханства во второй половине 1750-х гг. в результате захвата его маньчжурами территория и население Тувы оказались присоединенными к территории Цинской империи [История Тувы 2014: 216]. Захватив территорию Тувы, маньчжурский император установил новое административно-территориальное деление, согласно которому самые густонаселенные части Тувы были разделены на Даа и Бээзи *кожууны*¹ (*хошуны*) [Аранчын

¹ *Кожуун* — исторически *хошун* (район), в современной Туве *кожуун* — административная единица, равная району (раньше во време-

2011: 42]. Общеизвестно, что управление Монголией, равно как и Танну-Урянхайскими землями, осуществлялось специальным министерством — так называемой «Палатой внешних сношений». Высшим представителем власти у царствовавшей маньчжурской династии был наместник императора — цзянь-цзюнь (чанчын¹), ставка которого была в Улясутае (ныне административный центр Завхан аймака современной Монголии).

Однако с установлением своего господства в Туве цинские власти наложили строгий запрет китайским и монгольским торговцам на ведение торговли в Туве, чтобы обеспечить себе монопольное право выкачивать из тувинцев продукцию их труда. «Категорически запрещая монгольским и китайским купцам торговать с тувинцами, цинское правительство преследовало цель, чтобы особенно ценный продукт — тувинская пушнина, получаемая цинами в виде албана², поступала только к маньчжурскому императору» [Маннай-оол 2004: 137]. Албан маньчжурскому императору обязывал вносить за один раз до 9 тыс. штук соболиных шкур. Поскольку собрать это было очень сложно, тувинские араты вынуждены были взамен соболей также сдавать шкуры ирбиша (снежного барса), рыси, выдры, волка, росомахи, лисы, белки и т. п. Так, например, 40 беличьих шкур равнялись одной шкурке соболя среднего размера. Ирбиш, рысь, выдра соответственно равнялись трем соболям. Волк, рысь, росомаха были равны половине шкурки соболя [Аранчын 1985: 25].

Во второй половине XIX в. тувинские кочевники, находясь под тройным гнетом — маньчжуро-цинской администрации, их монгольских феодалов-наместников и тувинских владетельных князей, а также в тисках грабительски-кредиторской кабалы русских купцов, оказались в самых невы- на Цинской империи хошун — это значительно большая территория, равная нескольким областям в современной России), административное деление, введенное в период Цинской империи [TPC 1968: 245].

¹ Чанчын, монг. *жанжун* — наместник маньчжурского императора на захваченных территориях, генерал-губернатор.

² Албан — дань; повинность.

носимых условиях жизни и были доведены до отчаяния. В этот исторический период в Туве сложилась взрывоопасная общеполитическая и социально-экономическая ситуация, и, таким образом, были созданы предпосылки для возникновения в 1883–1885 гг. очагов движения сопротивления тувинских аратов, получившего первоначальное название «дело шестидесяти беглецов», поскольку тогда их называли «беглецами-ворами».

Зима 1885 г. выдалась необычайно суровой и снежной, вследствие чего был большой падеж скота, и среди народа начался голод. Кредиторы — русские купцы — при продажной позиции местных властей начали беспощадно преследовать и заставлять платить по счетам и так до нитки обобранных и обнищавших, голодных людей и даже покупали их самих в рабство [Аранчын 2003: 15–19]. Такое положение дела стало почти массовым не только в западной части Тувы — на Хемчике, но и в других местностях. В этих условиях араты делали неоднократные попытки не соглашаться с таким положением дел и пытались донести свое мнение до местных чиновников и правителей, пытаясь найти у них защиту и покровительство по отсрочке выплаты долгов [Аранчын 2011: 59–70].

5. Вооруженное восстание 1883–1885 гг. в фольклоре и литературе тувинцев

Тексты различных фольклорных жанров о «шестидесяти богатырях» можно сгруппировать следующим образом: 1) песни, сочиненные самими повстанцами (поскольку повстанцы — авторы песен были носителями народных поэтических традиций, эти образцы фольклора сочинены в рамках традиции — аллитерация начальных строк с синтаксическим параллелизмом); 2) поговорки, пословицы, образные выражения — образцы малых жанров народной афористической поэзии, появившиеся уже в более позднее время, после казни участников восстания. В содержании поздних образцов поговорок и пословиц появляются социальные мотивы, выражающие чувство гнева и ненависти к угнетателям.

Художественную трактовку событий 1883–1885 гг., содержание и смысл национально-освободительной борьбы простых аратов впервые в тувинской литературе осветил Народный писатель Тувы, драматург В. Ш. Кок-оол, написав героическую пьесу «Самбажык», в которой он художественно достоверно описал собирательные образы «шестидесяти богатырей» — в большей части молодых людей в возрасте от 20 до 50 лет. Пьеса, безусловно, написана в контексте народной памяти — свидетельств, воспоминаний близких, детей и родственников мучеников [Кок-оол 1966: 56–111].

Содержание фольклорных текстов со временем подвергались изменениям: если первоначально песни были пронизаны отвагой и оптимизмом, выражающими мечты и чаяния о свободной от угнетателей и богатей благополучной и счастливой жизни, то более поздние варианты различных жанров фольклора (песни, поговорки и пословицы и устные рассказы), авторами которых были уже другие люди (свидетели, родственники, сочувствующие), были проникнуты чувством скорби, печали и трагизма в связи с подавлением восстания и гибелью героев.

Весной и летом 1884 г., когда начались массовые поимки и репрессии, повстанцы-«скотокрады», будучи в бегах от властей и маньчжуро-цинских и монгольских солдат, довольно длительное время укрываясь в лесах и горах, стали сочинять песни и поговорки о цели своего движения и о своей судьбе. Впервые эти песенные образцы были тематически сгруппированы исследователем тувинской музыки А. Н. Аксеновым как песни о восстании «шестидесяти богатырей» среди прочих тувинских народных песен. Так, в его книге «Тувинская народная музыка» были напечатаны три песни: «Буура», «Алды баштыг Кара-Даг» («Шестиглавый Кара-Даг»), «Туттурбайн чорза-чорза» («Я ходил, не сдаваясь врагу») [Аксенов 1964: 125–127].

В целом эти вышеназванные образцы можно отнести к жанру народных песен и классифицировать как песни *исторические*, возникшие именно в тот период, когда про-

исходили непосредственно события вооруженного восстания против угнетателей, а именно в 1883–1885 гг. В содержании этих песен также упоминаются имена реальных людей, в частности таких представителей власти, как Торлук мээрен, Сенги чангы, Амбын-ноян, Эжен-хаан (император Цинской империи), удалцов по имени Самбажык, Сарыг-Самдан, Ээрен-Хоо, Хуртей и т. д. В свое время один из основателей тувинской художественной литературы, Народный писатель Тувы С. Б. Пюрбю дал такое определение народным песням: «в тувинском народном творчестве народные песни (*ыр*)¹ и *кожамыки* (*кожаңнар* ‘припевки’) занимают одно из видных мест. Народная песня — это полноценное стихотворное сочинение, исполняемое под музыку, с одной стороны, это поэтическое произведение, а с другой — музыкальное произведение» [Пюрбю 1976: 81]. Внутрижанровое различие между песней и *кожамыками* А. Н. Аксенов объяснил таким образом: «*ырлар* — в дословном переводе „песни“, в более узком значении — медленные песни лирического характера, и *кожамык* — в дословном переводе — „присоединяемые“ в значении жанрового названия — быстрые песни лирического и шуточного характера, исполняемые по очереди двумя певцами, соревнующимися в подборе и импровизации текстов (как в народных русских припевках и частушках)» [Аксенов 1964: 11].

По жанровым признакам вышеотмеченные А. Н. Аксеновым три образца песен из цикла, посвященного шестидесяти богатырям, можно определить именно как подлинные народные песни, поскольку они сочинены в рамках традиции, и в композиции этих песен ярко выражены традиционные художественно-стилистические приемы (подчинение обязательной начальной аллитерации и параллелизму строк). По замечанию С. Б. Пюрбю, «в тувинском фольклоре бытовало немало исторических песен, связанных с реальными личностями и историческими событиями. Среди них главное место занимают песни о шестидесяти богатырях, в содержании которых описываются

¹ Курсив наш. — Е. А., А. Д., А. М.

от начала до конца события их вооруженного восстания, направленные на внешних завоевателей» [Пюрбю 1976: 88]. Содержание песен ясно показывает, что их авторы и есть непосредственно участники восстания. В этих песнях они говорят о своей жизни и

*Алган эвес, албаан-на бис,
Алган диртин чору-ла бис.
Алган диртин чорза-чорза,
Алган аттыг апардывыс.*

[Пюрбю 1976: 88]

Содержание четверостишия ясно показывает в чем корень конфликта между феодалами и простыми аратами, в дальнейшем переросшего в вооруженное восстание.

Тувинским ученым Г. Н. Курбатским проведен фольклорно-культурологический анализ событий 1883–1885 гг. [Курбатский 2001: 245–262].

Как отмечалось выше, социальное явление под названием *кайгалдаар*¹ ('воровать, угонять скот') широко бытовало у тувинцев с древности до современности. Таких людей тувинцы называли *кайгал*² — удалец (у монголов же называют *сайн эр* 'букв. хороший мужчина').

Участниками восстания были в основном бедные молодые парни, на которых действовали лживые уговоры их хозяев, обещавших, что, пригнав скот, они смогут разбогатеть и расплатиться с долгами, внести *албан* императору. К этим «удальцам» иногда примыкали простые араты, доведенные до отчаяния под тяжестью долгов и податей. Когда *кайгалы* пригоняли табуны лошадей, то при их дележе хозяева, обеспечивавшие угон хорошими конями, провиантом, весь пригнанный скот присваивали себе, оставляя «удальцов» опять без ничего. Но когда от монгольских князей стали поступать жалобы на «угонщиков скота» маньчжурскому императору (в архивах Тувы и Монголии сохранилось много документов цинского периода на монгольском, маньчжурском языках об этом явлении. — Е. А., А. Д., А. М.), то тот

¹ *Кайгалдаар* 'жульничать, воровать' [ТРС 1968: 219].

² *Кайгал* — 1) удалой, лихой, смелый; боевой // удалец, лихач, смельчак; удалой, лихой, смелый; боевой // удалец, лихач, смельчак [ТРС 1968: 219].

нелегкой судьбе, которую они избрали, несмотря на неравное положение с властями. Они знали, что силы их неравны и у них нет шансов на победу, и все участники, не колеблясь, все равно пошли на путь вооруженного сопротивления:

Не брали, не воровали мы,
Своровали, говорят про нас.
Воровали, говоря, обвиняли, обвиняли,
«Взяли» про нас сказали.

(перевод: А. С. Донгак).

издал указ своим монгольским наместникам об поимке и жестком наказании, а те в свою очередь перепоручили расследование местным тувинским правителям [НА РТ. Ф. 115. Оп. 1. Д. 90. Л. 97–98]. Так, верховный правитель Тувы амбын-нойон Олзей-Очур организовал карательный отряд, который путем долгого выслеживания постепенно арестовал и разгромил повстанческие силы. И если кто из «воров», что занимался этим опасным «ремеслом», попадал в руки властей, то их наказывали самым жестоким образом, применяя к ним так называемые *тос эрии* 'девять видов пыток' [Аранчын 2011: 101–105], многим из них отрубали головы. Феодалы-подстрекатели всегда выходили «сухими из воды», поскольку «удальцы» даже под самыми страшными пытками не выдавали своих хозяев, думая о членах своих семей. Хозяева же, наоборот, охотно выдавали имена своих поданных-воров властям [Аранчын 2011: 102].

Так постепенно появились первые антифеодальные мотивы в движении «удальцов», которые не соглашались с обвинениями в воровстве. В 1879–1881 гг. в среде «воров» стали появляться те, кто не стал соглашаться с таким положением дел и начал, в отместку местным властям, совершать набеги на стойбища своих хозяев-феодалов. Были даже зафиксированы случаи нападения на обозы с податью, которую везли в Улясутай для цинского императора, а затем награбленное раздавали беднякам. Сами же «удальцы», спасаясь от расправы, стали группами уходить в леса и горы. Постепенно количество так называемых «воров-удальцов», восставших с оружием в руках и пря-

чущихся от властей, стало увеличиваться и охватило территории Даа и Бээзи хошунов, поскольку к ним стали примыкать и те бедняки, которые решили не соглашаться с социальной несправедливостью. В народе это движение было названо «Алдан Дургун» —

*Айттарыңар эзертеңер,
Аргамчыңар дергиленер,
Алды баштыг Кара-Дагже
Алдырбайн бараалыңар!*

*Оорарган Оргу-Шөлге
Оңгу кылып алытылыңар,
Алды баштыг Кара-Дагга
Амыр-шөлээн чурттаалыңар!*

[Тувинские 2015: 254]

тив русского купца Сватикова в Западной Туве в 1878 г. Исследователи отмечали, что движение недовольства тувинских аратов действиями русских купцов в 1876–1878 гг. было частью их борьбы против и своих местных правителей [Аранчын 2003: 15]. Со временем их стали называть «Алдан Маадыр» — «60 богатырей / героев»

К 20-летию образования Тувинской Народной Республики (ТНР) вышел Указ Президиума Малого Хурала ТНР о признании «тех 60 человек, которые подняли восстание в 1883 г. в Хемчике против внутренних и внешних угнетателей, называть не „удальцами-беглецами“, а „шестьюдесятью богатырями“ и установить в тех местностях, где они пребывали, памятные знаки, и Государственный музей ТНР назвать именем „Шестидесяти богатырей“» [Аранчын 2011: 6–7]. Так удальцов-скотокрадов причислили к борцам с классовыми врагами и маньчжуро-цинскими оккупантами.

В разгар движения, в 1883–1885 гг., «беглецов» больше всего заботила судьба близких — жен, детей и других членов семьи, поскольку власти направляли директивы своим приспешникам-солдатам о конфискации скота, лишении всего имущества семей участников восстания, о мерах их физического наказания, включая детей, родителей. Например, устные рассказы очевидцев событий дошли до наших дней и свидетельствуют о том, что были указания «сыновьям участников восстания выколоть глаза, а

«60 беглецов» [Дулов 1956: 287–302; История Тувы 2014: 299–304]. В это время стали появляться песни-призывы, которые характеризуют дальнейшее развитие конфликта:

Одним из толчков народного недовольства стало выступление аратских масс про-

Лошадей своих седлайте,
Арканы свои приторочьте,
На шестиглавый Кара-Даг
Убежим-ка, спрячемся!

На простирающемся Оргу-Шоле
Укрытие-заслон сделаем,
На шести седловинах Кара-Дага
Спокойно-свободно заживем-ка!

(перевод: З. К. Кыргыз).

дочерям выломать ноги» и т. п. [Аранчын 2011: 98].

Так, в пьесе В. Кок-оола «Самбажык» жена одного из персонажей, арата Оппукая, обвиненного в воровстве, была схвачена властями и подвергнута *тос эрии*¹, а его самого заковали в *кинчи*² [Кок-оол 1966: 111].

В частности народная молва свидетельствует о том, что «удальцов» по имени Сарыг-Самдан и Ээрен-Хоо (позже их товарищи сочинили песню о них) из местности Чыргакаы их же хозяева выдали властям, а затем казнили, отрубив им руки и ноги. Жестокость властей по отношению к «удальцам» не знала границ. Так, если беглецы попадали в руки властей, то зимой их запирали в юрте, затем их руки и ноги протаскивали через дыры в стене юрты наружу и привязывали, чтобы эти конечности замерзли в сильный мороз, а затем отрубали их. Иногда мелко крошили шерсть и волосы конского хвоста и капали обвиняемым «удальцам» в глаза и так ослепляли [Аранчын 2011: 102].

6. Песни, которые сочиняли участники событий «шестидесяти беглецов»

Из цикла песен, посвященных «шестидесяти богатырям», самой популярной является песня «Алды баштыг Кара-Даг»

¹ *Тос эрии* — девять видов пыток, система физического наказания, применявшаяся в Цинской империи.

² *Кинчи* — прям. и перен. ‘оковы, кандалы, цепи’ [ТРС 1968: 241].

(«Кара-Даг¹ с шестью вершинами-головами»), которую сочинили и пели, по нашему мнению, сами повстанцы. Главный персонаж песни — гора Кара-Даг, одна из седловин горной гряды Западные Саяны, образ которой был поэтизирован. Это место — полевой лагерь повстанцев, где они скрывались от преследователей и цинских солдат-карателей, посланных властями. Гора Кара-Даг — не только географиче-

ский объект, гора в фольклорном тексте выступает также как символ родины — тувинской земли, в которой угнетенные и доведенные до физического и морального истощения молодые люди мечтают о своем собственном *аале*-очаге, где бы они жили свободной, счастливой и сытной жизнью. Впервые эта песня была напечатана в книге А. Н. Аксенова «Тувинская народная музыка»:

*Алды баштыг Кара-Дагны,
Аал кылып алылынар.
Алызында барып-барып,
Амыр-шөлээн чуртталыңар.*

*Чеди баштыг Кара-Дагга,
Четтирбейн баргай-ла бис.
Адыр-Баштыг Кара-Дагга,
Алдырбайн баргай-ла бис.*

*Оргу шөлдүг Кара-Дагны,
Оңгу кылып алылыңар,
Опчак, хоптак Сенгинчикти,
Ол-ла черге даяладыл.*

*Каипак-кадыр Кара-Дагны,
Хаан кылып алылынар.
Оорарган Оргу-Шөлдү,
Олбук кылып алылыңар.*

[Аксенов 1964: 126]

Шестиголовую гору Кара-Даг
*Аалом*² своим сделаем,
В будущем в конце концов
Мирно, свободно будем жить.

На семиглавом Кара-Даге
Не будем достигнуты.
На многоглавом Кара-Даге
Не дадимся врагу.

Кара-Даг с Оргу-Шодем
Окопом сделаем.
Шального, жадного Сенгинчика³
На месте уложим.

Отвесной Кара-Даг с ущельями
Нарами сделаем.
Возвышенную долину Оргу-Шоль⁴
Коврыком сделаем.

(перевод: А. Н. Аксенов).

О широкой популярности этой песни среди «удальцов» говорит тот факт, что в книге «Тувинские народные песни и обрядовая поэзия» были приведены шесть вариантов этой песни: Кара-Даг в текстах то «шестиглавый» [Тувинские 2015: 252–254 (№ 181, 189, 203, 204)], то «двуглавый» [Тувинские 2015: № 195], то «труднодоступный» [Тувинские 2015: № 196].

Как известно, в фольклорно-эпической традиции монгольских народов, как и народов Саяно-Алтая, образ гор является одним из центральных. В свое время монголовед К. Н. Яцковская отмечала, что «самый по-

стоянный характер носят локальные связи *туулей*⁵ и народных песен. У них общее место действия: Алтай и Хангай. Это — общий образ родины для эпоса и для песен. *Магтаал* — хвала Алтаю, Хангаю — традиционно звучит перед исполнением туули. Элементы художественной системы магтаала⁶ рассыпаны по народным песням. Образ мглистого Алтая, можжевелистого Хангая имеет бесконечные вариации в народных песнях» [Яцковская 1988: 56]. В целом о значении понятия горы в монгольском эпосе как о центре, святом месте, символе могущества и благодати пишет и известный российский

¹ Кара-Даг — гора; Дзун-Хемчик (территория современного кожууна Сут-Холь).

² Аал — 1) аал, селение; табор; 2) дом // домашний [ТРС 1968: 27].

³ Сенгинчик — один из мелких западнотувинских феодалов-наместников, отличившийся своей жадностью, коварством, лживостью и другими отрицательными качествами, приняв-

ший самое активное участие в поимке и жестоким наказании участников движения «кайгаловудальцов».

⁴ Оргу-Шол — долина, раскинувшаяся у подножия горы Кара-Даг в Сут-Хольском кожууне.

⁵ Тууль — монг. 'эпические сказания'.

⁶ Магтаал — монг. 'жанр обрядовой поэзии (восхваление)'.

ученый, исследователь монгольского эпоса
С. Ю. Неклюдов [Неклюдов 2019: 79].

Другой образец песни, сочиненной самими беглецами:

*Сайлыг-Хемниң суун кешпес,
Сарадактыг мыйгак болдум.
Сай-ла өөрүм арнын көрбөс
Сарыг-Самдан болу бердим*

Реку Сайлыг-Хем¹ не может переплыть,
Маралуха с детенышем я, что ли?
С друзьями не может встретиться,
Сарыг-Самдан² я, что ли?

*Элдиг-Хемниң эриин кешпес,
Эзириктиг элик болдум
Ээ-ле өөрнүң арнын көрбөс
Эрен-Хөө-ле болу бердим*

Берег [реки] Элдиг-Хем не может перепрыгнуть,
Самке косули с детенышем [подобен] я стал
Лицо товарищей многочисленных не может увидеть,
[На] Эрен-Хоо³ похож я стал.

[Аранчын 2003: 23]

(перевод: А. С. Донгак).

В этих словах вся правда и трагизм того, что повстанцы живут вдалеке от своих близких, живут, укрываясь от властей, в осадном положении в труднодоступных горно-таежных местах, что не имеют возможности увидеться с близкими. Песня также построена на параллелизме, используются приемы иносказания и сравнения: самих себя — с маралухой и косулей с детенышами, которые не могут перепрыгнуть через реку с крутым берегом-обрывом,

поскольку их новорожденные детеныши слишком малы и беспомощны; так и автор остался один и разлучен с остальными товарищами, потому что вынужден скрываться, чтобы не попасть в руки преследователей. Но в то же время звучит мотив презрения к очевидным опасностям и врагам, которые его поджидают, что видно из песни, записанной Н. Ф. Катановым у 24-летнего Дойжапа Кара-Монгуша 11 августа 1889 г. в местечке Чыргакаы:

*Дургун-даа бол, кайгал-даа бол,
Туттунчу-ла бээр-ле мен.
Дуруг-даа бол, хая-даа бол,
Туттунмайн халы бээр мен.*

Даже если я беглец и скотокрад,
Воссоединюсь я [с товарищами],
Даже если это скала или обрыв,
Прыгну я, не колеблясь, [не держась]!

[Аранчын 2003: 25]

(перевод: А. С. Донгак).

*Хары хейниң үрени-ле эртин
Кара баарым болган чувел!
Калга, дөрбет куну-ла эртин,
Чангыс аьдым болган чувел!*

Дочь чужого племени будучи,
Стала она моей единственной, любимой!
Халхасским и дорбетским жеребенком будучи,
Стал он конем моим единственным, надежным!

[Аранчын 2011: 125]

(перевод: А. С. Донгак).

Возможно, праосновой этих песен-четверостиший послужили традиционные мотивы, основанные на добрососедских с монгольскими народами человеческих взаимоотношениях (в песне прослеживается любовный мотив).

В следующем четверостишии приемом иносказания говорится о «беглецах», которые идут на «промысел». Ниже представлен фрагмент песни, записанной Н. Ф. Катановым у 50-летней женщины по имени Куулар Ток в местечке Чер-чарык 26 августа 1889 г.:

*Боо чүктээш олча тывар
Борбак кара акыларым.
Боозаарга төлүн алыр
Мойну кара хоюмну аар.*

Ружье навьючив, добычу добывающие
Братья мои смуглые, с щеками наливными,
Как осеменится, ягненком разрешается
О, овца моя с черной грудкой.

[Аранчын 2011: 127].

(перевод: А. С. Донгак).

¹ Сайлыг-Хем — река; Бай-Тайг, Дзун-Хемчик (ныне — Сут-Холь) — кожууны [ТРС 1968: 641].

² Сарыг-Самдан — один из участников восстания «шестидесяти богатырей», казненный

жестоким образом.

³ Эрен-Хоо — один из участников восстания «шестидесяти богатырей», казненный четвертованием.

После подавления восстания и жестокой казни их участников уже в среде народных масс и их родственников начали появлять-

*Туруг куду, хөлдү куду
Туттунмайн халый берзе.
Дургун кайгал Самдан-биле
Туттунчупкаш чоруй барза.*

*Хая куду, Туруг куду
Кактынмайн халый берзе,
Кайгал-биле, Самба-биле,
Каттыжыпкаш чоруй барза.*

[Тувинские 2015: 252]

Когда начались поимки, преследования, допросы и разбирательства, выявление и арест предводителей повстанцев, то начались первые потери в их среде. Тогда же

*Өвүрүнден булут үнгеш,
хадый-ла бээр, чай-ла бээр
Өртээлинден элчи келгеш,
Үзе-ле бээр, сүре-ле бээр;
Кудараан-на бодумайны
Кужур үнген Дөргүнүмнү
Кедерээн-даа бодумайны
Хендир үнген Дөргүнүмнү*

[Аранчын 2011: 128]

В этих строках параллелизм строится на иносказании и символикe явлений природы: облако, ветер и дождь выступают как традиционные символы горестных чувств, печали, неясности, безысходности дальнейшей судьбы и неотвратимости своей гибели от рук маньчжуро-цинских карателей; а название *Дөргүн* иносказательно — местность, где стоит родной *аал-юрта*, символизирует

*Човалаңныг кужур бодум,
Човап шылап чору-ла мен.
Чоорганныг кулугурлар
Удуп чыргап чыдыр-ла бе.*

ся песни, поговорки, пословицы, устные рассказы о таких героях, как Самбажык и Дажымба.

С утеса вниз, в озеро вниз
Не держась, прыгнуть бы [нам].
С беглецом, удалым Самданом
Взявшись за руки, уйти бы [нам].

Со скалы вниз, в озеро вниз
Не ударяясь, прыгнуть бы [нам].
С удалым, лихим Самбой¹
Объединившись, вместе уехать бы [нам].
(перевод: А. С. Донгак).

появились утрата силы воли, и они начали подвергаться растерянности, страху и грусти, которые отразились в следующих строках:

С Овюра², как появится облако,
то ветер подует, то дождь польет.
С *уртеля*³ как приедет погонщик,
Как начнет отделять и как начнет погонять,
Грустью охваченный, бедняга я,
Солончаком покрытый *Дөргүн*⁴ мой,
Бесшабашностью ведомый, удалец я,
Коноплей заросший *Дөргүн* мой.
(перевод: А. С. Донгак).

домашний очаг, разоренный и опустошенный сборщиками податей (забрали все, что можно было забрать, угнали и так малочисленный скот), оставленный бесхозным, куда он или они не могут больше вернуться...), потому *Дөргүн* покрылся солончаком и зарос коноплей. Ниже приводится куплет, записанный Н. Ф. Катановым в Улуг-Хеме у представителя рода *салчак* 1 мая 1889 г.):

Несчастный, бедный я,
Горесть и усталость испытываю я.
Одеяло и кров имеючи,
Спят счастливо в [постели] ведь...

¹ Возможно, речь идет о Самбажыке, одном из предводителей восстания, казненном впоследствии отсечением головы. Среди повстанцев было несколько людей с именем Самба (сокращенное от Самбажык).

² *Овюр* — монг. *өвөр тал* — юг, южная сто-

рона; совр. Овюрский кожуун Республики Тыва.
³ *Өртээл* — уст. 1) ямская станция, уртель; 2) расстояние, (перегон) 3) станция [ТРС 1968: 340].

⁴ *Дөргүн* — название местности в Дзун-Хемчикском кожууне.

*Дадай богда Таңдым өршээ!
Дадаазын дег тыным өршээ!
Уе богда Таңдым өршээ!
Удазын дег тыным өршээ!*

[Аранчын 2011: 131]

О, богда¹-владыка Танды мой, защити!
Как ниточка, хрупкую жизнь мою пощади!
О, богда-владыка Танды мой, пощади!
Словно веревочка, рвущуюся жизнь мою защити!
(перевод: А. С. Донгак).

Как говорили свидетели, когда пойманных солдатами «удальцов» везли в Монголию в город Улясутай на казнь на лошадях без седел, с завязанными за спиной руками, то многие из этих молодых ребят пели эти песни (по сути, это были песни-молитвы, так они молились окружающей природе, родной земле, прося о защите), зная, куда их везут и какие жестокие пытки им придется терпеть, пока их не убьют.

7. Выводы

По идейно-тематическому содержанию данный фольклорный материал относится к *историческому фольклору*, который сложился непосредственно во времена событий начала и середины 1880-х гг. и со временем превратился в отдельный пласт устного народного творчества тувинцев. В этих песнях самым неприглядным образом обрисовывается образ разных тувинских правителей. В частности чиновника Сенгинчика — одного из мелких тувинских чиновников-карателей, прославившихся своей жадностью, продажностью, коварством и жестокостью [Тувинские 2015: 251]. Еще одной содержательной особенностью проанализированных песен является то, что в них ярко и красиво показана природа Западной Тувы (территория Даа кожууна): реки Ишкин, Чыргака, Большой Ак, Нижний Ак, Сайлыг-Хем, Элдиг-Хем, озеро Сут-Холь, и, конечно, горы Кара-Даг и Буура, долина Оргу-Шол и т. п.

По жанровым признакам это в основном песни. Наши выводы опираются на исследование тувинского ученого З. К. Кыргыс, которая в своей книге «Тувинские народные

песни и обрядовая поэзия» привела образцы 32 песен, так или иначе касающихся темы восстания «шестидесяти богатырей», где исследователь классифицировала эти образцы как народные песни [Тувинские 2015: 249–253].

Вот какую оценку дал событиям 1883–1885 гг. известный историк Ю. Л. Аранчын: «Народ всегда бережет свою историю и он никогда не забудет наиболее значимых событий в ней и бережно передаст в виде наказа своим будущим поколениям. Такая добрая традиция называется историко-культурной мудростью или памятью...» [Аранчын 2011: 136].

В течение более чем столетие тувинский народ, помня о героизме простых тувинских аратов-скотоводов, восставших против произвола, предательства и несправедливости тувинских правителей, хищнически-захватнической политики китайско-монгольских властей и ненасытности русских купцов, сохранил в своем сердце чувство благодарности и любви за их героический вклад в национальную освободительную борьбу против тирании цино-китайских и других эксплуататоров.

Хотя в официальных документах Цинской империи говорилось о шестидесяти повстанцах, число реальных участников движения доходило до 300 человек, и в нем участвовали представители почти всех тувинских родоплеменных групп, при этом вооруженное восстание охватывало территорию и Даа (западная часть Тувы), и Бээзи (Восточная и Юго-Восточная Тува) кожуунов. В лесах и горах Тувы образовывались целые лагеря беглецов.

¹ Богда — будда; святой; аа, богда! о боже! боже мой! [ТРС 1968: 106].

Источники

- НА РТ — Национальный архив Республики Тыва.
- НА ТИГПИ — Научный архив Тувинского института гуманитарных и прикладных исследований при Правительстве Республики Тыва.
- Чулуун 2013 — Устный доклад академика Академии наук Монголии С. Чулууна на Международной конференции, посвящ. 130-летию восстания «шестидесяти богатырей» (с. Алдан-Маадыр Сут-Хольского кожууна, Республика Тыва, 22 августа 2013 г.).
- Сухбаатар 2023 — Устный доклад монгольского историка, профессора На. Сухбаатара на Международной конференции, посвящ. 140-летию восстания «шестидесяти богатырей» (с. Алдан-Маадыр Сут-Хольского кожууна Республики Тыва, 21–22 августа 2023 г.).

Литература

- Аксенов 1964 — *Аксенов А. Н.* Тувинская народная музыка. М.: Музыка, 1964. 254 с.
- Аранчын 1985 — *Аранчын Ю. Л.* Алдан-маадырларнын тура халышкыны (= Восстание шестидесяти богатырей). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1985. 106 с. (На тув. яз.).
- Аранчын 2003 — *Аранчын Ю.* Алдан-маадырлар // Улуг-Хем: литературно-худож. журнал (спец. выпуск, посвящ. 120-летию восстания шестидесяти богатырей). 2003. № 3 (37) 113. Июнь-июль. 78 с. (На тув. яз.).
- Аранчын 2011 — *Аранчын Ю. Л.* Тыва улустун-маадырлыгоруу (= Героический путь тувинского народа (исторические очерки)). Кызыл: Кооператив «Журналист», 2011. 208 с. (На тув. яз.).
- Донгак 2022 — *Донгак А. С.* Исторические предания и легенды тувинцев и устные рассказы и представления западномонгольских народов об Амарсане и Чингунжаве // *Mongolica*. 2022. Т. XXV. № 2. С. 5–14.
- Дулов 1956 — *Дулов В. И.* Социально-экономическая история Тувы. XIX – начало XX в. М.: АН СССР, 1956. 608 с.
- История Тувы 2014 — История Тувы: в 2 тт. Т. I. 2-е изд., перераб. и доп. Кызыл: Тываполиграф, 2014. 366 с.

Sources

- National Archive of the Tyva Republic.
- Tuvan Institute for Humanities and Applied Socio-economic Research (Government of the Tyva Republic), Scientific Archive.
- Chuluun S. Celebrating the 130th Anniversary of the Aldan-Maadyr Rebellion: An Oral Conference Report (August 2013, Aldan-Maadyr, Sut-Kholsky District, Republic of Tuva, Russia). (In Mong.)
- Sukhbaatar N. Celebrating the 140th Anniversary of the Aldan-Maadyr Rebellion: An Oral Conference Report (21–22 August 2023, Aldan-Maadyr, Sut-Kholsky District, Republic of Tuva, Russia). (In Mong.)

References

- Aksenov A. N. Tuvan Folk Music. Moscow: Muzyka, 1964. 254 p. (In Russ.)
- Aranchyn Yu. L. The Aldan-Maadyr Rebellion. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1985. 106 p. (In Tuv.)
- Aranchyn Yu. The Aldan-Maadyr. *Ulug-Khem*. 2003. No. 3(37)/113 (June – July). 78 p. (In Tuv.)
- Aranchyn Yu. L. The Heroic Path of Tuvans: Historical Essays. Kyzyl: Zhurnalyst, 2011. 208 p. (In Tuv.)
- Dongak A. S. Historical traditions and legends of Tuvans and narratives and ideas of the West Mongolian peoples about Amarsan and Chingunzhav. *Mongolica*. 2022. Vol. 25. No. 2. Pp. 5–14. (In Russ.) DOI: 10.25882/d8nx-zx98
- Dulov V. I. Tuva in the Nineteenth and Early Twentieth Centuries: A Socioeconomic History. Moscow: USSR Academy of Sciences, 1956. 608 p. (In Russ.)
- Vainshtein S. I., Mannay-ool M. Kh. (eds.) History of Tuva. In 2 vols. Vol. 1. Second edition, rev. & suppl. Kyzyl: Tyvapoligraf, 2014. 366 p. (In Russ.)

- Катанов 2007 — Катанов Н. Ф. Опыт исследования урянхайского языка с указанием главнейших родственных отношений его к другим языкам тюркского корня // Урянхай. Тыва дептер: антология научной и просветительской мысли о древней тувинской земле и ее насельниках, об Урянхае–Танну-Туве, урянхайцах–тувинцах, о древностях Тувы: в 7 тт. Т. 1: Древние племена Тувы и сопредельных территорий Центральной Азии (II тыс. до н. э. – конец XIX в.). М.: Слово / Slovo, 2007. С. 494–583.
- Катанов N. F. A study of Uryankhay with its relation to other Turkic languages. In: Arakchaa K. D., Shoigu K. S. (eds.) Uryankhay. Tyva Depter: Anthology. In 7 vols. Vol. 1: Ancient Tribes of Tuva and Adjacent Central Asian Territories, 2nd Millennium BCE – Late 19th Century. Moscow: Slovo / Slovo, 2007. Pp. 494–583. (In Russ.)
- Кисель 2018 — Кисель В. А. Образ кайгала в тувинской культуре (эмоциональное восприятие и политическая конъюнктура) // Kunstkamera. 2018. № 2. С. 153–161.
- Kisel V. A. The image of *kaigal* in Tuvan culture (Emotional perception and political situation). *Kunstkamera*. 2018. No. 2. Pp. 153–161. (In Russ.) DOI: 10.31250/2618-8619-2018-2-153-161
- Кок-оол 1966 — Кок-оол В. Ш. Самбажык. Пьесы. Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1966. 111 с.
- Kok-ool V. Sh. Sambazhyk. Plays. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1966. 111 p. (In Tuv.)
- Курбатский 2001 — Курбатский Г. Н. Тувинцы в своем фольклоре (историко-этнографические аспекты тувинского фольклора). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 2001. 464 с.
- Kurbatsky G. N. Tuvans in Their Folklore: Historical and Ethnographic Aspects of Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 2001. 464 p. (In Russ.)
- Маннай-оол 2004 — Маннай-оол М. Х. Тувинцы. Происхождение и формирование этноса. Новосибирск: Наука, 2004. 166 с.
- Mannay-ool M. Kh. Tuvans: Origins and Ethnogenesis. Novosibirsk: Nauka, 2004. 166 p. (In Russ.)
- Неклюдов 2019 — Неклюдов С. Ю. Фольклорный ландшафт Монголии. Эпос книжный и устный. М.: Индрик, 2019. 592 с.
- Neklyudov S. Yu. Folklore Landscapes of Mongolia: Published and Oral Epic Narratives. Moscow: Indrik, 2019. 592 p. (In Russ.)
- Образцы 1907 — Образцы народной литературы тюркских племен, изданные В. Радловым. Ч.IX: Наречия урянхайцев (сойотов), абаканских татар и карагасов: Тексты, собранные и переведенные Н.Ф. Катановым. СПб.: при Имп. акад. наук, 1907. 672 с.
- Radlov V. (ed.) Turkic Literary Narratives. Pt. 9: Uryankhay (Soyot), Abakan Tatar and Karagas. N. Katanov (coll., transl.). St. Petersburg: Imp. Academy of Sciences, 1907. 672 p. (In Russ.)
- Пюрбю 1976 — Пюрбю С. Б. Ырлар (Песни) // Тыва улустуң аас-чогаалы (= Тувинское устное народное творчество). Кызыл: Тув. кн. изд-во, 1976. С. 84–99. (На тув. яз.)
- Puurbyu S. B. Songs. In: Tuvan Folklore. Kyzyl: Tuva Book Publ., 1976. Pp. 84–99. (In Tuv.)
- Тирон 2017 — Тирон Е. Л. Историческая память о восстании «Алдан Маадыр» в песенном фольклоре тувинцев // Сибирский филологический журнал. 2017. № 4. С. 51–57.
- Tiron E. L. Historical memory of the uprising “Aldan Maadyr” in the Tuvan folk song. *Siberian Journal of Philology*. 2017. No. 4. Pp. 51–57. (In Russ.) DOI: 10.17223/18137083/61/5
- ТРС 1968 — Тувинско-русский словарь / под ред. Э. Р. Тенишева. М.: Советская энциклопедия, 1968. 647 с.
- Tenishev E. R. (ed.) Tuvan-Russian Dictionary. Moscow: Sovetskaya Entsiklopediya, 1968. 647 p. (In Russ.)
- Тувинские 2015 — Тувинские народные песни и обрядовая поэзия / сост. З. К. Кыргыс. Кызыл: МНЦ «Хоомей», Изд. дом «Сибирская горница», 2015. 432 с.
- Kyrgys Z. K. (comp.) Tuvan Folk Songs and Ritual Poetry. Kyzyl: Khoomey, Sibirskaaya Gornitsa, 2015. 432 p. (In Russ.)
- Чимитдоржиев 2002 — Чимитдоржиев Ш. Б. Национально-освободительное движение монгольского народа в XVII–XVIII вв. Улан-Удэ: БНЦ СО РАН, 2002. 216 с.
- Chimitdorzhiev Sh. B. National Liberation Movement of Mongols, Seventeenth–Eighteenth Centuries. Ulan-Ude: Buryat Scientific Center (SB RAS), 2002. 216 p. (In Russ.)
- Яцковская 1988 — Яцковская К. Н. Народные песни монголов. М.: Наука, 1988. 247 с.
- Yatskovskaya K. N. Mongolian Folk Songs. Moscow: Nauka, 1988. 247 p. (In Russ.)

НАУЧНЫЙ ЖУРНАЛ

ORIENTAL STUDIES

2024. Т. 17. № 5

Главный редактор – Куканова В. В.

Дата выхода: 25.12.2024.

Формат бумаги 60x84¹/₈. Усл. печ. л. 27,9.

Тираж 100 экз. Заказ 32-2024.

Подписной индекс 10236. Цена свободная.

Учредитель:

Федеральное государственное бюджетное учреждение науки
«Калмыцкий научный центр Российской академии наук»
(Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8)

Адрес редакции, издателя, типографии:
Российская Федерация, Республика Калмыкия,
358000, г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8,
Тел. +7(84722) 3-55-06

E-mail: vestnik.kigiran@gmail.com
сайт: <https://kigiran.elpub.ru/jour>

Отпечатано в КалмНЦ РАН:
Республика Калмыкия, 358000 г. Элиста, ул. им. И. К. Илишкина, д. 8